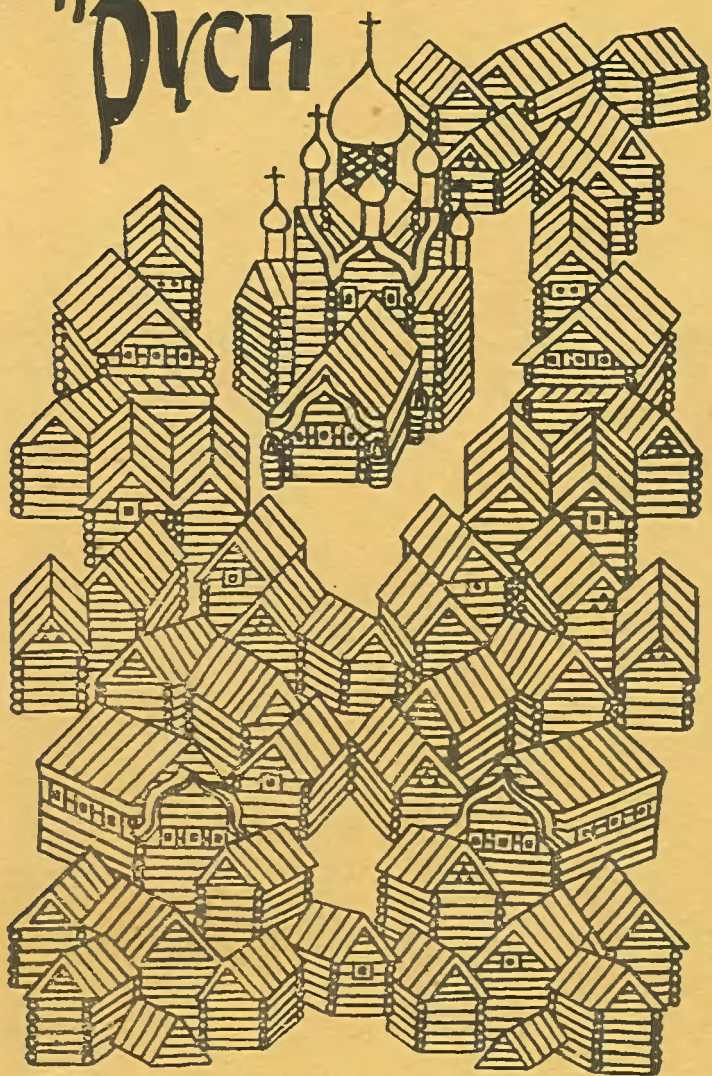

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

И.Я. ФРОЯНОВ
А.Ю. ДВОРНИЧЕНКО

Города- государства Древней Руси

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

И. Я. ФРОЯНОВ А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО

Города- государства Древней Руси

Ленинград
Издательство Ленинградского университета
1988

ББК 63.3(2)41

Ф91

Рецензенты: д-р ист. наук Ю. Г. Алексеев (ЛОИИ СССР);
д-р ист. наук И. В. Дубов (Ленингр. ун-т).

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко

Ф91 Города-государства Древней Руси. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. — 269 с.
ISBN 5—288—00115—4

Монография посвящена актуальной проблеме формирования городов-государств в Древней Руси. В ней рассматриваются вопросы, связанные с историей возникновения русских городов и их социально-политической ролью во второй половине IX—X вв. Основное внимание уделено исследованию развития городов-государств на Руси в XI—начале XIII вв. В центре исследования находится история городских общин, приобретение ими государственного характера.

Книга предназначена для историков, а также читателей, интересующихся историей нашей страны.

Ф $\frac{0505010000-036}{076(02)-88}$ 126—88

ББК 63.3(2)41

ISBN 5—288—00115—4

© Издательство
Ленинградского
университета,
1988 г.

Предисловие

Изданием данной монографии авторы завершают в основном свое изучение проблемы города-государства в Древней Руси. Первые результаты этого изучения были опубликованы в книге «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории», в которой предпринималась попытка общей характеристики города-государства на Руси XI—XII вв., выявлены методологические, историко-социологические и историографические предпосылки постановки вопроса о городах-государствах в Киевской Руси, подчеркивалось, что названная политическая надстройка возникает в условиях переходного периода от доклассовой формации к классовой (рабовладельческой или феодальной).¹

Следующий шаг в изучении темы сделан при рассмотрении истории городской общины Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв.² На примере Полоцкой и Смоленской волостных общин было показано возникновение и развитие города-государства в этом регионе. В итоге появление городов-государств в доклассовых переходных социальных структурах нашло новое подтверждение. Вместе с тем стало ясно, что феодализм несовместим с этой разновидностью государственного строительства. По мере роста феодальных отношений в Смоленской и Полоцкой землях, наблюдаемого в XIV—XV вв., разрушалось единство города и тянувших к нему сельских поселений. В конечном счете феодализм поглотил село, а город, претерпев метаморфозы, превратился из правящего в самоуправляющийся, замкнувшись на Магдебургском праве.

В коллективном труде «Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство» представлены итоги

¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 216—243.

² Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1983.

следующего этапа исследования городов-государств на Руси XI—XII вв., в частности в Новгородской, Полоцкой, Смоленской и Киевской землях.³ Выявлено принципиальное сходство эволюции государственной организации во всех упомянутых волостях. Анализ соответствующего материала, относящегося к античной Греции и Византии, позволил определить типологические черты и установить синхростадиальные моменты в истории Древней Греции и Киевской Руси.⁴ Таким образом, была продемонстрирована важность и актуальность изучения проблемы города-государства в русской истории. И вот теперь мы обращаемся к исследованию городов-государств в целом на Руси XI—начала XIII столетий.

Его начало посвящено историографии вопроса, а также рассмотрению причин возникновения городов у восточных славян и социально-политической их роли на ранней ступени развития городской жизни — на протяжении IX—X вв.

Формирование городов-государств последующего времени прослеживается по географическим районам: Руси Южной, Юго-Западной, Северо-Западной и Северо-Восточной. В сферу изучения включены практически все наиболее крупные земли-волости, т. е. Киевская, Черниговская, Переяславская, Волынская, Галицкая, Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Ростовская и Рязанская земли.

В работе использованы разнообразные источники: письменные, фольклорные, археологические, этнографические, лингвистические. Среди письменных источников главное место занимают летописи.

Надо отметить неравномерное освещение летописными источниками истории городов-государств древнерусских земель (особенно скудны сведения по Переяславской земле, явно недостаточны они по Рязани и Чернигову). Другая трудность состоит в том, что имеющиеся в нашем распоряжении источники далеко не всесторонне отражают каждый город-государство, взятый в отдельности. На новгородском, скажем, материале более рельефно выступают одни элементы города-государства, на смоленском или киевском — другие и т. п. Поэтому источники, касающиеся истории земель-волостей, живущих, казалось бы, самостоятельной жизнью, дополняют друг друга, позволяя видеть то, что невозможно было бы увидеть, оставаясь в рамках локального материала. Вот почему наши представления о городе-государстве в Древней Руси, его типичных свойствах и чертах выработаны с учетом наблюдений и выводов, сделанных при изучении процессов складывания

³ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси//Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство/Под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л., 1986.

⁴ Там же.

городов-государств на всем пространстве Руси XI—начала XIII вв. Такая методика обусловлена общностью исторических судеб древнерусских земель-волостей в домонгольский период отечественной истории, установленной нами в ходе исследования.

Есть еще один источниковедческий аспект, о котором следует сказать особо. Речь идет о летописях. Обращение к ним таит большую опасность для ученого, если он не проявит критического отношения к этому разряду памятников прошлого. При поверхностном прочтении летописей возникает впечатление, что древнерусскую историю творили знатные люди: князья, бояре, сановники церкви. Именно их деятельности посвящают свои рассказы летописцы. Отсюда у некоторых историков преувеличенное представление об исторической роли древнерусской знати. Согласно В. Т. Пашуто, князья и бояре собираются на съезды («снимы»), где в узком кругу феодалов обсуждают вопросы «основного законодательства, распределения земель, войны и мира». Так, о встрече 1097 г. князей в Любече он пишет: «Съезд 1097 г. в Любече, имея в виду „строение мира“, решал вопрос о разделе страны на отчины и, видимо, о разделе коренного домена — собственно „Русской земли“ (Киев, Чернигов, Переяславль) — с обязательством получающих части в ней блюсти ее всем „за один“. Этот съезд принял решения, определившие судьбы Киева на несколько столетий».⁵ Получается так, что князья выступают какими-то всемогущими политиками, чьим мановением страна делится на отчины, предопределяется вековая будущность крупнейших городов Руси.

Аналогичным образом рассуждает В. А. Кучкин, наблюдавший за формированием государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. Он полагает, что «при Юрии Долгоруком начинают фиксироваться государственные границы Ростово-Суздальского княжества. Ранее, когда Ростовская земля зависела от Южной Руси, установление твердых границ не имело смысла. Мономах, например, держал Новгород, Смоленск и Ростов своими сыновьями, поэтому четкое размежевание принадлежавших этим центрам земель не было необходимо для верховной власти. Но когда князья... из лиц, заведовавших частями общего целого, становились государями „полных, особых владений“, вопрос о границах их княжеств вставал со всей остротой. Одна из основных функций феодального государства — расширение своей территории — осуществлялась в таких условиях вполне последовательно и определенно. Следствием междукняжеских столкновений явились фиксация

⁵ Пашуто В. Т. Общественно-политический строй Древнерусского государства//Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 21.

и укрепление границ».⁶ Стало быть, учреждение границ между землями Древней Руси — дело рук князей, озабоченных сохранностью своих владений.

Крайним выражением обозначенной историографической тенденции являются взгляды Б. А. Рыбакова. Древнерусские князья представляются ему оторванными от реальной жизни, создающими политические ситуации, идущие вразлад с интересами общества. Например, по поводу княжеского съезда 1097 г. в Любече он пишет: «На Любечском съезде был провозглашен принцип династического разделения Русской земли между различными княжескими ветвями при соблюдении ее единства перед лицом внешней опасности... Но все это было основано не на реальных интересах отдельных земель, не на действительном соотношении сил. Князья, глядя на Русь как бы с птичьего полета, делили ее на куски, сообразуясь со случайными границами владений сыновей Ярослава».⁷ Князья, по Б. А. Рыбакову, действуют сами по себе, увлеченные взаимной борьбой и счетами. Историк даже противопоставил князей боярству как реакционную силу прогрессивной.⁸ Князьё разоряло свои вотчины, чувствуя себя в них временным хозяином, стремилось «как можно больше взять с крестьян и с бояр». Вот почему «княжеские тиуны и рядовичи были страшны не только крестьянам-общинникам, но и боярам, вотчина которых состояла из таких же крестьянских хозяйств».⁹ Лишив русских князей XI—XII вв. социальной почвы, автор противопоставил их древнерусскому обществу. С этим вряд ли можно согласиться.

За внешней каймой летописных рассказов, за поведением древнерусской знати вообще и князей в частности мы старались выявить глубинные течения общественной жизни. Этот принцип был распространен нами на все сферы деятельности социальной верхушки, включая и межкняжеские отношения. При таком подходе борьба князей между собой или боярских партий перестает быть борьбой лишь внутри правящего сословия, становясь в определенной мере отражением внутриобщинных и межобщинных, внутриволостных и межволостных столкновений.

В плане источниковедческом это означает прежде всего более глубокое проникновение в смысл описываемых летописцами событий, открытие новых граней в летописных повествованиях, давно, казалось бы, полностью исследованных, в ко-

⁶ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 76.

⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 449.

⁸ Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 43.

⁹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 429.

нечном счете — увеличение информации, извлекаемой современным ученым из летописей.

В центре нашего исследования находятся общины главных городов Руси XI — начала XIII вв., процесс приобретения ими правящих функций. Познание этого процесса имеет для нас принципиальное значение, ибо позволяет найти истоки творчества народных масс, создававших государственное здание Древней Руси.

Советские историки часто говорят о народе — творце истории, но творческий вклад его ограничивают преимущественно созданием материальных ценностей, обеспечивающих обществу продвижение вперед. Что касается творческой роли народных масс в политической сфере, то ее замечают в моменты крупных потрясений, внутренних или внешних, когда «народ решает свою судьбу, проявляя максимальное напряжение сил».¹⁰

Нам кажется, что дальнейшее развитие исторической науки, занятой изучением Древней Руси, требует обращения к исследованию политической активности и творчества масс не столько «в моменты крупных потрясений» (многое в этом плане уже сделано), сколько в обычные времена, ничем на первый взгляд не примечательные, но заполненные повседневной и многотрудной исторической работой.

Данная книга — всего лишь скромная попытка частичного решения этой важной и актуальной научной задачи.

¹⁰ Там же. С. 430.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Изучение древнерусского города в связи с проблемой государства измеряется не одним десятилетием. Еще И. Д. Беляев, стремясь воссоздать картину жизни восточных славян в XI—XII вв., писал: «Любой край в Руской земле непременно имел в себе главный город, от которого большею частью получал и свое название, и в каждом краю от главного города зависели тамошние пригороды, т. е. или колонии главного города, или города, построенные на земле, тянувшей к старому городу».¹ По словам ученого, «целый край, тянувший к своему городу, и при власти княжеской управлялся вечем старого города, от которого веча зависели и пригороды». И. Д. Беляев, следовательно, подчеркивал государственный характер городских образований на Руси. Отмечал он также их общинную природу: «Городами тогда назывались те главные крупные общины, к которым тянули мелкие общины».²

Разделенной на отдельные волости (государственные организмы) представлялась Древняя Русь и В. И. Сергеевичу, рассматривавшему древнерусскую волость как самодовлеющую социально-политическую систему, замыкающую в себе главенствующий (старейший) город, пригороды и сельскую округу.³ Верховный орган волости — народное собрание-вече.

По мнению другого видного специалиста в области истории древнерусского права А. Д. Градовского, волость «состояла из города, из пригородов и волостей, тянувших к городу и пригородам. Это была цепь общин, связанных между собой иерархическими отношениями».⁴ В целом получалось, что го-

¹ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1956. Кн. 1. С. 6.

² Там же.

³ Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867. С. 23—32, 331—337.

⁴ Градовский А. Д. Собр. соч. Т. I. СПб., 1899. С. 350.

сударство «было приурочено к каждой общине; в каждой из них было свое государство».⁵

Похожую во многом картину рисовал и Н. И. Костомаров. Он считал старейшие главные города центрами земель. «Где город — там земля; где земля — там город... Земля была община, имевшая средоточие в городе...».⁶ Земли на Руси пользовались автономией и самоуправлением.⁷ Н. И. Костомаров подчеркивал, что право земли и ее верховная власть над собою высказывается повсюду в дотатарское время. Земля должна была иметь князя; без этого ее существование как земли было немыслимо. «Где земля, там вече, а где вече, там непременно будет князь: вече непременно изберет его. Земля была власть над собою; вече — выражение власти, а князь — ее орган».⁸

В том же году, что и работа Н. И. Костомарова, была опубликована статья В. Пассека, где говорилось, что в летописях под словом «город» нередко понимается «целая страна, область, со всеми ее деревнями, селами и городами, бывшими под защитой главного или стольного города, который собственно и назывался городом, а все другие, находившиеся в той области или уделе, в отношении его считались пригородами».⁹ Уже к приходу Рюрика Русь «распадалась на области, из которых каждая имела своих старейшин и свой срединный город, который со своими старейшинами господствовал над всею областью».¹⁰ Вот почему понятие города «поглощало в себе понятие целой страны. Город есть мысль, сердце, дух страны; он господин, он владыка».¹¹

Важным событием в историографии древнерусских городов стала монография Д. Я. Самоквасова «Древние города России». Согласно Д. Я. Самоквасову, древнейшие города — укрепленные пункты общинных поселений, бывшие «центрами единения общин, состоявших из нескольких или многих родов».¹² Постепенно города расширяли свои земельные владения, и в более поздние времена город стал отождествляться с территорией, «занятой известным племенем или общиной, пользовавшеюся политической автономией, примыкавшею к данному укрепленному пункту как центру правительственному, со всеми посадами, городами, пригородами, селами и починками, на ней находившимися».¹³ Таким образом, «совокупность местностей,

⁵ Там же.

⁶ Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси//Вестник Европы. 1870. Нояб. С. 19.

⁷ Там же. С. 20, 31.

⁸ Там же. С. 34.

⁹ Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь//ЧОИДР. 1870. Кн. 3. С. 73.

¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873. С. 47, 126.

¹³ Там же. С. 48.

занятых общиной, представляла в древности предмет, подвластный данному городу как центру правительственному или административному, в котором помещались начальные лица общины, вечевое собрание, ратная сила...».¹⁴ Город (община, земля, волость) с политически самостоятельным статусом сложился еще до появления варягов. Возникновение такого рода городов, по мнению исследователя, свидетельствовало о переходе общества от «низших форм человеческого общежития к сферам высшим, из форм родового быта в формы быта общинно-государственного».¹⁵ Д. Я. Самоквасов приходит к выводу о том, что древнерусский город олицетворял собой государство.

Весьма любопытны и взгляды И. Е. Забелина. В древнейших городках он видел родовые и волостные гнезда, где родовая и волостная жизнь находила себе охрану и защиту от всяческих врагов.¹⁶ Первыми «населенниками» подобных городов были дружинные элементы. Эти городки не что иное, как зародыши будущих больших общин-городов.¹⁷ Важнейший рубеж в истории городов, по И. Е. Забелину, — возникновение посадов, где происходила людская смесь: «...эта смесь населения всегда и повсюду составляет самую могущественную стихию в развитии городского быта; она есть прямое и непосредственное начало собственно гражданских отношений и гражданского развития земли. Поэтому, где прилив смешанного населения был сильнее и многообразнее, там скорее вырастало и могущество города, необходимо распространявшего это могущество на всю окрестную страну. Таким путем сложились наши первые города, особенно Новгород и Киев».¹⁸ Города делились на младшие и старшие, служившие центрами волости и области. «Дальнейшая история этого городства, — заключает И. Е. Забелин, — должна была создать целый союз больших племенных волостей-областей, более или менее равносильных между собою, вполне самостоятельных и независимых друг от друга».¹⁹

Системосозидающее значение приобрел город в построениях В. О. Ключевского. Возникновение древнерусских городов В. О. Ключевский относил к VIII в. Оно было обусловлено успехами торговли, которую вели славяне со странами Востока. «Вооруженный торговый город стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства».²⁰ Город подчинял окрестные земли.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁶ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М., 1908. С. 589.

¹⁷ Там же. С. 596.

¹⁸ Там же. С. 617—618.

¹⁹ Там же. С. 643.

²⁰ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 21.

Это «подчинение вызывалось или тем, что вооруженный и укрепленный город завоевывал тянувшийся к нему промышленный округ, или тем, что население округа находило в своем городе убежище и защиту в случае опасности, а иногда и тем и другим вместе. Так, экономические связи становились основанием политических, торговые районы городов превращались в городские волости».²¹ В городах пребывал «правительственный класс», состоявший из вооруженных торговцев и промышленников. Он и «создал в больших городах то военно-купеческое управление, которое много веков оставалось господствующим типом городского устройства на Руси».²²

Характеризуя социально-политический строй древнейших городских образований, В. О. Ключевский писал: «Волостной город по его первоначальному устройству можно назвать волостной общиной, республикой, похожей на Новгород и Псков позднейшего времени».²³

В XI веке русская земля распадается на обособленные друг от друга области, земли. Эти земли «почти все были те же самые городские области, которые образовались вокруг древних торговых городов еще до призвания князей». Однако в отличие от старинных городских волостей, где верховодила военно-торговая ассоциация полувоинов-полукупцов, в областных городах XI—XII вв. хозяином положения делается «вся городская масса, собиравшаяся на вече».²⁴ Постоянная передвижка князей со стола на стол, проходившая под аккомпанемент ожесточенных споров и свар, превратила этих недавних владельцев в политическую случайность. В такой обстановке вечевые города приобрели в своих областях значение «руководящей политической силы, которая соперничала с князьями, а к концу XII в. взяла над ними решительный перевес».²⁵

Интересные и ценные соображения о государственном устройстве домосковской Руси высказал М. Ф. Владимирский-Буданов. Обратившись к Древнерусскому государству, он обнаружил союз волостей и пригородов под властью старшего города, означаемый словом «земля».²⁶ М. Ф. Владимирский-Буданов был убежден, что «древние памятники недаром обозначают тогдашнее государство термином „земля“: в нем выражены существенные особенности этого государства, совершенно неуловимые из терминов „княжение“ и „волость“». Им означает, что древнее государство есть государство вече-

²¹ Там же. С. 22.

²² Там же. С. 26.

²³ Там же. С. 29.

²⁴ Ключевский В. О. Соч. Т. I. М., 1956. С. 192.

²⁵ Там же. С. 193.

²⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907. С. 11.

вое...». ²⁷ Это «вечевое государство» — объединение общин, где «старшая община правит другими общинами». ²⁸ В древнерусском городе М. Ф. Владимирский-Буданов видел центральную общину, владеющую землей. ²⁹ Старший город земли в роли общины правящей, пригороды (младшие города) и волости, т. е. сельские общины, подчиненные пригородам, — вот, по мысли М. Ф. Владимирского-Буданова, государственная структура Древней Руси. ³⁰

Заслуживают внимания и взгляды С. А. Корфа. «Зачаток государственности» С. А. Корф находил в городках, возникших у славян в VIII в. Тогда же М. А. Корф замечает начало «концентрации вокруг новообразовавшихся городков славянской волости-государства». В течение IX—X вв. все более укрепляется «властное положение городов, подчинявших себе окружающее сельское население». Именно в городе оседали «те состоятельные классы, в руках которых стало сосредоточиваться политическое властвование этого маленького государства-волости». ³¹ Кроме городов, правящих центров, в волость входили еще и пригороды, жившие самостоятельной жизнью, и только в общеволостных вопросах подвластные своей метрополии — городу. ³²

К городу-государству вела мысль и такого замечательного историка, каким являлся А. Е. Пресняков. Городскую волость он считал основным элементом древнерусской государственности. Волость — это «территория, тянувшая к стольному городу». ³³ Главный (стольный) город «стал представителем земли; его вече — верховной властью волости». ³⁴ Волостная организация выступала как совокупность вервей — элементарных ячеек, соединение которых более механическое, нежели органическое, что выдает примитивный характер государственности, воплощенной в волости. ³⁵

Итак, перед нами прошли представители разных школ и направлений в русской дореволюционной исторической науке. Придерживаясь различных мнений об исторических судьбах России, они, однако, сошлись в очень существенном моменте: толковании древнерусского города как общинного союза, наделенного правительственными функциями относительно территории и населения, «тянувших» к городу. Иными словами, их

²⁷ Там же. С. 13.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Там же. С. 21—22.

³¹ Корф С. А. История русской государственности. Т. I. СПб., 1908. С. 2, 13—14.

³² Там же. С. 39.

³³ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938. С. 163, 167.

³⁴ Там же. С. 167.

³⁵ Там же.

понятие города, городской волости совпадало с понятием государства, возведенного на общинной основе. Такое единство взглядов в этом вопросе³⁶ вряд ли можно зачислить в разряд простых совпадений, в данном случае оно свидетельствует о верном истолковании учеными исторической действительности, относящейся к городскому строю Древней Руси.

К сожалению, эти представления не получили дальнейшего развития в исторической науке. С конца 20-х — начала 30-х годов древнерусский город изучается исследователями преимущественно как составная часть феодализма, как звено в системе феодальных производственных отношений.³⁷ Города теперь выступают как центры феодального властвования. Так, С. В. Юшков категорически отверг идею о «городской волости, возникшей еще в доисторические времена, сохранявшей свою целостность до XIII в. и управлявшейся торгово-промышленной демократией». По С. В. Юшкову, «основной территориальной единицей, входившей в состав Киевской державы, первоначально было племенное княжество, а затем когда родоплеменные отношения подверглись разложению, — крупная феодальная сеньория, возникшая на развалинах этих племенных княжеств. В каждой из этих феодальных сеньорий имелся свой центр — город, но этот город, хотя и превращался в торгово-промышленный центр, был все же в первую очередь центром феодального властвования, где основной политической силой были феодалы разных видов, а не торгово-промышленная демократия».³⁸

Б. Д. Греков, определяя город как средоточие ремесла и торговли, относил его зарождение к эпохе классового обще-

³⁶ Заметим, что аналогичное единство во взглядах наблюдаем и по вопросу о дальнейших судьбах городов-государств на Руси. Ученые, которые занимались историей Великого княжества Литовского, подчеркивали сохранение на протяжении длительного времени древнерусских городов-государств в рамках данного федеративного образования (см.: Дворниченко А. Ю. Дореволюционные русские историки о городском строе Великого княжества Литовского//Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии/Под ред. В. А. Ежова, И. Я. Фроянова. Л., 1983).

³⁷ См.: Ширина Д. А. Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917 — начала 30-х годов//Исторические записки. Т. 86. 1970. С. 284—297. — Следует сказать, что отход от взглядов дореволюционных историков произошел не сразу. Еще в трудах М. Н. Покровского мы читаем о «федеративном», «республиканском» характере «древнерусского государственного строя на самых ранних из известных нам ступенях его развития», о городской демократии XII в. (Покровский М. Н. Избр. произв. Кн. 1. М., 1966. С. 154, 165). Волостное (во главе с городами) устройство Ростово-Суздальской земли описывал А. Н. Насонов (Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле//Века. 1. Пг., 1924). Таким же русский городской строй представлялся и Н. С. Державину (Державин Н. С. Из истории древнеславянского города//Вестник древней истории. 1940. № 3—4. С. 155).

³⁸ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 172.

ства. Город, по его мнению, «всегда является поселением, оторванным от деревни», он даже «противоположен деревне».³⁹

Не нашлось места городу-волости и в труде М. Н. Тихомирова. Города, по М. Н. Тихомирову, постоянно ведут борьбу против феодального гнета, за городские вольности. В XII в. она достигла особого размаха, что привело к усилению политической роли городов и городского населения.⁴⁰ Эта борьба «близко напоминает борьбу горожан Западной Европы за образование городских коммун».⁴¹ Но русские города все же не сравнивались в этом плане с западноевропейскими городами, чему «помешали печальные бедствия — в первую очередь татарские погромы...».⁴²

Б. А. Рыбакову древнерусский город представляется «как бы коллективным замком крупнейших земельных магнатов данной округи во главе с самим князем».⁴³

Несмотря на успехи советских историков в изучении городов Древней Руси, проблема города-волости (города-государства) оставалась вне поля зрения современных исследователей. В 1980 г. появилась книга одного из авторов данной работы, в которой было начато изучение древнерусских городов-государств. В этой работе намечены историографические и социологические предпосылки постановки вопроса о городах-государствах на Руси, дана характеристика становления и развития городов-волостей в X—начале XIII вв. Основной вывод проведенного исследования сводился к тому, что города-государства — характерное явление древнерусской истории, они являлись средоточием и основой всей социально-политической жизни Руси XI—начала XIII вв.⁴⁴ Начатое изучение городов-государств в Древней Руси продолжил другой автор данной книги. На примере одного из регионов — Верхнего Поднепровья и Подвинья — он проследил процесс возникновения и развития городов-государств, а также процесс их распада в XIV—XV столетиях под влиянием развития феодального землевладения.⁴⁵ Следующий шаг — раздел в коллективной

³⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 104, 110.

⁴⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

⁴¹ Там же. С. 186.

⁴² Там же. С. 185.

⁴³ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. Не нашлось места городу-государству и в новейшем синтезирующем труде под редакцией Б. А. Рыбакова (Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985).

⁴⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 216—243.

⁴⁵ Дворниченко А. Ю. 1) Городская община и князь в древнем Смоленске//Город и государство в древних обществах/Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1982. С. 140—146; 2) Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1983; 3) О предпосылках введения магдебургского права в городах западнорусских земель в XIV—XV вв.//Вестн. Ленингр. ун-та. 1982. № 2, и др.

монографии, посвященной городу и государству в раннеклассовых обществах. Здесь мысль о городах-государствах является основополагающей, процесс становления городских волостей рассмотрен на примере Киевской, Смоленской, Полоцкой и Новгородской земель.⁴⁶

После выхода в свет указанных трудов идея о городах-государствах в Древней Руси стала постепенно проникать на страницы исторических исследований. В качестве примера можно назвать последние работы А. В. Кузы, посвященные древнерусскому городу. В одной из них, рассматривающей социально-историческую типологию городов Руси X—XIII вв., ученый пишет: «Городовые волости были основными структурными единицами государственной территории Руси».⁴⁷ Ю. В. Павленко, проводя мысль о повсеместном распространении городов-государств в эпоху перехода от варварства к цивилизации, включает и Древнюю Русь в ареал их распространения.⁴⁸ Подобные высказывания носят эпизодический характер, но сама историографическая ситуация требует дальнейших изысканий в области истории городских волостей-государств в Киевской Руси. Следует продолжить уже начатое дело, привлечь данные по всем древнерусским регионам. К этому побуждают исторические закономерности, выявляемые на сравнительно-исторических материалах.

Еще дореволюционные русские ученые, изучавшие историю Древней Руси, стремились выйти в плоскость исторического опыта других народов. Они, в частности, сопоставляли городской строй Древней Руси с городским строем античного мира и средневековой Европы. Так, М. Д. Затыркевич полагал, что во времена, предшествующие приходу варягов, устройство городского славянского населения «совершенно соответствовало тому государственному строю, с которого началась и на котором закончилась политическая жизнь древних народов», а устройство городов славянских «совершенно сходно было с устройством городов Древней Греции до завоевания Дорян и Древней Италии до основания Рима».⁴⁹ На Руси XII столетия города пытались обрести «политическую самобытность». Но

⁴⁶ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси//Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство/Под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л., 1986.

⁴⁷ Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов в X—XIII вв.//Русский город (исследования и материалы). Вып. 6./Под ред. В. Л. Янина. М., 1983. С. 8.

⁴⁸ Павленко Ю. В. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств//Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ/Отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев, 1984. С. 183, 205.

⁴⁹ Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование русского государства в домонгольский период. М., 1874. С. 49.

все установления, в которых выразилась политическая автономия городов древнего мира и средневековой Европы,—выборные правители, правящие советы и народные собрания—в России нигде не достигли полного развития и нигде не выразились в ясных определенных формах.⁵⁰ М. Д. Затыркевич смешивал города-государства древности с городами средневековой Западной Европы, в чем ошибался, поскольку там города-коммуны—союзы более самоуправляющиеся, чем правящие.

Политический строй Новгорода сближал с греческими республиками Н. И. Костомаров.⁵¹ При этом он подчеркивал: «Никакие исторические данные не дают нам право заключить, чтобы Новгород по главным чертам своего общественного состава в давние времена отличался от остальной Руси, как позже в XIV и XV вв.». ⁵²

Немало сходных черт между Русью, Древней Грецией и Римом открылось взору А. И. Никитского. Он отмечал, что на Руси понятие «город» и «государство» были неразличимы.⁵³ Большое значение А. И. Никитский придавал кончанскому устройству, обнаруженному им не только в Новгороде и Пскове, но и в остальных городах Древней Руси.⁵⁴ И в неспособности отличить город от государства, и в связи городских концов с селом А. И. Никитский увидел сходство с античностью. Он писал: «Эта неспособность отрешиться от смешения различных по существу понятий города и государства не составляет ничего исключительной принадлежности древнерусской жизни, а замечается одинаково и в классическом мире, и в истории Рима, и в особенности Греции, Афин, которые политическим устройством своим представляют любопытные черты сходства с Древнею Русью и потому при сличении могут подать повод к поучительным соображениям». ⁵⁵

Взгляды А. И. Никитского, стремившегося воспользоваться фактами из истории античных обществ для объяснения социально-политических учреждений Руси, получили одобрительную оценку со стороны Н. И. Кареева—одного из крупнейших представителей русской исторической науки.⁵⁶

Предпринятое А. И. Никитским сопоставление древнерусских институтов с учреждениями греков и римлян было продолжено другими исследователями. Т. Ефименко, изучая со-

⁵⁰ Там же. С. 290.

⁵¹ Костомаров Н. И. Начало единодержавия... С. 24.

⁵² Там же. С. 25.

⁵³ Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1903. С. 58, 60.

⁵⁴ Там же. С. 60, 87, 161.

⁵⁵ Там же. С. 162.

⁵⁶ Кареев Н. И. Государство-город античного мира. СПб., 1905. С. 324—325.

тенную организацию в Киевской Руси, убедился в том, что сотни охватывали как город, так и область, прилегающую к нему. Город и земля, таким образом, составляли административное единство, которое в условиях тогдашней Руси было неизбежным, исторически необходимым явлением, подобно городским и сельским трибам Рима, городским и областным делам Афин.⁵⁷

Искал аналогии в Древней Греции и А. Е. Пресняков — вдумчивый и осторожный историк. Анализируя социально-политическую структуру древнерусских городов, он обнаружил союз «ряда меньших общин, соединенных в одной общине городской,— явление, напоминающее греческий синойкизм и особенно ярко выступающее в строе Великого Новгорода».⁵⁸ А. Е. Пресняков считал возможным именовать древнерусскую волость политией.⁵⁹

Примечательны также наблюдения Н. А. Рожкова, считавшего правомерным сравнение Киевской Руси с «древнейшей Грецией» и «древнейшим Римом», полагая, что «древнерусские вольные города находят себе параллель в явлениях жизни эллинских городских общин VII и VI веков до н. э.».⁶⁰

Надо сказать, что в наше время сознается важность сравнительно-исторического подхода к изучению древнерусского городского строя в плане использования материалов из истории древних обществ. Еще в 1966 г., анализируя понятие «социальный организм», Ю. И. Семенов писал, что классическим эквивалентом данного понятия в условиях древних и ранне-средневековых обществ являются города-государства — «номы» обществ древневосточного типа, античные полисы и древнерусские княжества.⁶¹ А. В. Куза допускал сравнение, хотя и весьма гипотетичное, древнерусских городов с городами-государствами древнего мира.⁶² Л. П. Лашук проводил исторические сопоставления между восточнославянскими «землями» («градскими мирами») и южнославянскими «общинами». Он указывал и на актуальность вопроса о земском общинно-волостном быте с точки зрения исторической социологии.⁶³ Л. В. Данилова и В. П. Данилов отмечали, что «характерные для классической древности города-государства (государства-общины) были гораздо более широко распространены, нежели это при-

⁵⁷ Ефименко Т. К. К вопросу о русской «сотне» княжеского периода// ЖМНП. 1910. Июнь. С. 316.

⁵⁸ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. С. 169.

⁵⁹ Там же. Т. 2. Вып. 1. М., 1939. С. 7.

⁶⁰ Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 2: Удельная Русь. Вып. 2. М., 1905. С. 161.

⁶¹ Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки// Вопросы истории. 1966. № 8. С. 94.

⁶² Куза А. В. Социально-историческая типология... С. 14.

⁶³ Лашук Л. П. Введение в историческую социологию. Вып. 2. М., 1977. С. 84—85.

нято думать. Они существовали, в частности, у славян в средние века. Типичные примеры таких государств — Великий Новгород с его делением на пятины, концы, сотни, уличанские и сельские общины, Полица и другие средневековые южнославянские республики. Полисное устройство — притом в более раннее время — известно и на Востоке, в частности в Шумере, Ассирии, Финикии, Индии». ⁶⁴ Уместно тут вспомнить о Н. И. Карееве, который в своем типологическом курсе, посвященном античным городам-государствам, говорил о большой социологической значимости города-государства в познании истории государственного устройства народов мира. ⁶⁵ Современная наука подтвердила правоту Н. И. Кареева. Ныне мы располагаем огромным количеством фактов, свидетельствующих о городах-государствах как универсальной в мировой истории форме государства. Города-государства встречаются едва ли не повсюду. ⁶⁶ Особенно любопытно то, что ученые находят их

⁶⁴ Данилова Л. В., Данилов В. П. Проблемы теории и истории общины//Община в Африке: проблемы типологии и истории. М., 1978. С. 36. См. также: Данилова Л. В. Место общины в системе социальных институтов//Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, вып. 2. М., 1972. С. 176—177. — Интересные соображения насчет сходства раннесредневековых городов Далмации с древнегреческими полисами высказал М. М. Фрейденберг (см.: Фрейденберг М. М. Городская община в средневековой Далмации и древнегреческий полис// Fiskovicew zbornik, II. Split. 1980. С. 68—84; Фрейденберг М. М., Чернышев А. В. Города-коммуны далматинского побережья (VII—середина XIII в.)//Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв./Отв. редактор Г. Г. Литаврин. М., 1985. С. 250—284.

⁶⁵ Кареев Н. И. Государство-город античного мира. С. 320.

⁶⁶ См.: Ф. де Куланж. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906; Кареев Н. И. Государство-город античного мира; Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959; Кочакова Н. Б. 1) Города-государства Йоруба в XIX в.//Народы Азии и Африки. 1965. № 6; 2) Города-государства йорубов. М., 1968; 3) Рождение африканской цивилизации. М., 1986; Козлова М. Г., Седов Л. А., Тюрин В. А. Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии//Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1./Отв. ред. Л. В. Данилова. М., 1968; Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971; Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974; Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976; Куббель Л. Е. Об особенностях классообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана//Становление классов и государства/Отв. ред. А. И. Першиц. М., 1976; Гуляев В. И. 1) Проблемы становления царской власти у древних майя//Там же; 2) Города-государства майя. М., 1979; Ашрафян К. З. Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М., 1977; Шифман И. Ш. Развитие городской организации в древнем Переднеазиатском Средиземноморье//Древние города: Материалы к всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977; Лундин А. Г. Город в древней Южной Аравии//Там же; Кобищанов Ю. М. Системы общинного типа//Община в Африке: проблемы типологии/Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1978; Данилов В. П., Данилова Л. В. Проблемы истории общины//Там же; Массон В. М. Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа//Ранние земледельцы/Отв. ред. Н. А. Бутинов, А. М. Решетов. Л., 1980; Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: проблемы типологии//Вестник

в обществах с незавершенным процессом классовообразования. Все это позволяет вести разговор о городах-государствах Руси на широком фоне сравнительно-исторических данных.

Распространенность города-государства в социально-политической жизни народов земного шара — веский аргумент в пользу целесообразности исследования вопроса о городах-государствах в Древней Руси. Эта разработка имеет и необходимую методологическую основу.

Привлекает внимание то обстоятельство, что города-государства встречаются в обществах, переживающих переходный период от доклассовой к классовой общественно-экономической формации. Выделение и конкретно-историческая разработка переходных периодов — крупное достижение советской исторической и философской мысли.⁶⁷ Переходная эпоха обладает некоторым своеобразием, ибо «состояние общества в условиях его скачкообразного перехода от одной формации к другой существенно отличается от его состояния в условиях, когда частичные постепенные изменения в общем и целом не нарушают его стабильности. Для переходной, межформационной стадии общественного развития в отличие от основной, формационной, характерны: 1) промежуточный характер материально-технической базы; 2) многоукладность экономики; 3) сосуществование и борьба двух основных укладов, один из которых представляет уходящую с исторической сцены формацию, а другой — формацию, идущую ей на смену. В связи с этим наряду с пятью основными стадиями общественного развития — формациями — исторический материализм выделяет четыре переходных стадии: от первобытнообщинного строя к рабовладельческому, от рабовладельческого к феодальному, от феодального к капиталистическому и от капиталистического к коммунистическому».⁶⁸

Когда речь идет о переходе от доклассового строя к классовому, в частности от первобытнообщинного к феодальному, особый интерес приобретает история общины.⁶⁹ К. Маркс отмечал, что «земледельческая община, будучи последней фазой

древней истории. 1982. № 2; Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983; Античная Греция. Проблемы развития полиса Т. 1—2/Под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1983; Видясова М. Ф. Раннефеодальные государства Магриба в VIII—XI веках//Вопросы истории. 1986. № 7. — Знакомство с перечисленными трудами показывает, что возникновение городов-государств — явление, характерное для всех находящихся в процессе становления раннеклассовых обществ (см.: Павленко Ю. В. Основные закономерности...).

⁶⁷ См.: Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980. С. 136; Марксистско-ленинская теория исторического процесса: целостность, единство и многообразие, формационные ступени/Отв. ред. В. В. Денисов. М., 1983. С. 356.

⁶⁸ Исторический материализм как социально-философская теория. М., 1982. С. 74.

⁶⁹ Жуков Е. М. Очерки методологии. С. 128.

первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности».⁷⁰ В переходный период появляется и город.⁷¹ Именно это имел в виду Ф. Энгельс, когда говорил: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации».⁷² Современная наука подтвердила наблюдения классиков марксизма. «С точки зрения марксистского понимания истории формирование городских центров раннеклассовых обществ является естественным, закономерным и неизбежным процессом социально-экономического и культурного развития при переходе от первобытности к цивилизации», — пишет в своей работе исследователь проблемы Ю. В. Павленко.⁷³

Вполне естественно и даже закономерно то, что в этот переходный период, с господством «земледельческой общины» в социальной жизни, город возникает и формируется на общинной основе. Основоположники марксизма указывали, что город образуется путем объединения (добровольного или принудительного) нескольких племен, или общин.⁷⁴ Градотворческую силу община сохраняла и позднее. По поводу средневекового европейского города Ф. Энгельс замечал: «Сельский строй являлся исключительно марковым строем самостоятельной сельской марки и переходил в городской строй, как только село превращалось в город, т. е. укреплялось посредством рвов и стен. Из этого первоначального строя городской марки выросли все позднейшие городские устройства».⁷⁵ Историческая этнография и в данном случае подтвердила выводы К. Маркса и Ф. Энгельса. Городская община обнаружена и описана на материалах Азии, Африки, Южной и Западной Европы, Руси.⁷⁶

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 419.

⁷¹ Там же. Т. 3. С. 49—50. — Ю. В. Павленко справедливо отмечает, что «уже в „Немецкой идеологии“ основоположники исторического материализма рассматривали формирование городов как естественный и необходимый момент общего процесса перехода от первобытности к цивилизации, наряду с образованием классов и государства» (Павленко Ю. В. Основные закономерности... С. 176).

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 164.

⁷³ Павленко Ю. В. Основные закономерности... С. 177.

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 21.

⁷⁵ Там же. Т. 19. С. 336.

⁷⁶ Дворниченко А. Ю. Городская община Средневековой Руси: к постановке проблемы//Историческая этнография/Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л., 1985. С. 118; Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э.//Древний Восток. Ереван, 1973; Фрейденберг М. М. Городская община X—XI вв. в Далмации и ее античный аналог// Etudes balkaniques. 1977. № 2; Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960.

Однако развитие поселений городского типа в культурах, идущих от первобытнообщинного к классовому обществу, сопрягалось с зарождением и развитием государства.⁷⁷ Вот почему, превращаясь в город, община принимает постепенно государственную форму, а «вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д. — словом общинного политического устройства».⁷⁸ Возникает город-государство, который «представлял собою предел возможной в ту эпоху хозяйственной, социально-политической и культурной общинно-государственной интеграции».⁷⁹ Как показывают исследования, «возможность принятия общинной государственной формы содержится уже в восточной общине».⁸⁰ Между тем восточная община «исторически наиболее ранняя простейшая и вместе с тем универсальная форма, которая встречается повсюду при переходе доклассового общества в классовое и в зависимости от эмпирических условий по-разному разлагается...»⁸¹

Таким образом, город, вырастая из общины и сохраняя традиционные черты последней, усваивает новые качества, присущие государству.⁸² Процесс этот шел, конечно, постепенно. Историческая эволюция общины в город-государство была недавно превосходно показана на примере древнегреческого полиса.⁸³

Наша задача в том и состоит, чтобы проследить за приобретением государственных черт древнерусским городом на протяжении конца IX — начала XI вв. Для этого есть, как мы убедились, серьезные историографические, историко-социологические и методологические основания. Какова же фактическая сторона процесса?

⁷⁷ Гуляев В. И. Города-государства майя. С. 92.

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 50.

⁷⁹ Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (По материалам Ура)//Древний Восток. Города и торговля/Под ред. Н. В. Арутюняна, И. М. Дьяконова, Г. Х. Саркисяна. Ереван, 1973. С. 31. См. также: Павленко Ю. В. Основные закономерности... С. 181.

⁸⁰ Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины//Социальная организация народов Азии и Африки/Отв. ред. Д. А. Ольдерогге, С. А. Маретина. М., 1975. С. 267.

⁸¹ Там же. С. 265.

⁸² См.: Шифман И. Ш. Развитие городской организации в древнем Переднеазиатском Средиземноморье. С. 32.

⁸³ См.: Античная Греция. Т. 1: Становление и развитие полиса.

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГОРОДОВ НА РУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX—X вв.

Одна из проблем, обычно возникающая перед исследователем древнерусского города, связана с происхождением и ранней историей городов на Руси. В рамках этой проблемы особенно важное значение имеют два вопроса: сущность города как социального феномена, порождаемого определенными историческими условиями, и пути формирования городских поселений. Относительно первого вопроса в современной историографии древнерусских городов мы наблюдаем известное единство взглядов: большинство специалистов склонно видеть в городах центры ремесла и торговли, выражением чего является наличие посадов, что, собственно, и отличает город от деревни.¹ Многие ученые согласны и в том, что древнерусский город возникает в классовом обществе, будучи детищем развивающегося феодализма.² В наиболее разработанном вариан-

¹ См.: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 22; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 98; Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города//КСИИМК. Вып. XII. 1951. С. 9; Мавродин В. В. 1) Очерки истории СССР: Древнерусское государство. М., 1956. С. 58, 60; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 50—51; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959. С. 11; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города//КСИА. Вып. 96. 1963. С. 15; Яценский В. К. Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города в России//Города феодальной России/Под ред. В. И. Шункова. М., 1966. С. 84, 89; Рабинович М. Г. Из истории городских поселений восточных славян//История, культура, фольклор и этнография славянских народов/Ред. И. А. Хренов. М., 1968. С. 131; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 433; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 243.

² Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных//ИГАИМК. Вып. 103. М., 1934. С. 105; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 99, 104, 110; Воронин Н. Н. К итогам и задачам. С. 14; Раппопорт П. А. О типологии

те эти положения содержатся в монографическом труде М. Н. Тихомирова «Древнерусские города». М. Н. Тихомиров усматривал в городах населенные пункты, ставшие центрами ремесла и торговли.³ Заклучая раздел книги о причинах возникновения городов, он писал: «Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма — в области общественных отношений».⁴

Представления М. Н. Тихомирова о характере и причинах появления городов на Руси очень скоро завоевали многочисленных сторонников. Глава советской школы историков Киевской Руси Б. Д. Греков принял его концепцию полностью.⁵ До сих пор исследование М. Н. Тихомирова рассматривается как высшее достижение советской историографии в области изучения древнерусских городов.⁶ И тем не менее, мы полагаем, что есть основания снова вернуться к проблемам, казалось бы, решенным уже окончательно. Для этого есть необходимые историографические мотивы.

М. Я. Сюзюмов, выступая с докладом «Проблема возникновения средневекового города в Западной Европе» на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» (30 мая — 3 июня 1966 г. Москва), говорил: «Город, как общественный институт, имеет свои закономерности развития: генезиса (в условиях позднего родоплеменного общества), роста (в условиях античного и средневекового общества), полного расцвета (в условиях капитализма) и разложения, а затем (в условиях социализма) постепенной утратой городом своих преимуществ перед деревней и, наконец, полного исчезновения противоположности города и деревни (при коммунизме)». М. Я. Сюзюмов, следовательно, начальную историю города выносит за черту классового общества. Он подчеркнул, что город был достижением позднего родоплеменного и раннеклассового общества.⁷

древнерусских поселений//КСИА. Вып. 110. 1967. С. 8; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского города. М., 1978. С. 17; Карлов В. В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии//Русский город (проблемы горообразование). Вып. 3/Под ред. В. Л. Янина. М., 1980. С. 75, 76, 78; Куза А. В. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X—XIII вв.//КСИА. Вып. 179. 1984. С. 6—7.

³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 12.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 102—103.

⁶ Хорошкевич А. Л. Основные итоги изучения городов XI — первой половины XVII в.//Города феодальной России/Отв. ред. В. И. Шунков. М., 1966. С. 41—42; Карлов В. В. О фактах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса)//Русский город (историко-методологический сборник)/Под ред. В. Л. Янина. М., 1976. С. 34.

⁷ Средние века. Вып. 31/Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1968. С. 78, 81.

Историки древних обществ приступили к пересмотру укоренившихся взглядов о городе — неизменном центре ремесла и торговли. Так, В. И. Гуляев, изучавший города-государства майя, имея в виду упомянутые взгляды, отмечает: «Мне представляется, что в данном случае роль ремесла и торговли в возникновении и развитии древнейших городов, будь то на Ближнем Востоке или в Мезоамерике и Перу, несколько преувеличена. Видимо, вначале, когда города образовались на базе еще сравнительно слабо развитой техники и экономики раннеклассовых обществ эпохи неолита и бронзового века, основным конституирующим элементом их населения в большинстве случаев были, вероятно, концентрировавшиеся в них представители слагавшихся господствующих классов и государственной власти, жившие за счет эксплуатации зависимого земледельческого населения... Ремесло и обмен начинают играть все большую роль в этих древнейших городах лишь на последующих, более поздних этапах развития. Главными же функциями раннего города были политико-административная и культовая».⁸ Не отрицая того факта, что древнейший город являлся хозяйственным центром округа, В. И. Гуляев замечает: «Но главное и определяющее состоит в другом. Крупные города первичных очагов цивилизации в Мезоамерике и на Ближнем Востоке в значительной мере обязаны своим процветанием размещению в них правительственных резиденций. Город был средоточием господствующего класса, центром, в который стекались богатства общества. Здесь же находился обычно храм верховного божества».⁹ В. И. Гуляев обращает внимание на то, что «древнейшие города Ближнего Востока (Двуречье, Египет), возникшие в конце IV—III тысячелетий до н. э., были первоначально лишь политико-административными и религиозными центрами сельских общин. В дальнейшем, по мере развития обмена и ремесла, древневосточный город становится местом концентрации торговцев и ремесленников, в значительной мере обслуживавших нужды правителей, культа и знати».¹⁰ Формулируя общее определение понятия «город» для раннеклассовых обществ Старого и Нового света, В. И. Гуляев пишет: «Город в рассматриваемую эпоху — крупный населенный пункт, служивший политико-административным, культовым и хозяйственным центром определенной, тяготеющей к нему округи».¹¹

Как показывают современные исследования, древнеиндийский город являлся в первую очередь военно-административным центром, где была сосредоточена владельческая аристо-

⁸ Гуляев В. И. Города-государства майя. М., 1979. С. 16—17.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Там же.

кратия, чиновничество и армия. Мелкотоварное ремесло концентрируется в городе значительно позже, когда он превращается в средневековый город.¹²

Достаточно красноречивы и наблюдения, сделанные М. Л. Баткиным, согласно которому город отнюдь не всегда может рассматриваться в качестве хозяйственной по преимуществу категории. Нередко город выступал как поселение, где концентрировались все или многие социальные функции, отделившиеся от окружающих сельских территорий.¹³

Ю. В. Павленко считает, что город «неизбежно приобретает полифункциональный характер, являясь (как правило, одновременно) редиistribuтивным, административно-политическим, культовым, ремесленно-торговым и военным центром, контролирующим определенный район».¹⁴

На фоне всех этих наблюдений и выводов вполне естественно выглядят сомнения по поводу устоявшихся взглядов на раннюю историю древнерусского города, высказываемые в последнее время учеными. Так, А. В. Куза, несмотря на приверженность к идее о возникновении города в условиях формирующегося классового общества, заметил определенную узость характеристики древнерусского города как только центра развитого ремесла и торговли. Наличие самостоятельных городских (посадских) общин нельзя, по его мнению, считать определяющим признаком для городов Руси X—XIII вв.¹⁵ Более перспективным исследователю представлялся подход к городу как многофункциональному социально-экономическому явлению. Вот почему «содержание понятия „древнерусский город“ — значительно шире, чем „торгово-ремесленное поселение“». Город — центр ремесла и торговли, но одновременно это и административно-хозяйственный центр большой округи (волости), очаг культурного развития и идеологического господства».¹⁶

В. В. Карлов, заявивший о своей солидарности с концепцией М. Н. Тихомирова, тем не менее пришел к мысли о поли-

¹² Цыганков Ю. Я. Древнеиндийский город (по данным «Архашастры»)//Страны и народы Востока/Под ред. Д. А. Ольдерогге. М., 1972. Вып. XIV. С. 37; Ашрафян К. З. Феодализм в Индии: Особенности и этапы развития. М., 1977. С. 123—124.

¹³ Баткин М. Л. О социальных предпосылках итальянского Возрождения//Проблемы итальянской истории/Отв. ред. Г. С. Филатов. М., 1975. С. 222.

¹⁴ Павленко Ю. В. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств//Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев/Отв. ред. В. Ф. Геннинг. 1984. С. 182.

¹⁵ Куза А. В. 1) Социально-историческая типология древнерусских городов//Русский город (исследования и материалы). Вып. 6./Под ред. В. Л. Янина. М., 1983. С. 14; 2) Города в социально-экономической системе... С. 3.

¹⁶ Куза А. В. Города в социально-экономической системе... С. 4, 6.

функциональности городских поселений, в которых он находит сочетание ремесленно-торговых, административных, политических, религиозных и военных функций. При этом, по его мнению, особенности сочетания этих функций «во многом определяли тип раннего города».¹⁷ Отказывается сводить проблему к однозначной формуле и П. П. Толочко, по словам которого, нет оснований изображать рождение города «как результат расщепления экономического базиса». П. П. Толочко убежден, что «средневековый город как новая социальная форма (особенно это относится к древнейшим восточнославянским центрам) был вызван к жизни также (а может быть, и прежде всего) изменениями в сфере общественных отношений. Ведущими его функциями на первом этапе были политико-административная и культовая, что, естественно, не только не исключало, но и предполагало сравнительно быстрое появление также и торгово-ремесленной функции».¹⁸

Точку зрения В. В. Карлова принял О. М. Рапов.¹⁹ Вместе с тем он подчеркивал, что «в средневековье не существовало какого-либо единого типа городов, наделенного одними и теми же стабильными признаками».²⁰ Возникновение городов О. М. Рапов наблюдает в глубокой древности, в эпоху родоплеменных отношений.²¹

В этом своем последнем наблюдении, весьма важном для нашей темы, О. М. Рапов мог бы опереться на положения, сформулированные Б. А. Рыбаковым, отнесшим возникновение городов ко временам первобытности.²² Историю каждого известного нам города Б. А. Рыбаков старается проследить «не только с того неуловимого момента, когда он окончательно приобрел все черты и признаки феодального города, а по возможности с того времени, когда данная топографическая точка выделилась из среды соседних поселений, стала в каком-то отношении над ними и приобрела какие-то особые, ей присущие функции».²³

Таким образом, традиционная концепция города как непре-

¹⁷ Карлов В. В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов... С. 83.

¹⁸ Толочко П. П. 1) Древний Киев. Киев, 1983. С. 30; 2) Происхождение древнейших восточнославянских городов//Земли Южной Руси в IX—XIV вв./Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1985. С. 5—18.

¹⁹ Рапов О. М. Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город»//Генезис и развитие феодализма в России/Под ред. В. А. Ежова, И. Я. Фроянова. Л., 1983. С. 67.

²⁰ Там же. С. 69.

²¹ Там же. С. 68. — По мнению П. П. Толочко, «древнейшие восточнославянские города формируются преимущественно на базе племенных градов VI—VIII вв.» (Толочко П. П. Происхождение древнейших восточнославянских городов. С. 18).

²² Рыбаков Б. А. Город Кия//Вопросы истории. 1980. № 5. С. 34.

²³ Там же. С. 35.

менного центра ремесла и торговли, появляющегося в результате роста классовых отношений, вошла в противоречие с последними достижениями исторической науки.

Рассматривая пути становления древнерусских городов, советские ученые выдвигают самые различные версии. Еще в 30-е годы В. И. Равдоникас предположил, что «на территории лесной полосы Восточной Европы город возникает из большесемейного поселения».²⁴ С. В. Юшков вслед за В. И. Равдоникасом тоже констатировал «теснейшую связь городов IX—X вв. с городищами предшествующей стадии развития».²⁵ Начальный тип отечественного города, по С. В. Юшкову, это племенной город, центр племенной верхушки. Позднее в роли строителей городов-крепостей выступали князья. Воздвигнутые ими города есть центры властвования над окружающей местностью.²⁶ С. В. Юшков полагал, что «большинство городов-посадов возникло вокруг городов-замков».²⁷ Последняя идея нашла активного сторонника в лице М. Ю. Брайчевского. Правда, в отличие от С. В. Юшкова, он отнес зарождение подобного рода городов не к XI и последующим векам, а к VIII—IX вв.²⁸ О генетической связи русского города с племенными центрами писала С. А. Тараканова.²⁹ На односторонность построений М. Ю. Брайчевского и С. А. Таракановой указал Н. Н. Воронин.³⁰ Многообразные пути образования восточнославянских городов наблюдает М. Г. Рабинович. У него городом становится и недавняя деревня, благодаря удобному положению и обеспеченности сырьем развившая ремесло «до сравнительно высокого уровня, и замок феодала-землевладельца, когда „у стен замка селились ремесленники, а затем купцы“, и ремесленно-торговый поселок („рядок“)».³¹

Интересную концепцию происхождения русских городов создали В. Л. Янин и М. Х. Алешковский. Древнейшие города, как они полагают, возникают вокруг центральных капищ, кладбищ и мест вечевых собраний, ничем не отличаясь от поселений сельского типа.³²

Сравнительно недавно В. Я. Петрухиным и Т. А. Пушкиной было высказано мнение, что некоторые древнерусские города

²⁴ Равдоникас В. И. О возникновении феодализма... С. 119.

²⁵ Юшков С. В. Очерки... С. 21.

²⁶ Там же. С. 134, 135.

²⁷ Там же. С. 136.

²⁸ Брайчевский М. Ю. К происхождению древнерусских городов//КСИИМК. Вып. XII. 1951. С. 32—33.

²⁹ Тараканова С. А. К вопросу о происхождении города в Псковской земле//Там же. Вып. XI. 1951. С. 30—31.

³⁰ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города//Там же. С. 9.

³¹ Рабинович М. Г. Из истории городских поселений... С. 135.

³² Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы)//История СССР. 1971. № 2. С. 60.

были «пунктами-погостами», которые являлись опорными точками в борьбе великокняжеской власти со старыми племенными центрами.³³

Наконец, надо упомянуть еще об одной гипотезе, предполагающей возможность возникновения города из племенных центров, а также из «открытых торгово-ремесленных поселений», именуемых протогородами.³⁴

Названные исследователи, выводя город из предшествовавшего ему того или иного поселения, явно или в скрытом виде утверждают мысль о догородской стадии, когда город не был еще городом в подлинном социально-экономическом значении этого слова, не являлся, так сказать, «настоящим» городом. Этот подход является вполне правомерным с точки зрения сугубо исторической. Но он не вполне приемлем с точки зрения историко-социологической, требующей фиксации исторического момента, с которого появляется город как социальный феномен. Иными словами, мы должны соориентироваться во времени, установив (разумеется, примерно) период перехода количественных изменений в качественные, свидетельствующего о рождении города как такового.

К. Маркс в своей работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» высказал ряд ценных и глубоких мыслей насчет возникновения и роли древнейших городов. Говоря о зарождении городского строя на Востоке, К. Маркс указывал: «Города в собственном смысле слова образуются здесь... только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд».³⁵ К. Маркс в образовании городов на Востоке усматривал внешнеторговую и политическую основу. Еще определеннее о политической функции древневосточного города он говорит в другом месте, полагая, что «подлинно крупные города могут рассматриваться здесь просто как государевы станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле...»³⁶. Наконец, анализируя античную форму собственности, К. Маркс характеризует древнегреческий полис в качестве военной организации, предназначенной для завоевания и охраны завоеванного: «Война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется ... для того... чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей

³³ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города//Там же. 1979. № 4. С. 108.

³⁴ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978. С. 138, 139.

³⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг. (первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1. М., 1980. С. 470.

³⁶ Там же. С. 475.

община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности. Концентрация жилищ в городе — основа этой военной организации».³⁷

К. Маркс считал вполне реальным образование древних городов как политических и военных центров, а отнюдь не центров ремесла и торговли. Указания К. Маркса имеют несомненное отношение к проблеме начальной истории древнерусского города.

Города на Руси, как, вероятно, и в других странах, возникают, судя по всему, в определенной социальной и демографической ситуации, когда организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров, оказывается невозможной. Именно в насыщенной социальными связями среде происходит кристаллизация городов, являющихся сгустками этих связей. Такой момент наступает на позднем этапе родоплеменного строя, когда образуются крупные племенные и межплеменные объединения, называемые в летописи полянами, древлянами, северянами, словенами, кривичами, полочанами и пр. Возникновение подобных племенных союзов неизбежно предполагало появление организационных центров, обеспечивающих их существование. Ими и были города. В них пребывали племенные власти: вожди (князья), старейшины (старцы градские). Там собиралось вече — верховный орган племенного союза. Здесь же формировалось общее войско, если в этом имелась потребность. В городах были сосредоточены религиозные святыни объединившихся племен, а поблизости располагались кладбища, где покоился прах соплеменников.

Названные нами социальные институты едва ли правомерно подвергать дроблению, привязывая к какому-нибудь отдельному типу поселения (военные укрепления, стан вождя-князя, пункт вечевых собраний, религиозный центр и т. п.).³⁸ Все эти институты находились в органическом единстве: там, где был князь, неизбежно должно быть и вече во главе со старейшинами, поскольку князь выступал не только как вождь, но и как правитель, действующий в содружестве с народным собранием и племенной старшиной; там, где был князь, там был и сакральный центр, ибо князь осуществлял в позднеродовом обществе и религиозные функции; в места пребывания князя, старейшин и веча стекалась и дань, собираемая с подвластных племен, и город, следовательно, усваивал значение центра перераспределения прибавочного продукта, стимулировавшего

³⁷ Там же. С. 470—471.

³⁸ Ср.: Рыбаков Б. А. Город Кия... С. 34.

внешнеторговые связи.³⁹ Принимая во внимание все это, мы считаем более перспективным монистический подход к проблеме возникновения древнерусского города, в свете которого выглядит искусственным многообразие типов раннегородских поселений, о чем, кстати, уже писали некоторые исследователи.⁴⁰ Такого рода поселениями, по нашему глубокому убеждению, могли быть только племенные или межплеменные центры. Вот почему мы не можем согласиться с Б. Д. Грековым, исключавшим появление города в условиях родоплеменного строя. «Если в племени появились города, — писал Б. Д. Греков, — то это значит, что племени как такового уже не существует. Стало быть, и „племенных городов“ как особого типа городов как будто быть не может».⁴¹ Здесь сказались убеждения Б. Д. Грекова в том, что город мог якобы «появиться только при наличии частной собственности, т. е. в классовом обществе».⁴² Приведенный выше историографический материал показывает, что далеко не все исследователи разделяют мнение о классовом происхождении средневекового города. Вспомним о том, что Ф. Энгельс писал о городе, который «сделался средоточием племени или союза племен».⁴³

Город возникал как жизненно необходимый орган, координирующий и направляющий деятельность образующихся на закате родоплеменного строя общественных союзов, межплеменных по своему характеру. Видимо, функциональный подход к определению социальной сути города является наиболее конструктивным. Что касается таких признаков, как плотность населения и застройки, наличие оборонительных сооружений, топографические особенности, то все они являлись производными от функций, которые усваивал город.

³⁹ Ряд исследователей считают, что функция сосредоточения, перераспределения и реализации прибавочного продукта (как ее теперь принято называть — редиистрибутивная функция) была основной, системообразующей функцией раннегородской жизни (см.: Павленко Ю. В. Основные закономерности и пути формирования... С. 178—179). Что касается Древней Руси, то мы признаем, что на ранних этапах городской жизни она играла весьма значительную роль, а именно в тот период, когда не сформировалась территориальная городская община и в зачаточном состоянии находилось мелкотоварное производство. Со временем значение этой функции уменьшается. Но вместе с тем и для раннего периода нет оснований считать ее основной.

⁴⁰ Куза А. В. [Рецензия]//Советская археология. 1978. № 4. С. 290. — Рец. на кн.: Русский город: Историко-методологический сборник. М., 1976; Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным)//Вопросы истории. 1980. № 12. С. 30.

⁴¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 101.

⁴² Там же. С. 99. — См. также: Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода)//Новгородский исторический сборник/Отв. ред. В. Л. Янин. Л., 1984. Вып. 2(12). С. 38.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 163.

Таким образом, есть все основания утверждать, что на раннем этапе города выступали преимущественно в качестве военно-политических, административных и культурных (религиозных) средоточий.⁴⁴ Их можно понимать в известном смысле и как хозяйственные центры, если учесть, что деревня в те времена была продолжением города.⁴⁵ Впрочем, данный вопрос требует дополнительных разъяснений. Б. Д. Греков полагал, будто «город всегда является оторванным от деревни, противоположен деревне».⁴⁶ Подобное представление широко распространилось среди ученых. Оно базировалось на соответствующем толковании высказываний классиков марксизма. Приведем эти высказывания и посмотрим, насколько они соответствуют столь категорическим утверждениям. В «Немецкой идеологии» читаем: «Разделение труда в пределах той или иной нации приводит прежде всего к отделению промышленного и торгового труда от труда земледельческого и, тем самым, к отделению *города* от *деревни* и к противоположности их интересов».⁴⁷ Как видим, факт отделения города от деревни К. Маркс и Ф. Энгельс связывают с возникновением нации, появившейся в условиях капиталистического общественно-экономической формации. Поэтому использование приведенного высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса для характеристики древнерусского города вряд ли правомерно. Другое высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса, которое привлекает Б. Д. Греков, гласит: «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству...»⁴⁸ Нетрудно убедиться, что здесь речь идет о начальных стадиях развития противоположности между городом и деревней. Позднее в «Капитале» К. Маркс писал: «Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности...»⁴⁹ К. Маркс противоположность между городом и деревней рассматривал диалектически, т. е. как категорию исто-

⁴⁴ Аналогичная ситуация, как мы видели, складывалась в Индии, на Ближнем Востоке и в Мезоамерике. То же самое наблюдалось в ранней истории городов Западной Европы (см.: Сюзюмов М. Я. Проблема возникновения средневекового города в Западной Европе//Средние века. Вып. 31/Отв. ред. С. Д. Сказкин. 1968. С. 79); Тушина Г. М. Проблематика и методика исследований по средневековому городу в современной французской медиевистике (60—70-е годы XX в.)//Актуальные вопросы историографии всеобщей истории XIX—XX веков. Вып. 2/Отв. ред. М. Я. Сюзюмов. Горький, 1985. С. 84, 92—93, 94/.

⁴⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь... С. 232.

⁴⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 110.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 20.

⁴⁸ Там же. С. 49.

⁴⁹ Там же. Т. 23. С. 365.

рическую.⁵⁰ Добавим к этому, что К. Маркс говорит об этой противоположности, имея в виду эпоху развитого разделения труда. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности».⁵¹

Итак, высказывания классиков марксизма не дают основания для резкого противопоставления города и деревни на ранней стадии развития городской жизни.

Помимо того, что древнейшие города выполняли роль военнополитических, административных, культурных и хозяйственных центров, о чем говорилось выше, они выступали в качестве торговых пунктов, где главным образом осуществлялась внешняя торговля. Вероятно, в них имела место и некоторая концентрация ремесла, обслуживавшего потребности родоплеменной знати в оружии, военном снаряжении и ювелирных изделиях. Однако она имела весьма ограниченное социально-экономическое значение, и масштабы ее не были столь значительными, чтобы мы могли рассуждать о ранних городах как центрах ремесленного производства. Отсюда слабость здесь (если не полное отсутствие) внутреннего обмена, а точнее внутренней торговли. Для этого были свои причины, о которых следует сказать особо.

Отделившееся от земледелия ремесло, прежде чем стать ферментом, разлагающим доклассовые отношения, и сконцентрироваться в городе, проходит стадию так называемого общинного ремесла, существующего в недрах общины и удовлетворяющего внутриобщинные нужды.⁵² Яркой иллюстрацией этому

⁵⁰ См.: Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 16; Рапов О. М. Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город». С. 64.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 50. — Внимательно проанализировавший высказывания К. Маркса о древней городской жизни Ю. В. Павленко пришел к выводу, что «в качестве общей черты всех древних городских центров, он выделял их преимущественно аграрный характер» (Павленко Ю. В. Основные закономерности... С. 176).

⁵² См.: Кропоткин В. В. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен Черняховской культуры в III—IV вв. н. э. // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма / Ред. П. И. Засурцев, М. К. Каргер. М., 1970. С. 153—154; Массон В. М. 1) Ремесленное производство в эпоху первобытного строя // Вопросы истории. 1972. № 3. С. 110; 2) Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 63. — В. М. Массон не считает возможным говорить об отделении ремесла от земледелия в данный период по причине слабости обмена (см.: Массон В. М. 1) Ремесленное производство... С. 110; 2) Экономика... С. 63). Однако он пишет также о развитии внутриобщинного обмена, хотя и в натуральной форме, проявляя тем самым известную непоследовательность (Массон В. М. Ремесленное производство... С. 117). Наличие регулярного обмена внутри общины не вызывает сомнений, поскольку налицо разделение труда между земледельцами и ремесленниками. Правда, этот обмен осуществлялся в натуральной форме. Однако характер обмена, будь он натуральным или опосредствованным торговлей, не

может служить индийская община, внутри которой происходил взаимный обмен услугами между земледельцами и ремесленниками.⁵³ На этой стадии общинного ремесла появляются мастера профессионалы, обслуживавшие «всех членов общины в силу своей принадлежности к ней».⁵⁴ Общинные ремесленники органически вписывались в традиционную социальную структуру и даже в определенной мере консервировали общинную организацию. Надо сказать, что подобные социальные организмы обладали исключительной живучестью. К. Маркс писал: «Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики».⁵⁵

Нам кажется, что восточнославянское ремесло VIII—IX вв. следует характеризовать как общинное. К сожалению, вопрос об общинном ремесле у восточных славян как этапе развития ремесленного производства со всеми присущими ему особенностями разработан в историографии крайне неудовлетворительно. Это, конечно, обедняет наши знания о восточнославянском ремесле. Славяно-русская археология между тем располагает необходимыми данными для решения этого вопроса в положительном аспекте. На поселениях восточных славян VIII—IX вв., которые мы относим к родовым поселкам,⁵⁶ археологи находят ремесленные мастерские. Обнаружены также целые поселения ремесленников, занятых, например, металлургией. И ремеслен-

меняет сути дела. Главное в том, насколько профессиональным выступает ремесло. Если им заняты мастера-профессионалы, живущие преимущественно за счет ремесленного труда, есть все основания утверждать, что выделение ремесла состоялось. Именно этот производственный критерий является, по нашему убеждению, решающим и позволяет рассматривать общинное ремесло как отделившееся от земледелия.

⁵³ См.: Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане. М., 1971; Зах С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины//Социальная организация народов Африки/Отв. ред. Д. А. Ольдерогге, С. А. Маретина. М., 1975. С. 260—261; Массон В. М. 1) Ремесленное производство... С. 111; 2) Экономика... С. 64—65; Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. М., 1981. С. 67—70.

⁵⁴ Массон В. М. Ремесленное производство... С. 110.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 371.

⁵⁶ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Об общественном строе восточных славян VIII—IX вв. в свете археологических данных//Проблемы археологии. Вып. 2/Отв. ред. А. Д. Столяр. Л., 1978. С. 131.

ные мастерские на территории поселений, и поселки ремесленников соответствуют стадии общинного ремесла.⁵⁷

Внутриобщинный характер ремесленного производства препятствовал сосредоточению ремесла в городах. И такое положение сохранялось вплоть до падения родоплеменного строя. С разложением родоплеменных отношений распалось и общинное ремесло, что привело к оседанию ремесленников вокруг городов. Но это случилось позднее.

Таким образом, город, подобно любому социальному явлению, эволюционировал. Однако его сущность центра общественных связей, организующего и обеспечивающего жизнедеятельность различных социумов, сложившихся в ту или иную систему, оставалась неизменной. Менялся лишь характер и набор этих связей.⁵⁸

Каковы же были конкретные пути возникновения древнерусского города? Мы полагаем, что первые города в упомянутом выше смысле возникали как племенные центры. Их образование соответствовало высшему этапу развития родоплеменных отношений. Хронологически оно связано с IX—X вв. Именно к этому времени относится появление таких городов, как Новгород, Киев, Полоцк, Смоленск, Белозеро, Ростов и др. Будучи средоточиями огромных племенных союзов, они неизбежно превращались в крупные городские центры, сохраняя свою масштабность и позднее, когда родоплеменной строй отошел в прошлое. Прав, на наш взгляд, В. В. Седов, когда он связывает градообразование с племенными центрами.⁵⁹ Но мы не можем согласиться с его представлением об эволюции городов из племенных центров. Мы считаем, что племенные центры это и есть города в социальном смысле слова. Дальнейшее же их развитие, как уже мы отмечали, шло по линии умножения конкретных функциональных свойств.

Многие из городов — племенных центров, по наблюдениям археологов, возникали в результате слияния нескольких поселе-

⁵⁷ Кропоткин В. В. К вопросу о развитии товарного производства... С. 154; Массон В. М. 1) Ремесленное производство... С. 110—111, 117; 2) Экономика... С. 63.

⁵⁸ Надо помнить, что существо города нельзя сводить лишь к сочетанию функций, как пытается это делать В. В. Карлов. Он пишет: «К раннефеодальным городам следует относить прежде всего те разнохарактерные по происхождению и положению в системе расселения поселения, где сочетались ремесленно-торговые, административные, политические, религиозные и военные функции» (Карлов В. В. К вопросу о понятии раннефеодального города... С. 83). Следует, видимо, различать функциональные уровни. Отдельные конкретные функции в конечном счете генерализуются в главную, коренную функцию, которая придает понятию «город» социологическое звучание. С этой точки зрения всеобщая функция города состоит в том, что он является жизненно важным, опосредствующим социальные связи центром, без которого тот или иной общественный союз существовать не может.

⁵⁹ Седов В. В. Восточные славяне. С. 242—243.

ний. Перед нами явление, напоминающее древнегреческий синойкизм.⁶⁰ Из новейших исследований явствует, что древний Новгород возник в результате слияния нескольких родовых поселков.⁶¹ Исследователи Новгорода В. Л. Янин и М. Х. Алешковский утверждают, что «модель происхождения Новгорода из политического центра одной из предгосударственных федераций имеет, по всей вероятности, немалое значение для понимания происхождения первых южных городов, в частности Киева».⁶² О том, что Киев, подобно Новгороду и прочим древнейшим городам, образовался путем синойкизма, свидетельствуют летописные и археологические источники. Вспомним летописную легенду о трех братьях Кие, Щеке и Хориве, основавших Киев. Современные исследователи находят в ней историческую основу.⁶³ Археологи видят в легенде указание на реальное существование нескольких самостоятельных поселений, предшествовавших единому городу.⁶⁴ Д. С. Лихачев, считая мотив братства в легенде сравнительно поздним, полагает, что это братство стало «как бы закреплением союза и постепенным объединением этих трех поселений».⁶⁵

Та же летописная легенда, повествующая об основании Киева, позволяет приблизиться к пониманию социально-политического статуса племенных центров. Судя по всему, они создавались как города правящие. Любопытна в этой связи ремарка летописца, рассказавшего о постройке города Киева тремя братьями: «И по сих братьи держати почаша род их княжене в полях».⁶⁶ Следовательно, в легенде постройка города ассоциируется с началом княжения. В аналогичном плане свидетельствует и легенда о призвании варяжских князей, соединяя строительство городов с управлением общественной жизнью: «...и начаша владети сами себе и города ставити».⁶⁷ Красноречиво и то, что здесь военные столкновения племен отождествляются с враждой городов: «И въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на

⁶⁰ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. С. 228; Дубов И. В. Северо-Восточная Русь. Л., 1982. С. 66.

⁶¹ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. С. 56.

⁶² Там же. С. 60.

⁶³ Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 9—10; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 22—38.

⁶⁴ Каргер М. К. 1) Древний Киев//По следам древних культур. Древняя Русь/Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1953. С. 45; 2) Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 115.

⁶⁵ Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.)//Русское народное поэтическое творчество/Отв. ред. В. И. Адрианова-Перетц. Т. 1. М.; Л., 1953. С. 155.

⁶⁶ Повесть временных лет (ПВЛ). Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 13.

⁶⁷ Новгородская первая летопись (НПЛ). М.; Л., 1950. С. 106.

град».⁶⁸ Конечно, не исключено, что тут перед нами реминесценции поздних представлений летописцев о социально-политической роли городов, современных им. Но мы располагаем фактами, которые едва ли могут вызывать сомнения. Имеем в виду сведения, содержащиеся в договоре Олега с греками, т. е. в документе, чья подлинность общепризнана. Во время похода Олега на Царьград греки, напуганные русской ратью, изъявили готовность платить дань, лишь бы князь «не воевал Грецкые земли». Олег потребовал «дати воем на 200 корабль по 12 гривен на ключь, а потом даяти уклады на русскыя грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа города; по тем бо городам седяху велиции князи под Олгом суще».⁶⁹ Значит, дань с греков «имали» не только те, кто участвовал в походе, но и крупнейшие города Руси — главнейшие общины, которые, по всей видимости, санкционировали и организовали поход на Византию. В тексте договора 907 г. фигурирует условие, отражающее все тот же своеобразный статус древнерусского города: «Приходячи Русь да витают у святого Мамы, и послет царство наше, и да испишут имена их, и тогда возмут месячное свое, — первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля, и прочии гради».⁷⁰ В русско-византийском договоре 944 г. находим сходный текст.⁷¹ Итак, в свете этих данных русский город предстает как самодовлеющая социально-политическая организация. Приняв это заключение, мы с большей внимательностью отнесемся к другому характерному летописному сообщению, взятому из рассказа о последней мести Ольги, завершившейся разорением древлянского города Искоростеня, повинного в смерти ее мужа Игоря. Расправившись с древлянами, Ольга «возложиша на ня дань тяжку: 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользе; бе бо Вышегород град Вользин».⁷² Следовательно, Киев и Вышгород получали если не всю древлянскую дань, то, во всяком случае, какую-то ее часть. Киев — вольный город. Сложнее с Вышгородом. Его летописец называет «град Вользин». Как это понять? Может быть так, что город принадлежал Ольге на частном праве? Подобные суждения встречаем в историографии.⁷³ Думаем, что А. Н. Насонов занимал более правильную позицию, когда говорил: «Вышгород XI—XII вв. возник не из княжеского села, как можно было бы думать, имея в виду слова летописца — «Ольгин град» (под 946 г.). В X—XI вв. это не

⁶⁸ Там же. С. 106.

⁶⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 24.

⁷⁰ Там же. С. 25.

⁷¹ Там же. С. 43.

⁷² Там же.

⁷³ Юшков С. В. Очерки... С. 46; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 294—295.

село-замок, а город со своим городским управлением (начало XI в.), населенный (в X в.) теми самыми русами, которые ходят в полюдь, покупают одnodеревки и отправляют их с товарами в Константинополь. Существование здесь в начале XI в. своей военно-судебной политической организации отмечено „Чтениями” Нестора и Сказанием о Борисе и Глебе. Здесь мы видим „властелина градского”, имеющего своих отроков, или „старейшину града”, производящих суд». ⁷⁴

Поступление древлянскoй дани в Киев и Вышгород, иначе киевской и вышгородской общинам, не покажется странным, если учесть, что покорение древлян — дело не одной княжеской дружины, но и воев многих, за которыми скрывалось народное ополчение, формировавшееся в городах. Без военной помощи земщины киевским князьям было не по силам воевать с восточнославянскими племенами, тем более с Византией или кочевниками. ⁷⁵ Именно этот решающий вклад земских ратников в военные экспедиции своих князей обеспечивал городам долю даней, выколачиваемых из «примученных» племен и Византийской империи, откупающейся золотом и различным узорчьем от разорительных набегов Руси. ⁷⁶

Итак, на основании данных письменных источников мы приходим к заключению о том, что города Руси X в. являли собой самостоятельные общественные союзы, представляющие законченное целое, союзы, где княжеская власть была далеко не всеобъемлющей, а лишь одной из пружин социально-политического механизма, лежавшего в основе государственного устройства.

Как явствует из источников, структура политической власти, управлявшей древнерусским обществом IX—X вв., была трехступенчатой. Военный вождь — князь, наделенный определенными религиозными и судебными функциями, совет племенной знати (старцы градские) и народное собрание (вече) — вот основные конструкции политического здания изучаемой эпохи. Обращает на себя внимание совпадение терминов, обозначающих членов совета старейшин на Руси и в других регионах древнего мира: в древнем Шумере, гомеровском полисе, древней Грузии. Это неудивительно. Как сейчас установлено, «система общинного самоуправления, унаследованная городом-государством от эпохи так называемой „военной”, или „примитивной демократии”, и включавшая, как правило, три

⁷⁴ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 53—54.

⁷⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь. С. 188—190.

⁷⁶ Необходимо отметить, что право граждан пользоваться доходами, получаемыми благодаря победоносным войнам, было характерным для античных городов-государств (см.: Штаерман Е. М. Эволюция античной формы собственности и античного города//Византийский временник. 1973. Вып. 34/Отв. ред. З. В. Удальцова. С. 5).

элемента: народное собрание, совет старейшин и общинных магистратов или вождей, была в равной мере характерна для городов как Запада, так и Востока на наиболее ранних этапах их развития».⁷⁷

Отмечая родоплеменную структуру и характер общественной власти на Руси IX—X вв., не следует игнорировать новые веяния в традиционной общественной организации. Мы, в частности, имеем в виду зачатки публичной власти, появлению которых способствовало возникновение племенных центров, конструирующихся в города-государства. Само сосредоточение власти в городе порождало тенденции к отрыву власти от широких масс рядового населения и, следовательно, превращению ее в публичную власть. Это превращение стимулировало подчинение восточнославянских племен Киеву, завершившееся образованием грандиозного межплеменного суперсоюза под гегемонией полянской общины. Существование подобного союза невозможно было без насилия со стороны киевских правителей по отношению к покоренным племенам. Отсюда ясно, что публичная власть материализовалась в насильственной политике, идущей из Киева. Довольно ярко это проявилось в событиях, связанных с языческой реформой Владимира, предпринятой, безусловно, с санкции киевской общины. Известно, что Перун вместе с другими богами был поставлен вне Владимирова «двора теремного» и тем самым провозглашен богом всех входящих в суперсоюз племен. Дальнейшие события показали, что внедрять эту идею пришлось с помощью силы. Во всяком случае, появление Перуна в Новгороде было связано с прибытием Добрыни в город на правах наместника киевского князя. Еще более красноречиво об этом свидетельствуют происшествия, связанные с крещением Руси. Христианство, принятое в Киеве не без участия веча, впоследствии прививалось новгородцам посредством «огня и меча».

Возвращаясь к городским союзам, автаркичным по социально-политической сути, мы ставим вопрос: в каком отношении они находились с сельской округой?

Мы уже видели, что город возникал в результате общинного синойкизма, являлся порождением сельской стихии. Органически связанный с селом город не противостоял ему, но, напротив, являлся как бы ступенью в развитии сельских институтов. Города на первых порах, вероятно, имели аграрный характер,⁷⁸ т. е. среди их населения немало было тех, кто занимался сельским хозяйством. Яркой иллюстрацией может служить летописный рассказ о походе княгини Ольги на Искоростень. Простояв в долгой бесплодной осаде, Ольга через послов

⁷⁷ Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города-государства// Античный полис/Отв. ред. Э. Д. Фролов. Л., 1979. С. 9.

⁷⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. С. 236.

говорила древлянам: «Что хотите доседети? А вси гради ваши предашася мне, и ялись по дань, и делают нивы своя и земле своя...»⁷⁹ Любопытна фразеология летописца, по которой именно города «делают нивы своя и земле своя». Отсюда явствует, что горожане у древлян еще не порвали с пашней, а это значит, что они еще тесно связаны с прилегающей к городу сельской территорией.⁸⁰ Сельскохозяйственные занятия горожан прослеживаются и в других областях Руси.⁸¹ Напрашивается историческая параллель с античностью. «Первоначальные греческие полисы, — замечает В. Д. Блаватский, — повсеместно имели земледельческий характер, а среди населения было много землепашцев. Да и в дальнейшем основная масса античных городов сохраняла тесную связь с ближайшей земледельческой округой».⁸² Экономика этих полисов базировалась на сельском хозяйстве. То же самое было у африканских йорубов. В основе экономики их городов-государств лежало земледелие.⁸³

В конце X — начале XI вв. Русь вступает в полосу завершения распада родоплеменного строя. Это было время неукротимого разложения родовых отношений,⁸⁴ перехода от верви-рода к верви-общине, «от коллективного родового земледелия к более прогрессивному тогда — индивидуальному».⁸⁵ Рождалась новая социальная организация, основанная на территориальных связях. Начинается так называемый дофеодальный период в истории Древней Руси, являющийся переходным от доклассовой формации к классовой, феодальной. То был период, существование которого убедительно доказал А. И. Нусыхин на материале раннесредневековой истории стран Западной Европы. Вполне естественно, что и в истории города мы сталкиваемся с новыми процессами. Так, среди современных археологов бытует мнение, согласно которому на Руси в конце X — начале XI вв. можно наблюдать многочисленные случаи переноса городов. Это явление некоторые исследователи связывают с «новой более активной стадией феодализации».⁸⁶ Мы видим тут одно из проявлений сложного процесса пере-

⁷⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 42.

⁸⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 6; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского города. С. 53, 55. — Не случайно древнейшие русские города западноевропейские источники называли «*civitas*», что, как известно, обозначает город с прилегающей к нему округой (Ловмянский Г. О происхождении древнерусского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1977. С. 99).

⁸¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 67—68.

⁸² Блаватский В. Д. Античный город // Античный город / Отв. Ред. А. И. Болтунова. М., 1963. С. 9.

⁸³ Кочакова К. Б. Города-государства йорубов. М., 1968. С. 68.

⁸⁴ Рыбаков Б. А. Древняя Русь... С. 57.

⁸⁵ Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений... С. 42.

⁸⁶ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С. 65.

стройки общества на территориальных основах, а не новую фазу феодализации. Перед нами, в сущности, рождение нового города, хотя и опирающегося на некоторые древние традиции. «Перенос» есть, по сути дела, вторичный синойкизм. Так, функции крупных раннегородских центров Михайловского, Петровского, Тимиревского перешли к Ярославлю.⁸⁷ Многие города зарождались в гуще поселений, которые вскоре прекращали свое существование.⁸⁸ Подобного рода явления имеют яркие этнографические и сравнительно-исторические параллели. Так, у индейцев северо-западной Америки в период формирования территориальных связей несколько поселений на побережье прекратили свое существование, а вместо них возникло одно большое поселение, расположенное в другом месте.⁸⁹ Нечто подобное наблюдается и в Повисленье, где в VIII—X вв. существовало несколько городов, но к концу X—началу XI вв. жизнь в них замерла, и центром округа стал город Краков.⁹⁰ Количество этих примеров можно было бы умножить.

Разложение родовых связей означало прекращение существования упоминавшегося ранее внутриобщинного ремесла. Ремесленники, выходя из-под покрова родовой общины, устремились к городам, поселяясь у их стен. Начался быстрый рост посадов. Не случайно возникновение посадов в большинстве русских городов происходит именно в XI в.⁹¹ Города становятся центрами ремесла и торговли, т. е. присоединяют к своим прежним социально-политическим и культурным функциям экономическую функцию. Полного расцвета городские ремесла и торговля достигают в XII в. И все же главнейшие города Руси и в это время выступали в первую очередь не как центры ремесла и торговли, а как государственные средоточия, стоящие во главе земель — городских волостей-государств. О том, как шел процесс складывания подобных государственных образований, речь пойдет в следующих разделах настоящей книги.

⁸⁷ Там же. С. 78.

⁸⁸ Воронин Н. Н. К итогам и задачам... С. 11.

⁸⁹ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961. С. 38—39.

⁹⁰ Zak i A. Najstarsze miasta Malopolski. Krakow, 1967. S. 1—27.

⁹¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 47; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 133.

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА В ЮЖНОЙ РУСИ XI—XII вв.

1. Город-государство в Киевской земле

Изучение процесса формирования волостной организации в Киевской земле представляет для нас особый интерес. Дело в том, что в современной исторической науке сложилась традиция, изображающая Киевскую землю чуть ли не оплотом монархизма в Киевской Руси и противопоставляющая ее в этом отношении городам с сильным вечевым началом, таким, как Полоцк и особенно Новгород.

В. Л. Янин и М. Х. Алешковский усматривают в новгородской республике нечто феноменальное, совершенно непохожее на социально-политическую организацию древнерусских княжеств, в частности Киевского княжества, где господствовало якобы монархическое начало.¹ П. П. Толочко пишет о том, что «верховным главой» в Киеве являлся великий князь. Правда, известную роль играло и вече: «При сильном киевском князе вече было послушным придатком верховной власти, при слабом — зависимость была обратной. Другими словами, в Киеве XI—XII вв. сосуществовали, дополняя один другого, а нередко и вступая в противоречие, орган феодальной демократии (вече) и представитель монархической власти (великий князь)».²

По нашему мнению, становление волостного строя Киевской земли не укладывается в рамки, очерченные упомянутыми ис-

¹ Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. М., 1961. С. 3; 2) Проблемы социальной организации Новгородской республики//История СССР. 1970. № 1; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы)//Там же. 1971. № 2.— Эта точка зрения высказывалась еще в дореволюционной исторической науке (см.: Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства//ЖМНП. 1869. Нояб. С. 70, 88; дек. С. 226; Лимберт А. Предметы ведомства «веча» в княжеский период Древней России. Варшава, 1877. С. 109—119, 124—128, 130—131, 135).

² Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 206, 208.

следователями. Возникновение волости, города-государства в Среднем Поднепровье шло тем же путем, что и в других землях.

Формирование территориальных связей, складывание города-волости (города-государства) более или менее хорошо прослеживается на материалах, относящихся к истории Киевской земли. Под 996 г. летопись сообщает: «И умножишася зело разбоеве, и реша епископи Володимеру: „Се умножишася разбойници; почто не казниши их?“ Он же рече им: „Боюся греха“. Они же реша ему: „Ты поставлен еси от бога на казнь злым, а добрым на милованье. Достойть ти казнити разбойника, но со испытаньем“. Владимир же отверг виры, нача казнити разбойники, и реша епископи и старцы: „Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди“. И рече Володимер: „Тако буди“. И живяше Володимеръ по устроенью отню и дедню». Рост разбоев свидетельствует о деструктивных изменениях, происходящих в недрах родоплеменного строя. Старая система родовой защиты начинает давать сбои. Владимир как представитель отживающего строя ищет пути решения этой проблемы. Но сделать это было весьма трудно. Отсюда и такие колебания в выборе средств для борьбы с разбоями.

С летописью перекликается известная былина об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике. В образе Соловья следует видеть не «столько придорожного грабителя (такие существуют в былинах отдельно от Соловья), сколько представителя косных сил родоплеменного строя...».³ Соловей предстает в былинах как глава целого рода. Он окружен эндогамной группой своих сыновей, дочерей и зятьев. Обитает Соловей в собственном родовом подворье, обнесенном тыном...

Сидит на тридевяти дубах.

Сидит тридцать лет,

Ни конному, ни пешему пропуску нет.

Прав Б. А. Рыбаков, отметивший, что Соловей — не обычный разбойник на большой дороге, который живет за счет проезжих торговых караванов.⁴ Думаем, что образ Соловья порожден эпохой формирования территориальных связей. Родовой строй уходил в прошлое отнюдь не безболезненно, подчас отчаянно сопротивлялся.

Весьма характерно упоминание летописью бедняков и нищих, живших в Киеве во времена Владимира: «И створи (Владимир. — Авт.) праздник велик... болярам и старцем градским, и убогим раздая именье много».⁵ Князь «повеле всякому ни-

³ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 73.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 85.

щему и убогому приходити на двор княжь и взимати всяку потребу питье и яденье, и от скотъниц кунами».⁶ Эти убогие и нищие, конечно, явление нового времени — периода распада старого родоплеменного единства.

В коллизиях гибели родоплеменного строя рождалась новая киевская община, которая властно заявляет о себе со страниц летописи. И это несмотря на то, что летописец стремился в первую очередь отразить деятельность князей.

В 980 г. Владимир, собрав огромную рать, пошел на своего брата Ярополка, княжившего в Киеве. Ярополк не мог «стати противу, и затворися Киеве с людми своими и с Блудом».⁷ Владимиру удалось склонить к измене Блуда. И стал Блуд «лестью» говорить князю: «Кияне слются к Володимеру, глаголюще „Приступай к граду, яко предамы ти Ярополка. Побегни за град“».⁸ Напуганный Ярополк «побежал», а Владимир победно «вниде в Киев».⁹ Отсюда ясно, что уже в этот ранний период положение князя в Киеве в немалой мере зависело от расположения к нему городской массы. Поэтому не выглядит неожиданной и история, произошедшая с тмутараканским Мстиславом, когда он «приде ис Тьмуторокана Кыеву, и не прияша его кыяне».¹⁰

Князья, правившие в конце X — начале XI вв., считались с растущей силой городской общины, стремились ее как-то ублажить. Не случайно Святополк скрывал от киевлян смерть Владимира,¹¹ а сев на стол, созвал «кыян» и «нача даяти им именье».¹² После убийства Бориса и Глеба, он также «созвав люди, нача даяти овем корзна, а другим кунами, и раздая множество».¹³

Крепнущая городская община держала в поле зрения и религиозный вопрос. Князь Владимир предстает на страницах летописи в окружении не только дружинном, но и народном. Вместе с «людьми» он совершает языческие жертвоприношения.¹⁴ В отправлении языческого культа народу отводится активнейшая роль. Убийство христиан-варягов, обреченных в жертву «кумирам», — дело рук разъяренных киевлян («людей», которые, между прочим, вооружены).¹⁵ Особенно важно подчеркнуть причастность «людей» киевской общины к учреждению христианства на Руси. Они присутствуют на совещании по выбору религии, подают свой голос, избирают «мужей доб-

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Там же. С. 54.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Там же. С. 89.

¹² Там же. С. 90.

¹³ Там же. С. 95.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Там же.

рых и смысленных» для заграничного путешествия с целью «испытания вер». ¹⁶ В одной из скандинавских саг говорится о том, что по вопросу о вере русский князь созывает народное собрание. ¹⁷ При решении важнейших вопросов князья должны были считаться с мнением городской общины.

Такое внимательное отношение к городской общине станет еще понятнее, если учесть, что она обладала военной организацией, в значительной степени независимой от князя. Вои, городское ополчение — действенная военная сила уже в этот ранний период. Именно с войми князь Владимир «пойде противу» печенегам в 992 г. ¹⁸ Любопытно, что в легенде, помещенной в летописи под этим годом, героем выставлен не княжеский дружинник, а юноша-кожемяка — выходец из просто-народья. В 997 г. Владимир не сумел выручить белгородцев, поскольку «не бе бо вой у него, печенег же множество много». ¹⁹ Без народного ополчения (воев) справиться с печенегами было невозможно.

Вои активно участвовали и в междоусобных княжеских распрях. Не зря советники Бориса Владимировича говорили ему: «Се дружина у тебе отья и вои. Пойди, сяди Кыеве на столе отни». ²⁰ Вои также служили опорой Ярославу в его притязаниях на Киев, а Святополку — для отражения ярославовых полков. ²¹

Так начинался процесс формирования волостной общины в Киевской земле. Проследить за этим процессом не всегда удастся, ибо он протекает порой как бы латентно, скрыто от глаз исследователя, но временами прорывается на поверхность исторического бытия и попадает в поле зрения летописцев.

Несомненный интерес в этом отношении представляют события в Киеве в 1068—1069 гг., в которых перед нами выступает достаточно конституированная городская община. Пик самовыражения ее — вече, т. е. сходка всех свободных жителей Киева и его окрестностей. Возмущенные, требующие оружия киевляне собираются на торговище. Из слов летописца явствует, что «людье», собравшиеся на вече, сами принимают решение вновь сразиться с половцами и предъявляют князю требование о выдаче коней и оружия. Нельзя в этом не видеть проявления известной независимости веча по отношению к княжеской власти. Вообще, в событиях 1068—1069 гг. киевская община действует как вполне самостоятельный социум, ставящий себя на одну доску с княжеской властью. Вместо изгнан-

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Рыдзевская Е. А. Легенда о кн. Владимире в саге об Олафе Трюгвасоне//ТОДРЛ. 1935. № 2. С. 14.

¹⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 84.

¹⁹ Там же. С. 87.

²⁰ Там же. С. 90.

²¹ Там же. С. 97.

ного Изяслава киевские «людье» сажают на стол Всеслава. Когда перевес сил оказался на стороне Изяслава, община обратилась за помощью к его братьям.²² Это обращение к Святославу и Всеволоду также результат вечевого решения.

Возникает вопрос, каков был состав киевлян, изгнавших Изяслава? М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин считали, что термин «людье киевстии» обозначает торгово-ремесленное население Киева.²³ Б. Д. Греков писал о том, что «движение киевлян 1068 г. против Изяслава Ярославича в основном было движением городских масс». В то же время он замечал: «Но не только в XI в., а и позднее трудно отделить городскую народную массу от сельского населения. Необходимо допустить, что и в этом движении принимало участие сельское население, подобно тому, как это было и в 1113 г. в Киеве».²⁴ Несколько иначе к решению этого вопроса подходит В. В. Мавродин: «Кто были эти киевляне — „людье киевстии?“ Это не могли быть ни киевская боярская знать, ни воины киевского „полка“ (городского ополчения), ни тем более княжеские дружинники, так как и те, и другие, и третьи не нуждались ни в оружии, ни в конях. Нельзя также предположить, что под киевлянами „Повести временных лет“ следует подразумевать участников битвы на берегах Альты, потерявших в бою с половцами и все свое военное снаряжение и коней. Пешком и безоружными они не могли бы уйти от быстроногих половецких коней, от половецкой сабли и стрелы. Таких безоружных и безлошадных воинов половцы либо изрубили бы своими саблями, либо связанных угнали в плен в свои кочевья. Прибежали в Киев жители окрестных сел, спасавшиеся от половцев. Они-то и принесли в Киев весть о том, что половцы рассыпались по всей киевской земле, жгут, убивают, грабят, уводят в плен. Их-то и имеет в виду „Повесть временных лет“, говорящая о киевлянах, бегущих от половцев в Киев».²⁵

Едва ли стоит, на наш взгляд, определять понятие «людье киевстии» альтернативно, т. е. усматривать в нем либо обозначение горожан, либо, наоборот, — селян. За этим понятием угадываются скорее и остатки киевского ополчения, разгромленного кочевниками, и обитатели сел Киевской земли, искавшие укрытия за крепостными стенами стольного города. Раскрыв, таким образом, смысл термина «людье киевстии», полу-

²² Там же. С. 115—116.

²³ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 94; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда//Новосельцев А. П. Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 175.

²⁴ См.: Очерки истории СССР: Период феодализма IX—XV вв./Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто. Ч. 1. М., 1953. С. 176.

²⁵ Мавродин В. В. Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961. С. 60.

чаем возможность констатировать очень важную деталь: причастность к вече 1068 г. не только горожан, но и сельских жителей. Данное наблюдение позволяет соответственно раскрыть и содержание слова «кыяне», за которым нередко скрывалось население Киевской волости (не одного лишь Киева). Правда, В. Л. Янин и М. Х. Алешковский думают иначе: «Новгородцами, киевлянами, смолянскими и т. д. в XI—XIII вв. всегда называли только самих горожан, а не жителей всей земли...».²⁶ Мы полагаем, что ближе к истине А. Е. Пресняков, который указывал, что под «кыянами» необходимо «разуметь часто не жителей только Киева, а Киевской земли».²⁷ Мнение А. Е. Преснякова находит должную опору в источниках.²⁸

Столь широкое значение терминов «людьє кыевстии», «кыяне» свидетельствует о заметных результатах процесса становления Киевской волости в качестве города-государства, отчего становится понятной тревога киевлян за судьбу всей земли.

Историческое развитие Киевской земли шло в русле общерусской истории. Примерно к середине XI в. обращена знаменитая реплика летописца: «Новгородци бо изначала и Смоленне и Кыяне и Полочане и вся власти яко на думу на веча сходятся. На что же старешии сдумають, на томъ же пригороди стануть».²⁹

Киевское вече, являвшееся народным собранием, мы только что видели в действии. На нем вечники без князя обсуждают сложившуюся обстановку, изгоняют одного правителя и возводят на княжеский стол другого, договариваются о продолжении борьбы с врагом, правят посольства. В событиях 1068—1069 гг. вече вырисовывается как верховный орган народоправства, возвышающийся над княжеской властью. Вот почему киевскую государственность той поры нельзя характеризовать в качестве монархической. Перед нами государственное образование, строящееся на республиканской основе.

Что касается системы «старший город — пригороды», то первые ее проявления мы замечаем в начале XI в. Летописец сообщает: «Болеслав же вниде в Киев с Святополком. И рече Болеслав: „Разведете дружину мою по городом на покоръм“, и бысть тако».³⁰ Здесь, судя по всему, упоминаются пригороды Киева. Захват главного города означал распространение власти и на пригороды. Из Киева Святополк отдал распоряже-

²⁶ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода... С. 52.

²⁷ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М., 1938. С. 170.

²⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 233—234.

²⁹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М., 1962. Стб. 377—378.

³⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 97.

ние: «„Елико ляхов по городам, избивайте я”. И избиша ляхы».³¹

В летописном рассказе о событиях 1068—1069 гг. есть еще одна любопытная деталь, ярко характеризующая городскую общину. Изгнав Изяслава, киевляне «двор же княжь, разграбиша, бесщисленое множество злата и сребра, кунами и белью».³² Такого рода явления мы встречаем и в других землях.³³

Нет оснований квалифицировать эти грабежи как акты исключительно классовой борьбы. В древних обществах «совокупный прибавочный продукт, отчуждающийся в самых различных формах в пользу вождей и предводителей, рассматривается не только как компенсация за отправление общественно полезной функции управления, но и как своего рода общественный фонд, расходование которого должно производиться в интересах всего коллектива».³⁴

В свете этих данных становится понятным внутренний смысл киевского 1068 г. и других грабежей. Князья на Руси существовали в значительной степени за счет кормлений — своеобразной платы свободного населения за отправление ими общественных служб, происхождение которой теряется в далекой древности.³⁵ Все это способствовало выработке взгляда на княжеское добро как на общественное отчасти достояние, чем и мотивировано требование, предъявленное князю киевлянами: дать и оружие и коней. Князья в Киевской Руси должны были снабжать народное ополчение конями и оружием.³⁶

Итак, под 1068—1069 гг. летописец разворачивает выразительную картину деятельности киевской волостной общины.³⁷

Летописные сообщения конца XI в. — добавочные штрихи к этой картине. Становление киевской общины осуществлялось на путях утверждения демократизма социально-политических отношений. Недаром князья апеллируют к мнению общины даже в вопросах внутрикняжеского быта. В 1096 г. «Святополк и Володимер посласта к Олгови, глаголюща сие: „Поиде Киеву, да поряд положим о Русьстей земли пред людьми градскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых”».³⁸ Олег, «послушав злых советник», надменно отвечал: «Несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом». Послед-

³¹ Там же.

³² Там же. С. 115.

³³ См. с. 202, 238 настоящей книги.

³⁴ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 184.

³⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 62—65.

³⁶ Там же. С. 57—58.

³⁷ Подробно о событиях 1068—1069 гг. см.: Фроянов И. Я. Вече в Киеве 1068—1069 гг. // Из истории феодальной России / Отв. ред. В. А. Ежов, И. Я. Фроянов. Л., 1978.

³⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 150.

няя фраза говорит о многом. Во-первых, она намекает, что за «людьми градскими» скрывались демократические элементы, почему Олег и уподобил их смердам. Во-вторых, из нее следует, что князь приглашался в Киев не только для выработки совместных действий против «поганных», но и для разрешения межкняжеских споров, где «людям градским» наряду с епископами, игуменами и боярами предназначалось быть посредниками.³⁹ Олег не откликнулся на зов братьев. И эта реакция князя, по летописцу, являлась отклонением от нормы, ибо он «въсприим смысл буй и словеса величава».⁴⁰

Год спустя в Киеве застаем «людей» в положении консультирующих князя. Тогда в Киеве назревали трагические события. По навету Давыда был схвачен Василько Тербовльский. Начался пролог к кровавой драме, кульминацией которой стало ослепление ни в чем не повинного князя. Святополк, замешанный в неприглядной истории с Васильком, почувствовав то ли угрызения совести, то ли страх за содеянное, «созва боляр и кыян, и поведи им, еже бе ему поведал Давыд, яко „брата ти убил, а на тя свечался с Володимером, и хочет тя убити и грады твоя зяти“». И реша боляре и людье: „Тобе, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвил Давыд, да приметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыд, да прииметь месть от бога и отвечает пред богом“».⁴¹ Очевидно, что «кыяне» тут — людье, городская масса.⁴²

В дальнейшем те же «кыяне» переходят к активным действиям, указывающим на широкие полномочия киевской общины. Когда князя Владимир Мономах, Олег и Давыд Ольговичи собрали «воев» и выступили против Святополка, чтобы покарать его за причастность к ослеплению Василька, он «хоте побегнути ис Киева, и не даша ему кыяне побегнути, но послаша Всеволожую и митролита Николу к Володимеру...».⁴³ Посланцы поведали Владимиру «молбу кыян, яко творити мир, и блюсти земле Русьские; и брань имети с погаными».⁴⁴ Благодаря инициативе «кыян» начавшийся было конфликт разрешился миром. М. С. Грушевский, комментируя приведенные летописные известия, отмечал: «Ходатайство общины было уважено, и союзники обещали окончить дело мирно. Весьма характерна в этом рассказе подробность, что князя вели пере-

³⁹ См.: Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966. С. 162.

⁴⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 150.

⁴¹ Там же. С. 172.

⁴² Некоторые исследователи полагали, что Святополк совет держал с «кыянами» на вече (см.: Грушевский М. С. История Киевской земли. Киев, 1891. С. 110, 305).

⁴³ ПВЛ. Ч. 1. С. 174.

⁴⁴ Там же. С. 175.

говоры с общиною помимо ее князя, которого община засло-
няет при этом».⁴⁵

Сколь свободно поступали «кыяне» в обращении с князья-
ми свидетельствует эпизод, помещенный в Повести временных
лет под 1093 г., когда Святополк, Владимир и Ростислав по-
шли на половцев, разорявших русские земли. Дойдя до Стуг-
ны, князья заколебались, переправляться ли через реку или
же стать на берегу, угрожая кочевникам. И киевляне настоя-
ли на том, от чего тщетно отговаривали Владимир Мономах
и лучшие мужи: перевозиться через Стугну. Летописец сооб-
щает: «Святополк же и Володимер и Ростислав созваша дру-
жину свою на совет, хотяче поступить черес реку, и пачаша
думати. И глаголаше Володимер, яко „Сде стояче черес реку,
в грозе сей, створим мир с ними“. И пристояху совету сему
смыслении мужи, Янь и прочии. Кыяне же не всхотеша совета
сего, но рекша: „Хочем ся бити; поступим на ону сторону
реки“. И възлюбиха съвет съ, и преидоша Стугну реку». Кто
такие «кыяне», выясняется из последующего повествования
о том, как половцы «налегаша первое на Святополка, и взло-
миша полк его. Святополк же стояше крепко, и побегоша
людье, не стерпяче ратных противленья и послеже побежа Свя-
тополк».⁴⁶ Бежавшие с поля боя «людье» — это народные опол-
ченцы из киевского войска, приведенные Святополком. Они
и есть «кыяне», отвергнувшие совет Мономаха и «смыслених
мужей».⁴⁷

Ополчение городской общины, включавшее в себя и сель-
ский люд, живший в волости, — основная военная сила Киева
во внешних столкновениях на протяжении XI столетия. Еще
в 1031 г. «Ярослав и Мстислав собраста вой много, идоша на
Ляхы».⁴⁸ Битву с печенегами в 1036 г. Ярослав выиграл с по-
мощью «кыян» и «новгородцев».⁴⁹ «Вои многы» шли в послед-
ний поход Руси на Царьград, состоявшийся в 1043 г.⁵⁰ В 1060 г.
«Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав совокупиша вои
бещислены, и поидоша на коних и в лодях, бещислено множь-
ство, на торкы».⁵¹

«Простая чадь» Киева не оставалась пассивной и в меж-
княжеских войнах. Так, в 1067 г. «заратися Всеслав, сын Бря-
числавль, Полочьске и зая Новъгород. Ярославиче же трие —
Изяслав, Святослав, Всеволод, — совокупивше вои, идоша на

⁴⁵ Грушевский М. С. История Киевской земли. С. 306.

⁴⁶ ПВЛ. Ч. 1. С. 144.

⁴⁷ Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. Пг., 1919.
С. 43.

⁴⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 101.

⁴⁹ Там же. С. 101—102.

⁵⁰ Там же. С. 103—104.

⁵¹ Там же. С. 109.

Всеслава».⁵² Князь Изяслав, помогая брату своему Всеволоду, теснимому племянниками, «повеле сбирати вои от мала до велика».⁵³ Изяслав сложил голову за Всеволода. Смерть наступила князя, «стоящего в пешцах»,⁵⁴ — яркий штрих, подтверждающий большую значимость ополченцев в битве на Нежатиной Ниве. В распрах Владимира Мономаха и его сыновей с Олегом Святославичем «вои» действуют с той и другой стороны как основная опора враждующих князей.⁵⁵ Наличие многих «воев» укрепляло в князьях уверенность в победе. Так, в 1097 г. Святополк Изяславич намеревался захватить «волости» Володаря и Василько, «надеяся на множество вои».⁵⁶

Характерные черты киевской волостной общины проступают в событиях 1113 г., последовавших за смертью князя Святополка. Ученые располагают двумя версиями изложения этих событий в древних источниках. Согласно Ипатьевской летописи, после кончины Святополка «свет створиша Кияне, послаша к Володимеру, глаголюще, поиди княже на стол отен и деден; се слышав Володимер, плакася велми, и не поиде жая си по брате. Кияне же разъграбиша двор Путятин тысячького, идоша на Жида и разграбиша я, и послашася паки Кияне к Володимеру, глаголюще поиди, княже, Киеву, аще ли не поидеши, то веси яко много зло уздвигнеться, то ти не Путятин двор, ни соцьких, но и Жида грабити и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры, и на монастыре, и будеши ответ имел, княже, оже ти монастыре разъграбять. Се же слышав Володимер, поиде в Киев».⁵⁷ В Сказании о Борисе и Глебе вокняжение Владимира Мономаха в Киеве изображается несколько иначе: «Святополку преставившюся... и многу мятежю и крамоле бывъши в людях и мълве не мале. И тогда съвъкупивъшеся вси людие, паче же большии и нарочитии мужи, шедъше причьтм всех людии и моляху Володимера, да въшьд устави крамолу сущюю в людх. И въшьд утоли мятежь и гълку в людях».⁵⁸

Истолкование учеными событий 1113 г. в Киеве зависело от того, какому источнику они придавали решающее значение. Так, С. М. Соловьев и М. С. Грушевский, опиравшиеся на Ипатьевскую летопись, говорили о вечевом избрании Владимира Мономаха на княжеский стол всеми киевлянами.⁵⁹ М. Д. Приселков, отдавший предпочтение Сказанию о Борисе

⁵² Там же. С. 111—112.

⁵³ Там же. С. 133.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 168—170.

⁵⁶ Там же. С. 178.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 275—276.

⁵⁸ Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 69.

⁵⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1959. С. 402; Грушевский М. С. История Киевской земли. С. 122.

и Глебе, писал: «Не было ли дело так, что смерть Святополка вызвала попытку низов („людей”) расправиться с правящими, так сказать княжескими, верхами, и не исходило ли приглашение Владимира на стол именно из кругов „болших и нарочитых мужей” и монастырей, а не ото всех Киян, как изображает летопись». ⁶⁰

Эта точка зрения была принята советскими историками. М. Н. Покровский, именовавший волнения 1113 г. революцией, полагал, что инициатива приглашения Владимира Мономаха в Киев, шла сверху. ⁶¹ Большинство современных исследователей Киевской Руси считают Мономаха ставленником знатных и богатых. К числу их относятся Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов, Б. А. Рыбаков, П. П. Толочко и др. ⁶² Промежуточную позицию занял Л. В. Черепнин. Он писал: «Очевидно, решение о призвании Мономаха в Киев было принято представителями господствующего класса (местного боярства и верхов городского населения), но оформлено в виде вечевого постановления». ⁶³

Мысль о появлении Владимира Мономаха в Киеве по воле боярства оказалась для некоторых исследователей настолько привлекательной, что для подкрепления ее они приводили подробности, отсутствующие в источниках. По словам Б. Д. Грекова, «Киев не был вотчиной Мономаха. Владимира выбрало вече, собравшееся на этот раз не на площади, где господствовал восставший народ, а в храме св. Софии, вместившем в себя боявшуюся народного гнева „степенную” публику». ⁶⁴ В другой работе Б. Д. Греков о вече вовсе не упоминает, сводя все к собранию верхов в Софийском соборе: «Напуганная (восстанием.— Авт.) феодальная знать и торгово-ремесленная верхушка Киева собралась в храме Софии и здесь решила вопрос о приглашении на княжение Владимира». ⁶⁵ В первом случае автор, рассуждая о собрании «степенной публики» в храме Софии, ссылается на «Историю Российскую» В. Н. Татищева, а во втором уже без всяких ссылок заявляет о нем как о бес-

⁶⁰ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 323.

⁶¹ Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 1. С. 163.

⁶² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 502—503; Мавродин В. В. Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. С. 72; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.; Л., 1963. С. 241; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 450; Толочко П. П. 1) Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев, 1980. С. 105—106; 2) Древний Киев. С. 212—214.

⁶³ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. С. 235.

⁶⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 502.

⁶⁵ Очерки истории СССР: Период феодализма IX—XV вв. Ч. 1. С. 190.

спорном факте. Но в «Истории» В. Н. Татищева нет сведений о собрании бояр и верхушки посада в киевской Софии. В обеих редакциях его «Истории» сообщается о том, что киевляне пришли «к церкви святой Софии», сошлись «у святых Софии». Текст первой редакции: «По смерти Святополка кияне, сошедшие на вече у святых Софии, избраша вси на великое княжение Владимира Всеволодовича».⁶⁶ Во второй редакции сказано: «По смерти его (Святополка. — Авт.) киевляне, сошедшие к церкви святой Софии, учинили совет о избрании на великое княжение, на котором без всякого спора все согласно избрали Владимира Всеволодовича».⁶⁷ В. Н. Татищев пишет именно о «всеобщем избрании» Владимира на княжение киевское.⁶⁸

Б. Д. Греков не только прошел мимо этого красноречивого указания историка, но и приписал ему известие о собрании знати в храме Софии, тогда как у него речь идет о сходке киевлян возле церкви.

Надо заметить, что М. Н. Тихомиров в свое время выразил серьезные сомнения насчет правомерности утверждения Б. Д. Грекова о собрании феодальной знати и торгово-ремесленной верхушки Киева в храме Софии. «Источники, — подчеркивал М. Н. Тихомиров, — об этом ничего не говорят».⁶⁹

С. Л. Пештич указывал на то, что известие В. Н. Татищева о месте избрания Владимира Мономаха киевским князем было усилено Б. Д. Грековым, который, не довольствуясь татищевским сообщением о собрании киевлян у церкви Софии, перенес

⁶⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. М.; Л., 1964. С. 179.

⁶⁷ Там же. Т. II. М.; Л., 1963. С. 128.

⁶⁸ Верный своим монархическим взглядам, В. Н. Татищев не мог не прокомментировать факт избрания вечем Мономаха на киевский стол. В соответствующем примечании он писал: «Сие избрание государя погрешно внесено; ибо по многим обстоятельствам видим, что силы киевлян в том не было и брали сущие наследники по закону, или по заветам, или силою» (Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 260). С. М. Соловьев усматривал в приведенных словах «лучшее доказательство добросовестности Татищева: ему не нравился факт избрания, и, однако, он оставил его в тексте» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 704). Из цитированного примечания И. И. Смирнов также сделал вывод, что текст об избрании Мономаха на киевское княжение «никак не является продуктом творчества Татищева, а извлечен им из источника (Смирнов И. И. Очерки... С. 256). Едва ли прав С. Л. Пештич в том, что «Татищев в силу своих монархических убеждений хотел представить избрание Владимира Мономаха на Киевский стол как дело знати, а не всего населения города, поэтому он место избрания не без умысла перенес к святой Софии» (Пештич С. Л. Русская историография XIII в. Ч. 1. Л., 1961. С. 250). В. Н. Татищев недвусмысленно говорит о вечевом, «всеобщем» избрании киевлянами Мономаха, а не одной лишь знатью.

⁶⁹ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. С. 136.

это собрание внутри храма.⁷⁰ На неточность передачи Б. Д. Грековым «татищевского известия» обращал внимание И. И. Смирнов.⁷¹

Несмотря на все эти замечания, Б. А. Рыбаков повторил ту же неточность, придав ей еще более законченный концептуальный характер: «17 апреля 1113 г. Киев разделился надвое. Киевская знать, те, кого летописец обычно называл „смысленными“, собралась в Софийском соборе для решения вопроса о новом князе. Выбор был широк, князей было много, но боярство совершенно разумно остановилось на кандидатуре переяславского князя Владимира Мономаха. В то время, пока боярство внутри собора выбирало великого князя, за его стенами уже бушевало народное восстание».⁷² Б. А. Рыбаков называет Владимира Мономаха боярским князем.⁷³

Построенная на неточной передаче известий В. Н. Татищева о событиях в Киеве 1113 г. концепция Б. Д. Грекова — Б. А. Рыбакова уводит в сторону от понимания подлинной сути произошедшего в поднепровской столице. Вот почему есть необходимость еще раз вернуться к источникам и внимательно разобраться в них.

Описание случившегося весной 1113 г. в Киеве сохранилось, как уже отмечалось, в Ипатьевской летописи, а также в Сказании о князьях Борисе и Глебе. В качестве дополнения к ним служат татищевские сведения, извлеченные автором «Истории Российской» из недошедших до нас письменных памятников и могущие, следовательно, быть использованы «как источник для изучения политических событий в Киеве в момент вокняжения Владимира Мономаха».⁷⁴ Возникает вопрос, ко всем ли названным источникам должно относиться с одинаковым доверием?

И. И. Смирнов вслед за М. Д. Приселковым выделял Сказание о Борисе и Глебе, полагая, что оно является более достоверным, чем соответствующий рассказ Ипатьевской летопи-

⁷⁰ Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. С. 250.— И. И. Смирнов, смягчая упрек С. Л. Пештича в адрес Б. Д. Грекова, писал: «Отмечу, кстати, что в цитате Татищева у Соловьева опечатка: «...сошедшись в церкви св. Софии». По-видимому, этим объясняется и неточность в передаче татищевского известия, допущенная Б. Д. Грековым, взявшим его у Соловьева, а вовсе не тем, что оно было «усилено» Б. Д. Грековым, как считает С. Л. Пештич» (Смирнов И. И. Очерки... С. 256). Однако Б. Д. Греков ссылается на «Историю» Татищева, а не Соловьева (см.: Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 502).

⁷¹ Смирнов И. И. Очерки... С. 256.

⁷² Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964. С. 118—119; 2) Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 450.

⁷³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 450.

⁷⁴ Смирнов И. И. Очерки... С. 258, 260. См. также: Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1. С. 100—101.

си. Ценными для воссоздания киевских событий 1113 г. он считал и татищевские известия.⁷⁵ Что касается Ипатьевской летописи, то ее повествование казалось И. И. Смирнову апологетическим по отношению к Мономаху, поскольку текст Ипатьевской летописи в интересующей нас записи «восходит к третьей редакции Повести временных лет, наиболее промонаховской по своей тенденции». Отсюда И. И. Смирнов сделал вывод: картина всенародного избрания и признания Владимира Мономаха, нарисованная Ипатьевской летописью, «далека от объективного изображения событий».⁷⁶

Аналогично рассуждает и Л. В. Черепнин: «Гораздо дальше (по сравнению со Сказанием о Борисе и Глебе.— Авт.) от реальной действительности отстоит сообщение Ипатьевской летописи. В нем ощущается тенденция представить Владимира Мономаха выразителем народных интересов».⁷⁷ Однако полностью отрешиться от Ипатьевской летописи историк не решился и вынужден был признать, что, «несмотря на идеализацию Мономаха и неверную оценку его роли в событиях классовой борьбы, происходивших в Киеве в 1113 г., само описание народного восстания дано в Ипатьевской летописи более ярко и конкретно, чем в Сказании о Борисе и Глебе».⁷⁸

И. И. Смирнов, скептически воспринимавший рассказ Ипатьевской летописи под 1113 г., не выработал представления, которое отличалось бы от этого рассказа во всех наиболее существенных моментах. В итоге у него получилась чересчур усложненная и страдающая внутренними противоречиями интерпретация событий, связанных с вокняжением Мономаха в Киеве. В самом деле, изображая Владимира Мономаха ставленником феодальной знати, И. И. Смирнов в то же время отмечает «вечевой характер избрания его кандидатуры на киевский стол». При этом он дает следующее пояснение: «То, что „именитым мужам“ для решения вопроса о кандидатуре Мономаха на киевский стол понадобилось прибегнуть к созыву вече, свидетельствовало о том, что занятие киевского стола Мономахом в легитимном, законном порядке, как преемника Святополка, было исключено. Иными словами, это означало, что кандидатура Мономаха была выдвинута на вече в противовес другой, законной кандидатуре преемника Святополка на киевский стол».⁷⁹ Значит, к избранию Владимира Мономаха на киевское княжение было причастно и вече, без которого «именитые мужи» не могли осуществить свой замысел. Но коль

⁷⁵ Смирнов И. И. Очерки... С. 254—264.

⁷⁶ Там же. С. 240.

⁷⁷ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. С. 235.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Смирнов И. И. Очерки... С. 241, 262, 264.

это так, то как быть с идеей о Мономахе — ставленнике боярства?

И. И. Смирнов находит выход из трудного положения с помощью обращения к татищевской «Истории», где говорится, что «кияне», обеспокоенные беспорядками и насилиями, начавшимися в Киеве после отказа Владимира занять киевский стол, «послаша паки» к нему с просьбой приехать и «сотворить покой граду».⁸⁰ Подметив отсутствие в данном рассказе упоминания о вече, И. И. Смирнов из этого заключил, будто «обсуждение вопроса о положении, создавшемся в Киеве, и как следствие этого о кандидатуре Мономаха проводилось в иных формах и, вероятнее всего, носило секретный характер. Такая форма обсуждения вполне отвечала составу его участников. Совершенно очевидно, что „кияне“, собравшиеся (в боярских ли хоромах или игуменской келье) в обстановке восстания, для того, чтобы вторично обсудить вопрос о кандидатуре Мономаха, и мотивировавшие свое решение снова послать Мономаху приглашение занять киевский стол ссылкой на то, что „без князя“ может быть еще „большее зло“, — это и есть те „большие и нарочитые мужи“, о которых говорит Сказание о Борисе и Глебе, объединившиеся под угрозой восстания народных масс на кандидатуре Мономаха».⁸¹

Последнее предположение И. И. Смирнова согласуется с изложением событий 1113 г. «Историей Российской» второй редакции, где читаем о «вельможах киевских», пославших вторично приглашение Владимиру Мономаху занять княжеский стол.⁸² Правда, «вельможи» Татищева действуют не тайно, со-

⁸⁰ См.: Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 179.

⁸¹ Смирнов И. И. Очерки... С. 264.

⁸² Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 129.— С. Н. Валк убедительно показал, что термин «вельможи», отсутствующий в древних источниках, повествующих о событиях 1113 г. в Киеве, был введен во вторую редакцию самим В. Н. Татищевым. По словам С. Н. Валка, «история появления в «Истории Российской» этого термина в качестве древнерусского термина для обозначения некоторой общественно-политической группы, существовавшей тогда в Киевской Руси, кажется ясно: термин этот принадлежит не каким-либо неизвестным нам рукописям, но обязан своим происхождением всецело перу В. Н. Татищева» (Валк С. Н. «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Литература и общественная мысль древней Руси. К 80-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1969. С. 350). В. Н. Татищев, по мнению С. Н. Валка, применил термин «вельможи», учитывая словоупотребление XVIII в., т. е. с целью сделать более доходчивым свой рассказ для современного ему читателя (Там же. С. 351, 352). Нам кажется, что смысл татищевского нововведения имел еще одну направленность. Она видна при сопоставлении первой и второй редакции «Истории Российской». В первой редакции говорится о «киянах», которые сперва посылают к Владимиру «мужии знаменити». Потом «кияне» организуют новое посольство, но на этот раз у В. Н. Татищева ничего не сказано о том, кто был послан к князю (Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 179). Во второй редакции также сообщается о «киевлянах», избравших Владимира на княже-

бравшись, по догадке И. И. Смирнова, то ли в боярских хоромах, то ли в игуменской келье, а с ведома народа, который они едва уговорили.⁸³ Само собой разумеется, что уговаривать народ можно было только на вече. О приезде Мономаха в Киев знали все. Поэтому еще «за градом» его встречал «народ многочисленный».⁸⁴ Массовую встречу изображает и первая редакция татищевской «Истории»: «И егда приближися (Владимир Мономах.— *Авт.*) к Киеву в неделю, устретиша его первое народ весь, потом бояре, и за градом митрополит Никифор со епископы, и клирики, и со всеми киянами с честью велию, и проводиша его в дом княж».⁸⁵ Подобный характер встречи Мономаха исключает предположение о том, что князь являлся ставленником горстки знатных и зажиточных людей.

Помимо указания на всенародный прием Владимира Мономаха «матерью градов русских», последнее известие В. Н. Татищева имеет и другую информационную ценность, позволяющую проникнуть в смысл термина «кияне». Этот термин, как явствует из татищевского текста, обозначал демократические слои населения Киева, бояр, духовенство, т. е. горожан всех положений и рангов. Вот почему «киян», пославших «паки ко Владимиру» нельзя отождествлять с «большими и нарочитыми мужами». Но даже если они и были таковыми, то все равно их инициативу повторного приглашения Мономаха нет оснований рассматривать как узкосословную, ибо ранее на вече вопрос о его призвании был решен положительно, а поскольку вечевое решение состоялось, отпадала необходимость вторичного созыва веча, чем, вероятно, и объясняется отсутствие упоминания о нем у Татищева, но отнюдь не тем, что обсуждение сложившейся в Киеве ситуации велось секретно в узком кругу «феодальной знати», как полагает И. И. Смирнов. Надо сказать, что И. И. Смирнов пользовался сведениями, содержащимися в «Истории Российской» В. Н. Татищева, выборочно, а не в комплексе, что делает построения ученого, по крайней мере, проблематичными.

Не вполне удовлетворителен и его подход к Ипатьевской летописи как источнику, содержащему сведения о волнениях в Киеве 1113 г. Рассказ ее он заподозрил в искаженной пере-

ский стол и пославших за ним «знатнейших людей». Однако второе посольство к Мономаху здесь направляют не «кияне», а «вельможи киевские» (Там же. Т. II. С. 129). Следовательно, во второй редакции своей «Истории» В. Н. Татищев усилил роль киевской знати в призвании Владимира Мономаха на княжение. Не решаясь отстранить народ от избрания Владимира на княжеский стол, поскольку это противоречило бы источникам, В. Н. Татищев под воздействием своих классовых убеждений преувеличил значение знати в описываемых событиях (ср.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. С. 250).

⁸³ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 129.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. Т. IV. С. 179—180.

даче событий, объяснив это тем, что он восходит к третьей редакции Повести временных лет, якобы выполненной с наибольшей идеализацией Мономаха.⁸⁶ Допустим, что так оно и было. Но, признав этот факт, необходимо поставить вопрос, для чего столь промономаховски настроенный летописец счел необходимым представить избрание Мономаха как всенародное. Конечно, не для того, чтобы показать необычность и нетипичность этого избрания и тем самым посеять сомнение у читателей относительно прав князя занять киевский стол. Логичнее предположить, что он это делал, желая подчеркнуть принятый в ту пору на Руси порядок замещения княжений. И если он приукрашивал обстоятельства прихода Мономаха к власти в Киеве, то стремясь подделаться под привычный стиль отношений народного веча с князем. Но мы все-таки думаем, что сведения, заключенные в Ипатьевской летописи, объективно отражают события 1113 г. в Киеве.

Текст Ипатьевской летописи, Сказание о Борисе и Глебе, татищевские известия в принципе сходны; они лишь дополняют друг друга. Чтобы убедиться в том, сопоставим их данные.

Согласно Ипатьевской летописи, «кияне», собравшись для совета, т. е. сойдясь на вече, «послаша к Володимеру, глаголюще поиди, княже, на стол отен и деден».⁸⁷ На вечевую деятельность намекает и Сказание о Борисе и Глебе, сообщая о «молве не мале», бывшей среди людей.⁸⁸ В «Истории Российской» также упоминается вече.⁸⁹

Далее Ипатьевская летопись извещает о «грабеже» дворов тысяцкого Путяты и сотских, а также еврейских домов, который последовал за отказом Владимира Мономаха приехать в Киев.⁹⁰ Сказание об этом говорит в самых общих фразах, глухо: «и многу мятежю и крамоле бывше в людех».⁹¹ В. Н. Татищев не только повествует о «грабеже», но и поясняет его причину. Оказывается, Путята держал сторону Святославичей, тогда как масса «киян» выступала за Владимира.⁹²

Этот «грабеж» киевского тысяцкого и сотских живо напоминает сцены из жизни Новгорода, где участники вечевых собраний карали подобным образом новгородских бояр, поддерживавших князей, неугодных массе новгородцев.⁹³ Но помимо политического содержания, «грабеж» 1113 г. в Киеве нес на

⁸⁶ Смирнов И. И. Очерки... С. 240.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 275.

⁸⁸ Успенский сборник XII—XIII вв. С. 69.

⁸⁹ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 128—129; Т. IV. С. 179.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 275—276.

⁹¹ Успенский сборник XII—XIII вв. С. 69.

⁹² Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 129; т. IV. С. 179. См. также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 402; Смирнов И. И. Очерки... С. 262—263.

⁹³ См., напр.: НПЛ. М., Л., 1950. С. 24—25.

себе еще печать вдохновляемого обычным правом перераспределения частных богатств на коллективной основе, возвращения их в лоно общины, практиковавшегося эпизодически, от случая к случаю в обществах с незавершенным процессом классовобразования. Сигналом для этих акций служили нередко изгнание или смерть князя, вызвавшего недовольство у народа своим правлением. Именно таковым и было княжение Святополка, который разными «неправдами» привел в негодование «киян». Горожане, несомненно, сперва подвергли бы грабежу княжеский двор, если бы княгиня, вдова усопшего князя, не предупредила этого, раздав щедрой рукой святополковы богатства: «Много раздели богатств во монастырем и попом и убогим, яко дивитися всем людем».⁹⁴ Отсюда понятно, почему «кияне» начали «грабеж» не с княжеского двора, а с имущества близко стоявшего к Святополку тысяцкого Путяты и связанных с ним сотских. Но «грабеж», как мы знаем, вскоре перекинулся на евреев-ростовщиков, что придает действиям «киян» окраску социальной борьбы, направленной против закабаления, возникающего в условиях формирующегося классового общества.⁹⁵ Следовательно, киевскому «грабежу» 1113 г. нельзя дать однозначную оценку. Перед нами сложное явление, сочетающее различные социальные тенденции, что обуславливалось сложностью древнерусского общества, переживавшего переходный период от доклассового строя к классовому. Вернемся, однако, к сопоставлению наших источников.

Рассказав о «грабеже», летописец затем сообщает о том, что «кияне» снова отправили к Мономаху своих посланцев, тогда как Сказание о Борисе и Глебе упоминает только об одной делегации «киян» к Владимиру Мономаху. И. И. Смирнов считает, что это упоминание следует отнести ко второй поездке киевлян, засвидетельствованной Ипатьевской летописью.⁹⁶ Возможно, он прав, хотя быть уверенным тут, разумеется, нельзя. Но важнее отметить другое: конкретизацию в Сказании состава делегатов сравнительно с Ипатьевской летописью. Если летопись говорит о «киянах» вообще, то Сказание о Борисе и Глебе выражается более определенно: «И тѣгда съвѣкупивъшесѧ вси людие, паче же большии и нарочитии мужи, шедъше причѣтъмъ всехъ людий...»⁹⁷ Слово «причѣтъ» (причетъ) здесь фигурирует в значении собрание, собор.⁹⁸ Смысл происшествия становится ясен: с собрания всех людей, т. е. с веча,

⁹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 275.

⁹⁵ См.: Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации//Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

⁹⁶ Смирнов И. И. Очерки... С. 261.

⁹⁷ Успенский сборник XII—XIII вв. С. 69.

⁹⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895. Стб. 1496.

«большии и нарочитии мужи» отправились к Мономаху, уполномоченные на то «причьтм всех людей», или вечевой сходкой. Именно так ориентирует нас и В. Н. Татищев. Из первой редакции его «Истории» узнаем, как «кияне» после вечевого решения об избрании Владимира Мономаха на великое княжение, «избравше мужии знаменити», послали их за князем.⁹⁹ Во второй редакции изображена та же ситуация: «Киевляне по всеобщем избрании на великое княжение Владимира немедля послали к нему знатнейших людей просить, чтоб, пришед, приял престол отца и деда своего».¹⁰⁰ Так татищевские известия вместе со Сказанием о Борисе и Глебе дополняют рассказ Ипатьевской летописи о событиях в Киеве 1113 г.¹⁰¹

Сведения, извлеченные из этих трех памятников, ставят все на свои места. Оказывается, что «кияне» (социально-нерасчлененная масса жителей Киева и прилегающей к нему области), собравшись на вече, называют Владимира Мономаха своим князем. В посольство к нему вечевая община направила депутацию, составленную из «больших» и «нарочитых» мужей — боярства. В этом нет причин видеть политическую неполноценность или бесправие рядовой массы населения Киева. Такая посольская практика существовала еще в родоплеменном обществе.¹⁰² Она продолжалась, как увидим, и после изучаемых нами событий, в частности в самом Киеве. Сейчас же следует подчеркнуть активность киевской городской общины в одном из главнейших внутриполитических вопросов волости — замещении княжеского стола. Мономах становится киевским князем по воле народного веча, а не по изволению местной знати, как уверяют нас некоторые исследователи. Киевская община избирает князя, подобно тому, как избирали князей общины других стольных городов. Однако выборность князей в Киеве стала утверждаться несколько ранее, чем, скажем, в Новгороде или Смоленске, зависевших от днепровской столицы и по-

⁹⁹ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 179.

¹⁰⁰ Там же. Т. II. С. 129.

¹⁰¹ Е. М. Добрушкин, рассмотрев «татищевские известия» под 1113 г., пришел к выводу о невозможности использования их «в качестве источника по истории Древней Руси» (Добрушкин Е. М. О двух известиях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. III. Л. / Отв. ред. С. Н. Валк. Л., 1970. С. 280). Автор, к сожалению, не уделил внимания содержащимся в Сказании о Борисе и Глебе сведениям, созвучным «татищевским известиям» и отсутствующим в летописях. Поэтому не со всеми предположениями Е. С. Добрушкина можно согласиться. Возражения Е. М. Добрушкину см.: Кузьмин А. Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. IX. История. 1972. № 5.

¹⁰² Ярким примером здесь могут служить древляне, которые «избраша лучшии мужи, иже дерьжаху Деревьску землю. и послаша» за княгиней Ольгой, притворно давшей согласие выйти замуж за древлянского князя Мала (ПВЛ. Ч. I. С. 41). Перед этим древляне посылали к Ольге «лучшии мужи, числом 20» (Там же. С. 40).

тому вынужденных принимать правителей присылаемых отсюда. И лишь по мере освобождения от власти Киева в этих городах набирал силу принцип выборности князей. В ином, более благоприятном положении был Полоцк, рано обособившийся от Киева. Поэтому формирование в Полоцкой области волостной системы с ее городами-государствами несколько опережало аналогичный процесс в других землях, исключая, естественно, Киевщину.¹⁰³

Установление выборности князей в Киеве, являвшейся по сути дела выражением принципа вольности «киян» в князьях, не могло не оказывать известного стимулирующего влияния на выработку того же порядка избрания властителей в других волостных центрах. Конечно, степень этого внешнего влияния нельзя преувеличивать, ибо социально-политические институты в Новгороде складывались в результате внутреннего общественного развития. Но и пренебрегать им исследователь не имеет права. Ведь борьба подвластных Киеву городов за независимость неизбежно порождала дух соперничества, который вызывал у местных общин стремление завести у себя такие же порядки, какими славилась киевская община, тем самым встать вровень с ней.

Оценивая политическую обстановку в Киеве в момент смерти Святополка, И. И. Смирнов характеризовал ее как необычную и исключительную, что проявилось «уже в факте избрания Мономаха „на великое княжение” вечем — случай беспрецедентный для Киева, если не считать провозглашения восставшими киевлянами в 1068 г. киевским князем Всеслава Полоцкого».¹⁰⁴

Избрание князей есть результат единого для Руси XI—XII вв. процесса формирования волостей-земель (городов-государств), верховным органом власти которых было народное собрание (вече), в чьем ведении, помимо прочего, находилось замещение княжеских столов. В Киеве еще в 1068 г. эта функция веча проявилась осязаемо: киевляне изгнали князя Изяслава, избрав вместо него Всеслава Полоцкого.¹⁰⁵ Вечевая деятельность «киян» 1068—1069 гг. — показатель определенной зрелости киевской городской общины и местного волостного союза в целом.

На фоне событий 1113 г. киевская община выступает как самодовлеющая организация, обладающая суверенитетом, способная определить, кому княжить в Киеве, вопреки счетам Рюриковичей о старшинстве.¹⁰⁶

¹⁰³ См. 196—207 настоящей книги.

¹⁰⁴ Смирнов И. И. Очерки... С. 261.

¹⁰⁵ См.: Фроянов И. Я. Вече в Киеве 1068—1069 гг.

¹⁰⁶ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 402; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907. С. 73.

Можно полагать, что к началу XII в. становление города-государства в Киевской земле состоялось. Дальнейшая ее история укрепляет наш вывод.

По смерти Владимира Мономаха в 1125 г. киевским князем стал его сын Мстислав. Ипатьевская и Лаврентьевская летописи говорят о вокняжении Мстислава Владимировича в выражениях, из которых неясно, кем он был посажен на стол.¹⁰⁷ Новгородская Первая летопись содержит более внятное известие: «Преставися Володимир великий Кыеве, сын Всеволожь; а сына его Мьстислава посадиша на столе отци».¹⁰⁸ Слово «посадиша» свидетельствует о вечевом избрании Мстислава киевским князем. Этот факт приобретает особую значимость, если учесть, что в лице Владимира Мономаха и Мстислава мы имеем дело с правителями, наделенными сильным характером, властью и крутым нравом.¹⁰⁹ Несмотря на эти качества названных князей, «кияне» сохраняют за собой роль высшей, так сказать, инстанции в решении вопроса о княжении в Киеве.

Еще более конституированной и жизнедеятельной предстает перед нами волостная община Киева в исполненных драматизма событиях 1146—1147 гг. Суверенность, самостоятельность общины проявляется прежде всего в вечевой активности.

В 1146 г. киевский князь Всеволод Ольгович, возвращавшийся из военного похода, «разболеся велми». Больной князь остановился под Вышгородом, куда и призвал «киян», чтобы условиться с ними насчет своего преемника. Можно думать, что «кияне», которых пригласил к себе умирающий князь, были выборными людьми, посланцами киевского веча.¹¹⁰ Их согласие принять Игоря надлежало еще одобрить на вече в самом Киеве. Поэтому они вместе с новым «претендентом» на великое княжение отправляются в Киев, где под Угорским созывают всех киевлян, которые и «целоваша к нему (Игорю.— Авт.) крест, рекуче: „Ты нам князь”».¹¹¹

После смерти Всеволода состоялось новое вече. Преемник Всеволода Игорь «созва Кияне вси на гору на Ярославль двор, и целоваша к нему хрест».¹¹² Затем летописец сообщает, что «вси кияне» опять «скупишася» у Туровой божницы.

¹⁰⁷ «И седе Кыеве Мстислав, сын его (Владимира.— Авт.) старейший» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 295); «Мьстислав, старейший сын его, седе на столе в Кievi, отца место своего» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 289).

¹⁰⁸ НПЛ. С. 21, 205.

¹⁰⁹ См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 504—505; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 451—468; Толочко П. П. Древний Киев. С. 250—254.

¹¹⁰ См.: Фроянов И. Я. Вечевые собрания 1146—1147 г. в Киеве// Вестн. Ленингр. ун-та. 1977. № 8. С. 29.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320—321; Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 37.

¹¹² Там же. Т. II. Стб. 321.

Не будем выяснять причины этого повторного созыва веча.¹¹³ Для нас сейчас важнее установить социальный состав вечников. Что подразумевает летописец под термином «все кияне»? Ключ к ответу находим в описании веча у Туровой божницы, а точнее в сообщении, что князь Святослав, «урядившись» со всеми киевлянами и «пойма лутший мужи», отправился к Игорю, ожидавшему его неподалеку. Отсюда ясно: приводившиеся к присяге Игорем «лучшие мужи» — лишь часть людей, бывших на вече у Туровой божницы. Следовательно, в устах летописца «все кияне» обозначают массу горожан, достаточно пеструю по социальному составу. Аналогичный смысл в слова «все кияне» летописец вкладывал и тогда, когда говорил о вече под Угорским и на дворе Ярославле.¹¹⁴

Таким образом, вечевые собрания под Угорским, на Ярославле дворе и у Туровой божницы — это народные собрания, обсуждающие и решающие коренные проблемы социально-политической жизни киевской волости.

Аналогичен социальный состав и вечевых собраний, происходивших позже, в княжение Изяслава. Однажды, в 1147 г., Изяслав «созва бояры и дружину всю и Кыяны», чтобы увлечь

¹¹³ Об этом см.: Фроянов И. Я. Вечевые собрания... С. 30—31.

¹¹⁴ П. П. Толочко придерживается иного взгляда, полагая, что «все кияне» есть социальная верхушка Киева. Возражая по данному вопросу одному из авторов настоящей работы, он опирается, по собственным словам, на «внимательный анализ летописных известий» (Толочко П. П. Киев и Киевская земля XII—XIII веков С. 109). Какова же степень внимания автора к летописным известиям? П. П. Толочко пишет: «Выражение „все кияне“, одинаково относящееся и к совещанию под Вышгородом, и под Угорским, и на Ярославовом дворе, и у Туровой божницы, не следует понимать буквально. Ни под Вышгородом, ни тем более на Ярославовом дворе не могло собраться сколько-нибудь значительное количество киевлян» (там же. С. 108). Это заявление построено на ошибочной передаче летописных сведений. В летописи выражение «все кияне» по отношению к «совещанию под Вышгородом» не употребляется. Там сказано: «И Всеволод же призва к собе Кыяне и нача молвити...» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 320). Соображение П. П. Толочко о вместимости Ярославова двора — результат субъективных восприятий исследователя. Еще более субъективным и, следовательно, не поддающимся научной оценке или критике является другое его суждение: «О составе веча в районе Угорского можно догадываться по словам летописца: „они же все целоваша к нему крест, рекуче: „ты нам князь“, и яшася по нь лестью“. Фраза полностью выдает, кто скрывается под этим общим термином. Конечно же, это не широкие демократические круги. Им незачем было притворяться, у них не могло быть планов на измену. Другое дело, боярско-дружинная и ремесленно-купеческая верхушка киевлян. Под влиянием сторонников Изяслава Мстиславича она уже решила про себя, кто должен быть князем, отсюда и неискренность ее присяги» (Толочко П. П. Киев и Киевская земля XII—XIII веков. С. 108). Все это — догадки, чисто логического свойства. Однако субъективные интерпретации, помноженные на искаженную передачу летописных данных, — не лучшее средство в достижении истины. Прав Б. А. Рыбаков, изображающий народ главным деятелем событий 1146—1147 гг. (см.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве и его современники. М., 1971. С. 107—109).

киевскую тысячу в поход к Суздалью на Юрия Долгорукого. «Кияне» не поддались уговорам.¹¹⁵ Летописный слог и в данном случае избавляет от гаданий по поводу содержания понятия «кияне». Бояре и дружинники в данном случае отпадают, поскольку летописец о них говорит особо. Остается масса горожан, придающая вечу характер всенародного совещания.

В том же году Изяслав вновь обратился к киевскому вечу, у которого просил «воев», чтобы выступить против Давыдовичей и Святослава Всеволодовича. По свидетельству Лаврентьевской летописи, на вече «придоша кыян много множество народа и седоша у святое Софьи слышати».¹¹⁶ Ипатьевская летопись сообщает: «Кияном же всим съшедшимся от мала и до велика к святеи Софьи на двор, въставшем же им в вечи».¹¹⁷ Обе летописи — и Лаврентьевская и Ипатьевская — изображают массовую сходку «киян», созванных по просьбе князя Изяслава. Это один из самых ярких примеров, иллюстрирующих народный склад киевского веча.

Сообщение о вече 1147 г. замечательно еще тем, что воспроизводит порядок ведения вечевых собраний. Перед нами отнюдь не хаотическая толпа, кричащая на разный лад, а вполне упорядоченное совещание, проходящее с соблюдением правил, выработанных вечевой практикой. Сошедшиеся к Софии киевляне рассаживаются степенно, ожидая начала веча.¹¹⁸ Заседанием руководит князь, митрополит и тысяцкий. Послы, словно по этикету, приветствуют по очереди митрополита, тысяцкого, «киян». И только потом киевляне говорят им: «Молвита, с чим князь прислал». Все эти детали убеждают в наличии в Киеве XII в. более или менее сложившихся приемов ведения веча. Не случайно М. Н. Тихомиров счел вполне вероятным существование уже в эту пору протокольных записей вечевых решений.¹¹⁹

Центральное место, которое занимало вече в социально-политическом механизме Киевской волости в середине XII в., определяется не только его социальным составом, но и тем кругом вопросов, который оно решало. В компетенции веча находились вопросы, касающиеся войны и мира, избрания князей. Более того, эта компетенция распространяется даже на назначение судебно-административных «чинов». Вече активно выражает недовольство деятельностью княжеских тиунов. «Рат-

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 344.

¹¹⁶ Там же. Т. I. Стб. 316.

¹¹⁷ Там же. Т. II. Стб. 348.

¹¹⁸ Там же. Т. I. Стб. 316. — В. И. Сергеевич, М. В. Довнар-Запольский и М. Н. Тихомиров предполагали, что на месте вечевых собраний у св. Софии стояли скамьи для сидения (Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. II. СПб., 1900. С. 58; Довнар-Запольский М. В. Вече//Русская история в очерках и статьях. Т. I. (Б. М.), (б. г.). С. 234; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 224).

¹¹⁹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 224.

ша ны погуби Киев, а Тудор — Вышегород», — говорят киевляне. Ответ князя весьма знаменателен: «А се вы и тивун, а по вашей воли!». ¹²⁰

Эту необычайно краспоречивую формулу князь распространяет и на все другие сферы социально-политического бытия. Он целует киевлянам крест «на всей (киевлян.— Авт.) воли». ¹²¹ Данная формула станет особенно ходкой в Новгороде Великом. Очень важно подчеркнуть, что ее применяли в Южной Руси раньше, чем в Новгороде. Она — несомненное свидетельство больших полномочий киевской общины.

Необходимо отметить стиль обращения князей к участникам вечевых собраний в Киеве, которых они именуют словом «братие», «братья». ¹²² В межкняжеском общении оно подчеркивало уважение и равенство сторон. В том же почтительном значении термин «братие» употребляется и по отношению к «киянам», собравшимся на вече. Аналогичное словоупотребление имело место на вечевых собраниях других волостных городов. ¹²³

Нельзя упускать из виду и другую важную подробность событий 1146—1147 гг.: киевляне «устремишася на Ратьшин двор грабить и на мечники». ¹²⁴ Грабежу подвергается имущество зарвавшихся княжеских чиновников. С такого рода грабежами мы уже встречались и встретимся неоднократно; их социальная природа нам известна.

События 1146—1147 гг. свидетельствуют о том, что процесс развития киевской волостной общины достиг высокой точки. Городская община приобрела все признаки, характерные для произошедшего становления города-государства. Эти признаки, и прежде всего самый яркий — суверенность общины, проявляются и в дальнейшем.

Городская община Киева — доминанта в социально-политической жизни. Так, в Ипатьевской летописи сохранились примечательные описания под 1150 г. Князь Юрий Долгорукий перед лицом наступавшего Изяслава Мстиславича, «не утерпя быти в Киеве», спешно бросил город. Но Изяслава опередил Вячеслав, который «вшел в Киев» и обосновался на «Ярославлі дворе». Тем временем приехал Изяслав, и киевляне «изидоша навстречу князю многое множество и рекоша Изяславу: „Гюрги вышел из Киева, а Вячеслав сидеть ти в Киеве, а мы его не хотим“». ¹²⁵ Изяслав через своих посланцев просил Вя-

¹²⁰ ПСРЛ. Т. III. Стб. 321—322.

¹²¹ Там же. Стб. 322.— См. также: Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 144; Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 107.

¹²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 316, 317; Т. II. Стб. 348, 351.

¹²³ См. с. 139, 250 настоящей книги.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 322.

¹²⁵ Там же. Стб. 396.

чеслава перебраться в Вышгород. Тот заупрямился: «Аче тия убити, сыну, на сем месте, а убию, а я не еду».¹²⁶ Изяслав Мстиславич, «поклонивъся святой Софьи», въехал на Ярославль двор «всим своим полком, и Киян с ним приде множество». Киевляне, которые, видимо, были вооружены, стали проявлять раздражение по отношению к Вячеславу. Видя это, Вячеслав счел за лучшее удалиться.¹²⁷ Городская община и на этот раз определяет, какому князю княжить в городе. Вот почему князья стремились задобрить городскую общину. Уже не раз упоминавшийся Изяслав, прогнав Юрия Долгорукого из Киева, устроил в честь победы над соперником обед, на который были приглашены горожане в большом количестве.¹²⁸ С «киянами» встречаемся на пиру у князя Вячеслава.¹²⁹ Они же пируют и у Святослава Всеволодовича.¹³⁰

После смерти Изяслава киевляне передали стол его брату Ростиславу. «И посадиша в Киеве Ростислава кияне, рекуче ему: „яко же и брат твои Изяслав честил Вячеслава, такоже и ты чести. А до твоего живота Киев твой”». ¹³¹ Уже В. И. Сергеевич справедливо увидел в этих словах киевлян полное осознание того, что им принадлежит право избирать князей. «Ростислав не может назначить себе наследника, кроме конечно, случая соглашения с киевлянами. Если такого соглашения не последует, они изберут по смерти его кого захотят», — писал ученый.¹³²

То, что избрание князей было делом обычным и прочно укоренилось в сознании людей того времени свидетельствует и процедура ряда, который должен был заключаться между князем и городской общиной. Подробно эта процедура описана при освещении событий 1146—1147 гг. Есть в летописи и другие примеры. Когда в 1169 г. после смерти Ростислава киевляне пригласили на княжение Мстислава Изяславича, прибывший князь «възма ряд с братьею, и с дружиною, и с кияны». ¹³³ Вскоре, однако, он вынужден был уйти из Киева. По возвращении в 1172 г. на киевский стол ему пришлось вновь «взять ряд» с киевлянами.¹³⁴

Не заключить ряд, не обговорить с городской общиной всех условий княжения было в те времена делом противоестественным. Замечателен в этом смысле эпизод, описанный в летописи под 1154 г. Князь Ростислав, находясь в походе против Юрия, узнал о смерти своего соправителя и дяди Вячеслава.

¹²⁶ Там же. Стб. 396—397.

¹²⁷ Там же. Стб. 398.

¹²⁸ Там же. Стб. 416.

¹²⁹ Там же. Стб. 418—419.

¹³⁰ Там же. Стб. 634.

¹³¹ Там же. Стб. 471.

¹³² Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 2. С. 76.

¹³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 534.

¹³⁴ Там же. Стб. 548.

Ростислав вернулся в Киев, роздал имущество монастырям, церквям и нищим и вновь устремился к ратным подвигам.¹³⁵ Он прибыл «в полки своя» и «нача думати с Святославом Всеволодовичем и с Мстиславом со Изяславичем, с сыновцем своим, и с мужи своими», предложив им предварительно поход на Чернигов. Муже же встретили это предложение с нескрываемой тревогой и даже «боряняхуть ему поити Чернигову». Они предостерегали Ростислава: «...бог поял строя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще с людьми Кыеве не утвердил, а поеди лепле в Киев, же с людьми утвердися...»¹³⁶ Ростислав не внял совету мужей и горько за это поплатился.

Как видим, в основе социально-политической организации киевской волости лежала непосредственная демократия, при которой за народными массами оставалось решающее слово. Демос мог играть такую роль, опираясь не только на налаженный вечевой механизм, но и на сильную военную организацию.

В течение XII—начала XIII вв. полки воев, именуемые в летописи «киянами», играют ведущую роль во внешних войнах. Только в битве на Калке киевляне пало более 10 тыс.¹³⁷

Киевские вои определяют исход и межкняжеских столкновений. Возвращаясь к событиям 1146—1147 гг., вспомним, что Игорь был разбит Изяславом Мстиславичем именно по той причине, что киевское войско изменило ему, перейдя под «стяг» Изяслава.¹³⁸ Не менее красноречив и другой эпизод, произошедший с тем же Изяславом Мстиславичем, когда он уговаривал киевлян идти с ним на Юрия и Ольговичей: «Кыяном же не хотящим, глаголющим: „Мирися, княже. Мы не идем”.

¹³⁵ О раздаче имущества покойного Вячеслава надо сказать несколько слов особо. Как сообщает летописец, Ростислав «еха на Ярославль двор и созва мужи отца своего Вячеславли, и тивуны и ключники, каза нести именье отца своего перед ся и порты и золото и серебро, и снес все и нача раздавати по монастырем и по церквам и по затворам и нищим, и тако раздая все а собе ни прия ничто, толико крест честныи взя на благословение собе...» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 473). В этом незначительном летописном отрывке заключены важные сведения, поднимающие завесу над некоторыми обычаями и нравами людей доклассовой эпохи. Престижный характер богатства здесь выражен со всей очевидностью. Раздача «именья» осуществляется публично, в присутствии «мужей» князя Вячеслава. Богатство раздается полностью, чем подчеркивается его престижность и вместе с тем утверждается право общины на имущество вождя. В конечном счете здесь торжествует принцип коллективной собственности над формирующимся, но еще не победившим полностью принципом частной собственности. Здесь, как и в других упомянутых в настоящей работе случаях, мы наблюдаем перераспределение индивидуальной собственности на коллективных началах. Летописец облакает все это в форму христианской добродетели и нищелюбия. Задача исследователя заключается в том, чтобы под внешней оболочкой увидеть подлинные социальные институты (см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 141—144).

¹³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 474.

¹³⁷ Там же. Стб. 294, 540; Т. I. Стб. 446—447.

¹³⁸ Там же. Т. II. Стб. 325—326.

Он же рече, ако мир будеть, поидете со мною, ать ми ся будет добро от силы мирити, и придоша кыяне».¹³⁹ Это значит, что шансы заключить выгодно мир имел тот князь, за которым шла масса воев. В спешке покинув поле боя, «кыяне», «перяяславцы» и «поршане» определили поражение Изяслава.¹⁴⁰

Симптоматичны и дальнейшие события. Как выяснилось, Изяслав без военной помощи киевских воев не мог удержаться в городе. Но и Юрий без нее чувствовал неуверенность. Вот почему он, опасаясь «кыян» («зане имеют перевет ко Изяславу и брату его») решил подобру-поздорову убраться из Киева.¹⁴¹ Количество этих примеров можно было бы умножить.¹⁴²

Необходимо подчеркнуть, что вооруженные «кыяне», составлявшие пешую и конную рать,¹⁴³ отнюдь не представляли неорганизованную массу. Бросается в глаза самостоятельный характер воинского контингента городской общины. Так, во время похода на Литву 1132 г. видим «кыян» не с князем Мстиславом, а идущими «по нем особе».¹⁴⁴ Самостоятельно действует киевский полк в событиях 1146 г.: «Кыяне же особно стаха в Олговы могилы многое множество стоящим же еще полком межи собою».¹⁴⁵ О самостоятельности городского ополчения свидетельствует и то, что народное войско нередко собиралось в поход не по княжескому повелению, а по своему усмотрению. Когда Изяслав Мстиславич приглашал «кыян» идти с ним воевать против Юрия Долгорукого, они отвечали: «Княже, ти ся на нас не гневаи, не можем на Володимире племя руки въздаяти, оня на Олговичи, хотя и с детми».¹⁴⁶

Решение веча о выступлении в поход было обязательным для всех. Наглядное тому доказательство — летописная запись под 1151 г. о киевлянах, которые «рекоша Вячьславу и Изяславу, и Ростиславу, ать же поидуть все (воевать с Юрием. — Авт.) како может и хлуд в руци взяти паки, ли хто не поидеть, нам же и даи, ать мы сами побьемы».¹⁴⁷

Под углом зрения самостоятельности земских вооруженных сил необходимо рассматривать упоминаемые в летописи военные события, при описании которых князья и их «мужи» либо вовсе не принимаются во внимание, либо им отводится сугубо подсобная роль. Под 1134 г. новгородский летописец

¹³⁹ Там же. Т. I. Стб. 321.

¹⁴⁰ Там же. Стб. 322.

¹⁴¹ Там же. Т. I. Стб. 330.

¹⁴² Там же. Т. I. Стб. 304, 305—306, 315, 322—323, 327, 328; Т. II. Стб. 292, 296, 299, 333, 356, 360, 361, 382—383, 400, 114, 427, 433—444; 509, 575—577, 753.

¹⁴³ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Л., 1980. С. 198.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. II. Стб. 294.

¹⁴⁵ Там же. Стб. 325.

¹⁴⁶ Там же. Стб. 344.

¹⁴⁷ Там же. Стб. 433—434.

сообщает о том, что «раздърся вся земля Русская».¹⁴⁸ В следующем 1135 г. «ходи Мирослав посадник из Новагорода мирить кыян с черниговцы, и приде, не успев ницто же: сильно бо възмялася вся земля Русская».¹⁴⁹ Далее в летописи читаем о том, что князь киевский Ярополк «к собе зваше повъгородце, а черниговьскыи князь к собе; и бишася, и поможе бог Ольговицю с черниговчи, и многы кыяне исеце, а другие изма руками».¹⁵⁰ Летописец мыслит киевлян и черниговцев как самостоятельные военно-политические союзы, отстаивающие собственные интересы. И хотя тут князья все-таки фигурируют, они сдвинуты как бы на второй план, а на переднем крае стоят «кыяне» и «черниговцы».

О том, что все дело было именно в киевлянах и черниговцах, говорит соседняя летописная справка, согласно которой после посадника Мирослава тогда же в 1135 г. ходил «в Русь архиепископ Нифонт с лучшими мужи и заста кыяны с черниговьци стояще противу собе, и множество вои; и божиею волею съмиришася».¹⁵¹

В нашем распоряжении есть и другие аналогичные факты. Так, в 1137 г. у новгородцев «не бе мира» ни с псковичами, ни с суздальцами, ни со смольнянами, ни с полочанами, ни с киевлянами.¹⁵² В 1145 г. «ходиша же и из Новагорода помочье кыяном, с воеводою Неревинном, и воротишася с любовью».¹⁵³ Во всех этих сценах главную роль играют массы киевлян.

Об упорядоченности воинских сил киевской городской общины свидетельствует и наличие земских военачальников. Источники сообщают нам о командирах-воеводах, не принадлежавших непосредственно к княжескому окружению. К ним надо отнести воеводу Коспячко, имя которого фигурирует в летописи под 1068 г.¹⁵⁴ Сделать это позволяет отсутствие Коспячко среди «мужей», окружавших Изяслава в момент его «прений» с толпой «людей киевских» на княжеском дворе.¹⁵⁵ Наряду с воеводами киевское народное ополчение возглавляли тысяцкие. При этом, если должность воеводы была временной, обусловленной военной ситуацией, то должность тысяцкого — постоянной. Тысячу «держат»: «воеводство держащую киевская тысяща Яневи»,¹⁵⁶ «воеводство тогда держащую тысяща киевская Ивану Славновичю»,¹⁵⁷ «держи ты тысячу,

¹⁴⁸ НПЛ. С. 23.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же. С. 24.

¹⁵² Там же. С. 25.

¹⁵³ Там же. С. 27.

¹⁵⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 114.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. С. 137.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 457.

как еи у брата моего держал».¹⁵⁸ Формула «держать» тысячу указывает на постоянный характер должности тысяцкого, с одной стороны, и на весьма высокий социальный статус его — с другой. Действительно, тысяцкий играл важную роль в административном управлении города-государства. Не случайно Русская Правда составлялась при непосредственном участии тысяцких как представителей городских общин.¹⁵⁹

Одним из звеньев военной организации киевской городской общины были сотские.¹⁶⁰ Сотни — это военные единицы, которые охватывали не только город, но и сельскую местность.¹⁶¹ Следовательно, киевская тысяча, состоявшая из сотен, — это войско, включавшее в себя и горожан и селян. Понятны тогда летописные выражения: «вся сила Киевской земли», «сила киевская».¹⁶² Не случайно и один из Суздальских бояр говорил: «Княже, Юрьи и Ярославe, не было того ни при прадедах, ни при дедах, ни при отце вашем, оже бы кто вшел ратью и сильную землю в Суздальскую, оже вышел цел; хотя бы и вся Руская земля, и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская и Рязаньская».¹⁶³

Есть основания считать, что к началу XII в. оформилась военно-политическая организация киевской волости, т. е. киевского города-государства.

Те же сотни-округа являлись не только военными, но и территориально-административными образованиями. Их существование в качестве структурных подразделений тысячи свидетельствует о социальной нерасторжимости города и села.¹⁶⁴ О том же говорит и кончанское устройство, чьи следы обнаруживаются в Киеве.¹⁶⁵

По всей видимости, в киевском городе-государстве суд над людьми, жившими в сельской местности, нередко осуществлялся в главном городе. Патерик Киево-Печерского монастыря рассказывает о неких «разбойниках», которых связанными

¹⁵⁸ Там же. Т. II. Стб. 324.

¹⁵⁹ Правда Русская (ПР). Т. I. С. 110.

¹⁶⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 86; ПСРЛ. Т. II. Стб. 276.

¹⁶¹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 206—207.

¹⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 333.

¹⁶³ Там же. Т. I. Стб. 495.

¹⁶⁴ См.: Ефименко Т. К. К вопросу о русской «сотне» княжеского периода//ЖМНП. 1910. Июнь. С. 298—327; Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории. Пг., 1919. С. 19—20; Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 164; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 236—241.

¹⁶⁵ Арциховский А. В. Городские концы в Древней Руси//Исторические записки. 16/Отв. ред. Б. Д. Греков. М., 145; Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов//Русский город (историко-методологический сборник). Под ред. В. Л. Янина. М., 1976.

вели в город на суд и расправу.¹⁶⁶ Подобные судебные порядки вырисовываются и в Русской Правде.¹⁶⁷

Киевский город-государство, как и другие древнерусские города-государства, состоял из главного города и зависимых от него пригородов. Надо сказать, что Киевская земля была, пожалуй, самой насыщенной городами. Общее количество городов здесь, по подсчетам А. В. Кузы, достигало 79.¹⁶⁸ Конечно, среди них было немало крепостных сооружений, имевших преимущественно военно-оборонительное значение. Вместе с тем в Киевской земле поднимались города, ставшие социальными средоточиями тех или иных ее районов и подчиненные Киеву как главному городу. Наиболее заметными из них были Туров, Белгород и Вышгород.

Туров, вероятно, оказался в составе Киевской волости в результате аннексии. Во всяком случае, первоначально на страницах летописи этот город представлял собой независимое от Киева княжение. В нем сидел какой-то Туры, «от него же и туровци прозвашася».¹⁶⁹ Вскоре Туров наряду с другими племенными центрами был покорен полянской общиной и вошел в межплеменной союз, возглавляемый Киевом. С установлением киевского господства над Туровом здесь ликвидировали и туземных князей. Поэтому на туровском княжении встречаем Святополка — сына великого князя киевского Владимира.¹⁷⁰ Позднее, когда сложилась территория Киевской волости, Туров стал одним из пригородов днепровской столицы.¹⁷¹ Сюда на княжение киевские князья отправляли свою «молодшую братию».¹⁷²

Наличие княжения в Турове говорит прежде всего о возросшей консолидации местных социальных сил. На это указывает и учреждение здесь епископии. М. Н. Тихомиров справедливо усматривал в данном факте относительно крупное значение Турова.¹⁷³

Ярким штрихом социально-политической жизни Турова служит известие проложного жития Кирилла Туровского, согласно которому Кирилл «умолением князя и людей того града возведен был на стол епископии».¹⁷⁴ Перед нами вечевое избрание

¹⁶⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 46.

¹⁶⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 241.

¹⁶⁸ Куза А. В. Русские раннесредневековые города // Тез. докл. советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975. С. 62.

¹⁶⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 54.

¹⁷⁰ Там же. С. 83.

¹⁷¹ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 129, 134—135.

¹⁷² Толочко П. П. Киев и Киевская земля XII—XIII веков. С. 120.

¹⁷³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 306.

¹⁷⁴ Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 63.

епископа.¹⁷⁵ Оно является подтверждением большой политической мобильности туровской общины. Понятно, почему Туров в конце концов вырвался из цепких рук Киева, выделившись во второй половине XII в. в самостоятельную волость.¹⁷⁶ Его обособлению способствовала также отдаленность от «матери градов русских». Так произошло рождение нового города-государства, зародившегося в границах Киевской волости и отпавшего от Киева. Процесс дробления крупных городов-государств на более мелкие наблюдается и в других областях Руси XII в.¹⁷⁷ Однако образование города-государства в Турове — единственный, кажется, случай отпочкования от Киева суверенной волости. Остальные киевские пригороды не смогли преодолеть притяжения главного города. Впрочем, некоторые из них оказывали заметное влияние на историю Киевщины. Назовем для примера Вышгород и Белгород.

Крупная роль Вышгорода в городской системе Киевской земли проявилась еще в середине X в. Как явствует из Повести временных лет, вышгородская община пользовалась правом получения трети дани, которая поступала в Киев от древлян, «примученных» княгиней Ольгой.¹⁷⁸ В начале XI в., по наблюдениям А. Н. Насонова, в Вышгороде существовала своя военно-судебная политическая организация. «Здесь мы видим „властелина градского“, имеющего своих отроков или „старейшину града“, производящих суд».¹⁷⁹ Смена князей в Киеве не обходилась без участия вышгородцев. Иначе трудно понять тактику Святополка, который перед тем, как занять киевский стол, старался заручиться «приязнством» вышгородских мужей, возглавляемых неким Путшей.¹⁸⁰ С помощью вышгородцев занял киевский стол Всеволод Ольгович.¹⁸¹ Из Вышгорода он, будучи смертельно болен, пытался передать Киев брату своему Игорю.¹⁸²

Во второй половине XI в. вышгородская община настолько окрепла, что обзаводится, хотя и зависимым от Киева, но все же таки собственным княжеским столом: «Сядящу Святополку Новеороде, сыну Изяславию, Ярополку сядящу Вышегороду...»,¹⁸³ «Мстиславиць Всеволод, Володимерь... приде к стрьєви своему Ярополку Киеву. И да ему Вышегород, и ту седе

¹⁷⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 135—136.

¹⁷⁶ См.: Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 30.

¹⁷⁷ См. с. 205—206, 219—220 настоящей книги.

¹⁷⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 43.

¹⁷⁹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 54.

¹⁸⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 90; Успенский сборник XII—XIII вв. С. 46.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 306—307; Т. II. Стб. 302—303.

¹⁸² Там же. Т. II. Стб. 320—321.

¹⁸³ ПВЛ. Ч. I. С. 132.

лето одино»;¹⁸⁴ «Гюргеви же послушавшю бояр, вывед из Вышгорода сына своего Андрея и да и Вячеславу»¹⁸⁵; «...вниде в Киев и седе на дедни и на отни столе. Тогды же сед, роздая волости детем своим: Андрея посади Вышегороде...».¹⁸⁶

Наличие княжения в Вышгороде говорит, безусловно, об известной зрелости местной общины. Пребывание в нем князя следует рассматривать как приобретение вышгородцами некоторой автономии по отношению к общине главного города. Правда, не всегда вышгородцы получали из Киева князей. Иногда в Вышгороде правил тот или иной выходец из киевского боярства. Летопись под 1072 г. упоминает боярина Чудина, который «держа Вышегород». Однако все более типичной фигурой вышгородского правителя, присылаемого из Киева, становится князь, что свидетельствует об усилении местной общины. На это указывает и существование в Вышгороде должности тысяцкого: в летописных известиях фигурирует тысяцкий Радил.¹⁸⁷ Но если в городе был тысяцкий, — значит была и тысяча, т. е. местная военная организация, устроенная по десятичной системе и, следовательно, охватывающая как городское, так и близживущее сельское население. Имея свою военную организацию, вышгородцы успешнее могли бороться за ослабление зависимости от киевской общины и ее князей. Летописец знает случаи военных конфликтов Вышгорода с Киевом. Так, в походе на Киев, организованном Андреем Боголюбским, участвовал и «Давыд Вышегородский».¹⁸⁸ В 1169 г. князь Мстислав из Киева «поиде к Вышегороду». Осадив город, воины Мстислава «начаша битися ездяча к городу и из города выходяще бяхуться крепко».¹⁸⁹ Вышгородцы, следовательно, оказали упорное сопротивление киевскому князю. И все-таки Вышгород, несмотря на возросшую самостоятельность, не сумел освободиться от власти Киева, оставаясь по-старому его пригородом. Но то был влиятельный пригород.

Помимо изложенных фактов, подтверждают этот вывод и события 1146 г. Князь Игорь, намеревавшийся получить великое княжение в Киеве, встречается под Угорским со всеми «киянами», которые «целоваша к нему крест, ркуче: „Ты нам князь”». Затем Игорь отправился в Вышгород, где «целоваша к нему хрест Вышегородьце».¹⁹⁰ Отсюда вывод: «Вышгород являлся пригородом Киева, и поэтому вышгородцы присягали Игорю после киевлян. Но вместе с тем сам факт присяги выш-

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 304—305.

¹⁸⁵ Там же. Стб. 326.

¹⁸⁶ Там же. Стб. 345.

¹⁸⁷ Там же. Т. II. Стб. 534, 535. См. также: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 54.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 354.

¹⁸⁹ Там же. Т. II. Стб. 534.

¹⁹⁰ Там же. Стб. 320—321.

городцев свидетельствует о том, что они были влиятельной силой, с которой в Киеве считались.

В. Т. Пашуто именовал Вышгород частновладельческим княжеским городом.¹⁹¹ С этим нельзя согласиться. Приведенный нами материал рисует Вышгород в ином свете. В справедливости точки зрения В. Т. Пашуто усомнился и П. П. Толочко. Исследователь отнес Вышгород к категории городов государственных, но не частновладельческих.¹⁹² Мы полагаем, что рассматривать Вышгород, как, впрочем, и другие ему подобные города, в рамках собственности (частновладельческой или государственной) нет никаких оснований. О зависимости Вышгорода от киевской общины можно говорить лишь в политическом плане. Нет причин зачислять его в разряд феодальных центров,¹⁹³ поскольку феодализм на Руси XII в. только зарождался, причем не в городе, а в деревне.¹⁹⁴

Важное место в жизни Киевской волости занимал Белгород. Сооружение Белгорода летописец связывал с градостроительством князя Владимира, который в 991 г. «заложи град Белгород, и наруби въ нь от иних городов, и много людей сведе во нь».¹⁹⁵ Данное летописное известие примечательно в том отношении, что оно запечатлело, как в капле воды, глубокие изменения, происходившие в древнерусском обществе на исходе X столетия. Эти изменения шли в русле распада родовых отношений, «деструкции замкнутых родовых ячеек», о чем писал Б. А. Рыбаков,¹⁹⁶ и формирования новой социальной организации, основанной на территориальных связях. В Белгороде, как видим, уже в момент его основания произошла, по образному выражению И. Е. Забелина, «людская смесь», т. е. сложилась территориальная социальная структура.

Последующее ее развитие характеризовалось сплочением местных социальных сил на общинной платформе. О внутренней социальной консолидации белгородцев говорит их вечевая деятельность, учреждение в Белгороде епископии, появление в городе должности тысяцкого, возникновение белгородского княжения. К началу XII в. белгородская община приобрела столь значительный вес в Киевской волости, что она через своего представителя тысяцкого Прокопия участвует в состав-

¹⁹¹ Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города//Города феодальной России/Отв. ред. В. И. Шунков. М., 1966. С. 97. См. также: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 46.

¹⁹² Толочко П. П. Киев и Киевская земля XII—XIII веков. С. 161.

¹⁹³ Там же. С. 135.

¹⁹⁴ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории.

¹⁹⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 83.

¹⁹⁶ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. С. 57. 61.

лении знаменитого Устава Владимира Мономаха. Известны случаи, когда белгородцы наряду с жителями других пригородов Киева и самими «киянами» распоряжаются киевским княжением.¹⁹⁷ На пути к последнему белгородское княжение было одним из важнейших промежуточных этапов. В 1117 г., например, Владимир Мономах перевел сына своего Мстислава из Новгорода в Белгород, откуда он потом попал в Киев.¹⁹⁸

Потеря киевским князем позиций в Белгороде делала неустойчивым его положение в Киеве. Так, Юрий Долгорукий, узнав, что Белгородом овладел его соперник князь Изяслав Мстиславич, без сопротивления покинул Киев.¹⁹⁹ И все-таки Киев довлел над Белгородом, и белгородцы соизмеряли свое поведение с тем, что делалось в старейшем городе. В 1152 г. Юрий Долгорукий после неудачной попытки обосноваться в Киеве подступил к Белгороду и заявил горожанам: «вы есте людье мои, а отворите ми град». И те с издевкой ответили: «А Киев ти ся кое отворил, а князь нашъ Вячьслав, Изяслав и Ростислав». И князь Юрий с конфузом отступил от города.²⁰⁰ Белгородцы не пустили в свой город Юрия потому, что их старший город Киев не отворил ему ворот.

Кроме Турова, Вышгорода и Белгорода в Киевской волости было много пригородов, которые развивались в том же направлении, что и упомянутые города, хотя, быть может, и с некоторым отставанием. Но показательно, что и в этих пригородах возникают княжения, что, безусловно, доказывает достаточно высокую степень организации местных общественных институтов. К числу пригородов, державших у себя князей, относятся Василев, Треполь, Канев, Корсунь, Торческ и др.²⁰¹ Но все они в конечном счете находились под властью Киева. И стоило какому-нибудь князю сесть на киевский стол, он получал возможность направлять своих подручных князей, а то и просто посадников в пригороды Киева. Так случилось, скажем, с Всеволодом Чермным, который, будучи в Киеве, «посла посадники по всем городом Киевьским».²⁰²

Итак, к началу XII в. завершается в основных чертах становление киевского города-государства, киевской волости, земли. Характерной особенностью киевского города-государства была его прочность. Киев, этот город-гигант, настолько сильно притягивал к себе пригороды, что зависимость их от него сохранялась и в XIV столетии.

Рассуждая о политическом строе Киевской земли в «удель-

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 323.

¹⁹⁸ Там же. Стб. 284, 289.

¹⁹⁹ Там же. Стб. 415—416.

²⁰⁰ Там же. Стб. 433.

²⁰¹ См.: Толочко П. П. Киев и Киевская земля XII—XIII веков. С. 141, 146, 151.

²⁰² ПСРЛ. Т. I. С. 427.

но-вечевой период», М. С. Грушевский утверждал, что «земская автономная, суверенная община, обнимающая собою всю землю, и единоличная власть, опирающаяся на дружину, составляют два элемента, два фактора, обуславливающие этот строй. Первый из этих элементов — общинный — вступает в рассматриваемый период в состоянии ослабления, атрофии. Хотя под влиянием внешних условий он затем возвращается к политической деятельности, но не создает для себя определенных, постоянных функций, а остается в своей практике, так сказать, органом экстраординарным, текущее же управление ведает элемент дружинный, причем эти два элемента иногда конкурируют и сталкиваются».²⁰³ Представления М. С. Грушевского о политическом строе Киевской земли отрывают общинно-вечевую власть от княжеской власти, противопоставляя их друг другу, что неправомерно, поскольку этим разрушается единство социальной структуры киевского общества, а княжеско-дружинная знать оказывается в изолированном от земской среды положении, превращаясь в некую замкнутую надклассовую социальную категорию.

Известное расчленение княжеского и вечевого начал находим и в трудах советских историков. Так, по словам П. П. Толочко, «в Киеве XI—XIII вв. сосуществовали, дополняя один другого, а нередко и вступая в противоречия, орган феодальной демократии (вече) и представитель монархической власти (великий князь)».²⁰⁴ П. П. Толочко полагает, что «при сильном киевском князе вече было послушным придатком верховной власти, при слабом — зависимость была обратной».²⁰⁵

Мы предлагаем рассматривать вече и князя в Киеве в рамках единой социально-политической целостности, где вече суть верховный орган власти, а князь — олицетворение высшей исполнительной власти, подотчетной, больше того, подчиненной вечу.

Князь, будучи главой общинной администрации, в то же время сам представлял собой общинную власть, выполняя разнообразные функции. Вот почему князь являлся необходимым элементом социально-политической структуры. Так же как и в других землях, долгое отсутствие князя — несчастье для киевской земли. «Тогда тяжко бяше кияном — не остал бо ся бяше у них ни един князь у Киеве», — отмечает летописец.²⁰⁶ Все это не позволяет нам считать киевского князя монархом, а его власть монархической.

В Киевской земле XI — начале XII вв. шел процесс образования республики, а не монархии. Республиканские порядки сложились в Киеве несколько раньше, чем даже в Новгороде,

²⁰³ Грушевский М. С. История Киевской земли. С. 301.

²⁰⁴ Толочко П. П. Древний Киев. С. 208.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 476.

республиканский строй которого незаслуженно признан современной историографией феноменальным явлением в Древней Руси.²⁰⁷ Разумеется, древний князь таил в потенции монархические качества и свойства. Но для того чтобы они получили выход и возобладали, необходимы были иные социальные и политические условия. Эти условия возникли за пределами древнерусского периода отечественной истории.

Какова же судьба Киева и его земли во второй половине XII — начале XIII вв.? В это время происходит упадок «мати градом русским». Естественно, данный процесс идет постепенно, отчасти не заметно для современного наблюдателя.

Сохраняется прежняя суверенность и самостоятельность городской общины, проявляющаяся в призвании князей. Киевляне призывают Изяслава Давыдовича: «Послаша Кыяне Демьяна Каневьскаго по Изяслава по Давыдовича». Понятно, почему, оправдываясь перед Юрием, Изяслав говорил: «Посадили мя Кыяне».²⁰⁸ Летописное сообщение о призвании Изяслава интересно еще одной деталью. В качестве посланца городской общины выступает епископ. Церковная власть, видимо, все больше начинает играть ту же роль, что несколько позже и в Новгороде: быть подручной общины.

После смерти Юрия «приехаша к Изяславу Кыяне, рекуче: „поеди княже Киеву”». Городская община Киева опять распоряжается киевским княжением. Впрочем, с самим Юрием дело обстояло гораздо сложнее.

Этот князь, опиравшийся на силу северо-восточных волостей, явно не пользовался популярностью в Киеве. Сообщая о его вокняжении в Киеве, летописец отмечает: «...и прия с радостью вся земля Руская».²⁰⁹ У нас есть основания не доверять пафосу летописного сообщения. Когда Юрий после попойки у осменика Петрила отправился в лучший мир, «много зла створися... разграбиша двор его красный и други двор его за Днепром разграбиша, его же звашеть сам Раем и Василков двор сына его разграбиша в городе. Избивахуть Суждальци по городом и по селом, а товар их грабяче».²¹⁰ В этих грабежах видим как бы два пласта. С одной стороны, они полностью ассоциируются с уже неоднократно встречавшимися нам архаическими перераспреде-

²⁰⁷ Понятно, что между Киевской и Новгородской республиками существовали и различия, обусловленные местными условиями. Так, благодаря соседству Киевской волости с землями Черных клобуков в днепровской столице сложилась своеобразная политическая ситуация, характеризующаяся причастностью кочевников к внутренней жизни Киева. Черные клобуки вместе с «кыянами» составляли единую военную организацию, выступали в качестве советников киевских князей, приглашали и избирали князей на киевский стол (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 328, 400, 401, 421, 424, 427, 428, 436, 469, 470, 532, 533, 682).

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 478.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же. Стб. 489.

ниями имущества в общине,²¹¹ с другой — в них отразилось недовольство киевлян Юрием. Юрий, видимо, утвердился на столе в Киеве при сильной поддержке тех самых «суждальцев», судьба которых была столь печальна после его смерти. Северо-Восточная Русь навязала Киеву своего князя. В этом нельзя не видеть свидетельство некоторого ослабления киевской городской общины.

В 1160 г. киевляне приняли на княжение Ростислава. «Средоточа вси людие с достохваною честию, и седе на столе деда своего и отца своего».²¹² Таковую же практику наблюдаем и под 1169 г., когда после смерти Ростислава «начаша слати по Мьстислава братья Володимир Мьстиславич, Рюрик, Давыд, Кияне от себе послаша, Черныи Клобуки от себе послаша».²¹³ Значит, традиции прежней жизни сохранялись. Но антикиевская борьба вызревших и развившихся волостей Руси, борьба князей за киевский стол сделали свое дело: истощили силы Киева. Стольный город становится добычей соседних городов-государств. Свидетельством этого служит ограбление Киева по инициативе Андрея Боголюбского. Войнство враждебных городов-государств опустошило город: «Церквам горящим, крестьяном убиваемом, другим вяжемом, жены ведоми быша в плен, разлучаеми пужею от мужии свои, младенци рыдаху зряще материи своих и взяша именья множество и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колоколы, изнесоша все Смоленяне, и Суждальци и Черниговци».²¹⁴

Разграбление Киева — отражение того процесса, за ходом которого мы следим на страницах этой книги — процесса формирования самостоятельных городов-государств, кристаллизации местной волостной жизни. Обратной стороной его и был постепенный упадок полянской столицы, утратившей свое бывшее могущество. Характерно, что на Киев вместе с другими идут войны и из пригородов Киева: Овруча и Вышгорода. Это симптом идущего размежевания между главным городом и пригородами внутри Киевской земли.

После упомянутого погрома политические силы киевской общины были надломлены, и она не смогла уже полностью оправиться от нанесенного ей удара.

Б. А. Рыбаков думает иначе. Он пишет: «Киевский летописец, бывший свидетелем трехдневного грабежа города победителями, так красочно описал это событие, что создал представление о какой-то катастрофе. На самом деле Киев продолжал жить полнокровной жизнью столицы богатого княжества и после 1169 г. Здесь строились церкви, писалась общерусская летопись, создавалось „Слово о полку Игореве“, несовместимое

²¹¹ См. с. 57—58 настоящей книги.

²¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 504.

²¹³ Там же. Стб. 532.

²¹⁴ Там же. Стб. 545.

с понятием об упадке».²¹⁵ В другой своей работе Б. А. Рыбаков, делая акцент на политическом значении Киева, отмечает: «Историки почему-то считают 1169 год поворотным пунктом в истории Киева и всей Киевской земли. Будто бы с этого года Киев захирел, пришел в упадок, его политическое значение окончательно пало. Все это опирается лишь на красочное описание двухдневного разгрома города в летописи Печерского монастыря, подожженного победителями. Вся последующая история Киева показывает, что это взятие Киева, как и многие другие смены князей, произведенные вооруженной рукой, несколько не меняло его центрального места во всех южнорусских делах... Кроме литературного мастерства Поликарпа, которому, по всей вероятности, принадлежит описание взятия Киева, никаких объективных данных об упадке Киева нет».²¹⁶

Б. А. Рыбаков прав, когда предостерегает от преувеличений насчет последствий разгрома Киева 1169 г. Но он впадает в противоположную крайность, говоря о «полнокровной жизни» днепровской столицы, о ее важном политическом значении. Б. А. Рыбаков оставляет без внимания признаки явного снижения политической активности и ущемления политической самостоятельности киевской общины. Князь Андрей Боголюбский начинает распоряжаться киевским княжением, не проявляя при этом ни малейшего желания сесть самому на столь заветный когда-то для князей «златокованный» стол.

По разграблении Киева его сын Мстислав Андреевич сажает здесь на столе князя Глеба.²¹⁷ Правда, киевская община не сразу сдает свои позиции. Мстиславу приходится в 1172 г. брать ряд с «кианы».²¹⁸ Но реальная сила нередко была уже не на стороне киевлян, и они становятся все более пассивными в общественно-политической жизни. Андрей отдает Киев Роману Ростиславичу, а «кияне» лишь встречают назначенного им князя: «усретоша и с кресты митрополит и архимандрит Печерским игумен и инии игумени вси и Кияне вси и братья его».²¹⁹

Пассивность эта проявляется и в последующих событиях. Поссорившись с Андреем, Ростиславичи отдали Киев своему брату Рюрику Ростиславичю. Андрей, как известно, направил своего посла с ультиматумом покинуть всем Ростиславичам Киев. Но самый юный из Ростиславичей — Мстислав «осоромил» посла, велел постричь ему голову и бороду. В ответ Андрей собирает огромную рать из ополчений ростовцев, суздальцев, владимирцев, переяславльцев, белозерцев, муромцев, нов-

²¹⁵ Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964. С. 190—191; 2) Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 493.

²¹⁶ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 141.

²¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 545.

²¹⁸ Там же. Стб. 548.

²¹⁹ Там же. Стб. 568.

городцев, рязанцев. Мощь северо-восточного правителя была так велика, что к его затее вынужден был присоединиться даже Роман Ростиславич, направивший смоленское ополчение «на братью». В поход пошли также полоцкие, туровские, пинские и городенские князья. У Киева к этому воинству примкнули и переяславцы.

Ростиславичи даже не попытались «затвориться» в Киеве, а укрылись в своих городах: Рюрик в Белгороде, а Мстислав с полком Давыда в Вышгороде. Сам же Давыд отправился к Ярославу Осмомыслу за помощью. К рати союзников присоединились и «кияне». М. С. Грушевский предположил, что это киевское ополчение было набрано принудительно.²²⁰ Действительно, у киевлян не должно было быть особого желания сражаться за интересы северо-восточного князя и его волости. Слишком свежа была еще память о погроме Киева.

Часть союзного войска осадила Вышгород, воинство которого долгое время сдерживало натиск большой рати. Но неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не вмешательство юго-западного князя. «Ярослав лучьский» пришел со всею «Вельньскою землею» и, когда не смог договориться с Ольговичами о Киевском столе, пошел на соединение с Рюриком к Белгороду. Союзное войско испугалось нападения с тыла и побежало. При этом опасались еще вмешательства «Галичан».²²¹

Данные события говорят о силе сформировавшихся городов-государств, которые решают судьбу Киева, о возросшем могуществе пригородов Киевской земли, но только не о величии Киева. Киевская община ведет себя инертно, мы ее почти не замечаем в событиях, все больше и больше она становится лишь орудием в руках других сил.

Князем в Киеве оказался Ярослав Луцкий, вынужденный скоро уступить княжение Святославу. Святослав «поимал» имущество Ярослава, пленил его жену, сына, дружину и отправил их в Чернигов. «Ярослав же, слышав, яко стоит Киев без князя, пограблен Ольговичи, и приеха опять Киеву на гневех замысли тяготу Кыяном, река: „подъвели есте вы на мя Святослава. Промышляйте чим, выкупити княгиню и детя“, онем же не умеющим, что отвещати ему и попрода весь Киев игумены и попы и черньце и чернице. Латину и госте и затвори все Кыяны».²²² Это — апофеоз киевского позора. Город, располагавший когда-то огромными богатствами, теперь не может собрать денег, чтобы выкупить родственников и дружину Ярослава; город, которого когда-то опасались крупнейшие представители рюрикова рода, вынужден теперь подчиняться князю из волынского пригорода — Луцка.

²²⁰ Грушевский М. С. История Киевской земли. С. 234.

²²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 577.

²²² Там же. Стб. 579.

Князья продолжали и дальше бороться за Киев. Прежде всего это — Ростиславичи и Ольговичи. В один из моментов борьбы вновь встречаем «киян». Когда Святослав «с полкы своими» стоял у Витичева, «ту же приехала к нему Кияне, рекуче: уже Роман шел к Белугороду».²²³ Как видим, киевляне выступают лишь в роли информаторов князя. Киевом распоряжаются князья. Ростиславичи, «сгадавше», отдали Киев Святославу.

С киевской городской общиной мы встречаемся и в конце XII — начале XIII вв. Ее внутренняя жизнь во многом напоминает то, что было и раньше. Вот «кияне» на пиру по поводу освящения церкви святого Василия.²²⁴ А вот они зовут на пир Давыда в 1195 г., а потом, Давыд «позва Кияне к собе на обед и ту быс с ними в весельи мнозе».²²⁵ В 1208 г. «кияне» даже «отвориша» князю Роману с галичскими и владимирскими полками Подольские ворота в Копыреве конце.²²⁶ Как видим, проявляется еще порой определенная социально-политическая активность, поддерживаются старые традиции общественной жизни, но нет главного — прежней самостоятельности. Киевским столом распоряжаются внешние силы: «И посади великий князь Всеволод и Роман Инъгвара Ярославича в Кыеве».²²⁷ Со времени памятного разгрома Киева вырабатывается новое отношение князей крупнейших земель к днепровской столице. Они уже настолько срастаются с местной средой, что их не влечет потерявший свое богатство и значение Киев. Лишь всплывает иногда о судьбе Киева великий князь владимирский и походя решит судьбу киевского княжения. После другого страшного разгрома Киева, произведенного в 1203 г. Рюриком, Ольговичами и половцами, Всеволод «не помяну зла Рюрикова, что есть сотворило у Русте земли, но дай ему опять Киев».²²⁸

В постоянной борьбе князей и земель продолжала слабеть сила Кисва и его волости. Князья, оказавшись на столе в Кыеве, чувствуя себя «калифами на час», стремились разграбить, разрушить Киев, подорвать мощь когда-то могучего социального организма. Характерно в этой связи сообщение о Всеволоде Чермном. После длительной борьбы он «пришед седе в Кыеве, много зла створив земли Рустей».²²⁹

Итак, в напряженной и длительной борьбе за господствующее положение на Руси в XI — первой половине XII вв. киевская община исчерпала свои ресурсы. Симптомы ее ослабления обнаружилились к середине XII столетия. Во второй половине

²²³ Там же. Стб. 604.

²²⁴ Там же. Стб. 634.

²²⁵ Там же. Стб. 682.

²²⁶ Там же. Т. I. Стб. 417.

²²⁷ Там же. Стб. 418.

²²⁸ Там же. Стб. 419.

²²⁹ Там же. Стб. 429.

XII в. Киев еще более обессилел, став частой добычей других, окрепших к этому времени, волостей и поддерживаемых ими князей. Былая мощь и величие Киева отошли в область истории. Киевская община в значительной мере утратила свой суверенитет и превратилась в орудие внешних сил.

С этой точки зрения неприемлемыми являются некоторые наблюдения Б. А. Рыбакова относительно политического развития Киевской земли во второй половине XII в. По мнению исследователя, «в связи с тем, что Киев часто являлся яблоком раздора между князьями, киевское боярство заключало с князьями „ряд” и ввело любопытную систему дуумвирата, продержавшуюся всю вторую половину XII в. Дуумвирами-соправителями были Изяслав Мстиславич и его дядя Вячеслав Владимирович, Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич. Смысл этой оригинальной меры был в том, что одновременно приглашались представители двух враждующих княжеских ветвей и тем самым отчасти устранялись усобицы и устанавливалось относительное равновесие. Один из князей, считавшийся старшим, жил в Киеве, а другой — в Вышгороде или Белгороде (он распоряжался «Русской землей»). В походы они выступали совместно и дипломатическую переписку вели согласованно».²³⁰ В соправители Рюрика Б. А. Рыбаков зачисляет, правда, ненадолго и Романа Мстиславича.²³¹

Приведенные Б. А. Рыбаковым примеры слишком малочисленны, чтобы доказать существование «системы дуумвирата» на протяжении полувека. Они скорее являли собой исключение, нежели правило. К этому надо добавить, что случай «соправительства» Изяслава Мстиславича с Вячеславом Владимировичем вообще выпадает из схемы Б. А. Рыбакова, ибо, во-первых, эти князья принадлежали вовсе не к враждующим ветвям, а к одному «володимерову племени», и, во-вторых, отношения их строились на иной основе.

На взаимоотношениях Изяслава, а затем и Ростислава с Вячеславом сказались древнерусские традиционные представления о старейшинстве среди князей. Вячеслав — старейший князь, он приходится «в отца место» и Изяславу и Ростиславу. Сидит же он отнюдь не все время в Вышгороде. Как только Изяслав утверждает на столе в Киеве, он «веде стряя своего и отца своего Вячеслава у Киев». Обычная для Древней Руси ситуация, но она осложняется тем, что Вячеслав, действительно, стар. И он не может уже выполнять всего того, что обязан был делать в те времена князь. Вячеслав обращается к Изяславу: «Паки сыну тебе молвлю, я есмь уже стар, а всих рядов не могу уже рядити, но будеве оба Киеве, аче нам будет ко-

²³⁰ Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. С. 189—190; 2) Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 492.

²³¹ Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. С. 192; 2) Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 494.

торыи ряд или хрестьянних или поганных, а идеве оба по месту, а дружина моя и полк мой, а то буди обою нама ты же ряди. Аче кде нам будеть мочно обеима ехати, а оба едеве, паки ли а ты езди с моим полком и с своим. Изяслав же с великою радостью и с великою честию поклонися отцю своему».²³² С Вячеславом у князя Изяслава прочно связывалось понятие о старейшинстве. Он заявляет: «Яз Киева не собе ищю, но оно отець мой Вячьслав, брат старей, а тому его ищю».²³³ Так же мыслили и Кияне, наставлявшие Ростислава: «Якоже и брат твой Изяслав честил Вячеслава, такоже и ты чести».²³⁴ Вячеслав и умер в Киеве, погребен был «у святыя Софья», провожаемый толпами народа и Ростиславом. Нет, нам думается, необходимости глубже вникать в социально-политическую и социально-психологическую атмосферу Древней Руси, чтобы решительно отринуть идею о «дуумвирате» в Киеве в середине XII в. Между Изяславом и Вячеславом не заметно никаких бояр, которые заключали бы с князьями «ряд» о дуумвирате. Князья строили свои отношения, исходя из соображений старейшинства, а не из предписаний боярства, и эти соображения разделяла киевская община.

Отличной была ситуация с Рюриком и Святославом Всеволодовичем. Летопись сообщает о том, что Рюрик «возлюбил мира паче рати, ибо жити хотя в братолюбьи, паче же и хрестьян деля пленяемы по вся дни от поганных и пролитья крови их не хотя видити, и размыслив с мужи своими, угадав бе бо Святослав старей леты и урядився с ним, съступис ему старейшиньства и Киева, а собе возя всю Рускую землю».²³⁵ О киевских боярах, как видим, тут нет и помину. Рюрик принимает решение без них, посоветовавшись лишь «с мужи своими», т. е. с приближенными. Киевляне, рядовые и знатные, здесь вообще оказались за сценой, чтошний раз указывает на известный спад их политической активности.

Иное содержание, чем в эпизоде с Изяславом и Вячеславом, заключено и в идее старейшинства, которое почти потеряло генеалогическое значение и наполнилось политическим смыслом. Вот почему старейшинство можно уступить под воздействием различного рода обстоятельств. Конкретно же в данном случае речь шла о разделе доходов с Киева и его ближайшей округи, с одной стороны, и киевских пригородов, — с другой, а не о мнимом «дуумвирате». Единственно, о чем свидетельствует данный факт, — это о росте значения и влияния киевских пригородов. Корм, собираемый с них за выполнение княжеских функций, составляет уже столь лакомый кусок, что Рюрик готов поступиться ради них и Киевом. Естественно, что по поводу

²³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 419.

²³³ Там же. Стб. 429.

²³⁴ Там же. Стб. 471.

²³⁵ Там же. Стб. 623—624.

ряда мероприятий, в частности походов, направленных против половцев, и Рюрик и Святослав договаривались друг с другом с большим или меньшим успехом, как, впрочем, договаривались и остальные князья. Видеть здесь «дуумвират» нет никаких оснований.

Еще меньше тезис о дуумвирате относится к Рюрику и Роману Мстиславичу. Рюрик, пользуясь своим положением в Русской земле, дал Роману несколько городов в кормление, чем вызвал гнев у Всеволода Большое Гнездо, заявившего свои притязания на эти города.

Итак, накануне татаро-монгольского нашествия Киевская земля была, пожалуй, одной из самых ослабленных волостей Древней Руси. В основе этого явления лежал ряд причин как внутреннего, так и внешнего порядка, суть которых тонко уловил А. Е. Пресняков. «Пробудившаяся и в Киевщине тенденция к обособлению в особое законченное целое, в живущую собственной жизнью, местной и замкнутой, землю-княжение была решительно подорвана живой традицией киевского первенства», — писал исследователь.²³⁶ Действительно, значительно уже утративший свои силы Киев сохранял прежние амбиции. И киевские князья и киевская община стремились распространять свое влияние на другие земли Руси, не имея на то возможности. Наряду с этим князья других волостей продолжали бороться за Киев, когда он уже утратил свое бывшее значение. Они действовали под влиянием традиции. Самые же могучие волости и князья той поры (юго-западные и северо-западные) стали на путь сознательного ослабления Киева. Все это не могло не подрывать силы Киевского города-государства.

2. Возникновение города-государства в Черниговской и Переяславской землях

Черниговский и Переяславский города-государства сложились на основе племенной территории полян и северян. При этом, как свидетельствуют новейшие изыскания археологов, такие древнейшие города, как Любечь, Переяславль, входили наряду с Киевом в регион полян; Новгород-Северский, Севск, Путивль и Рыльск были городами северян, а Чернигов находился на смешанной, полянско-северянской полосе.¹ А. Н. Насонов убедительно показал, что Киев, Чернигов и Переяславль вырастали «в значении политически господствующих центров» и составили основу так называемой «Русской земли».² Не отрицая ускорен-

²³⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1: Киевская Русь. С. 237—238.

¹ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 108, 133.

² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 47—50.

ности социально-экономического развития в «Русской земле», не можем согласиться с А. Н. Насоновым в том, что эти центры были сильны своею феодальной знатью, богатой земельными владениями. «Русская земля» была дофеодальным образованием, ядром того суперсоюза, который возникал на территории Восточной Европы на протяжении IX—X вв. Исследователи показали всю сложность формирования этого суперсоюза, вхождения в него различных союзов племен. Так, если западные северяне непосредственно вошли в состав «Русской земли», то восточные северяне продолжали еще долгое время платить дань хазарам. «В IX в. территория племенного союза оказалась расчлененной политической границей на западную часть, вошедшую в состав „Русской земли“, и восточную, находившуюся, вероятно, в зависимости от Хазарского каганата», — пишет А. К. Зайцев.³ Тем не менее и восточные северяне оказались очень рано в орбите влияния полянской общины. С них брал дань киевский воитель Святослав.

В конце X — начале XI вв. из состава «Русской земли» начинают выделяться Черниговская и Переяславская земли. В связи с этим явление привлекает внимание градостроительная деятельность Владимира. «И рече Володимерь: „Се не добро, еже малъ город около Киева“. И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучшие от Словень, и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятичъ, и от сих насели грады: бе бо рать от печенег. И бе воюяся с ними и одолая им...».⁴ Правомерно, казалось бы, видеть в строительстве князя одно лишь стремление укрепить порубежье для борьбы со степняками. Но уже П. В. Голубовский усмотрел в постройке Владимиром городов одновременно и попытку Киева усилить свое господство в земле северян.⁵ Его поддержал В. В. Мавродин, который при этом отметил, что «массовое заселение городков иноплеменным по отношению к основному населению территории составом свидетельствует о том, что, очевидно, дело охраны земли Северной, с точки зрения киевского князя, гораздо целесообразнее было поручить переселенным „лучшим мужам“».⁶ Действительно, этот летописный материал может свидетельствовать о враждебности северянско-го населения по отношению к полянской столице. Враждебность эта подогревалась стремлением к самостоятельности

³ Зайцев А. К. Черниговское княжество//Древнерусские княжества/Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 65.

⁴ ПВЛ. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 83.

⁵ Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1882. С. 52—53. См. также: Сенаторский Н. Исторический очерк города Рыльска в политическом и церковно-административном отношении. Курск. 1907. С. 10—11.

⁶ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 120.

жителей Левобережной Украины. Владимир, переселяя «лучших мужей», добивался двух целей: с одной стороны, он лишал лидеров общины словен, кривичей, вятичей и чюди, которые стремились так же, как и северские города к самостоятельности, с другой — с помощью переселенных поддерживал свою власть над местным населением.

На активизацию антикиевских выступлений жителей Левобережья намекают и события 1015 г., связанные с походом князя Бориса. В Повести временных лет и в некоторых других источниках организация этого похода объясняется необходимостью отражения печенегов, вторгшихся в южные пределы Руси. Не найдя печенегов, Борис вернулся с войском назад.⁷ Несколько иначе излагает события одно из Сказаний о Борисе и Глебе, изданных И. И. Срезневским. Там наряду с упоминанием о походе Бориса против напавших на русскую землю врагов говорится еще и о том, что князь, «умирив грады вся, възвратися вспять».⁸ В. В. Мавродин, рассмотревший обе версии, пришел к выводу, что они не исключают друг друга. «Возможно, — пишет он, — что печенеги, прослышав о походе Бориса, ставившего себе целью „умиротворенье“ северских городов, ушли в степи».⁹ Сообщение об усмирении городов позволило В. В. Мавродину высказать предположение о «продолжавшемся сопротивлении Киеву со стороны отдельных социальных группировок Левобережья». Исследователь, впрочем, не решался сказать, какой характер носило брожение городов «оной страны Днепра». «Было ли это восстание городских низов против развивавшейся феодально-ростовщической верхушки, было ли это сопротивление отдельных представителей местной знати некоторых городов власти киевского князя — прямого ответа на поставленный вопрос мы нигде не найдем».¹⁰ Речь, вероятно, надо вести о росте сопротивления северского населения в целом киевскому господству. Не случайно в конце X — начале XI вв. происходит сложение политического и территориального ядра Чернигово-Северской волости.¹¹ Данный процесс, как нам кажется, мог идти только рука об руку с постепенным освобождением от власти Киева.

О Чернигове можно определенно сказать, что он возник в результате общинного синойкизма, т. е. слияния нескольких поселков.¹² Само появление города путем объединения группы общин свидетельствует об определенной социальной консолида-

⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 90; Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 43—44.

⁸ Сказание о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860. Стб. 11—12.

⁹ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 121.

¹⁰ Там же.

¹¹ Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 75.

¹² См.: Мезенцев В. И. Древний Чернигов. Генезис и историческая топография города: Автореф. канд. дис. Киев, 1981. С. 14—15.

ции местного населения. По мере ее роста усиливалось стремление черниговцев обособиться от Киева.

В первой четверти XI в. наблюдаются явные признаки возросшей самостоятельности Черниговской земли. Учреждение в Чернигове княжения, независимого от Киева, вполне подтверждает нашу мысль. Произошло это при следующих обстоятельствах. В 1024 г. у стен Киева появились войска князя Мстислава, пришедшего из далекой причерноморской Тмутаракани. Трудно сказать, опирался ли он в этот момент на северянские силы или довольствовался своей тмутараканской дружиной. Мстислав мог пройти Доном, Сеймом и Десной, побывать, следовательно, в Чернигове, но мог подняться и вверх по Днепру, не заходя в Чернигов.¹³ Но как бы там ни было, князь Мстислав, когда киевляне отвергли его, нашел себе пристанище в Чернигове, откуда потом выступил против Ярослава. Основную силу Мстислава в Лиственской битве составляли северяне. Борьба закончилась соглашением у Городца: «...и разделиста по Днепр Русьскую землю: Ярослав прия сю сторону, а Мстислав ону».¹⁴ Это соглашение соответствовало интересам зарождающейся Черниговской волости — города-государства, становление которого началось еще до Мстислава и продолжалось после него.

Вокняжение Мстислава в Чернигове указывает на возросшую сплоченность местных социальных сил, способных противостоять киевской общине и возглавляющему ее князю Ярославу. Основу этих сил составляла городская община Чернигова. Нас не должна смущать фразеология летописца, сосредоточенного на князьях, которые якобы сами, без участия общин Киева и Чернигова, «разделиста Русьскую землю». Перед нами обычная манера подачи летописного материала, сфокусированного на деятельности князей. В действительности же раздел «Русской земли» являлся выражением глубинного течения социальной жизни, размывавшего родоплеменные устои. Князья лишь облекали в политическую форму то, что диктовалось объективным ходом исторического развития.

Княжение Мстислава в Чернигове знаменовало существенные сдвиги в общественной организации «Русской земли». Оно предвещало ее распад, который стал отчетливо проявляться к середине XI в. На обломках «Русской земли» складывалось три волости: Киевская, Черниговская и Переяславская. Образование из «Русской земли» названных волостей запечатлело летописное «Завещание» Ярослава Мудрого. Перед своей смертью в 1054 г. Ярослав, обращаясь к сыновьям, распорядился так: «Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, якоже по-

¹³ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 135.

¹⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 100.

слушаете мене, да той вы будете в мене место; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль».¹⁵ Здесь, подобно тому, как это имело место в летописном рассказе о разделе «Русской земли» между Ярославом и Мстиславом, одной лишь княжеской воле приписывается созидаящая политическая роль. Эта идеалистическая концепция летописца прошла через все русское средневековье и была воспринята историками XVIII—XIX вв. Н. М. Карамзин, например, писал: «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная Единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленную на малые области».¹⁶ Советские историки показали несостоятельность такого рода трактовок политической истории Киевской Руси, установив обусловленность образования отдельных волостей-земель процессами роста их социальной консолидации и вытекающего отсюда сепаратизма.¹⁷ Однако основную причину выделения волостей-земель они видели в феодализации древнерусского общества, закономерным итогом которой стала феодальная раздробленность Руси. Поэтому «Завещание» Ярослава рассматривается как первое юридическое оформление феодальной раздробленности.¹⁸ Мы не можем полностью принять эту точку зрения. Распад «Русской земли», как и всего грандиозного восточнославянского союза племен,¹⁹ в самом деле был следствием социальной консолидации различных областей Киевской Руси. Но конкретное содержание данного процесса нам представляется не в развитии феодализма, а в смене родоплеменного строя общественной организацией, основанной на территориальных связях и являющейся переходной ступенью от доклассового общества к классовому. Образование территориальных социальных структур создавало условия для феодализации общественных отношений, а отнюдь не означало утверждение феодализма как социально-экономической системы.

На протяжении второй половины XI в. все явственнее обнаруживается тяга черниговцев к самостоятельности. При этом они используют в своей борьбе за независимость Олега и Бориса Святославичей, враждовавших с киевскими правителями. В 1078 г. киевский князь Изяслав «повеле збирати вой от мала до велика». Киевское ополчение во главе с четырьмя князьями двинулось к Чернигову. «Черниговцы затворишася в граде. Олег

¹⁵ Там же. С. 108.

¹⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. СПб., 1892. С. 45.

¹⁷ См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 489; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода//История СССР. 1971. № 2. С. 44.

¹⁸ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода... С. 44.

¹⁹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 21.

же и Борис не бяста, Черниговцем же не отворившимся...»²⁰ Чем, кроме как желанием противостоять Киеву, можно объяснить столь решительные действия городской общины? Данный летописный отрывок красноречив: в городе не было князей, черниговцы действовали самостоятельно. Это свидетельствует о высоком уровне организации черниговской общины, о ее стремлении бороться с киевской общиной. Возможно, что по поводу прихода киевлян в городе собралось вече, которое и решило сопротивляться до последнего. Во всяком случае, черниговцы сражались не на жизнь, а на смерть. Когда Владимир Мономах — искусный воин, сумел захватить восточные ворота и поджечь окольный град, «людем же вбегшим в дънешний град».²¹ Но сила была еще на стороне Киевской волости. Олег и Борис Святославичи потерпели поражение у Нежатиной Нивы. Вскоре князь Всеволод «седе Кieve на столе отца своего и брата своего, переем всю власть Рускую и посади сына своего Володимера в Чернигове».²² Но положение Владимира в Чернигове было непрочным. Наняв себе в союзники половцев, всегда готовых поживиться на Руси, Олег пришел к Чернигову. Владимир «затворился в граде», но долго там не высидел. Он заключил мир с Олегом и пошел «на стол отень Переяславлю».²³ Удивление вызывает то, что Владимир — прирожденный воин так быстро сдался. Интересную информацию предоставляет нам знаменитое «Поучение» Мономаха. Мономах вспоминал: «Олег на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову и бишася дружина моя с ним».²⁴ Вот она разгадка слабости Владимира — с половцами сражалась лишь его дружина. Это тем более странно, что в земле сложилась сильная военная организация. Тот же Мономах не раз упоминает «черниговцев», с которыми воевал против Полоцкой волости.²⁵ Вывод напрашивается один: «черниговцы» не хотели воевать против Олега. Это был «свой» князь, к которому земля была привязана, а Владимир не имел корней в Чернигове. Этим, а отнюдь не сожалением о христианских душах объясняется его уход из Чернигова. Значит, князья были лишь орудием в руках общин. Не случайно Святосполк и Владимир зовут Олега в Киев стать «пред епископы и игумены, пред боярами и горожанами». Именно киевские горожане должны были образумить непокорного черниговского князя. Но Олег отверг эти притязания. Ответ его полон презрения к враждебному городу: «Несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом».²⁶ В. В. Мавродин правильно,

²⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 133.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 135.

²³ Там же. С. 148.

²⁴ Там же. С. 160.

²⁵ Там же. С. 159. — Здесь черниговская община является еще орудием в руках киевской, которая вела борьбу с Полоцкой волостью.

²⁶ Там же. С. 150.

на наш взгляд, писал, что «ответ Олега не является лишь проявлением его личного характера... За ним стояли определенные социальные силы, которые и продиктовали ответ, видно, от всей души сорвавшийся с его уст».²⁷ Не можем лишь согласиться с тем, что этой силой было черниговское боярство.²⁸ Бояре, безусловно, были лидерами общества, но за ними стояло население всей черниговской волости. «Думать, что народ в этих распрях не принимал участия, было бы больше чем поверхностно», — отмечал П. В. Голубовский.²⁹

В рассматриваемое время получаем возможность изучать Черниговскую волость и в территориальном аспекте. Только что выделившийся центр нес еще на себе следы могущества былой «Русской земли». В статьях, предшествующих Комиссионному списку Новгородской I летописи указывается, что Святослав получил «Чернигов и всю страну восточную и до Муром».³⁰ Такой широкий территориальный размах сохраняется еще какое-то время. В 1095 г. в Муроме был «ят» посадник Олега Святославича.³¹ О том же свидетельствуют и действия Олега в Муромской земле. Набрав воев в Смоленске, черниговский князь пришел к Мурому и заявил сидевшему там Изяславу Владимировичу: «Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего».³² Летописец замечает, что на его стороне была правда. Но это была лишь правда межкняжеских делений «хлеба», а ход исторических событий действовал против Олега. Формировалась, собственно, Черниговская волость, а в «восточной стране» зарождались Муромский и Рязанский города-государства.

Впервые с Черниговской волостью мы встречаемся в летописном сообщении под 1068 г. Тогда «половцем воюющим около Чернигова, Святослав же собрав дружины нелико изиде на нь ко Сновьску».³³ Сновск в данном летописном сообщении предстает перед нами как пригород Чернигова. Другой пригород — Стародуб. В нем «затворился» Олег, после того, как Святополк и Владимир выбили его из Чернигова. Киевские князья «оступиста и в граде и бяхутся из города крепко, а сим приступаху к граду и язвени бываху мнози от обоих и бысть межи ими брань люта». Только когда люди стали изнемогать от многодневной осады, Олег «вылезе из града».³⁴ Значит, пригород в это время живет в унисон с главным городом. Он поддерживает того же князя, что и главный город земли.

²⁷ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины... С. 205.

²⁸ Там же.

²⁹ Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия... С. 96.

³⁰ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 469.

³¹ ПВЛ. Ч. I. С. 150.

³² Там же. С. 168.

³³ Там же. С. 115.

³⁴ Там же. С. 150.

К исходу XI в. складывание городских волостей (городов-государств) на Руси, происходившее на основе консолидации местных сил, приняло рельефные формы. Об этом можно судить по такому заметному политическому событию, каким был княжеский съезд 1097 г. в Любече. Летописец рассказывает: «Придоша Святополк и Володимер, и Давыд Игоревичь, и Василко Ростиславич, и Давыд Святославичь, и брат его Олег, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собе, рекуще: „Почто губим Руськую землю, сами на ся котору деюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да ноне отселе имемся въ едино сердце, и блюдем Руськие земли; каждо да держить отчину свою: Святополк Киев Изяславлю, Володимерь Всеволожю, Давыд и Олег и Ярослав Святославлю, а им же роздал Всеволод города: Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теревовль Василкови”. И на том целоваша крест».³⁵

Съезд в Любече рассматривается современными историками в связи с проблемой феодальной раздробленности на Руси. Так, Б. Д. Греков считал, что на Любечском съезде «совершенно четко было констатировано наличие нового политического строя. Было официально произнесено и признано съездом: „каждо да держать отчину свою”. Съезд признал этот факт основой дальнейших политических междукняжеских отношений».³⁶ По Д. С. Лихачеву, поддержавшему Б. Д. Грекова, «в отличие от завещания Ярослава (1054 г.) в постановлениях Любечского съезда не упоминается о старейшинстве. Права обижаемого защищает не старший князь, а все князья вместе. Однако ни „завещанию” Ярослава, ни Любечскому съезду не удалось приостановить раздела Руси и восстановить ее единство».³⁷ Согласно В. В. Мавродину, на Любечском съезде восторжествовал принцип «феодального расчленения земли Русской».³⁸ С точки зрения В. Т. Пашуто, съезд князей в Любече «решал вопрос о разделе страны на отчины и, видимо, о разделе коренного домена — собственно „Русской земли” (Киев, Черпигов, Переяславль) — с обязательством получающих части в ней блюсти ее всем „за один”. Этот съезд принял решения, определившие судьбы Киева на несколько столетий».³⁹ По мысли Б. А. Рыбакова, «на Любечском съезде был провозглашен принцип династического разделения Русской земли между различными княжескими ветвями при соблюдении ее единства перед лицом

³⁵ Там же. С. 170—171.

³⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 500.

³⁷ ПВЛ. Ч. II. С. 460.

³⁸ Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956. С. 215.

³⁹ Пашуто В. Т. Общественно-политический строй Древнерусского государства//Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 21.

внешней опасности... Но все это было основано не на реальных интересах отдельных земель, не на действительном соотношении сил. Князя, глядя на Русь как бы с птичьего полета, делили ее на куски, **сообразуясь со случайными границами владений сыновей Ярослава**.⁴⁰ Н. Ф. Котляр полагает, что в Любече «был провозглашен лозунг отстаивания единства Древнерусского государства» перед лицом половецкой угрозы. Вместе с тем Любечский съезд узаконил «принцип наследственного владения землями».⁴¹

Анализ летописного текста привел нас к несколько иным выводам. Прежде всего надо подчеркнуть, что исследователи неоправданно рассуждают о Древнерусском государстве в целом (о Руси или всей стране). Внимание летописца и князей, собравшихся в Любече, сосредоточено на «Русской земле». Что разумел летописец под «Русской землей», видно из перечисленных им княжеских держаний. Это — Киев, Чернигов, Переяславль, т. е. волости, возглавляемые названными городами. Несколько странное впечатление производит упоминание в летописи Владимира, Перемышля и Теребовля в связи с «Русской землей». Впрочем, тому есть свое объяснение, о чем речь ниже.

Итак, помыслы князей, съехавшихся на сейм в Любече, были обращены не ко всей Руси, а лишь к «Русской земле» и городам Юго-Запада. Какую цель преследовали участники съезда? Летописец ясно говорит, что князя «сняшася Любяти на устроенье мира», необходимого в условиях половецких вторжений. Стало быть, ради прекращения вражды и усобиц собрались князья, а не для мнимого «раздела страны». Примирение, провозглашенное в Любече, касалось определенных лиц и потому устанавливалось на какое-то близко обозримое время, т. е. время их деятельности. Вот почему решения Любечского съезда нельзя распространять на последующие времена, как узаконившие новый политический порядок и принципы владения волостями, а тем более видеть в них решения, «определившие судьбы Киева на несколько столетий». Поступая так, исследователи придают княжескому съезду несвойственное ему эпохальное значение. Вызывает возражение и стремление отдельных ученых истолковать соглашение 1097 г. в Любече как попытку задержать раздел Руси, восстановить и отстоять ее единство. Князья договаривались о единстве между собой. Но достичь его они могли только путем распределения княжений по отчинному принципу, привычному для людей Древней Руси. Мы ошибемся, если вообразим, что распределение княжений означало раздел земель. Делились не земли, а власть над ними. «Кождо да держить отчину свою», — заявили князья. Они, сле-

⁴⁰ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 449.

⁴¹ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев. 1985. С. 47.

довательно, сошлись на том, что каждый из присутствующих на съезде должен править там, где правил его отец.⁴² Разумеется, раздел власти над землями немислим без существования самих земель как политических единиц. Отсюда вывод: договоренность князей в Любече регистрировала то, что стало фактом исторической действительности — распад «Русской земли» на Киевскую, Черниговскую и Переяславскую городские волости. Летописец и его герои-князья, сетуя на плачевную участь «Русской земли», пользовались устаревшей терминологией, поскольку «Русская земля», какой она была в IX—X вв., отошла в прошлое, уступив место трем государственным образованиям. К исходу XI в. на политической карте Восточной Европы «Русская земля» уже не столько политическое, сколько географическое понятие.

Княжеский съезд в Любече, таким образом, констатировал свершившееся отделение от Киева ранее подчиненных ему Чернигова и Переяславля. Власть киевской общины в пределах «Русской земли» резко сократилась. Обособление Чернигова и Переяславля от Киева — показатель значительной сплоченности местных социальных сил, на почве которой и сложились упомянутые городские волости. Договор князей, заключенный в Любече, являлся по сути признанием самостоятельности Чернигова и отчасти Переяславля. В меньшей мере это можно сказать относительно Владимира, Перемышля и Теребовля, статус которых, если следовать летописным записям, несколько отличался от статуса Чернигова и Переяславля. Различие проявлялось в обосновании прав участников съезда 1097 г. на то или иное княжение: Святополк Изяславич, Владимир Всеволодович, Давыд, Олег и Ярослав Святославичи закрепили за собой Киев, Переяславль и Чернигов потому, что там правили их отцы, а Давыд Игоревич, Володарь и Василько Ростиславичи остались во Владимире, Перемышле и Теребове на том основании, что в свое время их «роздаял» князьям Всеволод, сидевший в Киеве. Но коль это так, то принцип «каждо да держит отчину свою» не подходил к Давыду Игоревичу и Ростиславичам. Он составил привилегию лишь Святополка, Владимира Мономаха, Давыда, Олега и Ярослава Святославичей. Что касается упоминания юго-западных городов в связи с «Русской землей», то в этом следует видеть проявление их зависимости от «матери градов русских» — Киева.

Волостной быт в Черниговской земле достигает в начале XII в. высокого уровня развития. Свидетельство тому — начало процесса волостного дробления. После Любечского съезда по-

⁴² В древнерусском языке слово «держать» значило властвовать, править. В этом смысле оно, на наш взгляд, и употреблено в рассказе летописца о съезде 1097 г. в Любече (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Стб. 775; Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 224).

является самостоятельное Новгород-Северское княжение. Князем здесь становится беспокойный Олег Святославич, в то время как в Чернигове вокняжился его брат Давыд.⁴³

В последующее время самостоятельность и суверенность Черниговской земли продолжали возрастать. И нас не обманет участие князя Давыда в мероприятиях киевских князей. Речь здесь уже должна идти о военных временных союзах, конечно, при учете того, что Киев не утратил еще своих «великодержавных» амбиций.

Ярко противостояние Киеву проявляется при Всеволоде Ольговиче. Он утвердился на столе в Чернигове в 1128 г. Всеволод «я стрья своего Ярослава Чернигове, изъехав и, а дружину его исече и разъграби».⁴⁴ Дореволюционные историки предположили, что «такая удача Всеволода объясняется сочувствием к нему граждан, которые может быть тяготились княжением невоинственного Ярослава».⁴⁵ Это предположение выглядит достаточно убедительно. Правда, невоинственность Ярослава тут не при чем. «Не имея поддержки в самом Чернигове, Ярослав Святославич заключил договор с Мстиславом Владимировичем — великим князем киевским».⁴⁶ Поэтому он, конечно же, не мог возглавлять борьбу черниговцев с враждебной киевской общиной, а следовательно, и противостоять Всеволоду. Знаменательно, что киевский князь, попытавшийся было вступить за изгнанного Ярослава, ничего не добился. Всеволод «умолил» Мстислава оставить его на столе в Чернигове. Летописец сообщает еще и о вмешательстве церковников в эту историю. Игумен Григорий тоже со своей стороны повлиял на Мстислава.⁴⁷ Но дело, видимо, в другом — черниговская волость достигла такой силы, что могла противиться Киеву.

Вскоре начинается открытая борьба. Летописца завораживали колоритные фигуры князей. Но из летописного контекста мы сразу узнаем, что это была борьба земель, а не князей с их дружинами. Не случайно стремление опустошить волость противника. Ярополк, Андрей и Юрий «поймаша около города Чернигова села». В ответ Ольговичи с Изяславом и Святополком Мьстиславичами «пойдоша воююче села и города Переяславской власти».⁴⁸ Наиболее четко это отразил новгородский летописец, который уловил сущность и накал борьбы двух волостей: «Ходи Мирослав посадник из Новагорода мирить кыян с черниговьци, и приде, не успев ницто же: сильно бо възмялася вся земля Русская; Яропѣлк к собе зваше новѣгородьце, а черниговьскыи князь к собе; и бишася, и поможе бог Олговицю

⁴³ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины... С. 209.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 290.

⁴⁵ Голубовский П. В. История Северной земли... С. 106.

⁴⁶ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины... С. 216.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 291.

⁴⁸ Там же. Стб. 295—296.

с черниговчи, и многы кыяны исеце, а другыя изма руками». ⁴⁹ Впрочем, вскоре и южный летописец показал нам, кто вел борьбу с Киевом. Ярополк создал огромную коалицию, в которую вошли суздальцы, ростовцы, полочане, смоляне; прислал помощь даже венгерский король. Против такой силы устоять было трудно, и «людие Черниговци въспиша к Всеволоду: ты надешися бежати в Половце, а волость свою погубиши, то к чему ся опять воротишь». ⁵⁰ Это летописное сообщение весьма знаменательно. Городская община Чернигова организованно (возможно, на вече) диктует условия князю. В словах черниговцев отчетливо звучит тревога за судьбы волости. Это и понятно. Главный город земли был заинтересован в сохранении территориальной целостности и материального благосостояния последней. ⁵¹

Ярополк пошел на заключение мира с черниговцами. Мир был заключен у «Моровеиска» — еще одного пригорода Чернигова. Летописец объясняет покладистость Ярополка тем, что он «имел страх божий, как и отец его». Но дело скорее всего в силе черниговских полков. Сила эта проявилась сразу же после смерти Ярополка. «Поиде Всеволод Ольговичь из Вышгорода к Киеву, изрядив полкы». ⁵² К этому факту необходимо отнестись с должным вниманием. Посаждение Всеволода на киевский стол черниговскими полками может означать только одно: черниговский город-государство достиг такого могущества, что стал навязывать князей Киеву. Князья же были привязаны к местной среде, срастались с местной почвой, а если отрывались от нее, община переставала поддерживать их. У нее появляются новые лидеры. Так произошло и со Всеволодом. Он нашел общий язык с киевлянами, но потерял связь с черниговским земством.

В этой ситуации выразителем всевозрастающей самостоятельности северских земель становятся братья Всеволода и Давыдовичи. Всеволод предлагает им кормления непосредственно в Киевской земле. Но Ольговичи и Давыдовичи целовали крест на том, чтобы требовать Черниговскую и Новгород-Северскую волости. Очевидно, что они опирались на поддержку местных сил. Договориться со своими ближайшими родственниками Всеволоду не удалось. Завязалась борьба. Наблюдая за перепи-

⁴⁹ НПЛ. С. 23.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 301.

⁵¹ «В словах черниговцев видно желание отказаться от прежней политики, от борьбы с Киевом, обратить внимание на устройство своей области», — писал П. В. Голубовский (Голубовский П. В. История Северной земли... С. 112). Думаем, что отказ от борьбы в тот момент объяснялся лишь сложившейся ситуацией, но об «устройстве» своей земли черниговцы действительно заботились.

⁵² ПСРЛ. Т. II. Стб. 302. — В летописи сказано, что Всеволод пошел к Вышгороду «събрав мало дружины». Видимо, вскоре к Вышгороду подошли и черниговские полки.

тиями этой борьбы, поневоле обращаешь внимание на один примечательный факт: противники стремятся опустошить волости друг друга, нанести удар по земле неприятеля. Это ли не подтверждение того, что именно земля подвигнула отпрысков Святослава Ярославича на борьбу с Киевом и была для них опорой. Но сила Киева по-прежнему была еще очень велика, и Ольговичам с Давыдовичами пришлось согласиться на условия Всеволода.

Всеволод планировал оставить после своей смерти на киевском столе брата Игоря, но киевская община, как известно, решила по-другому. Видимо, для киевлян Ольговичи по-прежнему были воплощением соседней враждебной земли. Вот почему они потерпели поражение. Завязнувший в болоте Игорь был взят в плен. Святослав, сын Всеволода Ольговича, укрылся в Ирининском монастыре, где и был схвачен. Однако дело Ольговичей проиграно не было, ведь за их спинами стояли сильные северские земли. Правда, сила их была значительно ослаблена окончательным распадом на самостоятельные города-государства. События, последовавшие за пленением Игоря Ольговича, позволяют нам определить степень этого распада.

Уцелевший в киевских катаклизмах Святослав Ольгович бежал в Чернигов. Удостоверившись в преданности своих братьев Давыдовичей (Владимира и Изяслава), он «еха Курьску уставливать людии и оттуда Новугороду»,⁵³ т. е. собирать ополчение.⁵⁴ Как показали ближайшие события, преданность Давыдовичей была притворной. Вместе с Изяславом Мстиславичем они становятся врагами Святослава. Отпрыск знаменитого Олега «Гориславича», несмотря на поддержку Юрия Долгорукого, оказался в тяжелом положении: его киевские дела закончились провалом, братья ему изменили. Но земля осталась ему верной. И дело, конечно, не в одних симпатиях к князю. Новгород-Северская земля противостоит не только киевской рати, но и соседней Черниговской волости. Рать Давыдовичей подошла к Черниговским воротам Новгорода-Северского и «ту бишася много, утреи же день исполчишася и поидоша к вратам Курьским». От натиска черниговской рати, к которой присоединились и посланные Изяславом войска под командованием Мьстислава, «быс налога велика гражаном и вбодоша я в врата острожная и много бе у них убитых и раненых».⁵⁵

Не менее ожесточенное сопротивление оказали и жители пригорода Новгорода-Северского — Путивля: «Не вдашася им путивлечи дондоже приде Изяслав с силою Киевскою».⁵⁶ Лишь этой киевской силе, киевским полкам во главе с Изяславом Мстиславичем и покорились жители Путивля. Как расценивать

⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 328.

⁵⁴ Голубовский П. В. История Северной земли... С. 125.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 331.

⁵⁶ Там же. Стб. 333.

этот поступок жителей Путивля? Тут мы ясно видим стремление отстоять свою самостоятельность от Чернигова, пусть даже с опорой на Киев. Киеву такой поворот событий также был выгоден. Этим наносился завуалированный удар по Чернигову. Ведь распад черниговской волости был на руку киевлянам: это ослабляло давнего противника Киева. «Стремление к сохранению самостоятельности заставляет города Северной земли энергично сопротивляться нападению Давыдовичей и Изяслава. Путивль и Новгород-Северский, покинутые своим князем, сдаются только, когда была исчерпана возможность дальнейшего сопротивления, и только после того, как им присягает князь и именно не Давыдович, а сам Изяслав», — пишет В. В. Мавродин, внимательно изучивший историю Северских земель.⁵⁷ Действительно, Изяслав целует крест к жителям Путивля — свидетельство того, что он воспринимает городскую общину как цельное и полноправное сообщество. В данном летописном сообщении весьма интересен еще один факт: Изяслав «вывел» из Путивля посадника, своего посадил в городе. Значит, управление в городе осуществлялось посадником, которого присылали из главного города земли.

Тенденция к самоопределению, желание самим решать свою судьбу характерна в это время и для других центров северских земель. Таков Курск. Выделению города способствовало его географическое положение. Он переходил то к Черниговской земле, то к Переяславской,⁵⁸ тяготея в то же время к Суздалью.⁵⁹ Характерно, что Курск всегда упоминается в летописи с «Посемьем». Стало быть, Курск — центр, который стягивает значительную территорию. Основным звеном этого социального организма, так же как и в других городах-государствах, является главная городская община. Ополчение городской общины было основой военной силы. Здесь «собственно городское население — купечество, ремесленники — было вооружено». Такой «вооруженный народ» имел достаточно сил для ведения войны без поддержки княжеской дружины, и этим объясняется его политическая роль.⁶⁰ Не случайно курское ополчение заслужило столь лестную характеристику автора «Слова о полку Игореве»: «А мои ти Куряни сведоми к̑мети: под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конец копия в̑скормлены, пути им ведоми, яругы им знаемы, луци у них напряжени, тули отворени, сабли из̑острени, сами скачють, яки серыи в̑лци в поле, ищучи себе чти, а князю слава».⁶¹ Обладая такой военной си-

⁵⁷ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины... С. 237.

⁵⁸ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 60.

⁵⁹ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины... С. 239.

⁶⁰ Там же. С. 240.

⁶¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Вып. 1. М.; Л., 1963. С. 16.

лой, курские горожане и селяне, собравшись на вече, вполне самостоятельно решали судьбы своего города-государства. Вот перед нами яркая сцена из жизни курской волости. Когда на Курск двинулись рати Глеба Юрьевича и Святослава Ольговича, сидевший там Мстислав собрал курян и обратился к ним с призывом защитить его. Курское вече отвечало: «Оже се Ольгович рад ся за тя бьем и с детьми, а на Володимере племя на Гюргевиц не можем».⁶² В такой ситуации Мстислав не решился оставаться в городе. «Кюряне же послаша к Гюргевицю и по-ша у него посадник к себе».⁶³

Надо, однако, оговориться, что сама вражда между городами-государствами, а главное вражда с Киевом являлась тормозом в процессе волостного распада. Необходимость бороться с вражескими ратями спланивала волость. Прекрасная иллюстрация этому — те же события 40-х годов XII вв. В ходе борьбы Изяслав старается полностью опустошить волость. Из летописи узнаем, что Изяслав «взял на щит» город Всеволож, в котором уже скрывались жители двух других городов. Население Уне-нежа, Белавежи, Бохмача и других пригородов бросилось к Чернигову. Не всем удалось до него добраться, часть беглецов Изяслав перехватил. Лишь город Глебль стал камнем преткновения для киевских ратей.⁶⁴ Как видим, пригороды сохраняют верность и преданность главному городу земли.

События середины XII в. интересны для нас и тем, что позволяют проследить, как формировалась волость. Процесс роста волости часто совмещался с явлениями начинавшегося распада. Это и понятно. В этот период мы видим, как черниговская волость вовлекает в свою орбиту земли вятичей. Северские князья, выступая в качестве представителей общин, стараются распространить влияние на эти земли, для чего надо было привлечь к себе вятичей. С этой целью Давыдовичи собирают вятичей на вече в Дедославле.⁶⁵ Данное летописное сообщение интересно не только информацией о взаимоотношениях Черниговской земли с вятичами. Сами вятичи в социально-политическом отношении мало чем отличались от обитателей других древнерусских земель. У них появляются городские центры, которые стягивают близлежащие земли. Эти центры являются средоточиями политической, экономической и религиозной жизни земель. В целом можно сказать, что вятичское общество развива-

⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 355—356.

⁶³ Там же. Стб. 356.

⁶⁴ Там же. Стб. 358—359.

⁶⁵ Голубовский П. В. История Северной земли... С. 129. — Нет никаких данных в пользу того, что в Дедославле «была уже своя феодальная верхушка, к которой и обращаются черниговские князья» (Никольская Т. Н. Земля вятичей. М., 1981. С. 131). На вече собирались общинники, к ним и обращались князья. «В середине XII в. „вятичи“ летописи — слабо дифференцированная масса общинников» (Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины... С. 237).

лось по тому же пути, что и соседние социальные организмы, лишь сохраняя большее количество архаических черт.⁶⁶ Отставание в социально-политическом развитии приводило к тому, что территория вятичей попадала в сферу влияния, а затем и входила в состав соседних городов-государств. Характерно в этом смысле появление понятий «свои», «наши» вятичи.⁶⁷ Распространение власти на земли вятичей происходило обычным для того времени способом: по городам их рассаживались посадники. Так, после занятия Святославом Дедославля посадники Давыдовичей поспешили бежать из тех вятичских городов, где они сидели.⁶⁸ В XII в. в сферу влияния Черниговской земли попадают также земли радимичей и дреговичей.⁶⁹ Это свидетельствует о сложности того образования, которое мы называем черниговским городом-государством.

Во второй половине XII — начале XIII вв. сведения о нем незначительны. Однако имеющиеся у нас данные позволяют утверждать, что социально-политическое развитие этого региона в целом было идентично соседним землям. Летописи предоставляют нам материал о военной организации Черниговской земли, которую летописец обозначает общим названием «черниговци». Эти «черниговцы» вместе со смольнянами и суздальцами грабят Киев.⁷⁰ Под 1195 г. новгородский летописец сообщает: «Бишася смолняне с черниговъци, и поможе бог църниговъцем».⁷¹ «Черниговцы» участвуют в злополучной битве на реке Калке.⁷² Показательны и события 1234 г. В тот год Мстислав Глебович «створиша мир» с Владимиром и Данилом и с «Черниговъчи».⁷³ Приведенные выдержки из летописи, на наш взгляд, весьма красноречивы. Они рисуют население Чернигова как самостоятельную в военном отношении силу, стоящую рядом с князем и независящую от него. Во главе этой организации, как и в других землях, стоит тысяцкий.⁷⁴ Такое ополчение, в которое входили и черные люди, видим и в знаменитом походе Игоря Святославича.⁷⁵ Ополчение составляло не только население главного города, но и всей земли. Когда в 1180 г. Святослав прибыл к Чернигову, он «съзва все сыны своя и моложьшую братью и скупи всю Черниговъскую сторону и дружину свою».⁷⁶

⁶⁶ Интересно, что земля вятичей начинает фигурировать в летописи под характерным для того времени названием — «волость» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 343).

⁶⁷ Там же. Стб. 371, 374.

⁶⁸ Там же. Стб. 342.

⁶⁹ З а й ц е в А. К. Черниговская земля... С. 104—106.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 545.

⁷¹ НПЛ. С. 42.

⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 741.

⁷³ Там же. Стб. 772.

⁷⁴ Там же. Стб. 522—523.

⁷⁵ Там же. Стб. 641.

⁷⁶ Там же. Стб. 615.

Следовательно, сила черниговской «стороны» играет большую роль, чем княжеская дружина: не случайно она стоит на первом месте. Показателен в этом смысле и контекст упоминания «черниговцев» в связи с битвой на Калке. Перед этой битвой «к реце Днепру ко острову Варяжьскому»... «приеха... вся земля Половецкая, и Черьниговцем приехавшим, и Кияном, и Смолняном, инем странам...».⁷⁷ «Черниговци», таким образом, — это земля и страна.

Сведения о земском ополчении отнюдь не исчерпывают данных о городе-государстве во второй половине XII — начале XIII вв. По-прежнему продолжает бытовать термин «Черниговская волость». С ним неоднократно встречаемся на страницах летописей.⁷⁸ Это — Чернигов с зависящими от него пригородами.⁷⁹ Главный город был настолько слит в представлении современников с волостью, что часто эти понятия не разделялись. В 1175 г. «зача рать Олег Святославич, послася к шюрином своим и поведе я на брата своего Святослава на Чернигов, и пришедше Ростиславичи и Ярослав, пожгоша Лутаву и Моровиеск, целовавше крест возворишася во свояси».⁸⁰ Понятие «волость» хорошо раскрывается и другой летописной записью. Проводив по приказу отца жен суздальских князей, черниговский Олег «възвратися во свою волость к Лопасну. Оттуду послав Олег, зая Сверилеск бяшетъ бо и то волость Черниговская».⁸¹ Управление волостью осуществлялось с помощью посадников, которые рассаживались по пригородам. Роль посадников выполняли бояре, составлявшие верхушку дружины. Не случайно, когда черниговский епископ писал грамоту Святославу Всеволодовичу, приглашая его в Чернигов, он специально отметил, «а дружина ти по городам далече». В свою очередь, когда Святослав приступил к захвату Черниговской волости, он «посадники посла по городом».⁸²

В Черниговской земле шел, как мы уже отмечали, интенсивный процесс волостного дробления. Здесь, как и везде, кристаллизация новых волостей на поверхности исторического процесса отражалась в появлении новых княжений. Князья появляются во Вщиже, Путивле, Рыльске, Трубчевске, Козельске и других городах. В основе же этого явления лежала социально-политическая активность масс свободного городского и сельского люда, в военном отношении организованном в волостные ополчения. Среди «стран», которые прибыли остановить натиск монгольских ратей в битве на реке Калке, были «Куряне,

⁷⁷ Там же. Стб. 741.

⁷⁸ Там же. Т. I. М., 1962. Стб. 367; Т. II. Стб. 498, 579, 602, 653.

⁷⁹ Там же. Т. II. Стб. 500.

⁸⁰ Там же. Стб. 599.

⁸¹ Там же. Стб. 602.

⁸² Там же. Стб. 523.

и Трубчане, и Путивлицы и киждо со своими князьями».⁸³ Во время осады Каменца «придоша ...Володимер же со всеми князи и Куряны, и Пиняны, и Новгородци и Туровьци».⁸⁴ Такую же самостоятельность во внутренней и внешней политике проявляют и другие северские города.⁸⁵ На протяжении второй половины XII — начала XIII вв. Северская земля, пожалуй, едва ли не в большей мере, чем какая-либо другая область южной Руси, превращается «в сплошное море княжеств разной величины».⁸⁶

А теперь обратимся к Переяславскому городу-государству. Крайняя скудость источников вынуждает нас здесь говорить чрезвычайно кратко. Впервые земля как отдельная, хотя и не потерявшая еще зависимость от Киева единица, фигурирует после 1054 г., когда в Переяславле был посажен Всеволод. Почему выделилась Переяславская земля? В. В. Мавродин назвал в качестве причины ее выделения стремление переяславского боярства к самостоятельности.⁸⁷ Думаем, что дело не в боярстве. В земле сложилась сильная территориальная община, которая и стала основой формирования города-государства. Лишь недостаточность материала не позволяет увидеть ее в это время. Однако в более позднее время она заявляет о себе со страниц летописи прежде всего в виде сильной общинной военной организации. В 1146 г. Изяслав «посла...сына своего Мстислава с Переяславчи и с Берендеи».⁸⁸ В другом месте летописи читаем: «Мстислав же совокупився с дружиною и с Переяславци, гна по нем (имеется в виду Глеб Юрьевич.— *Авт.*)».⁸⁹ Как видим, понятие «переяславци» отнюдь не равнозначно «дружине». Это городское и сельское ополчение. Как и в других землях, оно состоит из конных и пеших ратей. Когда Изяслав пошел на Юрия к Переяславлю, «пещце выринушася на не из города и тако наехавъше многие избиша пещце и предъгородие пожгоша».⁹⁰ Вынужденное вести непрестанную войну со степняками, переяславское ополчение было мужественным и закаленным в боях и вполне заслуживало той характеристики, которую дал ему летописец: «Переяславци же дерзи суще и поехаша наперед с Михалком».⁹¹ Не всегда, конечно, удача сопутствовала переяславскому ополчению. После одной из проигранных битв

⁸³ Там же. Стб. 741—742.

⁸⁴ Там же. Стб. 526.

⁸⁵ Мавродин В. В. Очерки истории левобережной Украины. С. 248.

⁸⁶ Мавродин В. В. Там же. С. 249.— Едва ли следует здесь говорить о «княжествах»: то были «княжения», «земли».

⁸⁷ Там же. С. 156.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 330.

⁸⁹ Там же. Стб. 360.

⁹⁰ Там же. Стб. 442.

⁹¹ Там же. Стб. 558.

«первее побегоша Поршане, потом Изяслав Давыдович, по сих Кияне и Переяславци».⁹²

Суверенность и самостоятельность городской общины проявлялась отнюдь не только в военной сфере. Социально-политический механизм, действовавший в Переяславской земле, не отличался от того, что мы видели в других землях. Интересна в этой связи история, произошедшая с Глебом Юрьевичем. Однажды он, «послушав ... Жирослава, рекуща ему: „пойди Переяславлю, хотят тебе Переяславци”»,⁹³ отправился к Переяславлю. Для нас не столь важно то, что затея Глеба закончилась провалом. Привлекает внимание, что «переяславци» могли сами решать судьбу княжеского стола. И вряд ли есть необходимость видеть в «переяславцах» бояр.⁹⁴ Это, без сомнения, масса городского и сельского люда, включавшая в себя и бояр. Эпопея с Глебом Юрьевичем на этом не завершилась. «Свещався Гюргевиц Глеб с Переяславци и еха к ним из Городца. Уведав же Мстислав Изяславич, оже идет на нь, изиде противу полком своим с Переяславци. Глеб же узри, оже идетъ на нь Мьстислав, Глеб же в мале и рече: „Прельстили мя Переяславци”».⁹⁵ Вновь «переяславци» выступают действенной политической силой, оттесняя на задний план княжеские «которые». Данный летописный текст позволяет сделать предположение и о наличии различных партий в городской общине Переяславля. Часть переяславцев приглашает Глеба, а другая вместе с Мстиславом идет «противу ему». Борьба партий внутри городских общин — явление, характерное для Древней Руси.⁹⁶

Так же как и в других землях Древней Руси, городская община Переяславля была главной в волости, стягивала значительную территорию. По наблюдениям А. Н. Насонова, «границы между черниговскими и переяславскими городами к югу и юго-востоку от Чернигова были постоянными, устойчивыми и сложились, видимо, до смерти Ярослава».⁹⁷ Старший город был не только политическим, но и военным центром тянувшей к нему округи, местом убежища. Летописец донес до нас живую картину того времени. Когда половцы пришли к Переяславлю, «людем збегшимся в город, не смеющим ни скота выпустити из города».⁹⁸

От главного города зависели пригороды. Они сохраняют верность политике главного города. Вот яркая сцена, запечатлен-

⁹² Там же. Т. I. Стб. 322.

⁹³ Там же. Т. II. Стб. 359.

⁹⁴ Мавродин В. В. История Левобережной Украины... С. 239.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 363.

⁹⁶ См.: Дворниченко А. Ю. О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв. // Генезис и развитие феодализма в России / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985. С. 82.

⁹⁷ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 67.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 328.

ная летописцем под 1147 годом. В этом году воинство во главе с Глебом Юрьевичем и Святославом Всеволодовичем подошло к переяславскому городу Вырю. «И послашася к Выревцем, рекуче: „Оже ны ся не предасте, дамы вы Половцем на полон”. Они же рекоша им: „Князь у нас Изяслав”. И не дашас им».⁹⁹ Такая же неудача ждала Глеба со Святославом и у Выханя. Лишь Попаш был взят с помощью Изяслава Давыдовича.¹⁰⁰

Итак, можем говорить о том, что Переяславский город-государство шел по тому же пути, что и другие города-государства Древней Руси. Однако целый комплекс причин (постоянные нападения половцев, недостаточность экономического потенциала и др.) привел к тому, что Переяславль так и не обрел окончательной политической самостоятельности. Переяславская земля «фактически превращается в аванпост Киева в борьбе со степью, а переяславское княжение становится своеобразной ступенью, которую должны пройти князья прежде, чем занять киевский стол».¹⁰¹

⁹⁹ Там же. Т. II. Стб. 356.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины... С. 157.

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XI — начала XIII вв.

Изучение социально-политической жизни в Юго-Западной Руси сопряжено с определенными трудностями. Прежде всего тут сказывается специфика источников. Летописные сведения, которыми главным образом оперирует исследователь данного региона, посвящены преимущественно внешнеполитическим событиям, междоусобной борьбе князей, крамолам бояр. Они очень мало говорят нам о деятельности городских общин, о характере отношений между городами, об устройстве волостной организации, о политическом статусе города, т. е. о том, что наполняет конкретным содержанием понятие «город-государство». Осложняет изучение темы и роль внешнего фактора в истории Галицко-Волынской Руси XI—начала XIII вв. Его воздействие здесь было весьма ощутимым. Правда, внешнему давлению подвергались и другие древнерусские земли-волости. Но во Владимирской и Галицкой землях мы наблюдаем прямое вмешательство иноземных сил во внутренние дела местных общественных союзов, доходящее даже до захвата власти. Определенное своеобразие замечаем и в отношениях Киева с Галицко-Волынской Русью. Киев не только стремился держать в подчинении ее городские волости, как это было в других землях Древней Руси, но и пытался включить их в свою волостную систему, что отчасти и временами ему удавалось.¹ И все же, несмотря на указанные особенности, социально-политическое развитие Юго-Западной Руси шло в русле, общем для остальных древнерусских земель.

Городские волости Юго-Западной Руси формировались в рамках племенных территорий бужан-волян, хорватов, тиверцев и уличей. То была обширная область, простиравшаяся от

¹ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 129, 143.

Побужья до нижнего Поднестровья и от Погорыня до бассейна реки Сан.² Упомянутые племена не остались в стороне от притязаний Киева на господствующее положение в восточнославянском мире. Под 885 г. Повесть временных лет сообщает, что князь Олег, обосновавшись в Киеве, «с Уличи и Тиверцы имяше рать». В походе Олега на Царьград участвовали многие племена, в том числе хорваты, дулебы и тиверцы. Если вспомнить, что за дулебами летописи скрывались и волыняне,³ то можно сказать: в Олеговом походе участвовали почти все союзы племен Побужья и Поднестровья.⁴ Как истолковать этот факт? Еще М. Н. Карамзин видел в приведенном свидетельстве летописца указание на подвластность Олегу юго-западных племен, явившейся следствием их завоевания киевским князем.⁵ Некоторые ученые полагали, что хорваты и дулебы входили тогда в состав Киевского государства.⁶ По мнению Я. Д. Исаевича, «летописный перечень племен, участвовавших в походе, сам по себе доказывает скорее не полное подчинение этих племен Киевской Руси, а союзнические отношения прикарпатских и волынских племен с приднепровскими. Если же и установилась определенная степень зависимости, то она, по-видимому, сводилась к обязательству местных князей и племенной знати оказывать военную помощь, возможно также уплачивать время от времени дань».⁷ Однако обязанность оказания военной помощи и уплаты дани есть как раз то, в чем выражалась зависимость «примученных» полянской общиной восточнославянских племен. О том, что юго-западные племенные объединения признавали власть Киева, говорит наличие тиверцев в войске Игоря, высту-

² Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 94—101, 123—132.

³ Там же. С. 93.

⁴ В. Д. Королюк считал, что «приведенный летописцем список участников похода 907 г. не раннего, а довольно позднего происхождения». Он устанавливал зависимость этого списка от летописного рассказа о расселении восточных славян, содержащегося в недатированной части Повести временных лет. Список участников похода 907 г., по В. Д. Королюку, «следует рассматривать как творчество историографа XII столетия» (Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964. С. 90—92). Мы полагаем, что соображения В. Д. Королюка носят гипотетический характер.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. СПб., 1892. С. 87, 138. См также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 141; Андрияшев А. А. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия//Киевские университетские известия. 1887. № 2. С. 101; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 60.

⁶ Rulikowski W., Luda Radzinski Z. Kniaziewiti szlachta. T. 1. Krakow, 1880. S. 131.

⁷ Исаевич Я. Д. «Грады червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX—начало XI в.)//Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья: Киевская Русь и ее славянские соседи/Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1972. С. 117—118.

пившего против «греков».⁸ В договоре Игоря с Византией фигурирует некий Улеб, представлявший какого-то Владислава. Согласно некоторым исследователям, этот Владислав являлся князем ледзян, жителей Сандомирской и Червенской земель, оказавшихся в результате упадка Великоморавского государства данниками Руси.⁹

Таким образом, можно предположить, что союзы племен Побужья и Поднестровья уже в начале X в. были вовлечены в сферу влияния того огромного «суперсоюза» во главе с Киевом, формирование которого шло полным ходом на территории Восточной Европы.¹⁰ Но здесь отношения полянского центра с подвластными ему племенами, в принципе аналогичные отношениям с другими покоренными восточнославянскими племенами, осложнялись тем, что земли этих племен находились на порубежье, т. е. граничили непосредственно с землями западных славян. Вот почему сюда, помимо приднепровской Руси, стремились проникнуть Чехия и Польша. И этого порой они достигали. Не случайно летописец извещает: «Иде Володимир к ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады...»¹¹ Поход состоялся, по свидетельству летописца, в 981 г. Следовательно, территория, обозначенная летописцем, была предметом соперничества Руси и Польши. Последующие события, отраженные Повестью временных лет, не оставляют сомнений на сей счет. Болеслав, как известно, после бегства из Киева в 1118 г. «городы червеньскыя зая собе».¹²

Несколько позднее «Ярослав и Мьстислав собраста вой много, идоста на Ляхы, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста Лядскую землю...».¹³ Нельзя, разумеется, изображать дело так, будто называемые в летописи города занимали в отношениях Руси с Польшей лишь пассивную позицию. Их стремление к независимости от обеих сторон проглядывает в источниках достаточно определенно. Особенно наглядно они выступают в событиях более позднего времени, когда волынские и галицкие князья, движимые желанием обрести самостоятельность, пользовались поддержкой Польши и других соседних стран.¹⁴ Подобная тактика имела место и в рассматриваемое

⁸ ПВЛ. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 33. См. также: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 31—32, 60, 63.

⁹ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 32.

¹⁰ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 21—24.

¹¹ ПВЛ. Ч. I. С. 58. — В. Д. Королюк считал данное известие поздней вставкой, которой нельзя верить (Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. С. 86—88). В. Т. Пашуто показал неубедительность этих построений В. Д. Королюка (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 308).

¹² ПВЛ. Ч. I. С. 97.

¹³ Там же. С. 101.

¹⁴ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 35.

нами сейчас время. По словам Я. Д. Исаевича, вполне вероятно, что князь со знатью Червенского и Перемышльского племенных княжений «давали некоторые политические обязательства одновременно и Киеву, и чехам (возможно, пользуясь посредничеством вислянско-лендзянских трибутариев Чехии). Такая гибкая политика обеспечивала местным политическим образованиям фактическую независимость от обоих центров. Переkreщивание различных влияний в пограничных районах было одной из причин того, что у летописца не сложилось четкого представления о политической принадлежности Перемышля и Червена накануне похода 981 г.». ¹⁵ Показательно и то, что «Болеслав I пытался заигрывать с местной верхушкой Червенско-Белзкой земли, он даже выпустил несколько раз монеты с кириллическими надписями». ¹⁶

Походы киевского князя на Перемышль, «Червенские грады» и на хорватов, отмечаемые летописью, указывают на известную активизацию политики полянской общины на юго-западе Восточной Европы. Чем она была вызвана? Думается, не только попытками Чехии и Польши проникнуть в эту область. Конец X — начало XI столетий — время интенсивного разложения родо-племенного строя у восточных славян. В результате созданной стараниями Киева общевосточнославянский союз племен начал распадаться. Киевские правители предпринимали энергичные усилия, чтобы удержать в повиновении покоренные ранее племена. Кроме юго-западных племенных объединений, военным нападениям подверглись вятичи и радимичи, восставшие против власти Киева. Характер мер, принимаемых киевской верхушкой для удержания в повиновении восточнославянские племена, исключает возможность согласиться с Я. Д. Исаевичем, который полагал, что «для присоединения Червенского и Перемышльского племенных княжений необходима была не столько борьба с местным населением, сколько нейтрализация других держав, претендовавших на власть в этом районе. Именно потому, что население западных земель дулебского и хорватского союзов не отнеслось враждебно к Владимиру, его поход был относительно мирным». Я. Д. Исаевич пишет о мирном присоединении Перемышля и Червена к Киевскому государству. ¹⁷ Эта идиллическая картина едва ли соответствует действительности. Походы Владимира означали войну с населением «дулебского и хорватского союзов», о чем, кстати, в Повести временных лет прямо и сказано: «Иде Володимир на Хорваты. Пришедшу бо ему с войны хорватская...» ¹⁸ Но, несмотря на все эти военные меры, распад восточнославянского суперсоюза,

¹⁵ Исаевич Я. Д. «Грады червенские» и Перемышльская земля... С. 120.

¹⁶ Там же. С. 122.

¹⁷ Там же. С. 121.

¹⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 84.

возглавляемого «Русской землей», становился неотвратимым. На рубеже X—XI вв. заметные успехи на пути установления независимости от Киева были достигнуты Полоцком и Новгородом; да и в самой «Русской земле» обозначились центробежные тенденции: складывались, в частности, предпосылки отделения Чернигова и Переяславля от Киева.¹⁹ Правда, процесс падения гегемонии Киева растянулся надолго и окончательно завершился в XII веке в ходе становления городских волостей (городов-государств) — общинно-территориальных образований, пришедших на смену племенным объединениям.

Итак, в конце X — начале XI вв. мы наблюдаем у населения Юго-Западной Руси вполне отчетливое стремление разорвать узы зависимости от Киева. Опорными пунктами борьбы с киевским засильем здесь, как и в других землях, были города. Местные города приобретают значение центров социально-политической жизни больших территориальных округ. Это их свойство нам и надлежит изучить.

Исследователи обратили внимание на то, что, согласно летописцу, города Юго-Западной Руси конца X — начала XI в., в частности «червенские города», являются олицетворением земли-волости, составляя главное в ней звено.²⁰ Отсюда делается верный вывод о том, что «города сами в значительной степени формировали принадлежавшую им волость».²¹ Однако данный тезис требует некоторых уточнений. Н. Ф. Котляр, которому принадлежит только что цитированная фраза, делает упор на последовательность явлений: сначала, по его представлениям, возникает город, а затем начинается интенсивное формирование волостной территории, тянущей к новообразованному городу. По Н. Ф. Котляру, область складывается как бы вслед за появлением города,²² с чем трудно согласиться, поскольку возникновение города есть выражение известной социальной консолидации населения, занимающего определенную территорию. Вот почему город изначально выступает в качестве средоточия той или иной округи — прообраза земли, волости. Другое дело — ее дальнейшее развитие. Здесь созидаящая роль города бесспорна.

Повествуя о городах Юго-Западной Руси конца X — начала XI вв., летописец знакомит нас с поселениями разных стадийных уровней. Он называет город Волынь — древний племен-

¹⁹ См. с. 83—84 настоящей книги.

²⁰ См.: Котляр Н. Ф. 1) Роль городов в процессе государственного освоения территории Галицко-Волынской Руси (до начала XIII в.) // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. М., 1985. С. 118; 2) Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 13.

²¹ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 13, 14.

²² Там же. С. 19—20.

ной центр, происхождение которого теряется во тьме времен.²³ XI век — последний хронологический рубеж существования Во-лыня. Этот племенной центр сошел с исторической сцены, не сумев перестроиться в новых социальных условиях. Его место занял город Владимир, впервые упомянутый в летописи под 988 годом.²⁴ Он расположился неподалеку от Волыня, что позволяет нам говорить, как и во многих иных подобных случаях, о «переносе города», понимая под этим перемещение правящих функций из одного города в другой. Последнее обстоятельство не находит должной оценки в современной историографии. Так, М. Н. Тихомиров считает, что основание нового города «поблизости от древней Волыни, видимо, было связано со стремлением Владимира подорвать власть местных волынских князей или старшин племенного центра».²⁵ По словам Н. Ф. Котляра, Владимир конца X в. являл собой крепость, упрочившую «власть киевского князя в недавно отвоеванной у чешских феодалов Западной Руси». Будучи скромным городом-крепостью, Владимир «не мог оказывать достаточно сильное консолидирующее влияние на прилегавшие к нему земли. Не случайно поэтому, что само понятие Волынь, Волынская земля довольно поздно появляется в письменных источниках».²⁶

Характеризуя Владимир, М. Н. Тихомиров и Н. Ф. Котляр не вполне учитывают, что его возникновение есть в первую очередь следствие местных внутриобщественных сдвигов. Это — первичный, фундаментальный момент развития Владимира. Использование же города киевским князем для укрепления своего влияния в Западной Руси — побочное явление, не отражающее социальной сущности поселения. Не отрицая малых размеров раннего Владимира, мы хотели бы подчеркнуть крупную социально-политическую роль города, ставшего средоточием прилегающей к нему округи. Недаром летописец упоминает Владимир наряду с другими городами Руси, такими, как Новгород, Полоцк, Ростов и т. п.²⁷ Напомним еще об одной весьма примечательной детали: княжеском столе во Владимире. Наличие княжения в новом городе — признак сравнительно высокой со-

²³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 314; Котляр Н. Ф. 1) Роль городов... С. 119; 2) Формирование территории... С. 19. — Нет оснований рассматривать Волынь как «форпост Киевской Руси вблизи ее западных рубежей» (Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 30). Существование Киевской Руси как единого государства — ученая легенда. Перед нами пестрый, подрываемый противоречиями союз племен, «лоскутная империя Рюриковичей», как именовал это образование К. Маркс.

²⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 83.

²⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 315.

²⁶ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 43, 44. — Не ясно только, почему позднее появление понятия Волынь, Волынская земля указывает на неспособность Владимира консолидировать прилегающие к нему земли. Тут какое-то логическое несоответствие. Ведь наименование земли происходило от наименования господствующего в ней города.

²⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 83.

циально-политической организации. Было бы ошибочно думать, что княжеская власть была завезена сюда из Киева. Она — продукт местных отношений, хотя и фигурирует у летописца в киевской упаковке. Об активности порожденных этими отношениями общественных сил свидетельствует косвенно судьба Всеволода Владимировича, княжившего во Владимире. Как рассказывает сага об Олаве Трюггвасоне, из Гардарики в Швецию прибыл некий Виссавальд, где и сложил голову в 995 г.²⁸ Исследователи полагают: Виссавальд — искаженное русское имя Всеволод.²⁹ В литературе высказывалась догадка, что этот Виссавальд-Всеволод не кто иной, как Всеволод Владимирович, восставший против отца и бежавший в Скандинавию.³⁰ Если Виссавальд, действительно, был Всеволодом Владимировичем, укrywшимся в «полуночных странах»,³¹ то можно предположить следующее: выступление Всеволода против Владимира обуславливалось тягой местных сил к независимости от Киева. Эпизод с Всеволодом отнюдь не единичный. Мы знаем о попытке Святополка, правившего в Турове, вырваться из-под власти киевского князя,³² в чем он, несомненно, опирался на туровцев, стремившихся к самостоятельности. Проявил неповиновение отцу и Ярослав, сидевший в Новгороде. Без поддержки новгородцев, заинтересованных в прекращении выплаты дани Киеву, Ярослав, разумеется, не стал бы вступать в раздор с родителем.³³ В свете приведенных фактов выглядит вполне правдоподобным выступление Всеволода против своего отца, поддержанное владимирцами. Все это, по нашему убеждению, надо толковать как конкретное проявление распада союза племен под гегемонией Киева, вызванное переменами в общественном строе восточных славян, переживавших переход от родо-племенных отношений к общинно-территориальным.³⁴

²⁸ Стурлусон С. Круг земной/Пер. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1980. С. 126.

²⁹ Там же. С. 646.

³⁰ См.: ПВЛ. Ч. II. С. 343; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 43.

³¹ В этом нет полной уверенности (Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978. С. 197—198).

³² См.: Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. С. 226—229; Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XII в./Исследования по истории славянских и балканских народов/Отв. ред. В. Д. Королюк. С. 152.

³³ См. с. 158 настоящей книги.

³⁴ В. Д. Королюк усматривает в акциях Святополка и Ярослава «тенденции феодальной раздробленности», а М. Б. Свердлов — «тенденции к децентрализации власти в древнерусском государстве» (Королюк В. Д. Западные славяне... С. 226—228; Свердлов М. Б. Известия немецких источников... С. 152). Эти исследователи, по нашему убеждению, ошибаются, поскольку в X в. ни феодализма, ни централизованного государства не существовало (Фроянов И. Я.) 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980).

Таким образом, на смену племенному центру Волыню в конце X — начале XI вв. пришел Владимир — будущий стольный город Волынской земли, сплотивший вокруг себя значительную по размерам область. Перед нами два типа городских поселений. Первый был порождением родо-племенной эпохи, второй явился следствием утверждения территориальных связей, вытеснявших связи родственные. Этот вывод, как нам кажется, достаточно подкреплён историческим материалом. Сложнее ситуация с раскрытием социальной сути Перемышля, Белза, Червена и «червенских градов». Вопрос заключается в том, к какой категории их отнести: к разряду племенных центров или к новым городам, аналогам Владимира. Я. Д. Исаевич речь ведёт о Червенском и Перемышльском племенных княжениях,³⁵ а Н. Ф. Котляр именует Перемышль и Червен племенными центрами.³⁶ Последний автор не проводит какого-либо различия между Волынем и Червеном, наблюдая чуть ли не полное сходство в их дальнейшей истории. Он пишет: «Приходится признать, что Червень и Волынь играли важную роль как территориальные центры лишь не позже первой четверти XI в. Далее оба города отходят в тень нового экономического, социального и политического образования, вокруг которого сформировалась Волынская земля, — города Владимира».³⁷ Вряд ли правомерно подобное утверждение. Достаточно сказать, что город Волынь исчезает со страниц летописи, тогда как Червень продолжает фигурировать, превращаясь в волостной центр со своим княжением. В том же направлении шло историческое развитие Перемышля и Белза. Следовательно, мы можем говорить либо о трансформации Червена, Белза и Перемышля из племенных средоточий в волостные, либо о появлении их в качестве новых городских образований, сменивших племенные города. Но и в одном и в другом случае история Червена, Белза и Перемышля неоднозначна истории Волыня. Мы склонны видеть в этих городах новообразование, знаменующее начало территориально-общинной эпохи. Прежде всего нас в этом убеждает сравнительно позднее возникновение Червена, Белза и Перемышля, относимое исследователями ко второй половине X столетия.³⁸ На фоне так называемых «червенских городов» вырисовывается хотя и смутно способ (а точнее — один из способов) образования новых городских поселений. Червен, как можно заключить из Повести временных лет, появляется в гуще каких-то градов, что явствует из летописных выражений: «Червен и ины грады», «города червеньскыя».³⁹ Первенствующее положение Червена среди остальных градов тут очевидно. Что же

³⁵ Исаевич Я. Д. «Грады червенские»... С. 121.

³⁶ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 36.

³⁷ Там же. С. 31.

³⁸ См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 29, 38.

³⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 58, 97.

представляла собой система «Червен и ины грады»? Если бы шла речь о XII, а не о конце X—начале XI в., можно было бы думать, что перед нами главный город и пригороды, олицетворяющие землю, волость. Но в рассматриваемое нами время волостная организация едва лишь зарождалась и потому не приобрела еще ясных очертаний. Отсюда наше предположение: «червенские грады» стадильно соответствовали архаическим *civitates*, описанным Географом Баварским и обнаруженных в виде городищ современными археологами.⁴⁰ А. Н. Насонов точно уловил суть происходивших в Побужье процессов, где стремление к консолидации, к образованию территориальных объединений вело «к ликвидации многочисленных *civitatum*, из которых составлялись племена...».⁴¹ Вместо них поднимались новые города, окруженные сельскими поселками, органически связанными со своим городским центром, т. е. закладывались основы грядущих земель-волостей, или городов-государств. Червен и является одним из примеров такого рода эволюции. Однако ни Червену, ни Перемышлю, ни Белзу не суждено было стать главным городом региона. Им стал Владимир. Уже первое летописное известие о Владимире указывает на его важную социально-политическую функцию как стольного города. Наличие княжения во Владимире — факт, говорящий о том, что местное общество заметно продвинулось на пути социально-политической интеграции. Довольно раннее учреждение владимирской епископии⁴² следует понимать в том же смысле.

К 50-м годам XI в. политическое значение Владимира еще более возросло. В знаменитом «Завещании» князя Ярослава он поставлен в общий перечень с Киевом, Черниговом, Переяславлем и Смоленском.⁴³ По мере того как складывалась Владимирская волость и происходило сплочение местных социальных сил, обострялась борьба Владимира за независимость от Киева. Но в первой половине XI в. власть «матери градов русских» над Владимиром еще сильна. Город покорно принимает к себе на княжение сыновей великого князя киевского. Мы видели здесь Всеволода Владимировича. Какое-то время княжил тут Святослав Ярославич.⁴⁴ Известная грань в отношениях киевской общины с Владимиром, как, впрочем, и с другими крупнейшими городами Руси, приходится на середину XI в.⁴⁵ Раздел русских земель Ярославом Мудрым между сыновьями накануне своей смерти отразил не только усложнение межкняже-

⁴⁰ Тимошук Б. А. Общинный строй восточных славян VI—X вв. (по археологическим данным Северной Буковины): Автореф. канд. дис. М., 1983.

⁴¹ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 131.

⁴² См.: Голубинский Е. История русской церкви. Т. I. Первая половина тома. М., 1880. С. 291—292.

⁴³ ПВЛ. Ч. I. С. 108.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См. с. 166, 167 настоящей книги.

ских отношений, лежащих, кстати, на поверхности социальной жизни и потому прежде всего обращающих на себя внимание исследователей, но и глубинные тенденции к самостоятельности подчиненных пока Киеву древнерусских волостей, формирование которых к середине XI в. дало осязаемые результаты. В княжеской политике, таким образом, в завуалированном виде содержится интереснейшая для историка информация о внутренних процессах, происходивших в древнерусском обществе. История княжений Рюриковичей во Владимире второй половины XI в. наводит также на любопытные размышления.

По «Завещанию» Ярослава, отошедшем «света сего» в 1054 г., князем во Владимире сел Игорь. Но вот в 1057 г. «преставился Вячеслав, сын Ярославль, Смолинське, и посадиша Игоря Смолинське, из Володимеря выведше».⁴⁶ Это сообщение Повести временных лет Н. Ф. Котляр понимает так, будто «Изяслав Ярославич попросту присоединил Волюнь к своим киевским владениям».⁴⁷ Автор, по нашему мнению, наделяет князя Изяслава чересчур непомерной силой и властью. Упразднив княжение во Владимире, Изяслав пытался укрепить господство Киева над Владимиром, парализовать стремление владимирцев к независимости. Оставив Владимир без князя, Изяслав тем самым выдал, как верно заметил А. Н. Насонов, «желание Киева присоединить весь юго-западный край к составу „областной“ киевской территории, низвести его на положение, аналогичное положению Турова, Пинска, Берестья, Дорогобужа».⁴⁸ Но желать и мочь — совсем не одно и то же. В лучшем случае Изяслав мог добиться усиления контроля над Волынью. Но с точки зрения исторической перспективы его политика была обречена, поскольку противоречила общему ходу исторического развития Руси. Правомерно предположить, что владимирцы боролись за восстановление княжения в своем городе.

А. Н. Насонов полагал, что в Побужье не было княжеской власти с 1057 по 1078 г.⁴⁹ Видимо, это не так. Владимир оставался без князя до изгнания Изяслава братьями из Киева и вокняжения в нем Святослава Ярославича в 1073 г.⁵⁰ Заняв ки-

⁴⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 109.

⁴⁷ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 45.

⁴⁸ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 134.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ В «Истории Российской» В. Н. Татищева говорится, что князь Ростислав, внук Ярослава, владевший Ростовом и Суздалем, после смерти Игоря Ярославича был «переведен дядьями во Владимир на Волюнь», где пробыл недолго и ушел в Тмутаракань (Татищев В. Н. История Российская. Т. II. М.; Л., 1963 С. 83). Версию В. Н. Татищева о княжении Ростислава во Владимире приняли С. М. Соловьев и А. М. Андряшев (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 352; Андряшев А. Очерк истории Волинской земли. С. 107). Источник, которым пользовался В. Н. Татищев, неизвестен. Поэтому современные исследователи выражают сомнение относительно этого татищевского известия (см.: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 68; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 45). В ис-

евский стол, Святослав отправил княжить во Владимир сына Олега. В декабре 1076 г. «от резанья желве» Святослав умер. Тогда Изяслав «пойде с ляхы», чтобы вернуть себе Киев, где после усопшего Святослава обосновался Всеволод, управлявший дотоле Черниговской землей.⁵¹ Всеволод, узнав о походе Изяслава, пошел ему навстречу. Братья соединились на Волыни и заключили мирный договор, среди условий которого значилось, судя по всему, обязательство Всеволода вывести Олега из Владимира. Летописец сообщает: «Всеволод же иде противу брату Изяславу на Волынь, и створи ста мир, и пришед Изяслав седе Кыеве, месяца иуля 15 день, Олег же, сын Святославль, бе у Всеволода Чернигове».⁵² О том, что Олега именно вывели из Владимира, читаем в «Поучении» Владимира Мономаха: «И Олег приде, из Володимерея выведен, и возвах и к собе на обед со отцемъ в Чернигове, на Краснем дворе...»⁵³ Значит, вокняжение в Киеве открывало возможность распоряжения владимирским столом.

Изяслав на сей раз недолго княжил в Киеве. В 1078 г. он погиб на «Нежатиной ниве» в бою с враждебными князьями, и Всеволод снова в Киеве «на столе отца своего и брата своего, приим власть русьскую всю. И посади сына своего Володимера Чернигове, а Ярополка Володимери, придав ему Туров».⁵⁴ В составе «русской волости» летописец вместе с Черниговом мыслит и Владимир.⁵⁵ Киевским «идеологам» никак не хотелось расстаться со старыми, отжившими свой век взглядами, и они, увлекаясь воспоминаниями о прошлом величии Киева, выдавали желаемое за действительное. Этот консерватизм мышления киевских летописцев исследователю необходимо помнить.

Как считает А. Н. Насонов, Туров не случайно был «придан» Ярополку, посаженному во Владимире. По словам ученого, «соединение в одних руках Турова и Владимира-Волынского... не было следствием захвата со стороны владимирского стола, а совершилось по распоряжению из Киева. Ясно, что соединение это означало не приращение волынской территории, а нарушение osobности владимирского стола».⁵⁶ Но во Владимире люди «хотели иметь своего князя, князя их „области“-княжения

ториографии высказано еще одно мнение, по которому во Владимире до 1073 г какое-то время княжил Мономах (см.: Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения в XI в. // Советское славяноведение. 1971. № 2. С. 30).

⁵¹ Рапов О. М. Княжеские владения... С. 46.

⁵² ПВЛ. Ч. I. С. 132.

⁵³ Там же. С. 159.

⁵⁴ Там же. С. 135.

⁵⁵ Переводчики Повести временных лет «власть русьскую» переводят как власть по всей Русской земле (ПВЛ. Ч. I. С. 336), что нам кажется неверным. О случаях чтения «власти» в смысле «волости» см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 156—157.

⁵⁶ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 134—135.

хотя бы и подвластного „Русской земле”. Началась глухая, напряженная борьба, сопротивление политике Всеволода». ⁵⁷ Орудием противодействия стали сами Рюриковичи, в частности двое князей Ростиславичей, находившихся при Ярополке на положении «молодых». В 1084 г. Ростиславичи согнали Ярополка с владимирского стола. Еще С. М. Соловьев отметил, что «Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не приобретя себе многочисленных и сильных приверженцев во Владимире». ⁵⁸ По убеждению современного исследователя А. Н. Насонова, «за спиной Ростиславичей стояли местные силы». ⁵⁹ Из Киева тотчас последовали санкции: «Посла Всеволод Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери». ⁶⁰ В обстановке нарастающего антикиевского движения Ярополк мог удержаться на княжении во Владимире не иначе, как вступив с согласием с местным людом, что вело, разумеется, к разрыву с киевским великим князем Всеволодом. Под 1085 г. автор Повести временных лет записал: «Ярополк же хотяше ити на Всеволода, послушав злых советник». ⁶¹ Причиной тому, по С. М. Соловьеву, была обида Ярополка на Всеволода, который выделил Дорогобуж Давыду, уменьшив тем самым волость владимирского князя. ⁶² По нашему мнению, тут имеем дело не только с межкняжескими счетами, но и с борьбой Владимира против засилья Киева. В этой борьбе Ярополк был использован «местной средой», по выражению А. Н. Насонова. ⁶³ Недаром Ярополк, убегая в «ляхы» от карающей длани Владимира Мономаха, направленного Всеволодом для усмирения крамольного князя, оставил «мать свою и дружину Лучьске», ⁶⁴ надеясь, очевидно, на верность и помощь лучан. Но те не оправдали его надежд и «вдашася» Владимиру. ⁶⁵ И все же у Ярополка во Владимире имелось немало сторонников, что и позволило ему скоро вновь занять владимирский стол. Примечательны в данной связи различия летописных выражений: после бегства Ярополка в Польшу Мономах «посади Давыда Володимери», тогда как Ярополк, вернувшись обратно, сам садится здесь на княжение, хотя и по заключении мира с Владимиром Мономахом: «Ярополк же седе Володимери». ⁶⁶ Отсюда ясно, что Ярополк вокняжился во Владимире не столько по воле Мономаха, сколько по желанию «местной среды», под которой

⁵⁷ Там же. С. 135.

⁵⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 364.

⁵⁹ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 135.

⁶⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 135.

⁶¹ Там же.

⁶² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 364.

⁶³ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 135.

⁶⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 135—136.

⁶⁵ Там же. С. 136.

⁶⁶ Там же.

надо разуместь не одну лишь правящую знать, а владимирскую общину в целом.⁶⁷

Последующие события, связанные с деятельностью Ярополка, дают основание для важных предположений. Вернувшись из Польши и «переседев мало дний», князь «иде Звенигороду. И не дошедшу ему града, и прободен бысть от проклятаго Нерадья». Этот «треклятый» Нерядец, совершив убийство, бежал в Перемышль к Рюрику Ростиславичу.⁶⁸

Ярополк выступил против враждебных ему Ростиславичей, которые нашли пристанище в городах будущей Галицкой земли.⁶⁹ Опять тут, как и во многих приведенных выше эпизодах, под вуалью межкняжеских неурядиц скрываются реалии волостного быта, в частности начальные моменты складывания волости, которую позднее возглавит Галич. И в походе Ярополка на Звенигород, и в благожелательном отношении населения «галицких» городов к Ростиславичам, противникам владимирского князя, заключено противопоставление и даже определенная враждебность жителей формирующейся Галицкой земли к Владимиру, унаследовавшему от древнего Волыня претензии на главенство в юго-западном регионе восточнославянского мира.

К исходу XI в. складывание городских волостей (городов-государств) на Руси, происходившее на основе консолидации местных сил, приняло рельефные формы. Об этом судим по такому заметному политическому событию, каким был княжеский съезд 1097 г. в Любече, который знаменовал собой окончательный распад «Русской земли» на три крупные волости: Киевскую, Черниговскую и Переяславскую.⁷⁰

В меньшей мере это можно сказать относительно Владимира, Перемышля и Теребовля, статус которых, как явствует из летописей, несколько отличался от статуса Чернигова и Переяславля. Различие проявлялось в обосновании прав участников съезда 1097 г. на то или иное княжение: Святополк Изяславич, Владимир Всеволодович, Давыд, Олег и Ярослав Святославичи закрепили за собой Киев, Переяславль и Чернигов, потому, что там правили их отцы, а Давыд Игоревич, Володарь и Василько Ростиславичи остались во Владимире, Перемышле и Теребовле на том основании, что в свое время их «роздаял» князьям Всеволод, сидевший в Киеве. Но коль это так, то принцип «каждо да держит отчину свою», провозглашенный на Любечском съезде, не подходил к Давыду Игоревичу и Ростиславичам. Он составил привилегию лишь Святополка, Владимира Мономаха, Давыда, Олега и Ярослава Святославичей. Налицо явная диф-

⁶⁷ Ср.: Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 135.

⁶⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 136.

⁶⁹ См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 47.

⁷⁰ См. с. 90—92 настоящей книги.

ференциация княжеских прав. Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что Давыд Игоревич и Ростиславичи получили волости из рук великого князя киевского. Это ставило их в определенные отношения к Киеву и его князьям. О. М. Рапов резонно замечал: «Сыновья Ростислава Владимировича были „милостниками” киевских князей, которые отвели им землю по юго-западному порубежью Руси».⁷¹ Термин «милостники» здесь вряд ли уместен,⁷² но вассальная зависимость, имеющая дофеодальный характер,⁷³ несомненна. Для нас она интересна не сама по себе, а как отражение господства Киева над городами-волостями Юго-Западной Руси. Ведь киевские князья могли наделять «молодых» князей теми волостями, на которые распространялась власть Киева.

Развернувшиеся после Любечского съезда события согласуются с нашим предположением. Едва замирившиеся князья разъехались из Любеча, как вспыхнула новая межкняжеская «катора». В ходе ее киевский князь Святополк задумал отнять волости у Володаря и Василька, выдвинув при этом следующий довод: «Се есть волость отца моего и брата».⁷⁴ Святополк, следовательно, объявил Перемышль и Теребовль своей «отчиной», что означало присоединение этих городов к Киеву. Поступая так, Святополк, конечно, учитывал давние традиции подчинения Перемышля и Теребовля поднепровской столице. Но время ее могущества безвозвратно прошло. Святополк потерпел неудачу. Володаря и Василько поддержало местное население, стремившееся к независимости от киевской общины. Летописец сообщает: «И сретошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим... И поидоша к собе к боеви, и сступишася полци, и мнози человеци благовернии видеша крест над Василковы вои възвышья велми. Брани же велице бывши и мнозем падающим от обою полку, и видев Святополк, яко люта брань, и побеже, и прибеже Володимерю. Володарь же и Василко, победивша, ста та ту, рекуща: „Довлеетъ нама на межи своей стати” и не идоста никамо же».⁷⁵ Приведенный летописный текст имеет существенную для исследователя ценность. Несмотря на лапидарность, он содержит значительную информацию. Летописец изображает массовую битву. «На поле на Рожни» сражались «вои» — народное ополчение.⁷⁶ Ростиславичи, следовательно, опирались на местную военную организацию, демократическую в своей основе. Она — источник силы князей. Но вои

⁷¹ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси... С. 72.

⁷² См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 93—95.

⁷³ Там же. С. 54—63.

⁷⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 178.

⁷⁵ Там же. С. 178—179.

⁷⁶ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 185—215.

оказывали не только Ростиславичей. Святополк тоже пошел на Володаря и Василька, «надеяся на множество вой». ⁷⁷ Обоюдостороннее участие многочисленных воев в столкновениях Святополка с Ростиславичами позволяет за княжеским конфликтом увидеть борьбу городских общин, в частности перемышльской и теребовльской общин с киевской. ⁷⁸ Последняя старается восстановить свои ослабленные позиции в регионе, а первые исполнены решимости тому противодействовать. Нельзя, однако, ограничиваться указанием на борьбу Перемышля и Теребовля с Киевом, поскольку определенную роль в ней играл Владимир, куда «прибеже» Святополк после поражения на Рожни. Сквозь летописное повествование явственно вырисовывается стремление Владимира держать в повиновении Перемышль и Теребовль. По рассказу летописца, Давыд Игоревич, повелевший ослепить Василька, задумал «перейти Василкову волость». ⁷⁹ Давыд действовал не один. За ним стояли Туряк, Лазарь и Василь — влиятельные, по всей видимости, представители владимирской общины. Именно их выдачи требовали Василько и Володарь, осадившие Владимира.

Достоин внимания и другое событие, предшествующее появлению Ростиславичей у стен Владимира. Выступив против Давыда, князя «придоста ко Всеволожу... Онема же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бегоша людье огня. И повеле Василко исечи вся, и створи мщенье на людех неповинных, проля кровь неповинну». ⁸⁰ Столь суровая расправа с горожанами свидетельствует, во-первых, о связи Всеволожа с Владимиром как пригорода с главным городом и об ответственности всеволожан за политику владимирского князя, во-вторых. Казалось, этому противоречит реплика летописца о наказании Васильком невинных людей. Но ее надо понимать так, что население Всеволожа было непричастно к ослеплению теребовльского князя, т. е. к преступлению как таковому. ⁸¹ В желании же Давыда завладеть Теребовлем всеволожане вместе с остальными людьми владимирской волости являлись отнюдь не посторонними зрителями. Иначе совершенно непонятна жестокость Василька в отношении обитателей Всеволожа. Поступок теребовльского князя становится осмысленным, если учесть, что Давыд, покушаясь на волость Василька, действовал с одобрения жителей Владимира и нахо-

⁷⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 178.

⁷⁸ Вряд ли подлежит сомнению присутствие воинов киевской тысячи среди воинов Святополка.

⁷⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 176.

⁸⁰ Там же. С. 177.

⁸¹ Эта реплика летописца была воспринята буквально некоторыми учеными (см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 388; Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. II. СПб., 1900. С. 3).

дящихся в единении с ним пригородов.⁸² За враждой князей просматривается вражда волостных общин. В данном случае позиция владимирской общины являлась наступательной, а тербовльской — оборонительной: первая хотела восстановить былую власть, а вторая — отстоять приобретенную в длительной борьбе самостоятельность. Отделение Перемышля и Тербовля от Владимира зашло настолько далеко, что между ними легли уже границы — межи, по летописной лексике. «Довлееть нама на межи своей стати», — заявили Володарь и Василько, одолев Святополка.⁸³ Взгляд на Тербовль как независимую от Владимира волость выразил Василько. Когда ему Давыд обещал дать «любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль», он ответил: «Сему ми дивно, дает ми город свой, а мой Тербовль, моя власть и ныне и пождавше».⁸⁴ Всеволож, Шеполь, Перемиль — пригороды Владимира и потому «свои» для Давыда, сидевшего на владимирском столе. Иное дело — Тербовль, представляющий, по убеждению Василька, отдельную от Владимира волость.

Предлагаемая нами интерпретация летописных известий выявляет сложный характер политических коллизий, наблюдаемых в конце XI в. в Юго-Западной Руси. В борьбу Киева за власть над здешними городами вклинивается борьба Вла-

⁸² При чтении летописи может возникнуть впечатление, что Туряк, Лазарь и Василь — единственные из владимирской земщины люди, замешанные в ослеплении и пленении тербовльского князя. Но на самом деле, как показывает тщательный разбор летописных известий, это не так. В начале повествования о походе Володаря и Василька речь идет о том, что они выступили против Давыда. Но затем Давыд вдруг уходит вглубь сцены и вперед выдвигаются владимирцы, с которыми и ведут переговоры Ростиславиичи. Нас не должно сбивать с толку заявление князей, обращенное к владимирцам: «Ве не приидохове на град ваш, ни на вас, но на врагы своя, на Туряка и на Лазаря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тех есть послушал Давыд и створил се зло» (ПВЛ. Ч. I. С. 177). Тут мы видим дипломатический маневр: Ростиславиичи, не надеясь получить Давыда, за которого владимирцы готовы были «битися!», и взять Владимир, удовольствовались выдачей на казнь означенных мужей, а владимирцы ради предотвращения кровопролития отступились от них. Пребывание Туряка, Лазаря и Василя в Луческе, попытка Лазаря и Василя укрыться в Турийске намекают на связь этих людей с владимирской земщиной. Однако не следует замыкаться на Туряке, Лазаре и Василе. Летописные материалы дают возможность исследователю расширить круг лиц, принимавших непосредственное участие в событиях, связанных с ослеплением тербовльского князя. Мы знаем, например, что ослепленного Василька привезли во Владимир и посадил «въ дворе Вакееве», приставив «30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Улан и Колчко» (ПВЛ. Ч. I. С. 173). Василька, как видим, помещают не в княжеском дворе, а во дворе, принадлежащем какому-то Вакеею, за которым угадывается известный и влиятельный во Владимире человек. К этому надо добавить, что Василька стерегли 30 мужей, скорее всего из среды владимирцев, поскольку стражники из княжеских людей названы летописцем особо. Их было только двое — Улан и Колчко. Активность владимирской общины в изучаемых событиях не вызывает сомнений.

⁸³ ПВЛ. Ч. I. С. 179.

⁸⁴ Там же. С. 175—176.

димира за первенство среди остальных местных волостных центров, причем для достижения намеченных целей киевская община прибегает к помощи владимирской, а владимирская — к помощи киевской. Но при всех условиях главенство Киева очевидно. Киевский князь Святополк распоряжается владимирским столом, сажая на него сына своего Мстислава. Однажды во Владимире правил даже киевский посадник по имени Василь.⁸⁵ Изнемогающие в осаде владимирцы, опасаясь «пагубы» от Святополка, стараются сохранить ему верность: «Да аще ся вдамы, Святополк погубит ны вся».⁸⁶ Эти факты говорят о зависимости Владимира от киевских князей, в конечном счете — от киевской общины. Что касается городов будущей Галицкой земли, в частности Перемышля и Теробовля, то их подвластность Киеву на рубеже XI—XII столетий заметно ослабла, если не прекратилась вовсе. В Киеве, однако же, еще не осознали изменившейся исторической обстановки и по-прежнему претендовали на господство в этих городах. Традиционное представление киевских правителей о подчиненности Юго-Западной Руси Киеву — вот причина упоминания на княжеском съезде 1097 г. в Любече Владимира, Перемышля и Теробовля среди городов «Русской земли».

Любечский съезд и последовавшие за ним события показывают, что деятельность князей направлялась в значительной мере общинами волостных городов, где они княжили. Недаром в описании съезда в Любече присутствует, если можно так выразиться, земский фон. Придя к соглашению, князья возгласили: «Да аще кто отселе на кого будеть, то на того будем вси и крест честный... Да будеть на нь хрест честный и вся земля Руская».⁸⁷ Упоминание в княжеской клятве «Русской земли» исполнено глубокого смысла: земские силы, как и коллективная воля князей, объявлены источником гарантий договоренностей в Любече. Вот почему мы не можем признать убедительными рассуждения о том, что соглашение князей на Любечском съезде «было основано не на реальных интересах отдельных земель», что «князья, глядя на Русь как бы с птичьего полета, делили ее на куски, сообразуясь со случайными границами владений сыновей Ярослава».⁸⁸ Владения Ярославичей складывались не в рамках случайных границ, а в пределах формирующихся волостных территорий, образование которых явилось результатом внутреннего развития славянских общественных союзов, разбросанных по Восточной Европе. В конце XI в. Юго-Западная Русь переживала период оживленного роста волостей. Среди них мы уже неоднократно называли Влади-

⁸⁵ Там же. С. 180.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 171.

⁸⁸ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 449.

мирскую землю, которая, как и соседние с нею волости, имела свои границы-межи. Характер ее политической организации раскрывается в вечевой практике.

О вече во Владимире читаем в летописи под тем же «многомятежным» 1097 годом. Злодейское ослепление Василька, совершенное с ведома киевской и владимирской общин, привело, как мы видели, к ожесточенной борьбе в Юго-Западной Руси. Когда Ростиславичи, движимые жаждой мести, осадили Владимир, они обратились непосредственно к владимирцам с требованием выдачи известным нам уже Туряка, Лазаря и Василя. Заметим, кстати, что в этот момент в городе находился князь Давыд, но Володарь и Василько ведут переговоры не с ним, а с горожанами. И это — в высшей степени примечательно. Владимирцы собирают вече, где Давыду было сказано: «Выдай мужи сия, не бьемся за сих, а за тя битися можем. Аще ли,— то отворим врата граду, а сам промышляй о себе». Давыд отвечал: «Нету их zde». В конце концов «мужей» нашли. Василь и Лазарь были выданы Ростиславичам, а Туряк бежал в Киев, продемонстрировав тем самым связь между владимирской и киевской общинами в кровавом заговоре против Василька.⁸⁹ Превосходный комментарий к летописному рассказу о вече во Владимире дал В. И. Сергеевич: «Здесь каждое слово знаменательно. Осаждающие вступают в переговоры не с князем, а с народом, хотя князь в городе. Народ сам собирается на вече и обращается к своему князю с требованием выдать виновных под угрозой, в случае отказа, перейти на сторону Василька. Давыд не говорит, что всё это незаконные действия... а указывает только на невозможность исполнить волю народа потому, что требуемые люди не находятся в городе. Князь называет и города, где скрылись виновники раздора. Двое из них были в Турийске, городе подвластном Давыду. Народ настоятельно повторяет требование выдачи, и князь подчиняется».⁹⁰

Несколько позже владимирцы снова устраивают вече. Город в этот момент оказался без князя, ибо Мстислав, сын Святополка киевского, погиб, пораженный «под пазуху стрелою». И вот на вече решаются вопросы по обороне города, от его имени направляется к Святополку посольство, призывающее оказать помощь осажденному Владимиру.⁹¹

Владимирское вече предстает на страницах летописи как сложившийся и устоявшийся политический институт, как основной элемент социально-политической структуры Владимирской волости-земли. Перед нами, собственно, народное собрание, стоящее над князем и являющееся, следовательно, верховным органом власти. По своей социальной природе владимир-

⁸⁹ См.: ПВЛ. Ч. I. С. 177.

⁹⁰ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. II. С. 4.

⁹¹ См.: ПВЛ. Ч. I. С. 180.

мирское вече ничем не отличалось от вечевых собраний других древнерусских волостей.⁹²

События, последовавшие за злодейским ослеплением Василька, интересны не только тем, что рисуют конституированную и суверенную городскую общину главного города земли — Владимира. Они любопытны еще и потому, что показывают Владимир в соединении с пригородами — зависимыми от главного города поселениями с прилегающей к ним сельской округой. Всеволож, Шеполь, Перемиль, Турийск, Сутейск, Бужеск, Выгошев, Червень — все это пригороды, признающие власть главного города, составляющие с ним органическое единство. Зависимость пригородов от главного города устанавливалась по разным линиям: политической, административной, военной. Трагедия всеволожан, истребленных Васильком, — яркий пример ответственности населения пригородов за дела главного города и его князя. По желанию владимирского князя и при согласии общины главного города любой из пригородов мог быть передан в управление какому-нибудь князю или боярину. Вспомним, что Давыд на правах владимирского князя предлагал Васильку на выбор «любо Всеволож, любо Шеполь, любо Перемиль». Он также дал Луцк Святославу, прозванному Святошей. При Святоше находились мужи Давыда, которые вместе с князем-посадником правили в Луцке.⁹³ Святоша взял на себя какие-то союзнические обязательства по отношению к Давыду. Во всяком случае, «заходил бо бе роте Святоша к Давыдови: Аще поидеть на тя Святополк, то повемь ти».⁹⁴ Пригороды поставляли воинов главному городу. Князь Мстислав, теснимый Давыдом, укрылся во Владимире и «затворися в граде с засадою, иже беша у него берестьяне, пиняне, выгошевы».⁹⁵

Владимир вместе с пригородами составлял крупную по размерам волость Юго-Западной Руси. В конце XI — начале XII вв. эта волость — сложившееся в основных чертах государственное образование, которое можно характеризовать как город-государство республиканского типа с демократическим уклоном.

Дальнейшая история Владимира шла под знаком продолжающегося возвышения местной общины и обостряющейся борьбы с Киевом. В 1117 г. Мономах собрал целую коалицию князей, чтобы идти на Ярослава Святополчича, который кня-

⁹² Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 164—184.

⁹³ С. М. Соловьев считал их посланцами Давыда, пришедшими к Святоше (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 391). Но о послах Давыда в летописи ничего не говорится. Там лишь сказано: «И ту бяху мужи Давыдови у Святоше» (ПВЛ. Ч. I. С. 180).

⁹⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 180.

⁹⁵ Там же.

жил во Владимире.⁹⁶ По мнению П. А. Иванова, поход был вызван противоречием между политикой Мономаха и тягой земель к обособлению.⁹⁷ Со своей стороны, добавим: политика Владимира Мономаха не являлась сугубо личным творчеством князя. В принципе она была обычной для киевских правителей. Но на ней, несомненно, лежала яркая печать индивидуальности Мономаха — человека даровитого и волевого. Нельзя, конечно, упрощать вопрос, усматривая в Мономахе лишь простого проводника политики киевской общины. Стремление властвовать среди князей — одна из особенностей его характера. И на этот раз он хотел смирить строптивого Святополчича. Ему это удалось: «Ярославу покорившюся и вдарившю челом перед строем своим Володимером, и наказав его Володимер о всем, веля ему к себе приходить, когда ты позову».⁹⁸ Приведение в покорность Ярослава не исчерпывало, впрочем, целей похода киевского князя, которому важно было и другое: пресечь поползновения владимирской общины к расширению своей волости.

Довольно красноречиво в этой связи известие В. Н. Татищева о том, что Ярослав Святополчич хотел «у Владимира область по Горыню отнять», а Василька и Володаря — «владения лишить».⁹⁹ Осуществить задуманное Ярослав мог, опираясь преимущественно на местные силы.¹⁰⁰ Так за межкняжеской «которой» выступает очередной конфликт волостей. В частности, мы видим, как владимирская община пыталась расширить собственную территорию за счет Погорынья, находившегося в составе Киевской земли¹⁰¹ и являвшегося яблоком раздора между киевскими и волынскими князьями,¹⁰² а также возродить господство над Перемышлем и Теребовлем — волостями Володаря и Василька. Понятно, почему среди князей, «остолпивших» вместе с Момахом град Владимир, встречаем Ростиславичей.¹⁰³

Укротив Святополчича, Владимир Момах вернулся в Киев. Вскоре оттуда, как извещает Ипатьевская летопись, он «посла

⁹⁶ ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 284.

⁹⁷ Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. С. 132.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284—285.

⁹⁹ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. М.; Л., 1963. С. 132.

¹⁰⁰ В. Н. Татищев утверждал, что Ярослав действовал, будучи «подущаем поляки» (там же С. 132). Допускал это и С. М. Соловьев (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 404). Совершенно ясно, однако, что без участия владимирцев Ярослав был бы не в состоянии реализовать свой план.

¹⁰¹ См.: Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 129; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 55.

¹⁰² Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 108.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284.

сына Романа во Володимерь княжить». ¹⁰⁴ Вслед за этим известием летописец сообщает: «Выбеже Ярослав Святополчичь из Володимера Угры, и бояре его и отступиша от него». ¹⁰⁵ Лаврентьевская летопись излагает события в ином, более точном, на наш взгляд, порядке: «Бежа Ярославец Святополчичь из Володимеря в Ляхы, и посла Володимер сын свои Романа в Володимерь княжить». ¹⁰⁶ Оба источника ничего не говорят о вторичном походе Мономаха против «Ярославца». В поздних же летописях есть упоминания об этом походе. В них также называется причина, побудившая Мономаха снова собирать рать на Ярослава. В Московском летописном своде конца XV в. читаем: «Ярославць Святополчич отсла от себе жену свою, дщерь Мъстиславлю, внуку Володимерю. Володимер же слышев се и совокупи воя поиде на нь; и выбеже Ярослав Святополчич из Володимеря в Угры, и бояре его отступиша от него. Володимер же посла в Володимерь сына своего Романа». ¹⁰⁷ Никоновская летопись содержит аналогичную запись, но вместе с тем имеет и одно интересное разночтение: «а воя его (Ярослава) отступиша от него». ¹⁰⁸ В. Н. Татищев, сообразуя различные летописные версии, замечал: «Ярославец, князь владимирский, забыв данное свое Владимиру клятвенное обещание, жену свою от себя отослав. Чем Владимир вельми оскорбяся, собрав войско, пошел ко Владимиру. Но Ярославец, уведав, не дожидая его, ушел в Польшу к сестре своей и зятю. Владимир же, оставя во Владимире сына своего Романа, сам возвратился». ¹⁰⁹

Суммированные нами факты дают пищу для размышлений относительно общей ситуации во Владимире, обусловившей бегство Ярослава Святополчича из города. Что же заставило князя покинуть Владимир? По В. Н. Татищеву, Ярослав ушел в Польшу, как только узнал о походе Владимира. С. М. Соловьев объясняет поступок Святополчича поведением бояр, отступивших от него, не раскрывая мотивы боярского отступничества. ¹¹⁰ Н. Ф. Котляр говорит о том, что Ярослав, не желая «примириться со своим зависимым от киевского стола положением», предпринял «попытку освободиться от подчинения общерусскому правительству (?) с иноземной помощью». ¹¹¹ Нам не могут удовлетворить подобные объяснения. Вспомним, как вел себя Ярослав, когда большое союзное войско, возглавляемое Мономахом, подступило к Владимиру. Он сидел в городе,

¹⁰⁴ Там же. Стб. 285.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. Т. I. М., 1962. Стб. 292.

¹⁰⁷ Там же. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 28.

¹⁰⁸ Там же. Т. IX—X. М., 1965. С. 150.

¹⁰⁹ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 133.

¹¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 405.

¹¹¹ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 56.

а противники в бесплодной осаде «стояща днии шестьдесят».¹¹² Значит, владимирская община была на стороне Ярослава, который благодаря ее расположению к себе удержал город. Но затем владимирцы по каким-то неясным для нас причинам изменили отношение к нему, что, вероятно, заставило и бояр сделать то же.¹¹³ Ярослав, лишенный поддержки владимирской общины, вынужден был бежать в чужую землю. Само бегство свидетельствует об опасной для князя обстановке, сложившейся во Владимире. Если учесть, что древнейшие летописные памятники хранят полное молчание о новом походе Мономаха на Ярослава, то еще явственнее становятся местные мотивы произошедшего. Поэтому бегство Святополчища надо расценивать как изгнание князя из города. Так еще раз устанавливается политическая активность владимирской общины, ее превосходство над князем.

Сын Мономаха Роман и года не княжил во Владимире. Он умер. И во Владимир на княжение из Киева прибыл другой Мономашич — Андрей. Позиции Киева во Владимирской земле укрепились. В некоторых пригородах Владимира в качестве посадников обосновались пришельцы из поднепровской столицы. В Червене, например, посадничал киевский воевода Фома Ратиборич, о чем узнаем из Ипатьевской летописи под 1120 годом: «Приходи Ярослав с Ляхы к Чьрьвну при посадничи Фоме Ратиборичи и воротишася опять не въспевше ничто же».¹¹⁴ Засилье киевлян вряд ли нравилось местному населению. В 1123 г. «приде Ярослав Святополчищъ с Угры и с Ляхы и с Чехы и с Володарем и Василком Володимерю, и множество вои бе с ним, и обиступиша город Володимер».¹¹⁵ Летописец неоднократно подчеркивает самоуверенность Ярослава, надевшегося «на множество вои». Осада кончилась неожиданно: два каких-то ляха подстерегли Ярослава, гарцевавшего у стен города, и смертельно ранили его. Через несколько часов князь скончался.

Среди множества воев Ярослава узнаются и жители пригородов Владимира. В татищевской «Истории Российской» говорится, что «Ярославец», двигаясь к Владимиру, взял несколько городов, которыми ранее владел.¹¹⁶ Надо думать, что их воинство пополнило рать Ярослава. И вряд ли волощан гнали к Владимиру силой. Не исключено, что их участие в походе Ярослава на Владимир — выражение известного недовольства

¹¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 284.

¹¹³ В Никоновской летописи, как мы заметили, вместо бояр фигурируют вои. В этом можно видеть намек на более широкий социальный состав людей отшатнувшихся от Ярослава.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 286. См. также: там же. Т. XXV: М., Л., 1949. С. 28.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 287.

¹¹⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 136.

политикой главного города, проявлявшего чрезмерную уступчивость Киеву. Это, конечно, наше предположение. Более уверенно можно судить о том, что привело Володаря и Василька к союзу с Ярославом. На первый взгляд этот союз кажется противоестественным: вчерашние враги вдруг оказались друзьями. Но еще М. С. Грушевский подметил, что то был не случайный скачок в политике князей.¹¹⁷ Их сплотила необходимость борьбы с Киевом.¹¹⁸ Больше всего в Поднестровье опасались связи Волыни и Киева одной княжеской линией, ибо в результате для волостей Поднестровья складывалась невыгодная расстановка сил.¹¹⁹ В сопротивлении Киеву отражались процессы социальной консолидации Юго-Западной Руси. Но могущество Киева здесь окончательно еще не подорвано. Никоновская летопись, завершая рассказ об осаде Ярославом Святополчичем Владимира, роняет характерную фразу: «Князь же Ондрей Володимеричь Манамашь утвердися в княжении во граде Володимери».¹²⁰ С утверждением княжения Андрея упрочивалась и власть Киева над Владимирской землей. По-прежнему киевские князья распоряжаются владимирским столом. В 1136 г. киевский князь Ярополк вывел Андрея из Владимира и посадил в нем своего «сыновца» — Изяслава.¹²¹ Представитель черниговского княжья Всеволод Ольгович, едва заняв киевский стол, «посла вое на Изяслава река иди из Володимеря, и дошедше Горины пополошившися бежаша опять».¹²² В конце концов Всеволод все же посадил во Владимире сына своего Святослава,¹²³ а братьев родных и двоюродных наделил различными городами Владимирской земли.¹²⁴ Когда Изяслав Мстиславич занял киевский стол, он тут же велел Святославу Всеволодовичу покинуть Владимир.¹²⁵

Несмотря на хозяйничанье киевских князей во Владимирской земле, развитие волостной жизни здесь не прерывалось. В первой половине XII в. заметен территориальный рост Волынской земли, происходит конкретная фиксация ее рубежей.¹²⁶ Усложняется и сама волостная система, внутри которой появляются городские центры, тяготеющие к независимости от главного города. В рамках старой Владимирской волости формируются более мелкие волости, возглавляемые своими городами, претендующими на автономию по отношению к Владимиру. В качестве примера назовем Луцк. В извес-

¹¹⁷ Грушевский М. История України-Руси. Львів, 1900. Т. III. С. 42.

¹¹⁸ См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 57.

¹¹⁹ См. с. 118—119 настоящей книги.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. IX—X. С. 152.

¹²¹ Там же. Т. II. Стб. 297.

¹²² Там же. Т. I. Стб. 307; Т. II. Стб. 304—305.

¹²³ Там же. Т. II. Стб. 313.

¹²⁴ Там же. Стб. 312.

¹²⁵ Там же. Стб. 330.

¹²⁶ См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 63—67.

тиях середины XII в. он фигурирует наравне с Владимиром.¹²⁷ Для Мстислава Изяславича Луцк служит базой похода на Владимир.¹²⁸ В конце 50-х годов XII столетия город имел уже особый княжеский стол. Луцк превращается в суверенный волостной центр. В 1158 г. Ярослав Луцкий на равных правах с другими князьями идет на Туров.¹²⁹ Красноречивы и события 1174 г., когда сын Ярослава Осмомысла Владимир «выбеже» к Ярославу в Луцк. Ярослав Галицкий пригрозил Ярославу Луцкому войной, если тот не выдаст беглеца. Луцкий князь, встревоженный возможностью нападения, «пусти Володими́ря». Примечательно, что Ярослав Луцкий боялся «пожъженья волости своей».¹³⁰ Стало быть, вокруг Луцка уже сложилось устойчивое образование, т. е. волость, разорение которой — беда для главного города.

Луцк приобретает немалое влияние на Волыни, вовлекая местные силы в свои предприятия. Однажды «приде Ярослав Лучьский на Ростиславиче со всею Вельньско землею, ища собе старешиньства во Олговичех».¹³¹ Необходимо подчеркнуть, что Ярослав пришел под Киев именно со всею землею, т. е. с народным ополчением Волыни, что дает возможность еще раз убедиться в демократическом характере военной организации, на этот раз послужившей опорой князю Ярославу в борьбе за Киев. Наличие же самой военной организации — признак известной налаженности общественного механизма Волынской земли. Заметим, кстати, что Волынская земля выступает здесь как самодовлеющее целое, противостоящее Киевской волости. Не имея за собой мощной поддержки волынской земщины и прежде всего Луцкой волости, Ярослав не сумел бы добыть Киев, а тем более учинить «тяготу кыянам». Луцк располагал собственными силами, куда входило рядовое воинство. В 1149 г., когда враждебное войско «поступиша к Луческу»,¹³² из города вышли «пешцы» и стреляли в неприятеля, а со стен городских летели камни, «яко дождь».¹³³ В бою под Луцком чуть было не погиб знаменитый Андрей Боголюбский, «зане обиступлен бысть ратьными» лучанами.¹³⁴ Шесть недель стояли враги у Луцка, люди в городе изнемогали, но не сдавались.¹³⁵ Во второй половине XII в. Луцк выделился в самостоятельную волость, о чем в летописи говорится достаточно определенно. Вот летописный текст: «Того же лета исходячи разболеся князь Мьстислав Изяславич в Володимери, бе же ему болезнь креп-

¹²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 387.

¹²⁸ Там же. Стб. 484.

¹²⁹ Там же. Стб. 491.

¹³⁰ Там же. Стб. 571.

¹³¹ Там же. Стб. 576—577.

¹³² Там же. Стб. 578—579.

¹³³ Там же. Стб. 389—390.

¹³⁴ Там же. Стб. 390.

¹³⁵ Там же. Стб. 391.

ка, и начал слати к брату Ярославу рядов деля о детех своих, урядивса добре с братом и крест целовав, якоже ему не подозрити волости под детми его...»¹³⁶ Клятвенное обещание Ярослава Луцкого «не подозрети волости под детми» умирающего Мстислава Изяславича следует понимать как признание состоявшегося разделения Волыни на Владимирскую и Луцкую волости.¹³⁷

Стремление Луцка, как и других древнерусских пригородов, к самостоятельности объясняется спецификой социально-политического строя, утвердившегося на Руси XI—XII вв. Непосредственная демократия, выражавшаяся в прямом участии народа в деятельности народных вечевых собраний, — важнейшая черта этого строя. Народоправство — вот тот молот, который дробил волости на части, создавая новые, более мелкие волости.¹³⁸

Не все, естественно, пригороды Владимира достигли такой самостоятельности, как Луцк. Многие из них сохраняли зависимость от главного города, шли в фарватере его политики. Во время похода князей в 1157 г. на Владимир один из них «сха к Червну, червняне же затворишася в городе», и никакие увещевания не заставили их отворить городские ворота.¹³⁹ Жители пригорода не хотели идти вразрез с политикой главного города.

Характерные отношения пригородов с главным городом и его представителем князем видим в событиях 1150 г. Из летописи узнаем, что князь Изяслав, отправив своего брата Святополка во Владимир, сам пошел к Дорогобужу, «и вышедши Дорогобужьци с кресты и поклонишася... и пусти в город».¹⁴⁰ Изяслав привел с собой венгров, что встревожило дорогобужцев. «Се, княже, — говорили они, — чюжеземьци Угре с тобою, а быше не сътворице зла ни что же граду нашему». Изяслав успокоил дорогобужцев: «Яз вожду Угры и все земли, но не на свои люди, но кто ми ворог, на того вожду, а вы ся не внимайте ни во что же».¹⁴¹ От Дорогобужа князь пошел к Коречску, «и Корчане же вышедше с радостью и поклонишас ему».¹⁴² Все эти пригороды изъявляют покорность правителю главного города, показывая тем самым приверженность главному городу.

Связь главного города с пригородами не была всегда и везде, одинаковой. По отношению к Владимиру одни пригороды

¹³⁶ Там же. Стб. 559.

¹³⁷ См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 69.

¹³⁸ В основе непосредственной демократии, народоправства на Руси XI—XII вв. лежали, конечно, социально-экономические отношения, характеризующие господством общинной собственности и хозяйства (см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории).

¹³⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 486—487.

¹⁴⁰ Там же. Стб. 410.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

находились в более жесткой зависимости, а другие пользовались некоторыми привилегиями. Это обуславливалось уровнем социального развития самих пригородов как общественных организмов. Таким образом, становится очевидной неоднозначность зависимости пригородов от главного города: она могла быть и положительной и отрицательной. При неразвитости и слабости пригорода, особенно в начальный момент его существования, роль главного города была, несомненно, положительной, поскольку община волостного центра обеспечивала внешнюю безопасность пригородной общины. Но по мере того как пригород усиливался и стягивал прилегающие к нему земли, образуя свою собственную волость, зависимость от главного города превращалась в оковы, сдерживающие дальнейшее его развитие. Противоречия между главным городом и пригородом обострялись. И так продолжалось до тех пор, пока пригород, преодолев притяжение главного города, начинал жить как самостоятельная волость, или город-государство. Мы видели Луцк, достигший независимости от Владимира. Некоторые пригороды Владимирской земли во второй половине XII в. сумели обзавестись своими княжениями. Это — Берестье, Червен, Белз.¹⁴³ Возникновение княжений в упомянутых городах необходимо рассматривать как этап на пути приобретения самостоятельности и как проявление заметно продвинувшейся вперед консолидации местных общественных союзов. Данные процессы, происходившие во Владимирской волости, — признак зрелости волостной организации в целом, позволяющий сделать вывод о завершении к середине XII в. формирования города-государства в Волынской земле.

Становление города-государства во Владимире было тесно связано с освобождением от власти Киева. Эти тенденции находились во взаимодействии, стимулируя друг друга. Поэтому логично было бы думать, что с окончанием складывания города-государства во Владимирской земле должно было пасть господство Киева над Владимиром. Так оно и случилось: в середине XII в., когда окончательно сформировалась владимирская волостная система в виде города-государства, прекратилась и зависимость от Киевской земли. П. А. Иванов писал, что к концу 50-х годов Владимирская волость «совершенно обособилась от Киевской».¹⁴⁴ К этому как будто склоняется и современный исследователь Н. Ф. Котляр. Но суждения его противоречивы: в одном месте своей книги он говорит о том, что в середине XII в. Волынь «выделяется в самостоятельное княжение», а в другом заявляет, что она в это время «делается полусамостоятельным княжеством, входившим в федерацию

¹⁴³ См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 69.

¹⁴⁴ Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. С. 144.

восточнославянских земель и княжеств».¹⁴⁵ По нашему мнению, речь надо вести о прекращении в середине XII в. политической зависимости Владимира от киевской общины.

Важные социальные метаморфозы происходили в конце XI — первой половине XII вв. не только на Волыни, но и в бассейне Днестра и Сана. Здесь на передний план выдвигается новый волостной центр — Галич. Рядом с Владимирской землей формировалась земля Галичская.

В летописи Галич упоминается под 1141 г. в характерном контексте: «Сего же лета преставися у Галичи Василкович Иван, и прия волость его Володимерко Володаревичь, седе во обою волостью княжа в Галичи».¹⁴⁶ Появление Галича на страницах летописи известному знатоку истории древнерусских городов М. Н. Тихомирову показалось неожиданным.¹⁴⁷ И все же, несмотря на столь позднее свидетельство о Галиче, датированное серединой XII в., «оформление Галицкой земли в особую область произошло гораздо раньше, по крайней мере в XI в.».¹⁴⁸ Эти соображения М. Н. Тихомирова и других ученых, «удревняющих» Галич, оспорил Н. Ф. Котляр, по мнению которого «стремление во что бы то ни стало доказать существование города Галича в XI в. и даже раньше основывается на априорной убежденности в том, что этот центр древней Галицкой земли должен был возникнуть, по меньшей мере, тогда же, когда родились и другие основные города западнорусского региона: Червен, Перемышль, Волынь и др. Однако... Галицкая земля принадлежит к числу сравнительно поздних для Южной Руси образований. Подобно самому Галичу она выдвигается на историческую арену лишь около середины XII в.».¹⁴⁹ Доводы Н. Ф. Котляра не убеждают. Выход Галича на историческую арену есть итог предшествующего развития города. К сожалению, из-за отсутствия в летописных источниках соответствующих данных мы лишены возможности проследить за ростом Галича. И тем не менее факт остается фактом: к 40-м годам XII столетия Галич не только обзаводится собственным княжением, но и становится средоточием волости, что, безусловно, говорит об относительно высокой степени организации галицкой общины, эволюционирующей в город-государство. Для князя Владимира Галич был более заманчивым, чем Перемышль, в котором он княжил с конца 20-х годов.¹⁵⁰ Значит, к середине XII в. Галич выдвинулся вперед, оставив позади

¹⁴⁵ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 63, 67. — Мы полагаем, что термин «княжество» для обозначения Владимирской земли явно не подходит. Владимир — не княжество или монархия, а республика, принявшая форму города-государства.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.

¹⁴⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 329.

¹⁴⁸ Там же. С. 328.

¹⁴⁹ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 75—76.

¹⁵⁰ Там же. С. 81.

бывшие волостные центры — Перемышль и Теребовль. Вокняжившись в Галиче, Владимирко стал правителем Перемышльской и Галицкой волостей.¹⁵¹ При этом свою резиденцию он перенес из Перемышля в Галич, наглядно продемонстрировав ведущее положение его среди соседних волостных столиц. Такое положение Галич не мог приобрести в короткий срок.

История Галицкой волости восходит к концу XI в. Первое упоминание Галича в древних источниках относится именно к этому времени. В патерике Киево-Печерского монастыря повествуется о том, что в межкняжеской сваре, вспыхнувшей после ослепления Василька, был момент, когда князя «не пустиша гостей из Галича, ни людей з Перемышля, и соли не бысть во всей Русьской земли».¹⁵² Данное известие не оставляет сомнений относительно существования Галича и до упоминаемых в Патерике трудностей с подвозом в Южную Русь соли. Поэтому заявление Н. Ф. Котляра о тщетности попыток найти Галичу место «на политической карте Руси XI в.» выглядит чересчур поспешно.¹⁵³ По мнению Н. Ф. Котляра, «будущая Галицкая земля развилась из территорий в основном двух волостей: Перемышльской и Теребовльской, владений Ростиславичей, а также за счет освоения новых земель на западе, севере и юге».¹⁵⁴ Мы можем более конкретно и зримо представить начальную историю Галича. Для этого надо уяснить ход исторического развития Перемышльской и Теребовльской волостей в конце XI — начале XII вв.

Здесь в результате дальнейшего углубления общинно-территориальных тенденций рождаются пригороды, вступающие в соперничество с главными городами. В Перемышльской земле выдвигается Звенигород. Как и во многих подобных случаях, выдвижение Звенигорода может показаться неожиданным. Но это — чисто внешний эффект, за которым угадывается скрытая от глаз исследователя историческая эволюция. Если верить В. Н. Татищеву, князь перемышльский Володарь, умирая в 1124 г., распорядился насчет своей волости так: «Володимерку дал Свиногород, а меньшему Ростиславу Перемышль».¹⁵⁵ В Звенигороде, стало быть, возникло княжение. Само собой разумеется, что появиться оно могло не на пустом месте. Открытие княжеского стола в городе означало, что там для этого имелись все условия. Становясь центром княжения,

¹⁵¹ Ср.: Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 81.

¹⁵² Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 108.

¹⁵³ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 79.

¹⁵⁴ Там же. С. 76.

¹⁵⁵ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 137. — Современные историки с доверием относятся к этому «татищевскому известию» (см.: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси... С. 73, 74; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 78).

Звенигород приобретал известную независимость от Перемышля, продвигаясь на пути формирования собственной волости, т. е. города-государства. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Звенигород получает старший сын Володаря князь Владимирко. По логике вещей он в силу своего старейшинства должен был бы сесть в Перемышле, а младший брат его Ростислав — в Звенигороде. Но Володарь рассудил иначе. Значит, звенигородское княжение имело свои достоинства перед перемышльским княжением. Во всяком случае ясно одно: Звенигород к моменту смерти Володаря сложился в жизнедеятельное политическое образование, что и обусловило появление тут княжеской власти. И едва ли подлежит сомнению, что учреждение княжения в Звенигороде отвечало интересам населения города и прилегающей к нему округи. Нельзя преувеличивать значение княжеской политики в данном вопросе. А именно так поступает Н. Ф. Котляр, когда пишет, будто «решением Володаря в 1124 г. в составе Перемышльского княжества возникло Звенигородское удельное княжество».¹⁵⁶ У Н. Ф. Котляра новое «удельное княжество» создается по мановению руки умирающего Володаря.¹⁵⁷ Правда, автор стремится установить объективные предпосылки «решения Володаря», говоря, что «к тому времени Звенигород стал заметным социально-экономическим центром, о чем свидетельствуют материалы археологических раскопок. Он вполне мог сыграть роль очага консолидации для тяготевшей к нему округи, хотя и незначительной по площади и экономическому потенциалу».¹⁵⁸ Однако Н. Ф. Котляр не делает должного вывода из своих соображений. А этот вывод состоит в том, что в Звенигороде ко времени «решения Володаря» складывались основы волостной организации, необходимым элементом которой являлась княжеская власть.¹⁵⁹ Поэтому Володарь, заботясь о сыне, вместе с тем действовал сообразно потребностям звенигородской общины, политическая активность которой обнаружилась вскоре со всей наглядностью. Согласно татищевской «Истории», в 1126 г. Владимирко и Ростислав «заратились» друг с другом. Владимирко хотел выгнать Ростислава из Перемышля, а Ростислав — завладеть Звенигородом.¹⁶⁰ Приступая к войне, князья, по сло-

¹⁵⁶ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 78.

¹⁵⁷ Н. Ф. Котляр пользуется традиционной терминологией, называя Звенигород «удельным княжеством». По нашему мнению, термин «княжество» тут совершенно неуместен, поскольку Перемышль и Звенигород, как и остальные волостные центры Руси, строились на республиканской почве. Что касается понятия «удел», то оно имело реальный исторический смысл во времена более поздние, связанные с эпохой Московской Руси.

¹⁵⁸ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 78.

¹⁵⁹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 33—34.

¹⁶⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 138. См. также: Рапов О. М. Княжеские владения... С. 73—74.

вам В. Н. Татищева, «собрали войска немалые». Едва ли мы поспешим, предположив участие в конфликте земских воев. Последующие события подтверждают данное предположение с полной очевидностью. Когда великий князь киевский Мстислав послал войско в помощь Ростиславу, напуганный Владимирко, «взяв жену и детей, уехал в Венгры к тестю просить войска. А Ростислав, осадя, Свиноград доставал, где Владимирков воевода с тремя тысячи венгров и галичан крепко оборонялся. Напоследок, усмотря оплошность Ростиславлю, учиня вылоску, так его победил, что Ростислав, оставя все, ушел».¹⁶¹ Владимирко, как видим, покинул Звенигород, но Ростислав тем не менее осаждает город. Отсюда понятно, что Владимирко, начиная борьбу с братом Ростиславом, опирался на звенигородскую общину, которая при благоприятном обороте дела возвела бы своего ставленника на перемышльский стол. Так за межкняжеской возней просматривается столкновение двух общин — перемышльской и звенигородской.

Аналогичные явления наблюдаются в Тереховльской волости, где возникает и набирает силу Галич — пригород Тереховля. История Галича представляет для нас особую ценность, открывая пружины, приводящие в действие механизм образования волости, или города-государства. Несмотря на существование в Тереховле и Перемышле конца XI — начала XII вв. прочной княжеской власти, ни один из этих городов не превратился в средоточие региона. Их оттеснил новый город Галич, стремительно выросший за какие-то полвека. Это показывает, что земские силы определяли ход событий, а не княжеская власть, которая обосновалась в Галиче после того, как тот стал центром социальной консолидации, действенным фактором формирования волостного союза. Княжение в Галиче появилось, вероятно, со смертью Василька Ростиславича, последовавшей в 1124 г.¹⁶² Василько оставил сыновей Григория (Ростислава) и Ивана (Игоря). Первый принял княжение в Тереховле, а второй — в Галиче.¹⁶³ Н. Ф. Котляр, констатируя вокняжение Ивана в Галиче, пишет: «Вначале Галич был, следует думать, скромным в социально-экономическом отношении центром, скорее всего — княжеским замком, почти лишенным посада, — не случайно до начала 40-х годов XII в. о нем не упоминают летописи».¹⁶⁴ По нашему мнению, отнюдь не следует думать, что Галич вырос из княжеского замка, ибо те сведения о городе, которыми мы располагаем, не дают никаких оснований для подобных заключений. Само появление здесь

¹⁶¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 138.

¹⁶² ПСРЛ. Т. I. Стб. 293; Т. II. Стб. 288.

¹⁶³ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси... С. 74; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 79.

¹⁶⁴ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 79.

князя — факт многозначительный, свидетельствующий об относительно высоком уровне социальной организации местного населения, конституирующейся в самостоятельную волость, где Галич играет роль правящего центра. Это значение Галича быстро возрастало. Отметим одно весьма характерное обстоятельство: после смерти Григория, скончавшегося где-то в промежутке между 1126 и 1140 гг.,¹⁶⁵ теребовльский стол отошел князю Ивану, который не пожелал переехать в Теребовль и остался в Галиче. По Н. Ф. Котляру, «это косвенно свидетельствует о том, что к началу 40-х годов новый политический центр Галич превосходил старый — Теребовль, будучи гораздо выгоднее расположенным стратегически (Теребовль стоял почти у самого рубежа с Киевской землей)».¹⁶⁶ В оценке возвышения Галичской волости надо, на наш взгляд, несколько иначе расставить акценты. Оно не косвенно, а прямо указывает на то, что в Галиче очаг социального развития оказался значительно мощнее, чем в Теребовле. Это и выдвинуло галицкую общину на передний план. И еще одна деталь: пребывание князя Ивана в Галиче, а не Теребовле — верный знак утраты Теребовлем статуса главного города. Таковым становится Галич. Перед нами редчайший случай из древнерусской жизни, когда пригород в соперничестве с главным городом добивается полного торжества, меняясь с ним местами. Очень скоро Галич превзошел и Перемышль. Мы уже знаем, что в 1141 г. перемышльский князь Владимирко переехал в Галич. Так, Галич затмил не только Теребовль, но и Перемышль. Подчинив Теребовль и Перемышль, галицкая община умножила свои силы, что обеспечило успехи борьбы с Киевом и Владимиром Волынским. Нельзя согласиться с О. М. Раповым, который пишет: «Ослабление великокняжеской власти и усиление власти галицкого князя — вот причины, приведшие к полному отделению Галицкой области от Киевского государства и превращению ее в самостоятельную державу».¹⁶⁷ Фокусируя внимание на княжеской власти, мы рискуем остаться на поверхности исторических процессов, происходивших на Руси XII в. Замена родоплеменных связей территориальными, образование волостей, принимавших форму городов-государств на общинной основе, активизация местных социальных сил, их консолидация — главные причины упадка господства Киева над отдельными областями. Княжеская же власть, ее слабость или сила были порождением глубинных течений социальной жизни. Возвращаясь к Галичу, подчеркнем следующее: возвышение города являлось, по верному наблюдению А. Н. Насонова, след-

¹⁶⁵ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси... С. 74; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 80.

¹⁶⁶ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 81.

¹⁶⁷ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси... С. 74.

ствием «местных отношений», итогом политической деятельности галичан.¹⁶⁸ Проследим за ней по источникам.

Активная политическая и военная роль галичан рельефно изображается летописью. В 1138 г. галицкое волостное ополчение идет с Ярополком, а также с владимирцами, ростовцами, полочанами, смолянами, переяславцами, туровцами и киянами к Чернигову.¹⁶⁹ Непосредственное участие галичан в этом походе говорит о наличии в Галиче военной организации. Галицкий князь вынужден был считаться с настроением своих воев. В 1144 г. коалиция князей во главе со Всеволодом «идоша на многоглаголивого Володимирка». И вот когда галичане увидели, что противник заходит со стороны Перемышля и Галича, они «съчънуша, рекуче: мы сде стоимы, а онамо жены наша возмутъ».¹⁷⁰ Заметив такое беспокойство галичан, Владимирко «поча слати ко Игореву», прося его взять на себя роль посредника в примирении со Всеволодом.¹⁷¹ Мир был заключен, но Галицкой земле пришлось выплатить большую контрибуцию — 1400 гривен серебра.¹⁷² Городская община, видимо, не смогла простить Владимиру фактического поражения и выплаты столь большой суммы, несмотря на то, что Всеволод возвратил два галицких пригорода: Ушицю и Микулин.¹⁷³ И в тот же год, зимой, стоило Владимиру отправиться на ловы, как «послашася Галичане по Ивана по Ростиславича в Звенигород и въведоша к собе в Галичь».¹⁷⁴

Дальше события развивались весьма динамично. Владимир был не из тех, кто добровольно покидал хороший стол. И произошел тот не частый в истории Древней Руси случай, когда

¹⁶⁸ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 130, 136. — А. Н. Насонов видит в этих галичанах «местный правящий класс феодалов, спаявший, объединивший известную территорию» (там же. С. 130). Мы полагаем, что галичане — это масса городского и сельского люда, соединившегося в волостную общину под гегемонией Галича.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 305—306.

¹⁷⁰ Там же. Т. II. Стб. 315—316.

¹⁷¹ Там же. Стб. 316. — Несомненный интерес для нас представляют доводы, с которыми Игорь обратился к Всеволоду: «Не хочещи ми добра, про што ми обрелк еси Киев, а приятьль ми не даси приимати» (Там же). Роль галицкого князя, следовательно, была столь значительной, что он входил в круг «политических деятелей», способных оказать содействие тому или иному претенденту на киевский стол.

¹⁷² Там же. Стб. 316.

¹⁷³ О том, что все эти неудачи «привели к столкновению города с князем», пишет В. Т. Пашуто (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 181).

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 316. — Противоречиво толкует эти события И. П. Крипьякевич. С одной стороны он считает, что Владимиром была недовольна городская верхушка, с другой — Ивана Ростиславича поддерживали низы (Крип'якевич И. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 73). По нашему убеждению, разделить городскую общину на «верхи» и «низы» еще не представляется возможным, поскольку галицкое общество еще не распалось на классы, являя собой пеструю социальную смесь.

городская община не устояла перед княжеской дружиной. Несмотря на то, что даже после бегства Ивана «галичане же всю неделю бишася по Иване с Володимиром», им все-таки «ну-жею» пришлось отворить город.¹⁷⁵ Войдя в город, Владимир «многы люди исече, а иныя показни казньо злою».¹⁷⁶ Применяя термин «люди» летописец поднимает завесу над социальным составом противников Владимирка. Это — народные массы Галича. В данных событиях обращает на себя внимание еще один факт: галичане приглашают князя из пригорода Звенигорода, т. е. распоряжаются галицким столом по собственному усмотрению. Кстати сказать, этот пригород сам был уже городом с сильными вечевыми традициями, что и проявилось в сумятицах 40-х годов. Когда по дороге на Галич коалиция князей осадила Звенигород, на второй день осады «сотвориша вече Звенигородьчи, хотяче ся передати».¹⁷⁷ Звенигородцы, наверное, не хотели отвечать за главную городскую общину. К тому же симпатии звенигородцев, конечно же, были не на стороне Владимирка. Но в Звенигороде произошло то же, что и в главной городской общине. Княжескому воеводе, который в это время был в городе, удалось запугать звенигородцев. Он «изоима у звенигородцев трех мужей», убил их, и «когождо их перетен на пол поверже я ис града, тем и загрози им».¹⁷⁸ После этого звенигородцы стали биться «без лести» и отстояли город.

Итак, события, связанные с упомянутым нападением на Галич, интересны в двух отношениях: они рисуют галицкую волю и отношения Галича с пригородами и показывают накал борьбы, которую Галич и его волость вели с Киевом и соседним Владимиро-Волынским городом-государством. По этим линиям историю Галицкой волости можно проследить и в дальнейшем.

Помимо Звенигорода, в Галицкую волость входят Перемышль и Санок, где сидел посадник.¹⁷⁹ Представление о Галицкой земле как о предмете постоянной заботы главного города и князя главного города к 50-м годам XII столетия уже вполне сложилось. Однажды Владимир Галицкий потребовал у «мичан» — жителей киевского города Мичьска — серебро, и «поиде тако же емля серебро по всем градом».¹⁸⁰ Это прямой

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же. Стб. 320.

¹⁷⁸ Там же. Стб. 320.

¹⁷⁹ Там же. Стб. 406. — Волость начинает расти и за счет соседних земель. Возвратить города «Русской земли» — такое условие поставили противники Владимиру Галицкому в 1152 г. Притворившись немощным и больным, Владимир дал согласие. Но когда посадники Изяслава прибыли в города, Владимир «забыл» о своем обещании (Там же. Т. II. Стб. 454).

¹⁸⁰ Там же. Стб. 417. — Н. Ф. Котляр считает Мическ волынским городом (Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 64).

грабеж соседней земли. Но осуществляется он лишь до «своей земли».¹⁸¹ И эта земля — Галицкая,¹⁸² имеющая установившиеся рубежи, границы.

Если «свою землю» нельзя грабить, то в нее нельзя пускать и врагов. Вот почему Владимир с Галичанами идет к Перемышлю на реку Сан, где предел Галицкой земли, с готовностью стоять до последнего и не пустить в землю противника.¹⁸³ В состав галичан, галицкого войска при этом входит и ополчение пригородов. Во всяком случае, когда враг подошел к Перемышлю — «некому ся бяшеть из него бити».¹⁸⁴ Видимо, все мужское население было в составе ополчения галицкой земли. Перемышль не был взят в этот момент лишь потому, как объясняет летописец, что рядом с городом был богатый княжеский двор, и враги бросились грабить княжеское имущество.¹⁸⁵

Еще ярче связь главного города земли с пригородами рисуется в другом летописном сообщении. В 1153 г. галичане потерпели поражение в битве под Теребовлем. Рассказывая о бегстве галичан, летописец роняет знаменательную фразу: «Галичане вьбегоша тогда в город свой Теребовель».¹⁸⁶ Когда же летописец повествует о расправе Изяслава с галичанами, он говорит, что «бысть плач велик по всей земли Галичъстей».¹⁸⁷ Значит, галичане — это городское и сельское ополчение, в которое входили и жители пригородов и сельский люд.

Данные середины XII века показывают нам, сколь сложным организмом была волость. Имеем в виду события, связанные с походом Берладника на Галич. Собрав в Подунавье значительное по тем временам войско из половцев и загадочных берладников, Иван вошел в Галицкую землю и «пойде к Кучелмину и ради быша ему и оттуда к Ушици пойде и вошла бяше засада Ярославля в город и начашас бити крепко засадники из города, а смерди скачют через заборолу к Иванови и перебеже их 300».¹⁸⁸ Эти присоединенные, видимо, насильно к галицкой территории «смердьи» области готовы были отложиться от Галича.

Формирование и развитие волостей в Юго-Западной Руси в 40—50-е годы XII столетия тесно сопрягалось с ожесточенной борьбой, которая шла между здешними городами-государствами и Киевом. Поскольку эта борьба, с одной стороны, сама отражала процесс образования волости, а с другой — оказывала влияние на тот же процесс, есть смысл присмотреться к ней повнимательнее.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 417.

¹⁸² Там же. Стб. 448, 451, 468.

¹⁸³ Там же. Т. II. Стб. 448.

¹⁸⁴ Там же. Стб. 449.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. Стб. 467.

¹⁸⁷ Там же. Стб. 468.

¹⁸⁸ Там же. Стб. 497.

В 1140 г., когда Всеволод Ольгович оказался на столе в Киеве, он стал «слатися к Володимеричем и ко Мьстиславичема... вабяше князя Изяслава Мьстислава из Володимеря».¹⁸⁹ В этом поступке видно стремление распоряжаться владимирским столом. Знаменательно то, что Галич в лице Володимерка Володаревича выступает на стороне Всеволода. Борьба на первых порах оказалась безрезультатной. Посланные на Изяслава к «Володимеру» вои дошли до Горыни и, «пополовшись, воротишася».¹⁹⁰ Всеволод вынужден был подтвердить право Изяслава на Владимир.¹⁹¹ Однако затем не без участия Всеволода князь Изяслав получает Переяславль, а во Владимире садится Всеволодов сын Святослав. Тогда против Киева выступает Владимир Галицкий. Летопись прямо указывает на причину «которы» между Всеволодом и галицким князем: «Оже седе сын его (Всеволода.— Авт.) Володимири».¹⁹² Галицкая община никак не хотела допустить, чтобы Киев и соседняя сильная Владимирская волость были связаны одной княжеской линией.

Такого внешнеполитического курса Галич придерживается и в дальнейшем. Например, когда Изяслав, сидевший во Владимире, пошел на Юрия, стоявшего возле владимирского пригорода Луцка, Владимирко преградил путь волынским войскам и выступил умиротворителем,¹⁹³ предпочитая иметь соседом князя, не связанного с киевским столом.¹⁹⁴

Но Киев был уже не тот, что раньше. Силы его слабели. Киевляне начинают опасаться галичан. Вот почему они, «убоявшеся Володимера Галичьскаго, увядоша князя Дюргя в Киев».¹⁹⁵ Едва ли можно сомневаться в том, что князь был грозен для киевлян благодаря военной мощи галицкой волости.

Подобно тому как для Владимира Галицкого опорой служит галицкая община, Изяслав стремится найти материальные и людские ресурсы во Владимире. Он постоянно возвращается во Владимир. Создается впечатление, что князь срастается с местной средой. Не случайна его жалоба: «Стрыи ми волости не дасть, не хочеть мене в Руской земли, а Володимер Галичкои по его велению волость мою взял, а опять к Володимерю моему хочеть прити на мя».¹⁹⁶ Изяслав, как мы видели, поль-

¹⁸⁹ Там же. Стб. 304.

¹⁹⁰ Там же. Стб. 305.

¹⁹¹ Там же. Стб. 310. См. также: Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 58.

¹⁹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 314—315.

¹⁹³ Там же. Стб. 391.

¹⁹⁴ См.: Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 127; И в а н о в П. А. Исторические судьбы... С. 137.

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 403.

¹⁹⁶ Там же. Стб. 405.

зуется поддержкой волости и стремится заручиться этой поддержкой.¹⁹⁷

В 1152 г. Изяслав собрал на Галич союзное войско, в котором принял участие и владимирский полк. Галицкое волостное ополчение не выдержало натиска; хитрому галицкому князю пришлось притвориться больным с тем, чтобы вызвать жалость у своих врагов.¹⁹⁸ Хитрость удалась, но это была лишь хитрость. События, произошедшие в скором времени, показали, что борьба ни в коей мере не остановилась. Ее не могла остановить и смерть галицкого князя и появление на столе в Галиче его сына Ярослава. Уже через год Изяслав «нача доспевати на Ярослава Володимирича к Галичю».¹⁹⁹ Владимирская земля принимала активное участие в этом походе. Полки пришли из Владимира и из Дорогобужа.²⁰⁰ В этой битве в полной мере сказалась сила городской общины Галича. В идущей полным ходом борьбе галичане противопоставляют силе Владимирской земли союз с Северо-Восточной Русью. Под 1155 г. читаем о том, как Юрий Долгорукий изгнал Мстислава Изяславича из Пересопницы в Луцк, и «повеле зяти своему Ярославу Галичскому ити на нь к Лючьску».²⁰¹ А уже в 1157 г. «пойде Гюрги с зятем своим Ярославом с Галичским» и с сыновьями «к Володимирю на Мьстислава на Изяславича».²⁰² Впрочем, скоро между двумя юго-западными волостями возникает союз, направленный против Киева. В 1159 г. «Мьстислав и Володимир и Ярослав и Галичане идуть Киеву».²⁰³ «Галицкая помочь» теперь на стороне волынского князя Мстислава.²⁰⁴ В этой напряженной борьбе крепнет сила городской общины Галича.

Галицкая городская община, галицкое ополчение упоминается часто даже без непосредственных военачальников, она сама доминанта в военной сфере. «Володимер Андреевич и Ярослав Изяславич, и Галичане избиша Половци межи Мунаревом и Ярополчем», — сообщает нам летопись.²⁰⁵ В 1171 г. «Мьстислав же Изяславич с братом Ярославом с Галичаны поиде к Дорогобужю на Володимера на Андреевича».²⁰⁶ А на следующий год «пошел бяше Мьстислав из Володимира к Киеву

¹⁹⁷ Там же. Стб. 410.

¹⁹⁸ Там же. Стб. 450.

¹⁹⁹ Там же. Стб. 465.

²⁰⁰ Там же. Стб. 465—466. — Рассказ летописи о сражении проливает свет на значение термина «галичане». Мы воочию убеждаемся в том, что в состав галичан входят и «лучшие мужи» и рядовые общинники главной городской общины и население волости.

²⁰¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 479.

²⁰² Там же. Стб. 485—486.

²⁰³ Там же. Стб. 500.

²⁰⁴ Там же. Стб. 506.

²⁰⁵ Там же. Стб. 505.

²⁰⁶ Там же. Стб. 546.

ратью с братом Ярославом и Галичане». ²⁰⁷ Но особенно красноречиво следующее сообщение летописи: «Поиде Мьстислав с силою многою к Берендичем и ко Торком... и вшед в Киев, взял ряды с братьею, с Ярославом и Володимиром Мьстиславичем с Галичаны и с Всеволодковичем и Святополком Гюргевичем и с Кияны». ²⁰⁸ Мстислав договаривается с крупнейшими городскими общинами: киевской и галицкой, причем летописец называет галичан и киян «братьею» наравне с князьями, подчеркивая тем самым равенство сторон. Понимаем, почему городские общины стремились утвердить своих князей на киевском столе. Это было не только престижно, но несло и непосредственные выгоды. Так, например, в 1159 г. Мстислав «зая товара много Изяслави дружины золота и серебра, и челяди, и кони, и скота, и все прави Володимирю». ²⁰⁹ Еще П. А. Иванов подметил, что в ходе непрерывных войн княжеские дружины и волостные ополчения немилосердно грабили волости противника. ²¹⁰

Крепнущая сила городских общин сказывалась не только в военной сфере, но и в области внутренней жизни волостей. В летописи под 1159 г. узнаем о том, что галичане «сляхуть бося» к Ивану Ростиславичу Берладнику, «велячи ему всести на коне и тем словом поущивают его к собе, рекуче: толико явиш стягы и мы отступим от Ярослава». ²¹¹ В галицкой городской общине возникло недовольство «Осмомыслом». Возможно, что это действовала одна из партий, которая и обратилась за помощью к Изяславу Давыдовичу, надеясь, что он поможет утвердиться на столе в Галиче злополучному Берладнику. О том, что в городе были люди, не расположенные к Ярославу, свидетельствуют и дальнейшие события. Имеем в виду 1173 г., когда «выбеже княгини из Галича в Ляхи сыном с Володимиром и Кстятин Серославич и мнози бояре». ²¹² Значит, бояре, возглавлявшие одну из партий в городской общине, бежали вместе с княгинею. Видимо, это была лишь часть недовольных Ярославом. В городе оставались «Святополк и ина дружина», которые продолжали отстаивать интересы княгини. У Ярослава тоже были свои «приятели». Борьба осложнилась еще тем, что в дело вмешался князь соседнего города-государства Святослав Мстиславич. Он пообещал Владимиру Червен в кормление. В этом городе княгиня и Владимир, видимо, хотели отсидеться до лучших времен. Но последнее слово, как это

²⁰⁷ Там же. Стб. 547.

²⁰⁸ Там же. Стб. 548.

²⁰⁹ Там же. Стб. 502.

²¹⁰ Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли... С. 144—145.

²¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 498—499. — Н. Ф. Котляр усмотрел здесь связь Берладника с низами галицких городов (Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 106).

²¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 564.

бывало почти всегда, осталось за городской общиной. Галичане избили «приятелей» Ярослава, заставили князя вернуться в семью, а его любовницу Настаску, «накладше огонь сожгоша», отправив ее сына в заточение.²¹³

Однако на этом «замятня» в галичской городской общине не заканчивается. Конфликты внутри нее продолжают и в течение 80—90-х годов XII столетия. Но прежде чем рассмотреть их мы должны коснуться одного спорного вопроса. Речь идет о значении термина «мужи».

Издавна исследователи Галицкой и Волынской земель считают мужей боярами. Такого рода взгляд стал общим местом в работах, посвященных Юго-Западной Руси. Вряд ли эта жесткая «привязка» термина правомерна. В Киевской Руси, где становление классов лишь только начиналось, где границы между категориями населения были пока размыты, термин «мужи» еще не обозначал какой-то один слой населения. Этот термин в Русской Правде, например, применяется для обозначения свободного человека вообще.²¹⁴ Такое же употребление данного

²¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 564. — В историографии обычно видят в событиях 1173 г. конфликт, возникший между князем и мятежным боярством (см., напр.: Пашуто В. Т. Очерки истории СССР XII—XIII вв. М., 1960. С. 58; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 514; Котляр Н. Ф. Формирование территории... с. 85). Теория о какой-то необычайной силе галицкого боярства, проявляющейся уже во второй половине XII в., вошла в научный обиход с легкой руки видного дореволюционного исследователя М. С. Грушевского. Он писал: «...на часи Володимира і Ярослава припадає зріст незвичайної сили галицького боярства і воно вже за часів Ярослава почало показувати роги» (Грушевский М. История Украины-Руси. Т. III. С. 65). Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет согласиться с историком в наличии какого-то особого «рогатого» боярства в Галиче. Трудно согласиться и с Н. Дашкевичем, который хоть и допускает, что «боярам удалось поднять народ», но не сомневается в том, что главными деятелями были они, т. е. бояре (Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 21). События начала семидесятых годов были связаны именно с активностью народа, городской общины в целом. Подтверждение тому видим в летописной терминологии. Главные деятели событий, по летописцу, — галичане, за которыми угадывается нерасчлененная масса горожан. Достаточно сказать, что сам летописец различает термины «галичане» и «бояре» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 564). Можно предположить языческую подоснову волнений 1173 г. в Галиче. К этому располагает необычайный характер расправы с Настасьей. На Руси, как известно, долго держалась вера в существование ведьм, коих народ периодически истреблял. В XIII в., как свидетельствует Серапион Владимирский, были бросаемы люди в воду женщины, подозревавшиеся в колдовстве во вред урожаю (Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 64). В 1411 г. «псковичи сожгоша 12 жонке вещей» (Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 36). Вполне возможно также, что с несчастной «Настаской» произвели процедуру «искупления грехов» общины. Будучи, с точки зрения общины, «блудницей», она вполне годилась для этой роли (Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь/Пер. М. К. Рыклина. М., 1980. С. 633, 643). Языческий характер происшествия свидетельствует об участии в нем широких кругов населения Галича.

²¹⁴ Романова Е. Д. Свободный общинник в Русской Правде//История СССР. 1961. № 4.

термина находим и в других источниках.²¹⁵ Это, конечно, не значит, что термин не употреблялся для обозначения знати. «Княжий муж» — обычная фигура, встречающаяся на страницах летописи. Вывод можно сделать только один: термин требует внимательного рассмотрения в каждом отдельном случае.

После этих терминологических уточнений вернемся в Галицкую землю. Там в 1187 г. умирал воспетый в «Слове о полку Игореве» галицкий князь Ярослав Осмомысл. Почувствовав приближение смерти, Ярослав «созва мужа своя и всю Галицкую землю, позва же и зборы вся и монастыря, и нищая, и силныя, и худыя». Три дня князь «плакашеться» перед этим собранием. А затем «повеле раздавати имение свое монастырем и нищим и тако даваша по всему Галичю по три дни и не могоша раздавати и се молвяшеть мужемь своим: „Се аз одиною худою своею головою ходя, удержал всю Галицкую землю”». ²¹⁶ Обстоятельства последних дней Ярослава Осмомысла наводят на размышления. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что собрание, перед которым произносил предсмертную речь Ярослав, не уместается в рамки узкосословного совета, ибо князь, по выражению летописца, выступал перед «всеми людьми». ²¹⁷ Перед нами какое-то представительное, возможно, вечевое собрание, включающее в себя знатных мужей и простой люд. Присутствие на этом собрании рядового людства свидетельствует о важной роли народа в политической жизни Гали-

²¹⁵ Дворниченко А. Ю. О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв.//Генезис и развитие феодализма в России/Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985. С. 90. — В источниках, относящихся к Галицкой Руси изучаемого времени, обнаруживаем такое же значение термина. Ипатьевская летопись рассказывает, как однажды Даниил, обращаясь к горожанам, воскликнул, «мужи градьстии...» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 777). Не вызывает сомнения, что здесь «мужи градьстии» — широкие круги населения Галича. Иногда летописец, подыскивая эквивалент термину «мужи», находит его в слове «галичане» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 665). Не случайно М. С. Грушевский, который под «мужами» в большинстве случаев видел бояр, приводя цитату из летописи «гальчкий же мужи сretoша его с радостью великою, князя своего и дедича», видит здесь ситуацию, когда симпатии народа были на стороне князя (Грушевский М. С. Галицкие боярство XII—XIII вв.//ЗНТШ. Ч. XX. Кн. VI. 1897. С. 18). К выводу о том, что под «мужами» часто выступает вся городская община, фактически пришли и советские историки. Так, В. Т. Пашуто считал, что «мужи своя», которых призвал к себе умирающий Ярослав, есть «мужи градские» (Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси//Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 13). Нельзя, правда, согласиться с ним в том, что это узкосословный совет.

²¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 656—657. — Нет никаких оснований считать вслед за В. Т. Пашуто это, скорее вечевое собрание, собором (Пашуто В. Т. Черты политического строя... С. 13). Термин «собор», который ввел в заблуждение автора, фигурирует в летописном тексте для обозначения представителей духовенства (см.: Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 149).

²¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 657.

ча рассматриваемой поры. Важный социальный смысл заключен в раздачах княжеского богатства. Это не просто проявление нищелюбия, как тщится представить дело летописец. Здесь мы видим характерное для древних обществ перераспределение частных богатств на коллективных началах.²¹⁸

Из речи Ярослава следует, что только даровитый и умелый политик мог длительное время удержаться на галицком княжении. Значит, в этих своих качествах он выступает не как верховный собственник земли, в которой княжит, а как правитель, пользующийся авторитетом в местном обществе, что и послужило основой для столь долгого и удачного княжения.

Дальнейшая судьба княжеского стола в Галиче свидетельствует о приоритете галицкой общины в распоряжении княжеским столом. Ярослав хотел оставить в Галиче любимого своего сына Олега, а Владимиру дать Перемышль. Но князь полагал, а народ располагал: «мужи галицкие» вместе с Владимиром «выгнаша Олга из Галича».²¹⁹ Для Олега события стали складываться столь угрожающе, что он бежал из города, в чем нельзя не видеть определенный намек на единодушие галицкой общины, не пожелавшей выполнить волю покойного князя.

Однако и Владимир не долго пользовался «приязнством» галицкой общины. Начались раздоры. Волынский князь Роман «уведал», что «мужи галичкнии не добро живутъ с княземъ своимъ»,²²⁰ и решил воспользоваться этой ситуацией, чтобы сесть на княжение в Галиче. А «галичкнии мужи» между тем копили силы на Владимира. Правда, в городе не было единства, и он распался на партии. Надо сказать, что сторонников у Владимира оказалось немало. Поэтому, видимо, его противники побаивались их.²²¹ Но если относительно Владимира не было единодушия, то в отношении его сожительницы, которую летописец презрительно называет попадьей, галичане были единодушны, возненавидев ее. Противники Владимира ловко использовали настроения галичан. Они послали с веча²²² к Владимиру людей с требованием прогнать попадью. Князь смекнул, что попадья лишь предлог. Вот почему он, «убоявъс, поймав злато и сребро много с дружиною и жену свою пойма и два сына и еха во Угры ко королеви».²²³ Обращает внима-

²¹⁸ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 137—148.

²¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 657.— Под «мужами галицкими» надо понимать галицкую общину в целом, поскольку изгнание Олега, как явствует из самой летописи, явилось результатом волнений, охвативших всю Галицкую землю: «бысть мятеж велик в Галичкой земли» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 657).

²²⁰ Там же. Т. II. Стб. 660.

²²¹ Там же.

²²² О том, что это было вече, свидетельствует термин «сдумавше», которым пользуется летописец. Не случайно А. М. Андрияшев писал: «Вече потребовало от своего князя, чтобы он разошелся с попадьей» (Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 141).

²²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

ние тот факт, что Владимир бежит с дружиной. Это можно понять только так, что против него началось широкое движение, участниками которого были отнюдь не только верхние слои галичан. Роману теперь открывался путь в Галич. И действительно, галичане вскоре призвали его к себе на княжение.²²⁴

Не долго Роман княжил в Галиче. Владимир и его «приятели» из среды галичан осадили город с помощью венгерского войска. Роману пришлось бежать, причем «с галичаны»,²²⁵ т. е. с теми, кто «ввел» его в Галич. Бегство Романа было обусловлено не только внешней угрозой, но и неустойчивостью его положения в Галиче. Судя по всему, в осажденном венграми городе было немало противников Романа, что лишало его серьезной надежды на успешную оборону. Все это свидетельствует о борьбе партий внутри городской общины. Надо думать, что партии эти возглавлялись, как это было и в других землях, боярами, хотя непосредственно о боярах летописец нам ничего не сообщает. Это тем более удивительно, что в иных местах летописи мы часто встречали и будем еще встречать имена многих галицких бояр. Данную особенность можно объяснить только одним: события настолько захватили городскую общину, что она целиком участвовала во всех делах, взяв инициативу из рук боярства в свои руки. Нельзя в этом не видеть огромное значение галицкой общины как политической организации. Князья, находясь на поверхности событий, не определяли исход социально-политической борьбы. Последнее слово оставалось за городской общиной, а вернее за той партией, которая имела перевес. Даже иноземцы видели в населении Галича самостоятельную политическую силу. Поэтому король, посадив на галицком столе своего сына Андрея, а Владимира заключив в башню под стражу, дает «весь наряд галичанам», иначе — заключает с ними договор.

Появление венгерского королевича на княжеском столе в Галиче означает новый этап в истории взаимоотношений Юго-Западной Руси с Венгрией и Польшей. Первоначально в конце X — начале XI вв., как мы знаем, в этом регионе шла напряженная борьба Киева с Польшей и Венгрией за господство над местным населением. С установлением власти Киева над Волынской землей и усилением борьбы жителей ее за не-

²²⁴ Там же.—Под «галичанами» следует, на наш взгляд, понимать население Галича без социальных различий. Перед нами старая практика, когда городская община распоряжается княжеским столом. Отсюда ясно, что Н. Дашкевич поспешил, когда писал: «Если до Ярослава „Червоная Русь“ не несет на себе никакого особенного отпечатка, отношение между элементами: князем, дружиной и общиной были те же, что и в остальной Руси, бояре составляли часть дружины и т. д., то при Ярославе все меняется: бояре начинают играть другую роль» (Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого... С. 20). Мы не замечаем никаких принципиальных изменений в общественном строе Юго-Западной Руси во времена княжения Ярослава.

²²⁵ ПСРЛ Т. II. Стб. 661.

зависимость Польша и Венгрия нередко используются против киевских князей. События второй половины XI в. — наглядное свидетельство этому. После падения власти Киева в середине XII в. внешние силы в лице Венгрии и Польши все более вмешиваются во внутреннюю политическую жизнь Юго-Западной Руси. Дело доходит, как мы убедились, даже до захвата власти. В это время Венгрия и Польша превращаются как бы во внутренние факторы политического развития галицкой и волынской земель. Во всяком случае, они нередко становятся источником военной силы для соперничающих друг с другом партий внутри городских общин Владимира и Галича.

В то время, как Андрей княжил в Галиче, Роман, получив подкрепление от Рюрика, пришел к Преснеску и занял его. Венгры и «галичане» выбили его из города. Князю ничего не оставалось, как идти «в ляхы».²²⁶ Между тем в галицкой городской общине началось сильное брожение. Сказывалось недовольство иноземной властью. В 1189 г. «послашася Галичкнии мужи к Ростиславу к Берландничию, зовуще его в Галич на княжение».²²⁷ Отпрыск знаменитого Берладника ухватился за это предложение. Заняв два галицких пригорода, он пошел к Галичу. Но тут обнаружилось, что мужи галицкие «не бяхуть вси во единой мысли».²²⁸ К тому же венгерский король, узнав об измене галичан, прислал «полки многи» в помощь сыну. Присутствие этих полков и наличие разногласий среди самих галичан определили дальнейшее развитие событий. В тот момент Ростислав «в мале дружине» приблизился к Галичу, у стен которого стояли галицкие полки и венгры. Для Ростислава это было полной неожиданностью. На позиции галицких воев, оказавшихся вместе с венграми, повлияло, видимо, большое количество иноземных полков. И все же, когда израненного, едва живого Ростислава принесли в Галич, «галичани же возмятошася, хотяче и изотяти у Вьгор и прияти собе на княжение».²²⁹ Венгры спасли положение, умертвив Ростислава посредством яда, приложенного к его ранам. Но это злодейство лишь усугубило неприязнь к ним галичан. Венгры, понимая, «аже Галичане ищють собе князя Руского и почаша насилье деяти во всем и у мужии Галичких почаша отимати жены и дщери на постеле к собе и в божницах почаша кони ставляти и в ызбах, иная многа насилья деяти».²³⁰ Текст летописи не оставляет сомнения в том, что венгры прибегли к массовым репрессиям,

²²⁶ Там же. Стб. 661.

²²⁷ Там же. Стб. 663.

²²⁸ Там же. Стб. 664.— Летописец объясняет это не столько симпатиями галичан к королевичу, сколько сложившимися обстоятельствами: «...чин бяхуть сынови и братия у короля, то ти держажуться крепко по королевчи».

²²⁹ Там же. Т. II. Стб. 665.

²³⁰ Там же.

от которых пострадали и многие простые люди, жившие в избах. Летописец как бы мимоходом дает понять нам, кто скрывался за терминами «галичане», «мужи Галичкыи». Это — недифференцированная масса жителей Галича. Тем самым он раскрывает политическую активность галичской общины в целом.

Изведав сладости правления чужеземцев, «галичани же почаша тужити велми и много каяшася, прогнавше князя своего».²³¹ Перед нами новый пример политической активности галицкой общины, распоряжавшейся княжеским столом. Очень скоро галичане в очередной раз продемонстрировали свои возможности, прогнав королевича «из земли своея»,²³² а Владимира снова посадили на галицкий стол. Несмотря на лаконичность летописного повествования, в нем мы открываем важные, значительные по своей информации указания. Совершенно очевидно здесь право галичан в распоряжении княжеским столом: одного правителя они изгоняют, другого принимают. Объединившиеся галичане представляют из себя грозную военную силу, перед которой пасуют венгерские полки. В противном случае изгнание королевича было бы попросту невозможно. Наконец, у летописца Галич ассоциируется с Галицкой землей, что подчеркивает правительственный статус Галича над окрестными землями.

Необходимо заметить, что политическая жизнь в Галиче развивалась на фоне постоянной борьбы с соседними городами-государствами — Волынью и Киевом. Правда, характер этой борьбы (прежде всего с Киевом) изменился. Если ранее Галич боролся за независимость от Киева, то теперь, завоевав самостоятельность, галицкая община втягивалась во взаимные распри городов-государств Руси, столкновения которых — типичное явление исторической действительности той поры. В таких условиях трудно было удержаться на галицком столе и в силу внешних обстоятельств. Вот почему вокняжившийся в Галиче Владимир молил могущественного Всеволода: «Отче, господине, удержи Галичь подо мною, а азъ Божии и твои есмь со всим Галичем, а во твоеи воле есмь всегда».²³³ Мольба Владимира выдает в нем не феодального собственника, а правителя, который сидит на княжеском столе благодаря удаче.

Многие князья зарились на Галич. Иногда он становится предметом «ряда». Так, в 1189 г. Святослав Всеволодович пытался организовать коалиционный поход против Галича. Поход не удался, поскольку его участники не могли «урядиться» о Галиче.²³⁴

²³¹ Там же.

²³² Там же. Стб. 666.

²³³ Там же. Стб. 667.

²³⁴ Там же. Стб. 663.

Острые противоречия существовали между галицкой и во-лынской волостями. В 1196 г. киевский князь Рюрик идет войной на Романа, княжившего во Владимире, а галицкого князя Владимира просит напасть на Владимирскую землю с другой стороны. Владимир выполнил просьбу Рюрика. Он пожег и повоевал волость Романа около Перемышля и Каменца.

Считаем необходимым коснуться вопроса о так называемом объединении Волыни и Галича, которое исследователи связывают с вокняжением князя Романа в Галиче.²³⁵ С такой постановкой вопроса нельзя полностью согласиться.

Когда в конце 80-х годов Роман пытался, как мы уже отмечали, утвердиться на галицком столе, он во Владимире оставил брата своего Всеволода и отнюдь не в подчиненном положении. Характерно, что Роман клятвенно обещал Всеволоду не покушаться на Владимир: «крест к нему целова, боле ми того не надобе Володимерь».²³⁶ Это соглашение князей совершенно исключает мысль о слиянии Владимира с Галичем. Опровергает ее и последующий ход событий. Роман не удержал Галича. Когда венгерский король «со всеми полкы поиде к Галичу», князь в страхе бежал из города вместе с галичанами, «котории же его ввели бяхуть в Галичь». Роман надеялся вернуться во Владимир, но напрасно: «затворися брат от него в Володимере Всеволод». Только с помощью великого князя киевского ему удалось войти во Владимир: «Всеволод же убояся Рюрика, ступися брату Романови Володимеря. Роман же еха в Володимерь».²³⁷ Легко догадаться, кто поддерживал Всеволода в его сопротивлении Роману. Конечно же, население Владимира. Можно лишь предполагать, почему владимирцы не хотели пустить в город Романа. Вероятно, его уход из Владимира в Галич, сближение с некоторой частью галичан не могли понравиться владимирской общине. Вспомним, кстати, что Роман бежал из Галича вместе со своими сторонниками. Надо думать, вместе с ними он пришел и к Владимиру. Не исключено, что этим и объясняется поведение владимирцев, поддержавших Всеволода, который воспротивился Роману. Тут нашло известное преломление враждебное отношение двух соседних волостных общин.

Вплоть до конца XII столетия волости Владимирская и Галицкая мыслятся в летописи как самостоятельные.²³⁸

²³⁵ См., напр.: Греков Б. Д. Избранные труды. Т. II. М., 1959. С. 487; Пашуто В. Т. 1) Галицко-волынское княжество//Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. 1./Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто. М., 1953. С. 373; 2) Очерки истории СССР. М., 1960. С. 60; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 515.

²³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

²³⁷ Там же. Стб. 661—662.

²³⁸ Там же. Т. II. Стб. 697.

Не произошло радикальных перемен в данном отношении и после вокняжения в 1199 г. Романа в Галиче. Наши сведения чрезвычайно скудны: нам, собственно, не известно, как появился в Галиче Роман и остался ли во Владимире какой-нибудь иной князь. Не случайно А. Андрияшев писал: «Мы не знаем, сидел ли кто-нибудь при Романе на Владимирском столе, или он управлялся через наместников, но владимирцы были всегда вполне преданы Роману».²³⁹ Нельзя, конечно, отрицать некоторого военно-политического единения галичан и владимирцев. Так, во время похода Рюрика на Галич в 1202 г. вышли воины, возглавляемые боярами галицкими и владимирскими, которые бились с Рюриком.²⁴⁰ В том же 1202 г. князь Роман «скопя полкы Галичские и Володимерские и въеха в Русскую землю».²⁴¹ Но неправильно было бы за политическим союзом усматривать объединение земель, ибо оно совершалось не по мановению княжеской власти, а в результате глубинных социальных процессов. Весь же ход социального развития, за которым может наблюдать исследователь в XII—начале XIII вв., вел к обособлению, а не слиянию земель. Достаточно сказать, что даже некоторые сторонники идеи слияния вынуждены делать существенные оговорки. «Объединение Галицкой и Волынской земель, проведенное усилиями Романа Мстиславича, — пишет Н. Ф. Котляр, — оказалось непрочным и недолговечным. Слишком мало (всего около шести лет) существовало оно, дабы мог сложиться административный аппарат, система вершения суда и сбора дани, упрочиться власть на местах на всей обширной территории нового княжества».²⁴²

Княжение Романа в Галиче нельзя воспринимать как слияние двух волостей. Появление владимирского князя на галицком столе было, в известном смысле, успехом владимирцев в соперничестве с галичанами. В этой связи становится понятно старание владимирских бояр утвердить детей Романа и его вдову в Галиче.²⁴³ Особенно примечателен случай, когда венгерский король приехал в Галич «и приведе ятровь свою, великую княгиню Романовую, и бояре Володимерские». Дальше идет еще более красноречивое известие, согласно которому король «свет створи со ятровью своею и с бояры Володимерскими».²⁴⁴ Характерно, что галицкие бояре в этом совете отсутствуют, тогда как бояре владимирские названы как главные советники венгерского правителя. Недовольство галичан успехами владимирской общины объясняет напряженные отноше-

²³⁹ Андрияшев А. Очерк истории Волынской земли... С. 154.

²⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 717.

²⁴¹ Там же. Т. I. Стб. 417.

²⁴² Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 121.

²⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 727, 728.

²⁴⁴ Там же. Стб. 727.

ния, сложившиеся между Романом и какой-то частью населения Галича.

Мы знаем, что ему пришлось расправляться с врагами: одних изгонять, других истреблять. Разумеется, с помощью таких методов князь не мог завоевать всеобщей любви и популярности. Больше того, часть галичан испытывала к нему явную неприязнь, которая была столь сильной, что перешла даже на потомство: не даром галичане хотели искоренить племя Романа.²⁴⁵

По смерти Романа «снимался король с ятровью своею во Саноце. Приял бо бе Данила како милого сына своего, оставил бо бе у него засаду... и за то не смеша Галичане ничто же створити, бе бо инех много Угор».²⁴⁶ Венгерская засада уберегла князя от расправы, но она не смогла удержать его на галицком столе. В Галицкую землю были приглашены Владимир и Роман Игоревичи, а вдова Романа «вземше детяте свои и бежа в Володимер».²⁴⁷ Затем летописец сообщает подробности, которые представляют для нас особый интерес. Владимир Игоревич по совету галицких бояр посылает к владимирцам некоего попа со словами: «Не имать остатися град ваш, аще ми не выдасте Романовичю, аще не примите брата моего Святослава княжити в Володимере». Судя по всему, свою речь поп произнес на вече. Все это примечательно: галицкий князь через посла обращается непосредственно к владимирцам, видя в них самостоятельную политическую силу, способную решать вопросы и нести ответственность за содеянное. Вече проходило настолько бурно, что жизнь попа оказалась в опасности: «Володимерцем же хотящим убити попа».²⁴⁸ Но тут выступили «Мьстьбог, и Мончюк, и Микифор» и заявили: «Не подобает нам убити посла».²⁴⁹ Напоминая о посольском обычае Местебог и его товарищи дают нам понять, что прием посла владимирцами и переговоры с ним шли по линии отношений двух волостей, имея, так сказать, межгосударственный характер.

По всей видимости, во Владимире имелись и недруги княгини. Летописец не случайно замечает, что Местебог и другие заступники попа «имеяху бо лесьть во сердце своем, яко предати хотяху господу свою и град».²⁵⁰ Поэтому княгиня предпочла бежать из города.

Очень скоро мы снова встречаемся с владимирцами, определяющими судьбу своего города и земли. Когда князь Александр с польской помощью подступил к Владимиру, владимир-

²⁴⁵ Там же. Стб. 718.

²⁴⁶ Там же. Стб. 717.

²⁴⁷ Там же. Стб. 718.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же.

цы «отвориша им врата»,²⁵¹ не считаясь с князем Святославом, который был в тот момент в городе.

А теперь, вслед за летописцем, вернемся в Галицкую землю. Он сообщает, что венгерский король, узнав о таком непочтительном обращении галичан с сыновьями Романа и его вдовой, послал на Галич какого-то Бенедикта. Этот Бенедикт захватил Галич и стал творить насилия среди бояр и горожан. Текст о Бенедикте примечателен тем, что в нем наименования «бояре» и «горожане» заменяются термином «галичане».

От «антихриста» Бенедикта галичанам удалось избавиться лишь после того, как они обратились за помощью к северским Игоревичам.

Нельзя воспринимать галичан как движимую единым интересом массу. Некоторые из них являлись сторонниками венгров, составляя провенгерскую партию. На них и обрушили свой гнев северские князья. В результате «убьен же бысть Юрьи Витанович, Илья Щепанович инии велиции бояре, убьено же бысть их числом 500, а инии разбегошася».²⁵² В исторической литературе высказывались обоснованные сомнения относительно численности убитых бояр.²⁵³ Бежавшие бояре продолжали борьбу с Игоревичами и орудием ее избрали малолетнего Даниила: «Судислав и Филип найдоша Данила во Угорьской земле детьска суца и просиша у короля Угорьского даи нам отчича Галичю Данила, ать с ним приимем и от Игоричев».²⁵⁴ Владимирская община также была заинтересована в княжении Даниила на галицком столе. Вот почему владимирские бояре приняли активное участие в посажении Даниила в Галиче. Разумеется, ни владимирским, ни галицким боярам не принадлежала главная роль в этом посажении. Это прекрасно понимал и летописец, который замечал: «Король же Андрей не забы любви своей первыя, иже имеяше ко брату си великому князю Романови, но посла воя своя и посади сына своего в Галичи».²⁵⁵

Но честолюбивые бояре галицкие тоже рвались к власти. Они увлекли за собой галичан, которые изгнали княгиню. Отсутствие княгини при малолетнем князе позволило возвыситься одному из бояр — Володиславу, посягнувшему даже на княжескую власть. Именно Володислав возбудил галичан против матери Даниила, и она была изгнана из города. И вот при малолетнем Данииле боярин «княжится», по выражению летописца, т. е. берет всю полноту княжеской власти в свои руки. Спустя некоторое время Володислав вокняжился в Галиче, а Даниил

²⁵¹ Там же. Стб. 720.

²⁵² Там же. Стб. 723—724.

²⁵³ Пашин С. С. Галицкое боярство XII—XIII вв. // Вестн. Ленингр. ун-та. № 23. 1985. С. 19.

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

²⁵⁵ Там же. Стб. 726—727.

«отиде» с матерью «в ляхы».²⁵⁶ Володислав вокняжился, конечно, не без помощи галичан, во всяком случае, какой-то их части, в чем мы усматриваем определенную негативную реакцию на усиление владимирцев в политической жизни Галича, осуществляемого с помощью наследников Романа. Но не только неприязню к Владимиру объясняется поддержка Володислава галичанами. Даниил, будучи ребенком, стал политической игрушкой в руках иноземных сил. Это галичане понимали и принять не могли.

Вокняжение боярина в Галиче — случай из ряда вон выходящий. В историографии он обычно фигурирует для обоснования мысли о всесии и могуществе галицких бояр. Причиной тому являлась, по мнению многих исследователей, земельная феодальная собственность. Необходимо заметить, что прямых данных, подтверждающих наличие крупного боярского землевладения в Галицкой земле, в нашем распоряжении в сущности нет.²⁵⁷ Вот почему сторонники идеи о боярах-землевладельцах в Галицкой Руси XII—начала XIII вв. прибегают к косвенным соображениям. Так, Н. Ф. Котляр наличие феодального землевладения бояр устанавливает с помощью сведений об активизации боярства как политической силы. Он полагает, что политическая активизация боярства происходит лишь тогда, когда бояре превращаются в крупных земельных собственников, накопив богатства, обзаведясь «собственными отрядами вооруженных людей».²⁵⁸ Уверенность Н. Ф. Котляра здесь вряд ли оправдана. Нельзя судить о социально-экономическом положении той или иной категории населения лишь по ее политической активности. А если вспомнить, что единственное прямое указание летописи относится к селу боярина Жирослава, которое к тому же может означать держание, то тезис о крупном землевладении бояр повисает в воздухе.

Источники рисуют совсем другой статус боярства. Одна из их функций связана с деятельностью дружины: бояре выступают старшими дружинниками, окружают князя, и в такой роли Галицко-Волынская летопись знает их на протяжении XII—XIII вв.²⁵⁹ Но чаще всего они играли роль лидеров в городской общине, возглавляя партии, ведущие между собой борьбу. Значение этих партий уловил в свое время еще А. Градовский, который писал, что «каждый князь по идее призывался волостью, а де-факто партией, в данный момент имевшей перевес над всеми другими».²⁶⁰ Партии типичны для всех городов-государств

²⁵⁶ Там же. Т. II. Стб. 729.

²⁵⁷ См.: Пашин С. С. Галицкое боярство XII—XIII вв. ... С. 19—20.

²⁵⁸ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 128.

²⁵⁹ Пашин С. С. Галицкое боярство XII—XIII вв. ... С. 16.

²⁶⁰ Градовский А. Государственный строй Древней России//ЖМНП. 1868. Ч. CX. С. 122.

Древней Руси,²⁶¹ в том числе и для городов-государств Юго-Западной Руси,²⁶² где бояре, враждуя друг с другом, увлекали за собой остальную люд, раскалывая общество на борющиеся группировки. Отсутствие единства среди бояр, участие в их затеях рядового населения говорит о том, что галицкое боярство не консолидировалось в замкнутое сословие и было пока достаточно размытой социальной категорией. Этим оно напоминало новгородское боярство, которое в XII в. еще не сложилось в особый класс.²⁶³ Нельзя преувеличивать политическую значимость боярства, ибо в Галиче, как и в других землях, последнее слово преимущественно оставалось за городской общиной в целом. Что касается источников благополучия бояр, то оно основывалось не на землевладении, а на всякого рода кормлениях, сведения о которых хорошо сохранились в летописях.²⁶⁴

Мы, конечно, не хотим полностью отрицать существование боярских сел в Юго-Западной Руси, но они играли весьма скромную роль в экономике местного общества. Еще меньше оснований для рассуждений об условном землевладении. Пытаясь доказать наличие условного землевладения в Галицкой земле, Н. Ф. Котляр обращается к летописным известиям под 1240 г., когда некий Яков стольник князя Даниила вопрошал боярина Доброслава: «Како можеша бес повеления князя одати ю сима, яко величии князи держат сию Коломыю на роздавание оружьником».²⁶⁵ Исходя из этого текста, Н. Ф. Котляр заключает, что «Коломыйская волость была разделена на участки, раздававшиеся „оружьником“, т. е. военным людям, которые исполняли за это службу князю. Перед нами типичное условное владение, феодал или бенефиций». Исследователь почему-то не обратил внимания на упоминание «Коломыйской соли», доходы от производства и продажи которой шли, как явствует из летописного текста, в княжескую казну для раздачи воинам. В. Т. Пашуто, комментируя данный текст, писал: «Доход от соляных промыслов Коломыи, предназначенный кня-

²⁶¹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории... С. 85; Дворниченко А. Ю. О социальной борьбе в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв.//Генезис и развитие феодализма в России/Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985. С. 82—95.

²⁶² См., напр.: Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории//Исторические монографии и исследования. СПб., 1863. С. 207; Пашуто В. Т. Очерки по истории... С. 198 и др.; Крип'якевич И. П. Галицко-Волинське князівство... С. 82 и др.—Особняком стоит мнение Н. Дашкевича, отрицавшего существование партий в городах Юго-Западной Руси (Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого. С. 38—39). Источник этого ошибочного взгляда в неверном истолковании термина «галичане», под которым исследователь разумел одних лишь бояр.

²⁶³ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 94.

²⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 466—467, 771 и др.

²⁶⁵ Там же. Стб. 790.

зем для оплаты формируемого войска, боярин дал на откуп».²⁶⁶ Ясно, что о землевладении здесь нет и помину. «Разработанность поместной системы», доказываемая Н. Ф. Котляром, относится к области чересчур смелых интерпретаций летописных сведений. Под 1211 г. имеется запись: «Лестько же поя Данила ис Каменца, а Олександра из Володимера, а Всеволода из Белза, кождо со их своими вои, бе бо вои Данилов болши и креплейши, бяху бояре велиции отца его вси у него».²⁶⁷ Опираясь на это летописное известие, Н. Ф. Котляр сделал вывод, будто «у Даниила имелось больше воинов, чем у других князей, потому что все великие бояре его отца привели с собой собственные отряды вооруженных людей».²⁶⁸ Не понятно, откуда Н. Ф. Котляр взял бояр с отрядами вооруженных людей, ибо летопись не говорит о них ни слова. Она лишь сообщает, что каждый из князей пришел со своими воями — пародным ополчением. Из упоминания бояр, находившихся при князе Данииле, никак не следует мысль о боярских отрядах. Столь же неубедителен и другой пример, приводимый Н. Ф. Котляром: «Василку же княжащую во Белзе, и придоша же от него великии Вячеслав Тольстыи и Мирослав, и Демьян, и Воротилав, и инии бояре мнозе и вои от Белза».²⁶⁹ Историк следующим образом истолковывает данный летописный текст: «Следовательно, от Василка Романовича были присланы в подмогу брату боярские отряды и городское ополчение Белза».²⁷⁰ Летописец, вопреки Н. Ф. Котляру, и на этот раз ничего не говорит о «боярских отрядах», извещая только о прибытии бояр вместе с народным ополчением, которое отнюдь не состояло из этих пресловутых «боярских отрядов». Конечно, у бояр имелись свои слуги и дружины,²⁷¹ но их военная роль была по сравнению с народным ополчением весьма скромной. И еще в одном нельзя согласиться с ученым. Он пишет: «В обязанности служивших с земель вассалов входило и собиране крестьянского народного ополчения (в городах этим занимались тысяцкие и соцкие). Иначе трудно представить, как и каким образом собирались эти массы вооруженных людей: они-то, по-

²⁶⁶ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси... С. 184.— Еще раньше И. Линниченко писал: «Относительно Коломыи заметим, что он, очевидно, был отдан... на откуп, с целью воспользоваться теми доходами, которые шли с коломыйской солеварни в княжескую казну на содержание княжеских дружинников» (Линниченко И. Критический обзор новейшей литературы по истории Галицкой Руси//ЖМНП. 1891. № 91. Май-июнь. С. 475).

²⁶⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 729—730.

²⁶⁸ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 132.

²⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 725.

²⁷⁰ Котляр Н. Ф. Формирование территории... с. 132.

²⁷¹ См.: Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси XII—XIII вв./Польша и Русь/Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1974. С. 194—195; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 89.

видимому, и были частью (притом большей) тех ратников, которые приводились от каждого держания, в зависимости от размеров и доходности надела».²⁷² Для того чтобы решить вопрос о том, как собиралось земское ополчение, не нужно внедрять в исторический процесс «служивших с земель вассалов». От взгляда историка почему-то укрылись убедительные выводы, сделанные отечественной исторической наукой о том, что тысячко-сотенная система включала в себя не только города, но и сельскую местность.²⁷³

Нет оснований (во всяком случае до последней четверти XIII в.) считать носителем феодализма и княжескую власть. В. Т. Пашуто писал о том, что князья «стали владельцами крупных доменов», из коих в качестве примера смог привести лишь двор князя Владимира под Перемышлем.²⁷⁴ Весь материал по Юго-Западной Руси заставляет согласиться с замечательным знатоком Галицко-Волынской истории И. А. Линниченко в том, что «в древности вся территория известного княжения является собственностью земли, но никак не князя. Последнему принадлежали только известные доходы с населения, идущие на содержание его двора и дружины». Постепенно формируются частные владения князя, «причем и в конце XIII в. они были в размерах далеко не особенно внушительны».²⁷⁵

Естественно, мы далеки от того, чтобы не видеть тех изменений, которые происходили в Юго-Западной Руси в XIII столетии. Галицкие бояре, сосредоточив в своих руках огромные доходы от кормлений, начинают постепенно отделяться и от князя, и главное от городских общин. Возникает и другой характер взаимоотношений между общиной и боярством. К. Маркс писал, что, «изменяя свое отношение к общине, отдельный человек изменяет тем самым общину и действует на нее разрушающе».²⁷⁶ Вполне возможно, что уже в сообщении летописи под 1237 г. речь идет не о какой-то боярской партии, а о боярах, выделяющихся из городской общины.²⁷⁷ Об этом свидетельствует и та боярская вакханалия, которая разыгралась в начале сороковых годов в Понизье, когда бояре «Галичский Данила князем себе называху, а саме всю землю держаху».²⁷⁸

²⁷² Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 134.

²⁷³ Ефименко Т. К. вопросу о русской «сотне» княжеского периода //ЖМНП. Июнь. 1910; Бромлей Ю. В. К вопросу о русской сотне как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века//История, фольклор, искусство славянских народов/Отв. ред. Б. Н. Путилов. М., 1963. С. 73—75.

²⁷⁴ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 136.

²⁷⁵ Линниченко И. А. Критический обзор... С. 476.

²⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 474.

²⁷⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 789—790.

²⁷⁸ Там же. Стб. 789.

Отмечая известное своеобразие в положении галицкого боярства, мы все-таки воздержались бы от утверждений на счет особой его роли в обществе сравнительно с другими древнерусскими землями. Исторические судьбы бояр на Руси XI—XII вв. были в принципе едины, несмотря на региональные вариации. В Юго-Западной Руси заметное влияние на статус бояр оказывал внешний фактор: активное участие Польши и Венгрии во внутренней политической жизни Владимирской и Галицкой волостей. Если в Киеве, Новгороде или, скажем, Ростове бояре в своей деятельности опирались на местные социальные силы, то на Юго-Западе они нередко находили поддержку у поляков и венгров, что порождало известную их независимость от собственных общин. Эта независимость, которая, кстати говоря, была явлением не постоянным, а переменным, имела источник не в крупном землевладении, а во внешнеполитической сфере. Мы полагаем, что мысль о всесии галицкого боярства, боровшегося с княжеской властью, должна быть оставлена. Бояре не представляли собой отдельной и самостоятельной группы в галицком обществе. Они боролись не против княжеской власти, а против отдельных князей. В противном случае не понять, почему некоторые бояре стремились вокняжиться в Галиче.

Полнота власти была сосредоточена не в руках бояр или князей, а у городских общин в целом. При этом ведущую роль играли рядовые общинники, с которыми вынуждены были считаться и князья и «всемогущие» бояре. Мощь народных масс коренилась в военной организации, демократической по своей сути. В летописи сохранилось немало фактов, подтверждающих это.

Народное ополчение (вои) определяло исход сражений как во внешних, так и во внутренних войнах.²⁷⁹ Вспомним призыв Даниила, обращенный к жителям Галича: «О мужи градьстии, доколе хотите терпети иноплемєнных князии державу...»²⁸⁰ Но мы ошибемся, если вообразим, что народное ополчение состояло из городских воев. Жители сел также входили в него наравне с горожанами. В битве на Калке участвовали «Галичане и Волынцы киждо со своими князьями».²⁸¹ Ключ к истолкованию известия дает слово «волынцы», означающее воинов Владимирской земли. Ясно, что и под «Галичанами» необходимо разуметь «воев» Галицкой земли, а не одного Галича. Перед нами яркий пример, когда термин «галичане» обнимает население не только города, но и прилегающей к нему волости. Стараясь овладеть Галичем, Даниил собирает «землю Галичкую»: «и собра от Боброky доже и до реки Ушице и Прута и обьседе

²⁷⁹ Там же. Стб. 755, 756, 758, 791—792, 796, 797, 802, 813, 840—841.

²⁸⁰ Там же. Стб. 777.

²⁸¹ Там же. Стб. 741.

в силе тяжце».²⁸² В 1249 г. князь Ростислав подошел к городу Ярославу. Увидев, что город хорошо укреплен и имеет сильный гарнизон, он «пойде к Перемышлю и собрав тѣземельце многы ... и исполчив воя своя».²⁸³

Военная организация в Юго-Западной Руси, как и в других древнерусских землях, строилась по древней десятичной системе, важнейшими звеньями которой являлись сотни и тысячи. К сожалению, до нас дошло очень мало сведений на сей счет. Однако те, которые сохранились, достаточно выразительны. Мы знаем о существовании тысячи и тысяцких в Галиче и Перемышле.²⁸⁴ В Галиче мы встречаем «соцкого Микулу».²⁸⁵ Значит, здесь были и сотни. В соседней Владимирской земле также наблюдаем сотни.²⁸⁶

Упоминание летописью «Перемышльской тысячи» — верный знак возросшей самостоятельности Перемышля по отношению к Галичу. Стремление к обособлению замечаем и у других пригородов. Подобное стремление нашло отражение в борьбе главных городов с пригородами. Летописец рисует картину междоусобиц Владимира с пригородами Белзом и Червенем.²⁸⁷ Проявлял тягу к отделению от Владимира и другой его пригород — Луцк. Мы имеем в виду случай, когда князь Ярослав утвердился в Луцке. По всей видимости, он был приглашен горожанами. К этому склоняет сам летописный термин: Ярослав «прия» Луцк.²⁸⁸ Даниилу пришлось собирать рать во Владимире и идти на Луцк. Лучане сопротивлялись, но в конце концов вынуждены были уступить превосходявшей силе.²⁸⁹ Попытался отложиться от главного города и Черторыйск, который «прия Пиняне».²⁹⁰ С помощью пинян черторыйцы, видимо, надеялись утвердить свою независимость. Но их расчет не оправдался: Черторыйск был взят, а князь пинян схвачен.²⁹¹

Довольно красноречива история Берестья. Еще в начале XIII в. прослеживаются тенденции берестьян к самостоятельности. Они сами хотят распоряжаться княжеским столом: «Приеха Берестьяне ко Лестькови и просиша Романови княгини и детии».²⁹² На протяжении десятилетий эти тенденции укреплялись и особенно ярко проявились на исходе XIII столетия. После смерти Владимира Васильковича берестейская община призвала Юрия Львовича без ведома владимирского князя

²⁸² Там же. Стб. 759—760.

²⁸³ Там же. Стб. 800.

²⁸⁴ Там же. Стб. 733, 748, 763.

²⁸⁵ Там же. Стб. 763.

²⁸⁶ Там же. Стб. 932.

²⁸⁷ Там же. Стб. 739.

²⁸⁸ Там же. Стб. 750.

²⁸⁹ Там же. Стб. 751.

²⁹⁰ Там же. Стб. 750.

²⁹¹ Там же. Стб. 752.

²⁹² Там же. Стб. 720—721.

Мстислава. Когда Мстислав собирался рассылать «засаду» в Берестье, Каменец и Бельск, он обнаружил, что «уже засада Юрьева в Берестьи и во Каменци, и в Бельски... Берестьяне бо учинили бяхуть коромолу».²⁹³ Юрий был не той фигурой, на которую можно было делать ставку. Вскоре он «поеха вон из города с великим соромом, пограбив все дома стрья своего и не оставя камень на камени в Берестьи, и в Каменци, и в Бельский».²⁹⁴ Мстислав же въехал в Берестье. Его встречали горожане «со кресты от мала до велика».²⁹⁵ Как видим, Берестье уже сам по себе небольшой город-государство с главным городом и зависящими от него пригородами, стремящийся вырваться из орбиты влияния старого города-государства с центром во Владимире. Однако на данном этапе эта попытка не удалась. За крамолу Мстислав наложил на берестьян «ловчее». Грамота, приводимая в летописи, чрезвычайно интересна для нас, так как позволяет понять, кто такие «берестьяне». Это не только горожане, но и селяне.

Мы проследили за развитием социально-политической жизни Юго-Западной Руси XI — начала XIII вв. и обнаружили много сходного с тем, что происходило в остальных областях Древней Руси. Здесь, как и по всей Руси, в середине XIII в. ощущались новые социальные веяния, вызванные потрясением Батыева нашествия. Близилось время, когда князья и бояре устремятся к земельным богатствам, а княжеская власть изменит свой характер. Возникнет представление о верховной княжеской власти на землю, начнет формироваться поместная система. Яркий провозвестник этого времени — «Данило-король» со своими дворскими, боярами и служилыми князьями. Но сама новая эпоха лежит за границами рассмотренного периода.

²⁹³ Там же. Стб. 928.

²⁹⁴ Там же. Стб. 931.

²⁹⁵ Там же.

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XI — начала XIII вв.

1. Город-государство в Новгородской земле

Один из древнейших и крупнейших городов Руси Новгород, возникший на волховских берегах, стал центром объединения большой территории, сформировал вокруг себя волость и выдвинулся в ряд самых могущественных городов-государств Древней Руси. Мы постараемся рассмотреть процесс формирования новгородского города-государства с различных точек зрения: создания территориально-административной системы, управления, формирования институтов власти, военной организации и т. д.

Необходимо прежде всего подчеркнуть то обстоятельство, что становление города-государства, или городской волости, в Новгородском крае происходило в условиях длительной и упорной борьбы новгородцев за независимость от Киева. Эта борьба оказала заметное воздействие на складывание новгородской государственности.

Во второй половине X в. господство полянской общины над Новгородом осуществлялось, как правило, посредством посадников-князей, присылаемых из поднепровской столицы в качестве наместников киевского великого князя. В результате понятия «княжение», «посадничество» и «наместничество» совпали и нередко звучали как синонимы.¹ Однако первые десятилетия XI в. вводят нас в круг событий, отразивших новые явления, знаменующие начальную фазу истории новгородской волостной общины. Так, под 1014 г. летописец сообщает, что князь Ярослав, управляя Новгородом, посылал «уроком» в Киев «две тысячи гривен от года до года, а тысячу Новгороде гридем раздаваху. И тако даяху вси посадници новгородьстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву отцю своему. И рече Володимир: „Требите путь и мостите мост”, — хотяшеть бо на

¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 47, 49, 51.

Ярослава ити, на сына своего, но разболеся».² Здесь князь и посадник еще не различаются. Но в летописном рассказе есть упоминания о реалиях, идущих на смену старому порядку отношений Новгорода с Киевом. Ярослав, будучи новгородским князем-посадником (т. е. наместником великого князя Владимира) отказал в уплате «урока» своему отцу. Он решил порвать традиционные отношения с киевскими правителями, освободиться от зависимости. Можно предположить, что к разрыву с отцом Ярослава побуждали новгородцы, тяготившиеся обязанностью «давать дань» Киеву. Во всяком случае, без поддержки новгородцев Ярослав не затеял бы борьбу с могущественным родителем.

В событиях, которые произошли позже, находим новые подтверждения нашему наблюдению. Ярослав вскоре вынужден был созвать новгородское вече и просить новгородцев выступить против Святополка.³ Возможно, Л. В. Черепнин был прав, когда говорил, что на этом вече «велись переговоры, в которых Ярослав обещал новгородцам и денежное вознаграждение, и грамоту с какими-то политическими гарантиями».⁴ Перед нами — народное собрание, обсуждающее самостоятельно, а не под диктовку князя чрезвычайно важный вопрос о военном походе. Это свидетельствует о возросшей сплоченности новгородцев, об успехах консолидации местного общества.

Самостоятельность городской общины простиралась так далеко, что она поступает наперекор князю. Когда Ярослава разбил Болеслав, он «прибегшю Новугороду, и хотяше бежати за море, и посадник Коснятин, сын Добрынь, с новгородьци, расekoша лодье Ярославле, рекуще: „Хочемъ ся и еще бити с Болеславом и съ Святополкомъ”».⁵ Важно отметить, что Коснятин, несмотря на присутствие в Новгороде князя, назван посадником. Видимо, он был тесно связан с местной общиной. Не случайно Ярослав, разгневавшись позднее на Коснятина, предпочел расправиться с ним не в Новгороде, а в дальнем Муроме.

Итак, Новгород выступает достаточно единой социальной организацией уже в первые десятилетия XI в. Ясно вырисовывается вече, которое может противостоять князю и даже направлять его деятельность. Мы наблюдаем первые ростки новых отношений Новгорода с княжеской властью, которая ранее стояла на страже интересов киевского великого князя, а теперь вынуждена поступиться ими в угоду Новгороду. Наметилось расхождение между посадничеством и наместничеством,

² ПВЛ. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 88—89.

³ Там же С. 95—96; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 174—175.

⁴ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда//Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 132.

⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 97.

что в свою очередь вело к возникновению предпосылок для появления посадников по новгородскому усмотрению, а не по назначению из Киева. Эти тенденции отразились в известиях о Коснятине.

Завязавшиеся новые отношения в социально-политической жизни Новгорода все более укреплялись. Вторая половина XI в. характеризуется заметными переменами в положении князя на новгородском столе. Их нельзя рассматривать изолированно от борьбы новгородцев против гегемонии Киева. Именно успехи ее в немалой мере обусловили некоторые существенные изменения статуса князя в новгородском обществе. Результаты этого изменения мы видим в практике изгнания князей, которая в новгородской истории второй половины XI в. прослеживается четко и определенно.

В Повести временных лет под 1064 г. читаем следующее: «Бежа Ростислав Тмутороканю, сын Володимерь, внук Ярославль, и с ним бежа Порей и Вышата, сын Остромирь воеводы Новгородьского».⁶ Еще С. М. Соловьев предположил, что Ростислав бежал из Владимира-Волынского, где княжил.⁷ О. М. Рапов допускает возможность попытки Ростислава, являвшегося владими́ро-во́лынским князем, «овладеть своей отчиной с помощью новгородских бояр», но, потерпев поражение, он «был вынужден бежать на юг».⁸

Ростислав, скорее всего, бежал из Новгорода. К этому предположению склоняет известие летописца о том, что князь бежал в компании с Вышатой, сыном новгородского посадника Остромира. О бегстве Ростислава из Новгорода прямо сообщают некоторые, правда, поздние летописи,⁹ а также В. Н. Татищев.¹⁰ Н. М. Карамзин, принимая поздние летописные сведения, писал: «Владимир Ярославич оставил сына Ростислава, который, не имея никакого удела, жил праздно в Новгороде».¹¹ Мысль о том, что Ростислав Владимирович бежал именно из Новгорода, среди советских историков разделял И. М. Троицкий.¹²

В. Л. Янин, тщательно изучивший политическую историю Новгорода XI столетия, убедился в том, что «между 1052 и 1054 гг. судьба новгородского стола остается неясной».¹³ Не

⁶ Там же. С. 110.

⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 352, 694.

⁸ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М., 1977. С. 68.

⁹ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. С. 154; Т. IX. М., 1965. С. 92; Т. XXII: СПб., 1911. С. 374; т. XXIII. СПб., 1910. С. 22.

¹⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. М.; Л., 1963. С. 81.

¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. СПб., 1882. С. 48, 43 (прим.).

¹² Троицкий И. М. Возникновение Новгородской республики // Изв. АН СССР. VII серия. Отд. общ. наук. 1932. № 4. С. 289—291.

¹³ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 49—50.

падает ли княжение Ростислава в Новгороде на указанный промежуток времени? Этому, казалось бы, противоречит летописное сообщение 1064 г. насчет бегства Ростислава в Тмутаракань. Однако могло быть так, что в летописном рассказе слились воедино, под одним годом, происшествия, случившиеся в разное время: бегство Ростислава из Новгорода и борьба его за Тмутаракань. Подобные приемы находим в летописи и в других случаях.¹⁴

Итак, мы предполагаем, что князь Ростислав где-то между 1052 и 1054 гг. бежал из Новгорода. Вероятно, следует говорить об уходе из Новгорода Ростислава, побуждаемого к тому опасностью, грозившей со стороны новгородцев. По существу здесь речь должна идти об изгнании князя из города.

Мстислав Изяславич — следующий князь, который привлекает наше внимание. О нем в летописи читаем: «По преставлении Володимерове в Новгороде, Изяслав посади сына своего Мьстислава; и победиша на Черехи; бежа Киеву, и по взятии града преста рать».¹⁵ Конец правлению Мстислава в Новгороде, как явствует из летописной заметки, положила битва на Черехе, которую Д. С. Лихачев, а за ним и В. Л. Янин датируют 1067 г., связывая ее с походом полоцкого князя Всеслава на Новгород.¹⁶ Вполне возможно, что Мстислав вынужден был удалиться, опасаясь гнева новгородцев, вызванного его поражением в битве.¹⁷ В этом случае бегство князя было равносильно изгнанию.

Если наши наблюдения об изгнании новгородцами князей Ростислава и Мстислава опираются на гипотетические основания, то насчет братьев Глеба и Давыда Святославичей ясность полная. В результате народных волнений князь Глеб бежал из Новгорода и сложил голову в Чудской земле.¹⁸ Давыда постигла та же участь изгнанника: «Давыд прииде к Новугороду княжить; и по двою лету выгнаша и».¹⁹

Таким образом, изгнание князей, направляемых из Киева в Новгород, становится во второй половине XI в. привычным явлением, превращаясь как бы в стиль отношений новгородского общества с киевскими ставленниками.²⁰ Это было круп-

¹⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 444, 456—457.

¹⁵ НПЛ. С. 161, 470.

¹⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 49.

¹⁷ Как говорят факты, относящиеся к XII в., князь нес ответственность перед вечевои общиной за военные успехи. Поражение князя в бою нередко воспринималось как проявление неспособности его выступать вообще в роли лидера (Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 132—133).

¹⁸ НПЛ. С. 161, 470.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 539.

ным завоеванием новгородцев в борьбе за освобождение от власти киевских князей. Способность выдворить того или иного князя — явный признак возросшей активности новгородской общины, формирующейся городской волости. Впрочем, до окончательной победы было еще, конечно, далеко. Новгородцы могли изгнать неугодного князя, но они пока не имели сил, чтобы не принять князей, посылаемых в Новгород киевскими правителями. Надо иметь в виду, что изменения в статусе княжеской власти происходят и на юге, в Киеве, где «людьє кыевстии», т. е. широкие массы населения киевской волости, начинают изгонять князей.²¹ Эти веяния, конечно, не могли не коснуться новгородского общества и, без сомнения, оказывали на него влияние.

Изгнание князей предполагает их призвание. С точки зрения логической данный тезис справедлив. Исторически же события в Новгородской земле развивались несколько иначе: между актами изгнания и призвания князей легли десятилетия напряженной борьбы Новгорода с киевскими властителями. Изгонять князей новгородцы стали раньше, чем призывать. Процесс формирования волостных порядков в Новгороде, определивших положение князя, был, следовательно, постепенным.

В арсенале новгородцев появилось еще одно изобретение, с помощью которого они противились притязаниям великих киевских князей: «вскормление», или воспитание, выращивание князей с юных лет. Взяв к себе по договоренности с великим князем какого-нибудь княжича-отрока, новгородцы старались воспитать молодого Рюриковича в духе своих обычаев и нравов, чтобы сделать из него правителя, властвующего в согласии с интересами новгородского общества. Так, князь Мстислав, «вскормленный» новгородцами, княжил в общей сложности в Новгороде почти 30 лет, и новгородцы дорожили им прежде всего потому, что вскормили его. Это послужило для них основанием отвергнуть в 1102 г. сына Святополка. Несмотря на то, что Святополк имел с новгородцами «многу прю», те настояли на своем.²² В этих событиях видим еще одно свидетельство усиления новгородской городской общины. Если раньше новгородцы не решались противиться пребывающим из Киева князьям-наместникам, отваживаясь лишь со временем изгонять пришельцев за разные провинности, то теперь они настолько усилились, что дерзают ослушаться великого князя киевского и не принять угодного ему кандидата в новгородские князья. Здесь имеем в сущности княжеское избрание, хотя и не в столь отчетливой форме, как это станет позже.

«Пря», о которой сообщает летописец, интересна еще и тем, что в ней заключен выразительный упрек, брошенный новго-

²¹ См. с. 46 настоящей книги.

²² ПВЛ. Ч. I. С. 182.

родцами Святополку: «Ты еси шел от нас». Ему припомнили случай, когда он после 10 лет княжения в Новгороде оставил это княжение ради туровского.²³ Новгородцев не устраивали беспричинные, с их точки зрения, уходы князей. Видимо, подобные уходы подрывали усилия по ослаблению зависимости от Киева, а также по приспособлению княжеской власти к нуждам строящегося города-государства.

Из всего сказанного следует, что тенденции развития княжеской власти в Новгороде, наметившиеся в первой трети XI в., в конце того же столетия значительно окрепли. Новгородский князь формально еще был наместником великого киевского князя. Но под оболочкой наместничества явственно обозначились перемены в статусе князя, превращавшегося в волостной орган власти. Новгородцы добивались изменения социальной роли князя, пользуясь различными средствами: изгнанием, «вскормлением» и проч. Былое тождество княжения с наместничеством разрушалось.

Это отделение княжения от наместничества сопровождалось дальнейшей перестройкой посадничества. На основе скрупулезного анализа источников В. Л. Янин установил время возникновения посадничества нового типа: конец 80-х годов XI в.²⁴ Сосуществование в Новгороде князя и посадника, едва различимые зачатки которого мы эпизодически наблюдали ранее, стало в конце XI в. сложившимся явлением. А это означало, что посадничество окончательно отпало от княжения, разъединившись также и с наместничеством.

Итак, последние десятилетия XI в. необходимо рассматривать как новую ступень становления новгородской государственности. Это время отличало: 1) упрочение самостоятельности веча, изгонявшего провинившихся князей или отказывавшего в княжении нежеланному претенденту; 2) частичное перерождение княжеской власти, в результате чего князь из наместника киевских правителей постепенно превращался в представителя республиканской волостной администрации, совмещающая, следовательно, в себе противоположные качества; 3) вытекающее отсюда расхождение княжения и наместничества; 4) нарушение тождества княжения и посадничества, выделившегося в самостоятельную должность, замещаемую новгородским боярством; 5) отделение посадничества от наместничества.

Перечисленные особенности политической жизни Новгорода конца XI в. были этапом органического развития волостного строя, осуществлявшегося под воздействием борьбы новгородцев за независимость от Киева. Фактор этой борьбы наложил резкий отпечаток на формирование новгородской городской волости, на характер действия общественных сил, обусловив из-

²³ Там же. С. 137.

²⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 59.

вестное их единение, что в значительной мере приглушало внутренние коллизии среди новгородцев, а это в свою очередь замедляло процесс социальной дифференциации в местном обществе.

Следующий период истории города-государства в Новгороде охватывает первые десятилетия XII в., завершаясь событиями 1136—1137 гг. На протяжении этого периода окончательно утвердилось посадничество, формировавшееся из представителей новгородской знати. Правда, Киев еще пытается раздавать посадничьи должности своим людям. Так, в 1120 г., по словам новгородского летописца, «приде Борис посадничить в Новѣгород».²⁵ Вероятно, Борис пришел посадничать к новгородцам из Киева.²⁶ Если по поводу Бориса мы можем лишь предполагать, то относительно другого посадника, Даниила, летописец говорит прямо: «Вниде ис Кыева Данил посадничить Новугороду».²⁷ И тем не менее это — последние случаи назначения новгородских посадников по воле Киева. Правилom делается избрание собственных посадников на вече.

Надо иметь в виду, что назначение посадниками Бориса и Даниила носило совсем иной характер, чем в XI в., когда посадничество лиц некняжеского происхождения совпадало с наместничеством, будучи своеобразной заменой княжения. С возникновением посадничества нового типа, функционирующего наряду с княжеской властью, должность наместника отделилась от должности посадника, оставаясь привязанной лишь к титулу князя. Киев, оказавшись бессильным остановить процесс внутренней консолидации новгородского общества, выражавшийся, помимо прочего, в создании местных институтов власти, пытался приноровиться к новым порядкам, дабы не упустить нити управления Новгородом. Но то были бесперспективные попытки. Посадничество окончательно приобрело сугубо местную постановку. Власть киевских князей над новгородцами резко, таким образом, сократилась. Назначение посадников навсегда сменилось их избранием на вече. Значение новгородского веча как верховного органа волости неизмеримо возросло.

Утратив позиции в новгородском посадничестве, Киев сохранял остатки своей власти над Новгородом посредством княжения. Новгородское княжение стало последним оплотом хозяйничанья киевских правителей в Новгороде. Но и здесь время этого хозяйничанья было сочтено.

В марте 1117 г. князь Мстислав, просидевший в Новгороде

²⁵ НПЛ. С. 21, 205.

²⁶ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 423; Рожков Н. А. Исторические и социологические очерки Ч. II. М., 1906. С. 30; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 172; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 65—67.

²⁷ НПЛ. С. 22, 206.

около тридцати лет, был переведен в Киевскую землю. Местный летописец сообщает об уходе Мстислава несколько глухо, без излишних подробностей: «Иде Мстислав Киеву на стол из Новгорода марта в 17».²⁸ Зато Ипатьевская летопись содержит более детальную запись: «Приведе Володимер Мстислава из Новгорода, и дасть ему отец Бельгород».²⁹ Это известие дает понять, что Мстислав покинул Новгород по настоянию Мономаха, а не по воле новгородцев. «Вскормив» себе князя и поддержав его на столе почти три десятилетия, новгородцы должны были отпустить его, скорее всего, вопреки собственному желанию. Нельзя это рассматривать иначе, как ущемление самостоятельности новгородской общины.

Оставляя Новгород, Мстислав, по свидетельству летописца, сына своего Всеволода «посади Новегороде на столе».³⁰ Фразеология книжника указывает на то, что активной стороной при «посаждении» Всеволода был Мстислав, а не новгородцы, которые, как явствует из летописного текста, играли вынужденно пассивную роль. Затем мы читаем о вызове в Киев новгородских бояр и о наказании их Владимиром Мономахом, о направлении киевского деятеля Бориса посадничать в Новгород. Все это, безусловно, — проявление господства Киева над Новгородом. Однако в 1125 г. произошло событие, которое возвестило приближающееся окончательное падение владычества «матери градов русских». В тот год умер Владимир Мономах. Киевским князем стал Мстислав. А в Новгороде «в то же лето посадиша на столе Всеволода новгородци».³¹ Как видим, новгородцы сами, без постороннего участия посадили Всеволода на княжеский стол. Факт в высшей степени примечательный, если учесть что в 1117 г. на стол Всеволода посадил Мстислав. Теперь же это делают новгородцы. Данное обстоятельство, по нашему мнению, свидетельствует о том, что с 1125 г. княжение Всеволода было поставлено на новые основы — новгородцы перестроили в значительной мере свои отношения с князем Всеволодом, заменив назначение избранием.³² Последнее летописец и обозначает словом «посадиша». Избрание предполагает определенную процедуру (ритуал), существенным элементом которой является «ряд», или договор, скрепляемый обоюдной присягой — крестоцелованием. Новгородская община стремилась связать князя более прочными узами с местными интересами, превратив его в свою общинную власть. Избрание в 1125 г. новгородцами Всеволода князем было важной вехой

²⁸ Там же. С. 20, 204.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284.

³⁰ НПЛ. С. 20, 204.

³¹ Там же. С. 21, 205.

³² Вспомним, кстати, что в X в. племена, примученные Киевом, часто восставали именно со смертью киевских князей. Эта традиция не могла исчезнуть бесследно для людей Древней Руси XII в.

на пути такого превращения. Господство Киева над Новгородом слабело час от часу. Однако полностью оно еще не пало. Поэтому в 1129 г. новгородцы вынуждены были принять посадника, пришедшего из Киева.³³ Князь же Мстислав, «державший русскую землю», еще повелевает Всеволодом.³⁴ И все-таки Всеволод был последним новгородским князем, посредством которого Киев осуществлял свою власть над Новгородом.

Положение Всеволода резко пошатнулось после смерти в 1132 г. его отца князя Мстислава. Сменивший Мстислава на киевском столе Ярополк — дядя Всеволода, решил перевести племянника в Переяславль. Пребывание Всеволода в Переяславле было мимолетным: князь «с заутрыя седе в нем, а до обеда выгна и Гюрги, приехав с полком на нь».³⁵ Всеволоду пришлось вернуться в Новгород. Появление его в волховской столице вызвало возмущение: «И бысть встань велика в людех; и придоша пльсковичи и ладожане Новугороду, и выго ниша князя Всеволода из города; и паки съдумавъше, въспятиша и Устьях; а Мирославу даша посадницяти в Пльскове, а Рагуилове в городе».³⁶ Из приведенного летописного отрывка следует, что против Всеволода выступили если не все новгородцы, то, во всяком случае, подавляющая их часть. Решение об изгнании князя принимается на вече, о чем недвусмысленно свидетельствует фраза «и паки съдумавъше». Возвращение Всеволода также осуществляется по инициативе веча.³⁷ В этих событиях деятельное участие принимали псковичи и ладожане, что свидетельствует о далеко зашедшей интеграции территориальных общин в процессе образования в новгородской области города-государства, основными структурными единицами которого являлись главный город и подчиненные ему пригороды. На это же указывают и вечевые собрания, действующие подобно отлаженному механизму. Участники их выступают под пером летописца как нерасчлененная масса, включающая различные социальные категории свободного населения новгородской земли. Мы не ошибемся, если назовем данные вечевые сходки народными собраниями.³⁸ Возможно, они проходили не мирно. В. Л. Янин замечает, что «решение об изгнании князя послужило предметом ожесточенной борьбы на вече, закончившейся возвращением Всеволода на стол».³⁹ Борьбу, о которой

³³ НПЛ. С. 23, 206.

³⁴ «Се аз Мъстислав Володимиръ сын,—читаем в одной грамоте,—държа Руську землю, в свое княжение повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати Буйце святому Георгиеви...» (Памятники русского права (ПРП). Вып. II. М., 1953. С. 102).

³⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 301; т. II. Стб. 294—295.

³⁶ НПЛ. С. 22—33, 207.

³⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 69.

³⁸ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 180—184.

³⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 69.

пишет В. Л. Янин, исключать нельзя, хотя летописец умалчивает об этом. Но считать ее классовой нет никаких оснований, поскольку в столкновение приходили группы свободного люда, разнородные по социальной принадлежности.

Возвращение Всеволода на новгородский стол в Киеве поставились использовать в своих целях, потребовав у новгородцев выдачи «печерской дани». За данью из Киева Ярополк отправил «братанича» своего Изяслава Мстиславича. По В. Н. Татищеву, новгородцы противились требованию киевского князя.⁴⁰ Косвенно это подтверждает Лаврентьевская летопись, сообщающая о том, что после выдачи дани, состоялось крестоцелование. Если бы новгородцы не сопротивлялись притязаниям Киева, то вряд ли надо было бы приводить их к присяге. Более определенно на сей счет говорится в Никоновской летописи: «И тако умиришася и крест целоваша».⁴¹ Значит, имело место «размирье», коль «умиришася».

Недовольство новгородцев Всеволодом росло. Особенно оно усилилось после суздальских авантур князя. Оба похода на Суздаль закончились неудачей. Еще накануне первого похода состоялось бурное вече, на котором после долгих препирательств победили сторонники войны с Суздалем. Новгородская рать двинулась в поход. Однако разногласия, продолжавшиеся и в походе, заставили новгородцев вернуться.⁴² Тем не менее в том же году состоялся новый поход. «На Ждани горе» новгородцы потерпели поражение. Провал военной затеи Всеволода, его трусость в битве на Ждане-горе переполнили чашу терпения новгородцев. Весной 1136 г. они «призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода, и въсадиша в епископлъ двор, с женою и детми и с тыщею, месяца мая в 28; и стражъе стрежаху день и ночь с оружием, 30 мужъ на день. И седе 2 месяца, и пустиша из города июля в 15, а Володимира, сына его, прияша».⁴³

Изгнание в 1136 г. новгородцами Всеволода ликвидировало последние остатки власти Киева над Новгородом, вызвав некоторые важные изменения в отношениях князя с новгородской общиной.⁴⁴ Перестав быть креатурой киевских правите-

⁴⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 144.

⁴¹ ПСРЛ. Т. IX. С. 158.

⁴² НПЛ. С. 23, 208.

⁴³ Там же. С. 24, 209.

⁴⁴ Событиям 1136 г. в Новгороде посвящена большая литература (см.: Андреев В. Ф. Проблемы социально-политической истории Новгорода XII—XV вв. в советской историографии//Новгородский исторический сборник/Под ред. В. Л. Янина. 1 (11). Л., 1982. С: 125—134): Не вдаваясь в разбор многочисленных суждений относительно значения этих событий в новгородской истории, заметим, однако, что наиболее правильную их трактовку, по нашему мнению, предложил В. Л. Янин (см.: Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. С. 62—72; 2) Из истории землевладения в Новгороде XII в.//Культура Древней Руси/Отв. ред. А. Л. Монгайт. М.,

лей, новгородский князь становится в полном смысле слова местной властью, зависимой исключительно от веча. Отпадает необходимость «вскармливания» и пожизненного правления князей в Новгороде, что привело к более частой их смене в новгородской волости. Но это не означает падения роли княжеской власти в новгородском обществе. Наоборот, статус князя⁴⁵ как одного из представителей высшей власти приобретает еще большую устойчивость, о чем судим, исходя из сфрагистических данных. Речь идет о вислых печатях, бывших на Руси атрибутом власти и выражением государственной юрисдикции.⁴⁶ Изучение актов печатей новгородского происхождения демонстрирует массовое распространение булл княжеской принадлежности с 30-х годов XII столетия: «В период с 1136 г. до конца первой четверти XIII в. в Новгороде примерно 400 печатям княжеского круга противостоит 14 епископских булл и около десятка проблематичных посадничьих печатей».⁴⁷ Создается в некотором роде парадоксальная, согласно В. Л. Янину, ситуация: «Казалось бы, успешное восстание 1136 г., приведшее к торжеству антикняжеской коалиции, должно было отменить княжескую печать и привести к максимальному развитию буллы республиканской власти. Но в действительности наблюдается как раз противоположное явление. Посадничья булла после 1136 г. становится почти неупотребительной... Напротив, княжеская булла с этого момента получает широчайшее развитие, оттесняя на задний план другие категории печатей».⁴⁸ В. Л. Янин объясняет это несколько странное явление тем, что «печать в Новгороде, бывшая прежде одной из регалий высшей власти, превратилась в средство контроля, в средство ограничения княжеского самовластия республиканскими боярскими органами».⁴⁹

По нашему убеждению, князь в Новгороде до памятных происшествий 1136—1137 гг. противостоял республиканским органам лишь в той мере, в какой сохранял зависимость от Киева, и настолько, насколько являлся ставленником киевского князя. Во всем остальном он был составным звеном республиканского административного аппарата. Утратив пол-

1966; 3) Проблемы социальной организации Новгородской республики// История СССР. 1970. № 1; Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 69—79). Вместе с тем не со всеми положениями В. Л. Янина можно согласиться (см.: Фроянов И. Я. Становление Новгородской республики и события 1136—1137 гг.//Вестн. Ленингр. ун-та. 1987. № 2).

⁴⁵ Во избежание недоразумений подчеркнем, что имеем в виду княжеский институт, а не отдельных лиц из княжеского рода.

⁴⁶ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 26.

⁴⁷ Там же. С. 33. См. также: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. Печати X—начала XIII в. М., 1970. С. 159.

⁴⁸ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 33. 34.

⁴⁹ Там же. С. 34.

ностью качества наместника, новгородский князь стал всецело республиканским органом власти, что и вызвало его известное возвышение, засвидетельствованное данными сфрагистики.

Таким образом, мы приходим к выводу, противоположному тому, который принят в современной исторической литературе: после 1136—1137 гг. положение княжеской власти в Новгороде упрочилось, а роль князя возросла.

Так, в результате более чем векового развития в Новгородской земле складывается система управления: вече, князь, посадник, тысяцкий, характерная для древнерусских городов-государств. Формировалась эта система управления, как мы видели, в ожесточенной борьбе с Киевом. В борьбе с Киевом вызревал и другой важнейший социально-политический институт города-государства — народное ополчение. В событиях IX—X вв. на страницах летописи неоднократно появляется племенное ополчение словен. Еще в 882 г. Олег пошел на Киев, «поим воя многи: Варяги, Чюдь, Словени, Мерю и все Кривичи».⁵⁰ «Словене» идут с Олегом на «Греки». Они же являются основной силой Владимира в его борьбе с Рогволодом.⁵¹ В конце X — начале XI в. на смену племенному ополчению приходит ополчение города-государства, базирующегося уже на территориальных началах. Это ополчение в летописи фигурирует под названием «новгородцы». Название «словене» для обозначения северного ополчения исчезает не сразу. Уже после появления термина «новгородцы», летописец сообщает о том, что «приде Болеслав со Святополком. Ярослав же совокупив Русь и Варяги и Словене».⁵² Значит, ополчение «новгородцев» — прямой наследник племенного воинства. Новгородцы (вооруженный народ) в возмущении избивают варягов за их притеснения.⁵³

О составе новгородского воинства свидетельствуют сообщения летописи в связи с борьбой Ярослава со Святополком. Новгородцы тогда заявили Ярославу: «Яко заутра перевеземь на не, аще кто не поидет с нами, сами потнем его».⁵⁴ Входящие в ополчение новгородцы — полноправные члены городской общины Новгорода, получающие равную сумму — по 10 гривен после победы над врагом.⁵⁵

Новгородское ополчение — вой в начале XI в. решают не только судьбу Ярослава, но и новгородского и киевского княжений. Ярослав шагу не может ступить без воев. «Совокупи Ярослав воя многы», «Ярослав собра множество вой» и вновь «совокупи воя многы», как постоянно сообщает нам летопи-

⁵⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 20.

⁵¹ Там же. С. 54.

⁵² Там же. С. 96.

⁵³ Там же. С. 95.

⁵⁴ Там же. С. 96.

⁵⁵ НПЛ. С. 15.

сец.⁵⁶ В битву с печенегами «Ярослав выступи из града... а на правей стороне кыяне, а на левомъ крыле — новгородци».⁵⁷ В больших и малых сражениях, походах крепло это народное войско.⁵⁸ С нескрываемым восхищением пишет древнерусский летописец о его подвигах: «Мстислав поиде противу ему с новгородци, и с ростовци... перешед пожар с новгородци, и сседоша с коней Новгородъци и сступишася на Кулачьце».⁵⁹

Закалившееся в боях новгородское ополчение отнюдь не было хаотической массой. Оно составляло полк.⁶⁰ Это было вполне самостоятельное и организованное воинство: «Бишася Новгородци и Ростовци на Ждане горе и победиша Ростовци Новгородце».⁶¹

К 30-м годам XII столетия складывается Новгородская волость, т. е. главный город с зависимыми от него пригородами. Старейшими новгородскими пригородами были Псков и Ладога.

История такого городского поселения, как Ладога, восходит к очень древним временам. А. В. Куза считал даже, что территория Ладоги — одна из трех территорий племен-федератов, составивших древнейшее племенное ядро Новгородской земли.⁶² Однако дальнейшие работы археологов показали, что это не так.⁶³

Ладога шла по тому же пути, что и другие города Древней Руси. Уже в очень ранний период она сплачивает вокруг себя областную территорию. «У ладожского поселения и его округи особенно в первые сто лет существования имелись определенные предпосылки для превращения его в город-государство», — пишет исследователь Ладоги А. Н. Кирпичников.⁶⁴ Однако географическое положение, характеризующееся обособленностью ее положения и ограниченностью ее внутренних сил, привело к тому, что Ладога попадает в зависимость от соседних центров. Интерес этих центров к Ладоге определялся тем, что она служила своеобразными воротами с севера на пути «из варяг в греки». Исследователь летописания А. Г. Кузьмин пришел к выводу, что сказание о призвании варягов — местное ладож-

⁵⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 97, 100.

⁵⁷ Там же. С. 101.

⁵⁸ О походах новгородцев см.: НПЛ. С. 16, 17, 20, 21, 22; ПСРЛ. Т. I. Стб. 302.

⁵⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 170.

⁶⁰ НПЛ. С. 17.

⁶¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 303.

⁶² Куза А. В. Новгородская земля//Древнерусские княжества/Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 144—153.

⁶³ Назаренко В. А. Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой//Славяне и Русь/Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1979. С. 109—112.

⁶⁴ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья//Славяне и Русь. С. 104.

ское сказание.⁶⁵ Киевские князья держали в Ладоге своих наместников. Но по мере формирования новгородского города-государства Ладожская волость входила в состав этого образования. По мнению А. Н. Насонова, Ладога перешла в руки новгородцев в 40—50-х годах XI в.⁶⁶ А. Н. Кирпичников и В. А. Назаренко считают, что Ладога становится местом пребывания новгородского наместника не ранее последней четверти XI в.⁶⁷ Как бы там ни было, а в начале XII в. новгородцы сажали в Ладогу своих посадников. «Ладога была новгородским пригородом, послушным старейшему городу».⁶⁸

По тому же пути шел и другой древний центр городской жизни — Псков. В 30—40-х годах XI в. он находится в зависимости от Киева. Здесь сидел сын Владимира Судислав. Постепенно Псков переходит под власть новгородцев. Процесс этот идет скрыто от наших глаз, но под 1132 г. мы узнаем, что новгородцы «даша» посадничество в Пскове Мирославу. А. Н. Насонов приводит и ряд других доказательств зависимости Пскова от формирующегося новгородского города-государства.⁶⁹ При этом начало этого господства он относит ко времени более раннему, чем начало XII столетия. Поскольку и Псков и Ладога уже объединяли какую-то территорию и сами брали дань с окружающих племен, ясно, что с переходом этих центров под власть Новгорода, он стал контролировать также эти территории.

Новгород приходит в столкновение с другими формировавшимся в то время городом-государством — полоцким. С 20-х годов XI столетия начинается борьба двух волостей. С целью укрепить свои южные рубежи Новгород создает еще несколько пригородов. Одним из значительных пригородов были Великие Луки.⁷⁰ В XI в. возникает еще один пригород — Новый Торг, который позднее будет играть значительную роль в борьбе с другим могущественным соседом — Ростово-Суздальской землей. Эта борьба начинается в середине XII столетия, а во второй его половине Ростово-Суздальский город-государство переходит в наступление. Если учесть, что на юге предел развитию новгородской волости был положен полоцкой и смоленской колонизацией, станет ясно, что новгородская «область» могла расти лишь в восточном направлении — к предгорьям Урала.

⁶⁵ Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды// Новое о прошлом нашей страны/Ред. В. А. Александров. М., 1967. С. 42.

⁶⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.; Л., 1957. С. 73—74.

⁶⁷ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость... С. 105; Назаренко В. А. Исторические судьбы... С. 109—112.

⁶⁸ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 74.

⁶⁹ Там же. С. 81—82.

⁷⁰ Там же. С. 86—87.

Итак, к середине XII в. на Северо-Западе складывается новгородский город-государство. Проследим за развитием этого государственного организма во второй половине XII — начале XIII вв.

Сразу можно сказать, что это развитие характеризуется дальнейшей демократизацией всей социально-политической системы Новгорода. Изгнание и призвание князей становится теперь обычным модусом отношения к княжеской власти. Нет необходимости рассматривать все случаи приглашений и изгнаний князей новгородцами. Хорошо известно, что в Новгороде XII—XIII вв. князья менялись 58 раз. Смена князей здесь происходила, пожалуй, чаще чем в других городах-государствах Древней Руси, так как новгородцы не были привязаны к какой-либо ветви рюрикова княжеского древа. Вот почему князья в Новгороде порой менялись чаще чем времена года. И князья смирялись с таким положением вещей. С одной стороны, их тянуло богатое и почетное новгородское княжение, с другой — сила была всегда на стороне городской общины. Если община ополчалась на князя, хотела его изгнать, то действительной помощи ему не могла оказать и дружина. Если дружина вступалась за князя, то с ней поступали так, как с дружиной Святослава Ростиславича. Этот князь был отправлен новгородцами в пригород Новгорода — Ладогу, а дружину его новгородцы «в погреб вьсажаша».⁷¹ Такого рода отношения городской общины и князя в Новгороде со временем были отлиты в четкие политические формулы. В представлении новгородцев это звучало так: «Новгород выложиша вси князи в свободу: кде им любо, ту же собе князя поймають».⁷² Князья, в свою очередь, так сформулировали эту мысль: «...а вы вольни в князех».⁷³ В то же время надо подчеркнуть, что князь был необходимым элементом социально-политической структуры Новгорода. Он был нужен для нормального функционирования города-государства. Не случайно летописец тщательно фиксирует те случаи, когда новгородцы оказывались без князя.⁷⁴

Суверенность городской общины распространялась и на власть посадника. Посадники менялись не менее часто, чем князья.⁷⁵ Более того, со временем, по мере дальнейшей демократизации новгородского общества право избрания и изгнания распространяется и на высшую церковную власть. Горожане начинают распоряжаться должностью игумена крупнейших монастырей.⁷⁶ Одна из ярких сцен избрания игумена дошла в летописи под 1226 г. Тогда «преставися игумен святого Ге-

⁷¹ НПЛ. С. 30—31; ПСРЛ. Т. II. Стб. 511.

⁷² НПЛ. С. 43.

⁷³ Там же. С. 53.

⁷⁴ Там же. С. 26, 32, 36.

⁷⁵ Там же. С. 27, 29, 31, 50.

⁷⁶ Там же. С. 27—28, 41.

оргия Саватия, архимандрит новгородский. Прежде своего представления Саватий съзывает владыку Антония и посадника Ивана и все новгородцев, и запрашивает братьев своих и всех новгородцев: „изберете себе игумена”». ⁷⁷ В другой раз новгородцы «въведоша с Хутина от святого Спаса Арсения игумена, мужа кротка и смиренна, князь Ярослав, владыка Спуридон и весь Новгород, и даша игуменство у святого Георгия, а Саву лишиша». ⁷⁸ С течением времени новгородцы начинают также распоряжаться и должностью епископа, архиепископа. Когда в 1150 г. из Киева пришел архиепископ Нифонт, «ради быша людем Новогороде». ⁷⁹ А уже в 1156 г. «събрася весь град людий, изволиша себе епископъ поставити мужа богом избрана Аркадия; и шьдыше весь народ, пояша и из монастыря от святыя Богородицы... и поручивъше епископу в дворе святыя Софии». ⁸⁰ После смерти новгородского архиепископа Ильи «новгородцы же с князем Мьстиславом и с игумены, и с попы съдумавше, изволиша себе поставити брата его Ильин Гаврила». ⁸¹ Такого рода прецеденты были постоянными в Новгороде. Митрополит киевский воспринимал народное избрание «пастырей» как должное и утверждал кандидатов на должность архиепископа. ⁸²

Социально-политическая активность новгородцев, призывающих и изгоняющих князей, избирающих и смещающих посадников, игуменов и архиепископов, во второй половине XII — начале XIII вв. облекалась в вечевые формы. Сведения о вече в Новгороде весьма многочисленны. Достаточно сказать, что все манипуляции с высшими волостными должностями — дело рук веча. ⁸³ Надо лишь еще и еще раз подчеркнуть, что вече в Новгороде — не узкосословная группа могущественных феодалов, а народное собрание, в котором принимали участие все новгородцы от «мала и до велика». ⁸⁴

О том, что новгородское общество шло по пути дальнейшего упрочения демократии, свидетельствовала и начинавшаяся межкончанская борьба. В 1218 г. в летописи впервые появляются сведения о борьбе концов. ⁸⁵ Борьба разгорелась вокруг посадника Твердислава. В городе в Неревском конце и на Тор-

⁷⁷ Там же. С. 65.

⁷⁸ Там же. С. 70.

⁷⁹ Там же. С. 28.

⁸⁰ НПЛ. С. 29—30.

⁸¹ Там же. С. 38.

⁸² Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 31 и сл.

⁸³ Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976. С. 104—108.

⁸⁴ О социальной сущности высших должностей в Новгороде см. с. 181—185 настоящей книги.

⁸⁵ Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории... С. 131.

говой стороне собрались вечевые собрания. На следующий день «ониполовцы» двинулись на Софийскую сторону. В союзе с ними выступали неревляне, а загородцы придерживались нейтралитета. На стороне Твердислава были лишь Людин конец и Прусская улица.⁸⁶ Такого же рода ситуация наблюдается и в 1220 г. Тогда князь Всеволод, недовольный Твердиславом, «въвади весь город, хотя убити Твърдислава». Но Твердислав имел защиту: «Скопишася о нем пруси и Людинь конец и загородци, и стаха около его полком и урядивъше на 5 пълков».⁸⁷ Мы видим, что концы собирают свои вечевые собрания, составляют свои полки. В дальнейшем борьба между концами станет одним из важных элементов внутривластической жизни Новгорода. Развитие концов — территориальной системы, появившейся позже сотенной,⁸⁸ свидетельство о развитии Новгорода как городской территориальной общины.⁸⁹

Ярко отразился в источниках и волостной строй новгородского города-государства. В этот период понятия «область новгородская», новгородская волость становятся обычными в устах летописцев. Это определенная территория, которая тянет к Новгороду: «...приходиша Емь и воеваша область Новгородскую».⁹⁰ Но «область» это не только территория, но и население, которое проживает на ней. Оно входит в состав новгородского ополчения. Собственно, новгородское ополчение и состоит из горожан — членов общины главного города земли и жителей области, или обитателей пригородов и прилегающих к ним территорий. «На осень ходи Святополк с всею областью Новъгородскою, хотя на Суждаль», — сообщает нам летописец.⁹¹ «Иде князь Ярослав с новгородци и пльсковичи и с оболостью своею на Чюдь».⁹² Характерно сообщение под 1225 г. Готовясь к борьбе с Владимирской волостью, новгородцы «скопиша всю волость».⁹³ Ясно, что без сил волости они не могли противостоять своему могущественному соседу.

Структура новгородской волости соответствовала общерусской «модели» города-государства. В центре ее находился главный город, от него зависели пригороды. Важнейшие пригороды Новгорода: Псков, Луки, Ладога, Новый Торг, Руса часто фигурируют в летописи.⁹⁴ Многие зримые и незримые нити связывали главный город с пригородами. Главный город был во-

⁸⁶ НПЛ. С. 58.

⁸⁷ Там же. С. 60.

⁸⁸ О соотношении концов и сотен см. с. 185—186 настоящей книги.

⁸⁹ Об этапах в развитии городской общины см.: Дворниченко А. Ю. Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Историческая этнография / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л., 1985. С. 117—124.

⁹⁰ НПЛ. С. 26. См. также: ПСРЛ. Т. II. Стб. 550, 610.

⁹¹ НПЛ. С. 27.

⁹² Там же. С. 40.

⁹³ Там же. С. 64.

⁹⁴ НПЛ. С. 27, 36.

енным центром волости. В нем собиралось волостное ополчение, на нем лежала обязанность защищать пригороды. Когда шведы подошли к Ладоге, «пожгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде с посадником с Нежатою, а по князя послаша и по новгородце».⁹⁵ Подоспевшие новгородцы разгромили врагов. А вот и другой пример. Однажды враждебный Новгороду князь Святослав с помощью, полученной от Андрея Боголюбского, «пожъже Новыи тѣрг, а новотѣржъци отступиша к Новугороду».⁹⁶ Будучи уверенными в поддержке главного города, пригорожане в то же время должны были расплачиваться за внешнеполитический курс своего патрона. Интересны в этом отношении события 70-х годов. «Новгородце целовавше ко Всеволоду Юргевичю крест и не управиша, он же иде к Тѣржъку в волость их», «город пожгоша весь за Новгородскую неправду».⁹⁷

На пригороды распространялась и административная власть из главного города. Новгородцы сажали в пригородах князей. В 1177 г. «посадиша новгородциы Мѣстислава на столе, а Ярополка на Новем тѣргу, а Ярослава на Ламѣмъ волоце».⁹⁸ Аналогичная практика осуществлялась и в отношении пригородских посадников.

Новгород был религиозным центром волости. «Иде боголюбивыи архиепископ Нифонт в Ладогу, и заложѣ церковь камяну святого Климента»,⁹⁹ — такого рода сообщения нередки в летописи. Избрать владыку для новгородцев — это значит избрать «пастуха словесных овъчь Новугороду и всеи области его».¹⁰⁰ Новгородцы до поры до времени хозяйничали в пригородах, как у себя дома: «Иде князь Ярослав Пльскову на Петров день, и новѣгородци вѣмале; а сам седе на Пльскове, а двор свои послав с пльсковѣи воевать».¹⁰¹

Новгородцы находились в постоянных заботах о судьбе волости. В 1184 г. «выведе Всеволод, прислав, свояк свои из Новагорода Ярослава Володимириця: негодовахуть бо ему новгородьци, зане много творяху пакостѣи волости Новгородскеи».¹⁰² Одной из причин озлобленности на посадника Дмитра и на братью его было то, что он «повелеша на новгородьцих сребро имати, а по волости куры брати, по купцем виру дикую, и повозы возити».¹⁰³ Интересно сообщение под 1211 годом. Тогда князь Мстислав послал «Дмитра Якуница на Луки с новгородьци города ставитъ, а сам иде на Тѣржък блюсть во-

⁹⁵ Там же. С. 30.

⁹⁶ Там же. С. 32.

⁹⁷ Там же. С. 35.

⁹⁸ НПЛ. С. 35.

⁹⁹ Там же. С. 29, 43.

¹⁰⁰ Там же. С. 68.

¹⁰¹ Там же. С. 40.

¹⁰² Там же. С. 37.

¹⁰³ Там же. С. 51.

лости».¹⁰⁴ Когда в волости все хорошо — это радость для жителей главного города: «Приде князь Михаил в Новъгород, сын Всеволожь, внук Олгов; и бысть льгько по волости Новгороду».¹⁰⁵ И наоборот, разорение волости — бедствие для жителей главного города. «И разидеся град наш и волость наша», — восклицает с горечью летописец.¹⁰⁶ Вот почему противники стремятся разорить волость. Лаврентьевская летопись сообщает о «пагубе» над Новгородом и над его волостью. «Пагубу» эту сотворило Владимиро-Суздальское воинство, «пришедше в землю их (новгородцев. — Авт.), много зла створиша, села вся взяша и пожгоша и люди по селам исекоша, а жены и дети, именья и скот поимаша».¹⁰⁷ То же самое делали с волостью противника и новгородцы. Не зря, видимо, боялись полочане, что Новгородцы и смольняне «попустят ны землю, идучи до нас».¹⁰⁸

Новгородцы заботились и о росте своей волости. Расширение это подготавливалось за счет освоения новых территорий данями. Новгородские «даньники», собирающие дань с завоеванных племен, неоднократно появляются в летописи. Раздвигая пределы даней, новгородцы пришли в столкновение с соседним городом-государством — Ростовской землей. Так, в 1169 г. «иде Даньслав Лазутиниць за Волок даньником с дружиною и присла Андреи пълк свои на нь, и бишася с ними, и беше новгородьць 400, а суждальць 7000; и пособи бог Новгородцем».¹⁰⁹ Объектом для сбора даней выступали смерды — покоренные племена. Победив в 1169 г. суздальцев, новгородцы не только собрали всю дань со своих смердов, но взяли «на суждальских смърдех другую».¹¹⁰ Порой судьба даньщиков была печальна: «Избьени быша печерьскеи и югорьскыи даньници в Печере, а другие за Волоком, и паде голов о сте кьметьства».¹¹¹ Новгород был чрезвычайно заинтересован в данях и, видимо, ревниво следил за их распределением. Когда в 1214 г., сходясь «с ногородци» походом на чюдь, князь Мстислав собрал дань, то две части он отдал новгородцам, а третью — «дворяном».¹¹²

Как бы новгородцы не пеклись о целостности своей волости, но исторический процесс в Новгородской земле шел так же, как и в других древнерусских землях. Здесь тоже вызревали местные центры, которые постепенно начинали приобретать статус самостоятельных городов-государств. Внешне начало

¹⁰⁴ Там же. С. 52.

¹⁰⁵ Там же. С. 64.

¹⁰⁶ Там же. С. 69.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 361—362.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 404.

¹⁰⁹ НПЛ. С. 33.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. С. 38.

¹¹² Там же. С. 52—53.

этого процесса отразилось в появлении местных князей. Пусть их сначала сажают новгородцы, но это само по себе уже свидетельство усложнения местных социальных организмов, требующих своих руководителей. Так, в 1180 г. новгородцы «пояша» в Новгороде князя Святослава, «Ярополка посадиша на Новем търгу».¹¹³ На Луках тоже сидел свой князь.¹¹⁴ В 1211 г. князь Мстислав дал «лучанам» князя Владимира Псковского.¹¹⁵ Оказывается Владимир был изгнан псковичами: «плъсковици бо бяху в то время изгнали князя Володимира от себе».¹¹⁶ Это весьма показательный факт. Городская община Пскова достигла такой самостоятельности и суверенности, что изгоняет князей так, как это делала и главная городская община. Но как и другие городские общины, псковичи не хотели долго сидеть без князя, ибо это вело к военному поражению от Литвы.¹¹⁷ И вот уже в следующем году мы видим у них князя Всеволода Борисовича.¹¹⁸

Пригороды стягивают определенную территорию, земледельческую округу. В 1169 г. Святослав «створил много пакости» жителям Нового Торга, «села их потрати».¹¹⁹ Это не только территория, но и военная организация каждого зарождающегося города-государства. Князь Ярослав идет в поход с «новгородьци, и с плъсковици, и с новотържьци и с ладожаны, и с всею областью Новгородскою».¹²⁰ Псковичи, ладожане, новоторжцы начинают часто фигурировать в летописи. Ясно, что это жители не только самих этих городов, но и прилегающих к ним земель. Опираясь на эту силу, пригороды начинают вступать в конфликты с главным городом. Вот один из ранних таких конфликтов. В известной истории со Всеволодом псковичи заняли позицию провсеволодовой партии в городской общине Новгорода. Тогда сторонники князя бежали из Новгорода во Псков. Псков представлял уже такую силу, что когда в Новгороде разнесся слух, будто «Святополк у города с плъсковици», то «пополошишася людье».¹²¹ Еще четче позиция псковичей выражена в Ипатьевской летописи: «Придоша Плъсковичи и пояша к собе Всеволода княжити, а от Новгородець отложиша».¹²² Правда, впоследствии новгородцы «с плъсковици съмиришася» и выступали заодно.

В 1228 г. «князь Ярослав... поиде в Плъсков с посадником Иванком и тысячьскы Вячеслав. И слышавше плъсковици, яко

¹¹³ Там же. С. 36.

¹¹⁴ Там же. С. 44.

¹¹⁵ Там же. С. 52.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 53.

¹¹⁹ Там же. С. 32.

¹²⁰ Там же. С. 44.

¹²¹ Там же. С. 25.

¹²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 300.

идет к ним князь, и затворишася в городе, не пустиша к себе... промъкла бо ся вестъ бяше си в Пльскове, яко везет оковы, хотя ковати вяцшее мужи».¹²³ Значит, почва для такого рода слухов была. Псков что-то замышлял против главного города. И псковичи забеспокоились о судьбе лидеров общины. Правда, если верить князю Ярославу, то вез он в коробьях вовсе не оковы, а дары. Впрочем, события на этом не закончились. Ярослав решил собирать войска на Ригу, а псковичи «възяша мир с рижаны». Это уже прямая измена Новгороду, явный раскол в отношениях с общиной главного города земли. На этот раз все уладилось. Слухи были отброшены, и новгородцы сделали шаг навстречу. Они заявляли: «Мы бе своея братья, бес пльсковичъ не имаемъся на Ригу».¹²⁴ Эта фраза новгородцев весьма интересна. Она передает дух взаимоотношений главного города и пригородов. Они отнюдь не сводятся к насилию, с одной стороны, и подчинению — с другой. Часто это отношения братства и взаимопомощи. Но не были ли они уже в 1228 г. реалией уходящего времени? Во всяком случае, вскоре вспыхивает новый конфликт. Псковичи воспользовались противоречиями внутри городской общины Новгорода. Они поддержали изгнанную из Новгорода «Борисову чадь» — сторонников посадника Внесда Водовика. В ответ князь Ярослав арестовал в Новгороде находившихся там псковичей и послал «в Пльсков рече: „Мужа моего пустите, а тем путь покажите прочь, откуда пришли“. Они же стаха за ними крепко, нъ рекоша: „Прислите к ним жены их и товар, тоже мы Вячеслава пустим; или вы себе, а мы себе“. И тако быша без мира лето все».¹²⁵ Но у Пскова еще не было сил отделиться от Новгорода. Князь перестал пропускать к ним гостей, и когда псковичам надоело покупать соль по 7 гривен «бърковъск», они отправили послов в Новгород и выпросили там князя, а «Борисове чади показаша путь с женами».¹²⁶

Псков был одним из старейших и сильных пригородов, и сепаратистские тенденции в нем проявлялись весьма ярко. Но не менее ярко проявлялись они в других пригородах. Таков Новый Торг. С его политикой, противоположной настроениям главного города земли, встречаемся, например, под 1196 г. В тот год, разгневавшиеся новгородцы «показаша путь из Новагорода и выгнаша» князя Ярослава. Тогда князь Ярослав пошел к Новому Торгу и «прияша и новоторжьцы».¹²⁷ Это летописное сообщение интересно в двух отношениях. Во-первых, свидетельством о возросшей самостоятельности и суверенности городской общины Нового Торга, которая уже начинает принимать

¹²³ НПЛ. С. 65—66.

¹²⁴ Там же. С. 66.

¹²⁵ Там же. С. 72.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. С. 43.

князей. Во-вторых, информацией о политике пригорода, не соответствующей политическому курсу главного города земли. Торжок служит базой для Ярослава и позже — в 1216 г. Противостояние достигло столь значительной степени, что Мстислав на вече роняет знаменитую фразу: «Поищем муж свои, вашей братьи, и волости своеи; да не будет Новыи тѣръгь Новгородом, ни Новгородъ Тѣръжком; нѣ кѣде святая Софія, ту Новгород; а и в мнозе бог, и в мале бог и правда».¹²⁸ Не случайно в Торжке оказывается и другой недовольный Новгородом князь — Всеволод. В 1224 г. он ушел из Новгорода «в ночь, утаився, с всем двором своим. И приехав седе на Тѣръжку».¹²⁹ Сюда к нему и приходит отец с ростовскими и черниговским воинством. Город, видимо, притягивал всех недовольных новгородской городской общиной. Сепаратистские тенденции становились все более определенными. В 1230 г. новгородцы произвели очередную смену посадника: «отяша посадничество у Иванка у Дѣмитровиця и даша Вѣнезду Водовику». По старой памяти сразу же назначили посадника и в Торжок. Но когда посадник Иванко пришел к Торжку, «не приаха его новоторожьци».¹³⁰ Однако противостоять Новгороду Торжок еще не мог. Летописец сообщает о бегстве новоторжцев, поддерживавших пресловутого Водовика, в Чернигов.¹³¹ Как видим, в Новгороде начинался тот же процесс волостного дробления, что и в других землях. Но в Новгороде, как, впрочем, и в Киеве, в XII — начале XIII вв. он не достиг высокого уровня развития; слишком велика была «стягивающая» сила этих крупнейших городов Древней Руси.

Возрастание значения и влияния новгородской волости во второй половине XII — начале XIII вв. происходило на ярком внешнеполитическом фоне. Новгородская волость активный участник межволостных отношений в этот период. В 1145 г., когда «вся Русска земля» ходила «на Галиць», «ходиша и из Новагорода помочье кыяном».¹³² В этот период противостояние Киеву начинает постепенно уходить в прошлое. Это верное свидетельство, с одной стороны, усиления Новгорода, а с другой — ослабления Киева. На повестку дня выдвигаются новые противники. По соседству набирал силы мощный Ростово-Суздальский город-государство. Опасность с его стороны, стремление отнять у него дани были столь велики, что Новгород идет теперь и на союз с Киевом, направленный против сильного соседа. Уже в 1147 г. «область Новгородская» ходила походом на «Суздаль».¹³³ А в следующем году был более удач-

¹²⁸ Там же. С. 55.

¹²⁹ Там же. С. 64.

¹³⁰ Там же. С. 68.

¹³¹ Там же. С. 70.

¹³² Там же. С. 27.

¹³³ Там же. С. 27.

ный поход, на который новгородцев вдохновил киевский князь Изяслав.¹³⁴ Ростово-Суздальскому городу-государству удастся поднять на Новгород соседнюю полоцкую и смоленскую волости: «И съложишася на Новъгород Андреи съ смолняны и с полоцяны».¹³⁵ И уже в 1149 г. новгородцы с псковичами ходили к Полоцку.¹³⁶ Новгородский город-государство достиг такого могущества, что мог противостоять сильному соседу. Знаменитый 1169 год отмечен разгромом коалиции, пришедшей к Новгороду. Тогда против города на Волхове ополчились «суждальци с Андреевицем, Роман и Мьстислав с смольняны и с торопьяны, муромьцы и рязаньцы с двема князьма, полоцкый князь с полоцяны, и вся земля просто Русьская».¹³⁷ Это огромное войско новгородцам удалось разгромить.

В 70-е годы XII столетия наступает новый этап в развитии внешнеполитической активности новгородского города-государства. Мы видим, как вместе с другими городами-государствами новгородцы начинают решать судьбы киевского княжения. Так, в 1173 г. «иде князь Гюрги Андреевиць с новгородьци и с ростовци Кыеву на Ростиславице и прогнаше е ис Кыева».¹³⁸ Эта тенденция особенно ярко проявляется в XIII столетии. В 1214 г. князь Мстислав «съзва вече на Ярославли дворе и почя звати новгородьцев Кыеву на Всеволода Чьрмьнаго. Рекоша ему новгородьци: „Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вьржем“».¹³⁹ В ходе этой экспедиции новгородцы «воевали» черниговские города. Затем им «отвориша врата вышгородци», а вскоре Мстислав с братьями и с новгородцами входили в Киев, и «поклонишася кыяне, и посадиша Кыеве Мьстислава Романовиця».¹⁴⁰ На новгородскую волость, видимо, опирался Ярослав, когда утверждался на столе в Киеве. Во всяком случае из Новгорода он привел «вятших» новгородцев и «Новоторжец 100 муж». Потом он их одарил.¹⁴¹

Так росла сила новгородского города-государства. Вплоть до татаро-монгольского вторжения новгородцы осуществляли на Руси весьма активную политику. Постоянно шла борьба с Полоцком, Черниговом, но главным противником оставался Владимиро-Суздальский город-государство. Пик этой борьбы— знаменитая Липицкая битва, результат которой весьма примечателен не только по своим военным, но и по политическим последствиям: «Посадиша новгородци Костянтина в Володимири на столе отни. Костянтин же одари честию князи и новгородьци

¹³⁴ Там же. С. 28.

¹³⁵ Там же. С. 32.

¹³⁶ Там же. С. 33.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С. 34; ПСРЛ. Т. II. Стб. 573.

¹³⁹ НПЛ. С. 53.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. С. 74.

бещисла».¹⁴² Новгородцы сажают во Владимире, столице могущественного Владимиро-Суздальского города-государства, своего ставленника. Это ли не свидетельство могущества новгородской волости. Сильный северный город-государство, не пострадавший от татаро-монгольского нашествия, опираясь на волостное ополчение, смог остановить вскоре натиск шведских и немецких рыцарей.

Итак, мы рассмотрели процесс формирования и развития новгородского города-государства в XI—начала XIII вв., сконцентрировав внимание на становлении социально-политических институтов Новгорода, а также развитии в сфере волостного быта этого города-государства. Теперь самое время более пристально всмотреться в социально-политическую структуру новгородской волости, разобраться в сущности того политического механизма, который лежал в основе новгородской земли. Это представляется тем более актуальным, что в литературе существуют различные взгляды на данную проблему.

Весь рассмотренный материал не позволяет нам согласиться с разграничением республиканской и княжеской власти в Новгороде XII—XIII вв. как враждующих начал.¹⁴³ Историю возникновения Новгородской республики, на наш взгляд, нет возможности рисовать как результат «длительного столкновения княжеской власти с боярством» и противопоставлять как борющиеся стороны вечевые органы и княжескую администрацию Новгорода.¹⁴⁴ По нашим наблюдениям, борьба в Новгороде до поворотных событий 1136—1137 гг. была направлена не против княжеской власти, а за ее освобождение от влияния со стороны великих киевских князей, и велась она не одним лишь боярством, а новгородской общиной в целом. Последнее обстоятельство находит объяснение в незавершенности процесса классового образования в новгородском обществе XI—XII вв., отсутствии в нем сложившихся антагонистических классов, как, впрочем, и по всей Руси.¹⁴⁵ Новгородское боярство рассматриваемого времени представляло собой социальную группу, расколотую на соперничавшие партии, страдавшие от изнурительной взаимной борьбы. «Разобщенность боярства, непрекращавшаяся борьба боярских группировок,—замечает В. Л. Янин,—замед-

¹⁴² Там же. С. 56.

¹⁴³ См.: Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии//Археологическое изучение Новгорода/Под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М., 1978. С. 8.

¹⁴⁴ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет//Новгородский сборник. 50 лет. раскопок Новгорода/Под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М., 1982. С. 111—112; Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований//Новгородский исторический сборник/Под ред. В. Л. Янина. 1 (11). Л., 1982. С. 88.

¹⁴⁵ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории.

ляла не только процесс консолидации самого боярства, но и процесс консолидации противостоящих ему классовых сил».¹⁴⁶ Консолидированным боярство стало не ранее XV в.¹⁴⁷

Все это сказалось на характере деятельности должностных лиц Новгорода: князя, посадника, тысяцкого¹⁴⁸ и сотских. В новейшей литературе данный вопрос тесно увязывается с вопросом о месте концов и сотен в территориально-административной структуре Новгорода. Так, согласно В. Л. Янину, население Новгорода распадалось на две основные части по кончанско-сотенному принципу. Первоначально исследователь полагал, что сотенная организация была устроена киевскими князьями, тогда как деление на концы и улицы «уходит корнями в историческую топографию Новгорода».¹⁴⁹ Позже он несколько изменил свою точку зрения, отметив, что обе системы существовали рядом на протяжении всей истории Новгорода: в концах жили бояре и зависимые от них люди, а в сотнях — свободное, но не привилегированное население, подвластное князю.¹⁵⁰ «Кончанскому населению противостоит население сотен, как системе концов противостоит система сотен», — пишет В. Л. Янин.¹⁵¹ Поэтому сотенная организация подчинялась княжеским сотским и княжескому тысяцкому, тогда как представителем бояр выступал посадник.¹⁵² Не отрицая правомерности этих заклю-

¹⁴⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 367.

¹⁴⁷ Там же. С. 257—258, 272, 324, 339, 340—341.

¹⁴⁸ Должность тысяцкого, как считают некоторые историки, позднего происхождения. По словам В. Л. Янина, в конце XII столетия «в Новгороде создается новый пост выборного на вече тысяцкого, который становится представителем всех свободных горожан, исключая бояр и непосредственно зависимых от них людей» (Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 233. См. также: Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. С. 112—113; 2) Социально-политическая структура Новгорода... С. 92). Проблема тысяцкого и тысячи должна решаться, на наш взгляд, в связи с проблемой сотен и сотских. Как показывают исследования, сотенная организация у славян — исконная социальная форма, восходящая к первобытнообщинному строю (Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 313—318; Бромлей Ю. В. К вопросу о соте как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века//История, фольклор, искусство славянских народов/Под ред. Б. Н. Путилова. М., 1963. С. 89). Б. Д. Греков рассматривал возникновение тысячи в рамках десятичной организации древних народов. Поэтому мысль об учреждении тысячи князьями ему представлялась маловероятной (Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 314—314). Что касается новгородской тысячи, то первое упоминание о ней относится к началу XI в. Мы находим его в летописном рассказе о том, как Ярослав, разгневанный новгородцами, «исече вои славны тысящу», т. е. перебил лучших воинов, входивших в новгородскую тысячу (НПЛ. С. 174). Этот рассказ любопытен не только упоминанием тысячи, но и противопоставлением ее в качестве местной организации пришлому князю.

¹⁴⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 113.

¹⁵⁰ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 225—228.

¹⁵¹ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода. С. 91.

¹⁵² Некоторые исследователи переносят наблюдение В. Л. Янина и на другие древнерусские земли (см., напр.: Сапожников Н. Б. О топографии древнего Смоленска//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1979. № 5. С. 60).

чений, мы в то же время полагаем, что источники позволяют взглянуть на вопрос и несколько иначе.

В 1132 г., по словам летописца, была «встань велика в людях». И вот новгородское вече, в котором принимали участие, помимо новгородцев, псковичи и ладожане, «даша посадничяти» во Пскове Мирославу, а «Рагуилови в городе».¹⁵³ Здесь люди, т. е. широкие круги населения Новгорода и его пригородов, распоряжаются посадничеством. В 1195 г. новгородцы шлют посадника Мирошку к Всеволоду; когда же он спустя два года вернулся в Новгород, там были рады все «от мала до велика», т. е. от простых людей до знатных.¹⁵⁴ Довольно часто встречаем летописную формулу, согласно которой новгородцы «даша посадничества» тому или иному боярину.¹⁵⁵ При этом нередко избранию в посадники предшествовало лишение этой должности лиц, неугодных новгородской общине.¹⁵⁶ Вряд ли можно сомневаться в том, что под новгородцами, смещавшими посадников, надо разумеать всю массу местных свободных жителей. Отсюда понятно, почему посадники, посылаемые Новгородом для переговоров с князьями, представляли всех новгородцев, а не отдельную их группу.¹⁵⁷

Весьма красноречивы летописные известия о событиях 1255 г. в Новгороде, из которых узнаем о причастности к судьбам посадничества «черных людей»¹⁵⁸ — низшей прослойки свободного населения Новгорода.¹⁵⁹

Активная позиция в делах о посадничестве различных категорий свободного населения новгородской земли указывает на то, что деятельность посадников распространялась на все эти категории без какого бы то ни было изъятия, ярким подтверждением чего служит рассказ летописца о новгородцах, которые «сториша вече на посадника Дмитра и на братью его, яко ти повелеша на ногородьцих сребро имати, а по волости куры брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и все зло».¹⁶⁰ Показательно и то, что конфискованное посадничье имущество вечники разделили «по всему городу».¹⁶¹ Если акцию новгородцев, направленную против посадника Дмитра и «его братьи», считать спровоцированной князем Всеволодом, как думает В. Л. Янин,¹⁶² тем выразительнее станет речь последнего, обра-

¹⁵³ НПЛ. С. 22—23, 207.

¹⁵⁴ Там же. С. 42—43, 234—237.

¹⁵⁵ Там же. С. 24, 26, 27, 29, 31, 35, 38, 39, 45, 50; 52; 59; 68; 70.

¹⁵⁶ Там же. С. 27, 29, 31, 35, 36, 50, 51, 59, 68.

¹⁵⁷ Там же. С. 42—43, 44, 53, 54.

¹⁵⁸ Там же. С. 81, 308.

¹⁵⁹ См.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... С. 268; Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова//Исторические записки. Т. 103. 1973. С. 272.

¹⁶⁰ НПЛ. С. 51, 248.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 117—118.

щенная к новгородскому ополчению, основу которого составляло рядовое воинство: «Кто вы добр, того любите, и злых казните».¹⁶³ Дальнейшие события показали, что именно вернувшиеся из похода новгородцы сошлись на вече, обвинившее посадника в злоупотреблениях.¹⁶⁴

Власть посадника, подобно власти князя, имела общеземское значение. Не случайно замещение посадничьей должности, как и княжеского стола, являлось прерогативой городского вече, будучи, следовательно, предметом компетенции новгородской общины в целом. «А вы, братье, — говорил на вече посадник Твердислав, — в посадничестве и во князех вольне есте».¹⁶⁵

Приведенные материалы убедительно, как нам кажется, свидетельствуют о том, что новгородское посадничество — это не институт боярского самовластья, а один из высших волостных органов власти, возникший в процессе становления города-государства в новгородской земле. Необходимо заметить, однако, что привилегия быть избранным в посадники принадлежала исключительно боярству. Чем это объяснить?

В. Л. Янин, выявляя исторические корни исключительности боярского права на замещение должности посадника, писал: «Единственным лишенным противоречий способом решать проблему боярства представляется нам признание аристократической сущности бояр, принадлежности их к потомству родоплеменной старейшины...»¹⁶⁶ Мы думаем, что древнерусское боярство пришло на смену родовой аристократии в результате разложения родоплеменного строя и складывания территориальной социальной структуры, сыгравшей переходную роль от доклассового общества к классовому.¹⁶⁷ Можно согласиться с И. М. Троцким в том, что рост новгородского боярства — явление, относящееся к XI в.¹⁶⁸ Кстати сказать, С. В. Бахрушин связывал возникновение боярства с концом X—XI вв.,¹⁶⁹ а один из выдающихся советских лингвистов Б. А. Ларин, указывая на позднее возникновение термина «боярин», наблюдал упрочение боярства в эпоху Пространной Правды.¹⁷⁰ Вполне вероятным представляется и другое мнение И. М. Троцкого, что под наименованием «бояре» скрывались должностные лица — лидеры, выражаясь современным языком, новгородской общи-

¹⁶³ НПЛ. С. 50, 248.

¹⁶⁴ Там же. С. 51, 248.

¹⁶⁵ Там же. С. 59, 260.

¹⁶⁶ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода... С. 90. См. также: Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет. С. 113.

¹⁶⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 79—81.

¹⁶⁸ Троцкий И. М. Возникновение Новгородской республики. С. 353.

¹⁶⁹ Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Руси//Историк-марксист. 1937. Кн. 2. С. 54—55.

¹⁷⁰ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975. С. 84.

ны.¹⁷¹ На образовавшуюся в конце X—XI вв. должностную прослойку были перенесены традиции родового общества. Это облегчалось тем, что бояре в качестве общественных руководителей стали преемниками племенной старейшины. Не являясь прямыми потомками родоплеменной знати, новгородские бояре унаследовали от нее функции общественных лидеров, а это и поставило их в особое положение среди остальных жителей Новгородской земли.

Общеземской, судя по всему, была и деятельность сотских. В 1196 г. новгородцы посылают к Всеволоду Большое Гнездо «Мирошку посадника и Бориса Жирославиця, Микифора съчьского, просяче сына».¹⁷² Как видим, сотский Никифор представляет от всего Новгорода. Но если в данном случае ему это поручено вместе с посадником, то на следующий год новгородцы делегируют с целью приглашения Ярослава занять княжеский стол одних только сотских: «Идоша из Новгорода переднии мужи сътьский и пояша Ярослава с всею правдою и чьстью».¹⁷³ О том, что сотские имели прямое отношение к избранию князей, говорят также происшествия в Пскове 1178 г., когда Мстислав «изыма сотьскеи», которые не «хотяхуть сыновица его Бориса».¹⁷⁴

Любопытная запись, характеризующая власть сотского, содержится в Новгородской Первой летописи под 1118 г.: «Приведе Володимир с Мьстиславом вся бояры новгородьскыя Киеву, и заводи я к честному хресту, и пусти я домовь, а иныя у себе остави; и разгневался на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся».¹⁷⁵ Данный текст позволяет сделать важные выводы. Слово «грабили» здесь нельзя понимать в буквальном смысле, поскольку «грабежом» занимались новгородские бояре, в том числе и сотский Ставр. В древнерусской лексике термин «грабеж» обозначал, помимо прочего, определенный вид наказания по суду.¹⁷⁶ Сообщение летописца как раз и следует толковать в качестве свидетельства о наказании, заключавшемся в конфискации имущества виновных.¹⁷⁷ Сотский Ставр, следовательно, наряду

¹⁷¹ Троицкий И. М. Возникновение Новгородской республики. С. 369—370.

¹⁷² НПЛ. С. 42, 235.

¹⁷³ Там же. С. 43, 236. — Сотские выступали посланцами от городской общины в целом и в других древнерусских землях — городах-государствах. Известен, например, сотский Пантелей, посланный в 1229 г. «от Смолнян в Ригу, а из Ригы на Готьскыи берег, утвърживати мир» (ПРП. Вып. II. С. 57).

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 608.

¹⁷⁵ НПЛ. С. 21, 204—205.

¹⁷⁶ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. Стб. 574.

¹⁷⁷ В новгородской истории подобные «грабежи» отнюдь не редкость (см.: Фроянов И. Я. О событиях 1227—1230 гг. в Новгороде//Новгородский исторический сборник 2 (12). Л., 1984).

с другими знатными новгородцами творит суд над Даньславом и Ноздречей, принадлежавшими к боярству. В этом мы усматриваем пример осуществления власти сотского, распространяющейся на бояр. Заточение Ставра в Киеве Владимиром Мономахом и сыном его Мстиславом со всей ясностью показывает, что сотский, чьи действия вызывали княжеский гнев, не входил в круг чиновников новгородского князя, а являлся представителем общинной администрации. Еще одно подтверждение нашей мысли находим в Уставе князя Всеволода Мстиславича, где княжие мужи поставлены особняком от сотских: «А ты вся дела приказах святей Софии и всему Новугороду моим мужам и 10-ти сечьским...»¹⁷⁸

Необычайно красноречиво известие летописца о событиях 1230—1231 гг., в ходе которых новгородцы «даша посадничество Степану Твердиславичю, а тысячское Миките Петриловицю, а добыток Семенов и Водовиков по стом розделиша».¹⁷⁹ Это значит, что люди, распоряжающиеся посадничеством и тысяцким, живут по сотням. Приведенные сведения о сотских избавляют нас от необходимости приводить аналогичные данные относительно тысяцких. Добавим только, что на летописных страницах тысяцкий вырисовывается как должное лицо всего Новгорода, но не части его населения.¹⁸⁰

Итак, привлеченные нами источники позволяют утверждать, что и посадник, и тысяцкий, и сотские были органами власти всей городской общины, а не двух разных административно-территориальных систем Новгорода. Вопрос же о соотношении этих органов надо, по нашему мнению, рассматривать в хронологическом плане.

Происхождение сотен, как мы уже отмечали, теряется в глубинах первобытности.¹⁸¹ Древнейшие же сведения письменных источников о сотских относятся к концу X в. Сотские и десятские фигурируют в летописном рассказе о пирах князя Владимира.¹⁸² На новгородском материале к выводу о древности сотен пришел А. В. Куза, убедительно обосновавший свои наблюдения.¹⁸³ Что касается концов, то их образование связано с доступными взору исследователя временами. Во всяком случае, мы знаем, что в Новгороде в XII в. было три конца (Славенский, Неревский и Людии). Несколько позже появляется Плотницкий конец, а за ним где-то на исходе XIII в. — Загородский.¹⁸⁴ Весьма показателен тот факт, что процесс транс-

¹⁷⁸ ПРП. Вып. II. С. 165.

¹⁷⁹ НПЛ. С. 70.

¹⁸⁰ Там же. С. 53, 59, 70, 81.

¹⁸¹ См. с. 181 настоящей книги.

¹⁸² ПВЛ. Ч. I. С. 86.

¹⁸³ Куза А. В. Новгородская земля//Древнерусские княжества X—XIII в./Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 164—168.

¹⁸⁴ Арциховский А. В. Городские концы в Древней Руси//Исторические записки. 1945. 16. С. 45. — Сравнительно позднее сложение кон-

формации сельских общин в городские концы доступен для изучения даже на материалах XV—XVI вв.¹⁸⁵ Похоже, что сотни древнее концов. В ходе исторического развития кончанская система наложилась на существующую сотенную организацию, связанную прежде всего с военным бытом. В результате разложения родоплеменного строя сотенная система изменилась, но не исчезла: сотни и сотские сохранялись еще долгое время, обеспечивая наряду с другими институтами нормальное функционирование древнерусского общества.

Мысль о противостоянии концов и сотен — лишь звено в интересной гипотезе В. Л. Янина об имманентном разделении Новгорода на привилегированное боярство и непривилегированное остальное население. Другим таким звеном является вопрос о новгородском вече. Еще в 1970 г. В. Л. Янин, основываясь на сообщении источника XIV в. о 300 золотых поясах и считая, что примерно такое количество усадеб было в Новгороде, нарисовал картину вечевых заседаний небольшой олигархической группы в 300—400 человек,¹⁸⁶ причем одним из аргументов являлось то, что на Ярославовом дворище археологическими раскопками не было обнаружено достаточной площади, чтобы поместить там более 300—400 человек. Здесь заключалось и определенное противоречие. Автор отмечал, что в Новгороде одному владельцу принадлежало 2,3, а то и больше усадеб. Подставляя эти цифры в подсчеты В. Л. Янина, получаем цифру в 50—100 человек. Такая группа могла поместиться где угодно, но переставало «работать» сообщение о 300 золотых поясах.¹⁸⁷

чанской системы наблюдает П. П. Толочко (см.: Толочко П. П. О социально-топографической структуре древнего Киева и других древнерусских городов//Археологические исследования Киева. 1978—1983 гг./Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1985. С. 9, 17).

¹⁸⁵ См.: Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов//Русский город (историко-методологический сборник)/Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1976. С. 21—22. — Превращение сельских общин в городские концы, фиксируемое в столь позднее время, делает сомнительным утверждение, что известные науке древнерусские городские концы формировались якобы в эпоху родовых отношений (Там же. С. 23). Возникновение подобных социальных структур сопряжено, по нашему мнению с разрушением родового строя и постепенным устройством общества на территориальной основе. Поэтому градотворческое значение концов мы связываем не с первичными городскими образованиями (племенными центрами), а с городами — средоточиями волостей-земель, становление которых начинается примерно с конца X в. и завершается в главных чертах на протяжении XII столетия.

¹⁸⁶ Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. С. 49—50.

¹⁸⁷ Документ 1331 г. проанализировал К. Расмуссен и пришел к выводу, что сообщение о 300 золотых поясах не имеет отношения к вечу (Расмуссен К. «300 золотых поясов» древнего Новгорода//Scando-Slavica. 1979. Т. 25). Однако сам он исходит из противопоставления боярской (кончанской) и небоярской (сотенной) систем. Вот почему его концепция представляется нам неприемлемой.

В статье, опубликованной годом позже, В. Л. Янин в соавторстве с М. Х. Алешковским писал уже о вече возле св. Софии, указывая, что «вече состояло из представителей привилегированного сословия, но его работа велась не за плотно закрытыми дверьми, а под открытым небом, в окружении толпы, неправомочной, но способной криками одобрения или негодования влиять на решения вечников».¹⁸⁸ Стало быть, место для толпы, пусть неправомочной, все же нашлось. В работе 1973 г., несколько сместившей акценты, В. Л. Янин характеризовал как «весьма неточный тезис о наличии в Новгороде резко полярного размежевания населения на небольшую группу крупных землевладельцев, пользующихся всеми привилегиями вечевого строя, и зависимое население, полностью лишенное вечевых прав».¹⁸⁹ Однако в более позднем труде автора вновь появился тезис 1970 г.: «Мизерность этой площади (вечевой. — *Авт.*) соответствует выводу о предельной ограниченности вечевого собрания, а идентификация его с органом, именуемым в западных источниках „300 золотых поясов“, вносит должную ясность в социальную характеристику этого института».¹⁹⁰ В итоге «емкость» веча определялось в 400—500 человек.¹⁹¹ Если состав участников уличанских и кончанских вечевых собраний был более пестрым в социальном отношении, то общегородское вече представляется исследователю «искусственно образованным представительным органом».¹⁹²

Материалы о вече приводят нас к несколько иным выводам. Вече в XI—XII вв. являлось органом народовластия. Это — народное собрание с участием, а порой и под руководством знати.¹⁹³

Трактовка веча В. Л. Яниным тесно связана с его представлением о роли и месте крупной усадьбы в жизни города. Правда, взгляды ученого со временем менялись. Так, если в 1970 г. В. Л. Янин считал, что в Новгороде были одни боярские усадьбы, то в 1973 г. он писал: «Признание крупной усадьбы единственной низшей ячейкой Новгорода представляется нам теперь неправильным. Наличие в Новгороде значительного массива непривилегированного свободного населения не может вы-

¹⁸⁸ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 59.

¹⁸⁹ Янин В. Л. Возможности археологии в изучении Новгорода // Вестник Академии наук. 1973. № 7. С. 74.

¹⁹⁰ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. С. 47.

¹⁹¹ Янин В. Л. Социально-политическая структура... С. 94.

¹⁹² Там же. С. 94—95.

¹⁹³ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 180—183; 2) О событиях 1227—1230 гг. в Новгороде. С. 97—114; 3) Народные волнения в Новгороде 70-х годов XI в. // Генезис и развитие феодализма в России; Проблемы социальной и классовой борьбы / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985.

зывать сомнений».¹⁹⁴ Тем не менее, мысль об изначальности владения бояр усадьбами и крупными участками земли находим в последующих трудах историка. Концы в Новгороде «возникли как объединение нескольких боярских поселков, сохранивших свою зависимость от боярских семей вплоть до последнего этапа существования Новгородской боярской республики».¹⁹⁵ Исследователь рисует картину изначальной частной собственности в Новгороде: «На участке земли, находящейся в частной собственности одного из родовых старейшин, стоял его двор... совокупность таких дворов составляла первоначальный поселок».¹⁹⁶ Выдвигая это положение, В. Л. Янин в то же время признает трудность проследить корни системы, несомненной только для XIV—XV вв.,¹⁹⁷ указывает на то, что «боярские усадьбы» не отличаются друг от друга ни своими размерами, ни постройками, ни инвентарем.¹⁹⁸ Понятно, почему специалистам не удастся пока «доказать родство владельцев какой-либо усадьбы на протяжении с X по XV в.».¹⁹⁹ Мы присоединяемся к мнению Ю. Г. Алексеева, который считает, что тезис «об изначальности боярского землевладения противоречит всем существующим представлениям о вторичности боярской вотчины, постепенно выкристаллизовывающейся из общины, и не вытекает из непосредственных наблюдений самого В. Л. Янина».²⁰⁰

Проблему веча В. Л. Янин решает в тесном единстве с проблемой земельной собственности в Новгородской земле. Анализ содержания ранних берестяных грамот позволил ему заключить: «Деньги в грамотах XII века занимают столько же места, как земля и продукты сельского хозяйства в более поздних берестяных грамотах. И даже большее место, так как о земле в них не упоминается вовсе, а о деньгах в грамотах XIII—XV веков написано достаточно. Сейчас еще рано делать

¹⁹⁴ Янин В. Л. Возможности археологии... С. 75.

¹⁹⁵ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 181.

¹⁹⁶ Янин В. Л. Берестяная почта столетий. М., 1979. С. 98. См. также: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 181.

¹⁹⁷ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы... С. 38.

¹⁹⁸ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 172.

¹⁹⁹ Куза А. В. Новгородская земля. С. 171.

²⁰⁰ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 24. — Трудно согласиться с выводами М. Х. Алешковского, который подошел к вопросу с другой стороны. Он основывается на интерпретации ст. 1 Краткой Правды, расчлняющей, по его мнению, население Новгорода на мужей-бояр и зависимых от князя людей. Это положение, по верному замечанию Ю. Г. Алексеева, не доказывается, а постулируется (Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова. С. 243). Факты же, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют об ином. В 1018 г. новгородцы «начаша скот събирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен» (ПВЛ. Ч. I С. 97) Тут мужи — не бояре. Под 1016 г. летописец сообщает, как Ярослав «нача вои свои делите, старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородцом по 10 гривен всем» (НПЛ. С. 175). Последняя фраза показывает, что перед нами относительно единая еще община, разделить которую на бояр и небояр трудно.

по этому поводу решительные выводы, однако вряд ли такая разница может быть случайной. Вероятно на протяжении XII в. исподволь происходило накопление денежных ресурсов новгородскими феодалами, позволившее им затем осуществить решительное наступление на те земли, которые в большом количестве в XII веке еще принадлежали свободным новгородским общинникам».²⁰¹ Ю. Г. Алексеев, комментируя приведенное высказывание В. Л. Янина, писал, что оно «представляет большой интерес. Значит, именно XII в. был важным качественным рубежом в истории класса крупных феодалов-землевладельцев в составе новгородской городской общины, важным этапом в процессе превращения аристократии общинно-племенной в аристократию феодально-землевладельческую».²⁰² Оценка правильная, но требующая одного уточнения: поскольку наступление новгородских бояр на общинные земли произошло позже XII в., то и качественный перелом в истории боярства должен быть вынесен за грань данного столетия и приурочен не ранее чем к XIII в. А это означает, что деление новгородцев, предшествующего времени, на привилегированных бояр и бесправную массу не имеет под собой социально-экономической основы.

Упомянутые выводы, полученные В. Л. Яниным при изучении берестяных грамот, представляются нам в высшей степени плодотворными и перспективными. Однако автор стал вскоре развивать другие идеи. Надо, впрочем, сказать, что вопрос о возникновении вотчинного землевладения в Новгородской земле, В. Л. Янин решал в прежнем ключе. Начальный момент становления вотчины он связывал с образованием княжеского домена на рубеже XI—XII вв.²⁰³ Вслед за княжескими домениальными владениями появляются вотчины новгородских бояр и монастырей. Складывание «вотчинной системы в XII—XIII вв. происходит в значительной степени путем государственной раздачи черных волостей, как частным лицам, так и духовным учреждениям. Начавшись при Мстиславе Владимировиче, этот процесс в целом завершился в первой половине XIV в.».²⁰⁴ Зарождение вотчинной системы в Новгороде В. Л. Янин, таким образом, наблюдает сравнительно поздно, в XII столетии. Предшествующий период он именует довотчинным. И здесь исследователь ставит вопрос: «Если до конца XI в. ни князь, ни бояре в Новгородской земле не были вотчинниками, т. е. не располагали домениальной собственностью, кому же там принадлежала земля? Составляла она собственность государства или собственниками ее были крестьяне-общинники?».²⁰⁵ Ответ

²⁰¹ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1975. С. 162.

²⁰² Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота... С. 29.

²⁰³ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 245.

²⁰⁴ Там же. С. 246.

²⁰⁵ Там же. С. 273.

на поставленный вопрос и заключает то новое, к чему пришел в своих последних изысканиях В. Л. Янин. В доволочинный период он усматривает «наличие корпоративной собственности боярства и права верховного распоряжения черными землями, принадлежащего корпорации бояр».²⁰⁶ При этом государственная, корпоративная феодальная собственность распространялась на всю территорию Новгородской земли,²⁰⁷ что, следовательно, полностью исключает существование земельной собственности свободных общинников. Первоначальные основы боярского права верховного распоряжения черными землями были заложены, согласно В. Л. Янину, при Ярославе Владимировиче, хотя и в более раннее время имели место «определенные формы приобщения местного боярства к разделу государственного дохода».²⁰⁸ В окончательном виде государственная боярская собственность сложилась в конце XI в.²⁰⁹

Значительную помощь в создании концепции корпоративной земельной собственности новгородских бояр В. Л. Янину оказали исследования Л. В. Черепнина, разработавшего теорию верховной княжеской собственности на Руси IX—XI вв. как первичной формы феодальной собственности, из которой впоследствии выросла древнерусская вотчина. Окняжение земли, по мнению В. Л. Янина, коснулось и Новгорода.²¹⁰ Один из авторов настоящей работы уже разбирал соответствующую аргументацию Л. В. Черепнина. Оказалось, что идея окняжения земли и установления верховной государственной собственности в лице князя не обеспечена в должной мере историческими данными.²¹¹ И все же для В. Л. Янина факты окняжения в Новгородской области очевидны.²¹² Что же это за факты? Первый из них — летописное свидетельство о княгине Ольге: «Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани».²¹³ Второй факт — известие летописца об уплате новгородцами дани киевским князьям: «Ярославу же живуцу в Новегороде и уроком дающе дань Киеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новегороде гридем раздаваху; и тако даяху вьси князи новгородстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву отцу своему».²¹⁴ В. Л. Янин отмечает, что упомянутая дань установлена была еще Игорем: «Сеи же Игорь нача грады ста-

²⁰⁶ Там же. С. 280.

²⁰⁷ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода... С. 90.

²⁰⁸ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 280.

²⁰⁹ Там же. С. 281.

²¹⁰ Там же. С. 279—280.

²¹¹ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 50—52.

²¹² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 279.

²¹³ ПВЛ. Ч. I. С. 43.

²¹⁴ НПЛ. С. 168.

вити, и дани устави Словеном и Варягом даяти, и Кривечем и Мерям дань даяти Варягом, а от Новагорода 300 гривен на лето мира деля, еже не дают».²¹⁵ Третий факт, привлекаемый В. Л. Яниным, связан с князем Святославом Ольговичем, который по своем прибытии в Новгород в 1137 г. нашел тут «десятину от даней уряженной предшествующими князьями, но не до конца упорядоченными судебные доходы».²¹⁶

Нам кажется, что используемые В. Л. Яниным материалы можно толковать и по-другому. Едва ли следует, на наш взгляд, объединять по смыслу летописные рассказы о выплате новгородскими князьями дани «уроками» и об уставлении дани «мира деля», ибо в одном случае речь идет о платежах, идущих в Киев, а в другом — к варягам. Общее в этих рассказах состоит лишь в том, что они к так называемому «окняжению земли» имеют проблематичное отношение. То же самое можно сказать и насчет сведений летописи об учреждении княгиней Ольгой оброков и даней по Мсте и по Луге. Специальный анализ даннических отношений в Киевской Руси показал, что установление даней отнюдь не означало ликвидацию общинной земельной собственности и образование верховной княжеской собственности на землю, что дань — не феодальная рента, а форма коллективного отчуждения прибавочного продукта победителем у побежденного, или грабежа, которому подвергались «примученные» в ходе войн племена и народности.²¹⁷ Дань — это специфическая форма эксплуатации, типичная для поздней стадии родоплеменного строя и древних обществ с незавершенным процессом классовообразования. Именно к такому выводу склоняют нас древнерусские источники, а также исследования историков и этнографов, изучавших данничество в различных регионах мира.²¹⁸

²¹⁵ Там же. С. 107. — В Повести временных лет содержится более внятный текст: «Се же Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягом» (ПВЛ, Ч. I. С. 20).

²¹⁶ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 280.

²¹⁷ См.: Фроянов И. Я. 1) Данники на Руси X—XII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. / Отв. ред. В. К., Яцунский. М., 1970; 2) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 115—116.

²¹⁸ См.: Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1968. С. 189; Кобищанов Ю. М. Доходы аксумских царей // Социальные структуры доколониальной Африки / Отв. ред. Ю. М. Кобищанов, Л. Е. Куббель. М., 1970. С. 71; Хазанов А. М. 1) О характере рабовладения у скифов // Вестник древней истории. 1972. № 2; 2) Роль рабства в процессах классовообразования у кочевников евроазиатских степей // Становление классов и государства / Отв. ред. А. И. Першиц. М., 1976. С. 274—275; 3) Социальная история скифов. М., 1975. С. 254—263; 4) Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество / Отв. ред. А. И. Першиц. М., 1975. С. 117—118; Першиц А. И. 1) Данничество // IX Международный

Не может служить бесспорным свидетельством «окняжения земли» и Устав Святослава Ольговича. В преамбуле памятника читаем: «Устав, бывши прежде нас в Руси от прадед и от дед наших: имати пискупом десятину от дании и от вир и продаж, что входит в княж двор всего».²¹⁹ Затем вполне последовательно князь обращается к аналогичной новгородской практике наделения епископов: «А zde в Новгороде, что есть десятина от дании, обретох уряжено прежде мене бывшими князи, толико от вир и продаж десятины зрел, олико днии в руце княжи и в клеть».²²⁰ Существо даней мы уже определили. Что касается вир и продаж, то и эти судебные сборы вряд ли стоит относить к феодальным, поскольку они имели публичноправовой, а не рентный характер. Судебные пошлины превращаются в феодальную ренту много позже, по истечении длительного развития частновотчинных порядков, завершившегося образованием сеньории.²²¹

Важное значение В. Л. Янин придает жалованной грамоте князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю. Там говорится: «Се аз князь великий Изяслав Мьстиславич по благословению епискупа Нифонта испрошал есмь у Новагорода святому Пантелемону землю село Витославицы и смерды и поля Ушково и до прости».²²² Князь велел «смердам витославицам не потянути ни ко князю ни епископу, ни в городцкии потуги, ни к смердам ни в какие потуги, ни иною вивирицою, а потянути им ко святому Пантелемону в монастырь к игуме-

конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь 1973. Доклады советской делегации. М., 1973; 2) Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов//Становление классов и государства. С. 290—293; 3) Ранние формы эксплуатации и проблема их генетической типологизации//Проблемы типологии и этнографии/Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1979; Аверкеева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 277—278.

²¹⁹ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 19—20.

²²⁰ Там же. С. 20.

²²¹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 82. — Отсутствие связи вир и продаж с феодальной земельной собственностью, их публичноправовой характер подтверждаются, помимо прочего, текстом самого Устава, по которому размер десятины от вир и продаж зависел от количества дней княжого суда («олико днии в руце княжи»), установленного Новгородским вечем (см.: Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника... С. 23; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 195; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 83). Более убедительным В. Л. Янину представляется чтение «даней» вместо «дней» (Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 81). И все-таки ряд исторических данных, а также некоторые палеографические наблюдения убеждают нас в правильности понимания «днии» как «дней» (см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. С. 83—84).

²²² Корецкий В. И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю//Исторический архив. 1955. № 5. С. 204.

ну и к братьи».²²³ По мнению В. Л. Янина, жалованная грамота Изяслава «недвусмысленно утверждает, что верховным распорядителем земельного фонда, не входившего в состав княжеского домена было государство, решением которого участок черных земель мог быть превращен в вотчину. Иными словами, фонд черных земель на этом этапе предстает перед нами в виде корпоративной собственности веча».²²⁴ Мы полностью солидарны с В. Л. Яниным в том, что жалуемые князем монастырю земли и люди являлись собственностью новгородского государства, или городской общины в лице веча. Но нам представляется не обязательным включение пожалованных князем угодий в разряд черных (общинных) земель, чему препятствуют смерды, которых считать свободными (до пожалования) земледельцами-общинниками с полной уверенностью нельзя. Смерды, по нашему убеждению, составляли категорию несвободного населения, чье происхождение связано с поселением пленников на государственных землях.²²⁵ Положение этих смердов было сходно со статусом рабов фиска Западной Европы.²²⁶ Таким образом, новгородская община XII в., хотя и выступала в качестве корпоративного землевладельца и душевладельца, но за пределами черных волостей.²²⁷

Кроме села Витославицы и других земель, пожалованных князем Изяславом пантелеймоновским монахам, В. Л. Янин упоминает волость Буице, данную князьями Мстиславом Владимировичем и Всеволодом Мстиславичем Юрьеву монастырю с «данию и с вирами и с продажами», а также с «осенним полюдьем даровным».²²⁸ Историк полагает, что волость Буице была пожалована «из состава княжеского домена».²²⁹ Однако Т. И. Осминский показал принадлежность названной воло-

²²³ Там же.

²²⁴ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 274.

²²⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 123—125.

²²⁶ Там же. С. 125.

²²⁷ Как явствует из жалованной грамоты князя Изяслава, смерды могли «тянуть» к епископу, князю, входить в «потуги» к городу и даже к другим смердам. Необходимо заметить, что в перечне лиц, к которым «тянули» смерды, опущены представители боярства — посадник и тысяцкий. Случайно ли это? Похоже, что не случайно. Видимо, смерды обычно несли повинности по отношению лишь к самым высшим представителям волостной администрации — князю и епископу. Вместе с тем не исключалось их участие в городских «потугах», а также «потугах» своих собратий — смердов. Деталь чрезвычайно любопытная, намекающая на то, что князю и епископу передавались вечно не сами смерды, но только право их эксплуатации, причем не в полном объеме, а частично. И вот теперь, согласно грамоте Изяслава витославицкие смерды жалуются со всеми без исключения повинностями, которыми ранее были обязаны Новгороду. Они, следовательно, отрывались от остальной массы государственных смердов, замыкаясь в тесные рамки монастырской вотчины, что превращало их в частновладельческих смердов.

²²⁸ ПРП. Вып. II. С. 102.

²²⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 276.

сти к черным землям.²³⁰ По мнению А. Л. Шапиро и Т. И. Осминского, Мстислав и Всеволод осуществили не земельное пожалование, а передачу права сбора доходов Юрьеву монастырю с волости Буице.²³¹ Князья действовали здесь в качестве суверенов, но не земельных собственников. Обоснованность данного предположения подтверждает последующая судьба волости. Так, из договорной грамоты великого князя Казимира с Новгородом (1440—1447 гг.) узнаем следующее: «Буице» временами выходила из-под власти монастыря и население ее «тянуло» черными кунами уже не к юрьевским монахам, а к тому, кому Господин Великий Новгород предоставлял право на их сбор.²³² Вот почему в Новгородских писцовых книгах упоминание о Буице сопровождается формулой: «волость, что бывала Юрьева монастыря».²³³ Переход права сбора доходов волости в руки монастырской братии «давал возможность для превращения черных земель в феодальную собственность».²³⁴ В этом нас убеждает и опыт истории зарубежных стран. Королевское пожалование земли в бокленд, практиковавшееся в раннесредневековой Англии, открывало владельцу «возможность захватить свободную деревню, присваивать уплачивавшиеся ее населением подати и другие доходы, а в дальнейшем, по мере укрепления его власти над крестьянами, закрепостить и превратить их земли в свою собственность».²³⁵ Схожую картину наблюдаем у славянских народов. В Хорватии, например, как установил Ю. В. Бромлей, «передача верховным правителем отдельным лицам права сбора налогов со свободного населения предполагает появление возможности превращения суверенитета в верховную собственность на землю, принадлежащую этому населению».²³⁶

Итак, передача права сбора доходов с волости Буице Юрьеву монастырю не являлась актом земельного феодального пожалования. Она создавала лишь возможность эволюции пожалованной волости в феодальную собственность. Процесс этот был длительный. И еще в XV в. Буице сохраняет следы былой своей принадлежности к волостному черному миру.²³⁷ Относительно черных земель XII в. и живших там свободных земле-

²³⁰ Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV—начало XVI в./Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 83—85.

²³¹ Там же. С. 68, 85.

²³² Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП). М.; Л., 1949. № 70. С. 116. См. также: там же. № 77. С. 131.

²³³ Аграрная история... С. 85.

²³⁴ Там же. С. 68.

²³⁵ Гуревич А. Я. 1) Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства//Средние века. IV. 1953. С. 63; 2) Мелкие вотчинники в Англии раннего средневековья//Изв. АН СССР. Серия истории и философии. Т. VIII. № 6. 1951. С. 553.

²³⁶ Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964. С. 286.

²³⁷ Аграрная история... С. 83—85.

дельцев-общинников надо сказать, что новгородское вече осуществляло над ними право суверенитета как верховный орган власти Новгородской земли-волости, или города-государства. Правом корпоративной верховной собственности на эти земли оно не пользовалось. Собственниками земель, где трудились свободные земледельцы, были сами земледельцы и общины, объединявшие их.

Говоря о праве верховного распоряжения черными землями, принадлежащего корпорации бояр, В. Л. Янин замечает: «Полагаю, что первоначальные основы этого права закладываются при Ярославе Владимировиче, когда впервые государственный доход не только целиком остается в Новгороде, но становится предметом раздела между новгородцами по иерархическому принципу: в 1016 г. князь Ярослав раздает старостам и новгородцам по 10 гривен, а смердам по 10 гривен».²³⁸ Исследователь, рассуждая о «государственном доходе», целиком оставленном в Новгороде, подразумевает, наверное, прекращение Ярославом выплаты дани Киеву. Но та дань, которую новгородцы выплачивали киевским князьям, едва ли тождественна государственному доходу Новгорода, поскольку дань есть плата всего населения Новгородской земли (в том числе и бояр), предназначенная киевскому князю и добытая вооруженной рукой. Недаром Владимир, узнав о своевольном поступке Ярослава, велел собираться в поход на Новгород, чтобы восстановить нарушенный даннический порядок. И только смертельная болезнь киевского князя помешала состояться этому походу. Нельзя принять безоговорочно и ссылку на летописное известие 1016 г., из которого явствует, что Ярослав, добыв с помощью новгородцев Киев, оделял их деньгами: «Ярослав иде Киеву, седе на столе отца своего Володимира; и абие нача вои свои делите, старостами по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородцом по 10 гривен всем и отпусти их всех домов».²³⁹ Мы склонны тут видеть княжеский дар. Если же называть это разделом государственного дохода и видеть в нем отражение боярского права верховного распоряжения черными землями, то следует тогда признать носителем этого права не только бояр, но и смердов, которых летописец называет среди тех, кто участвовал в упомянутом разделе.

Таким образом, концепция верховной земельной собственности боярства как первоначальной формы феодального землеуладения, утвердившегося в допотопный период новгородской истории (X—XI вв.), нуждается, по нашему мнению, в дополнительном обосновании. Поэтому принять ее мы пока не можем.

Но, расходясь с В. Л. Яниным в вопросе о корпоративной земельной собственности бояр, мы полностью разделяем его

²³⁸ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 280.

²³⁹ НПЛ. С. 175.

точку зрения на историю новгородской вотчины. Мысль ученого, согласно которой боярская вотчина начинает свою жизнь с XII в. и завоевывает господствующие позиции лишь к середине XIV столетия, представляется нам доказанной. А это значит, что на протяжении XI—XII вв. собственность свободных общинников доминировала в новгородском обществе, питая жизнедеятельность местной общины. Отсюда — демократический характер веча, которое конституировалось в верховный орган, распространивший свой суверенитет над Новгородской землей. Именно вече было источником власти князя, посадника, тысяцкого и сотских — должностных лиц, избираемых для управления новгородской общиной. К середине XII в. социально-политическая организация в основном определилась, что позволяет заключить о завершении становления города-государства в Новгородской земле. Дальнейшая история Новгорода в домонгольский период Руси шла путем утверждения и развития принципов, выработанных на протяжении XI — середины XII столетий. Аналогичную картину наблюдаем в соседних с Новгородом Полоцкой и Смоленской землях.

2. Возникновение и развитие города-государства в Полоцкой земле

История Полоцка во многом схожа с историей Новгорода. Так же рано, как и в волховской столице, здесь обозначилось стремление избавиться от господства Киева. Судя по всему, Полоцк раньше Новгорода освободился от киевского засилья. Уже появление на княжеском столе в Полоцке Рогволода, согласно предположению некоторых исследователей, свидетельствовало о возраставшей самостоятельности Полоцка.¹ По мнению А. Н. Насонова, Владимир Святославич, «воздвигая отчину» Рогнеды, учитывал настроение полочан.² Все это, конечно, гипотезы. Но на фоне новгородских событий начала XI в. и последующей истории Полоцка они выглядят вполне правдоподобными.

Под 1021 г. имеются сведения о нападении Брячислава на Новгород.³ Борьба полоцких князей с Новгородом в то время означала, по сути дела, борьбу с Киевом, поскольку подчинение Полоцка Киеву шло через Новгород.⁴ Не случайно Ярослав немедленно пресекает набег Брячислава карательной экспеди-

¹ Казакова Н. А. Полоцкая земля и прибалтийские племена в X—начале XIII века // Проблемы истории феодальной России / Отв. ред. А. Л. Шапи-ро. Л., 1971. С. 82.

² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 147.

³ ПВЛ. Ч. I. С. 99. М., 1950.

⁴ См.: Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 147.

цией, завершившейся разгромом последнего на р. Судомири.⁵ Брячислав в своей борьбе с Киевом опирался на растущие силы полоцкой городской общины, что подтверждает известная «Eumundar Saga», отразившая события того далекого времени. Один из героев этой саги — Эймунд предлагает полоцкому князю свои услуги в борьбе с киевским властителем. Князь отвечает: «Дайте мне срок посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя выплачиваю их я».⁶ Г. В. Штыхов почерпнул отсюда сведения о боярском совете в Полоцке.⁷ Но далее сага говорит о том, что полоцкий конунг «собирает тинг со своими мужами».⁸ Этот факт мы можем рассматривать как свидетельство о вече, ибо тинг в системе социально-политических отношений скандинавов той поры не совет знати, а народное собрание, во многом подобное древнерусскому вечу.⁹ Вероятно, городская община Полоцка к тому времени настолько окрепла, что без нее князь не мог принимать сколько-нибудь важное решение.

В событиях 1021 г. привлекает внимание еще одна деталь, весьма существенная для нашего исследования. После заключения мира с киевским князем Брячислав получил право собирать доходы с городов Витебск и Усвят.¹⁰ Это указывает на процесс формирования полоцкой волости, которая уже в этот ранний период достигала значительных размеров. По верному наблюдению А. Н. Насонова, территория Полоцкой области «росла не без помощи военной силы».¹¹ Не последнюю роль сыграла тут заинтересованность городской общины в захвате одного из ответвлений знаменитого пути «из варяг в греки». Данные летописей и на этот раз подтверждает сага, говорящая о том, что князь полоцкий правит Полоцком и той областью, которая лежит подле.¹²

Всеслав, оказавшийся на полоцком столе после смерти отца, продолжает политику своего предшественника. После короткого перерыва, во время которого полоцкие вои участвовали даже в общем походе на торков (1060 г.), он напал на Новгород. И в 1067 г. войска Ярославичей подошли к Минску. Минск тогда входил в полоцкую «область».

⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 99.

⁶ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978. С. 101.

⁷ Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 15.

⁸ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... С. 101.

⁹ См., напр.: Гуревич А. Я. Норвежское общество и раннее средневековье. М., 1978. С. 87 и др.—А. П. Сапунов был прав, когда отмечал финансовую зависимость князя от веча (Сапунов А. П. Сказания исландских, или скандинавских, саг о Полоцке, князьях полоцких и р. Западной Двине//Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1916. Вып. 3. С. 2).

¹⁰ ПСРЛ. Т. V. С. 134; т. VII. СПб., 1987. С. 328.

¹¹ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 148.

¹² Сапунов А. П. Сказания исландских, или скандинавских саг... С. 10.

Полоцк стремился покончить с зависимостью от поднепровских князей и киевской общины. Вот почему вполне резонно предположение Г. В. Штыхова о том, что не без поддержки полоцкого веча «выгна Всеслав Святополка из Полотьска».¹³ Полочанам наверняка не мог импонировать навязанный из Киева князь. Борьба продолжалась, и теперь полочанам во главе с Всеславом пришлось столкнуться с таким виртуозом военного дела, каким был Владимир Мономах. Нет необходимости описывать перипетии этой борьбы. Для нас важно еще раз подчеркнуть, что без содействия полоцкого земства, кровно заинтересованного в освобождении от киевского влияния, столь долгая борьба с могущественным южным властителем была бы невозможна. О причастности к ней полоцкой земщины говорит сама ее ожесточенность. Так, напав на Минск, Владимир «изъехахом город, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины».¹⁴ Подобное разорение свидетельствует лишь об одном: активном участии жителей Минска в военных предприятиях своего князя.

Пострадал от Мономаха и Друцк.¹⁵ Гонимый за Всеславом, воины Владимира Мономаха опустошили полоцкую землю «до Лукомля и до Логожьска».¹⁶ Перед нами территория формирующейся полоцкой волости-земли.

Во второй половине XI в. складывается понятие Полоцкой волости, в результате чего на всех жителей земли переносится название главного города, что запечатлено в летописном рассказе о чудесах в Полоцке, где всадники-невидимки «уязвляху люди полотьския и его область. Тем и человеци глаголаху: яко навье бьють полочаны. Се же знаменье поча быти от Дрютьска».¹⁷ Как явствует из летописного текста, слово «полочане» покрывало не только население Полоцка, но всей полоцкой области, в том числе Друцка, откуда пошло «знамение».¹⁸

Формирование Полоцкой волости за счет славянских земель к исходу XI в. в основном завершается. Дальнейшее ее расширение осуществляется теперь в неславянских землях Прибалтики. Но уже с начала XII в. мы наблюдаем определенные проявления распада только что сложившегося волостного единства. Усиливается общественно-политическая активность земства и одновременно начинается борьба главного города с пригородами, испытывающими тягу к самостоятельности.

Новые веяния в истории Полоцкой волости обнаруживают

¹³ Штыхов Г. В. Древний Полоцк. С. 10.

¹⁴ ПВЛ. Т. I. С. 160.

¹⁵ Там же. С. 159.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 141.

¹⁸ См.: Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978. С. 29.

ся достаточно отчетливо в соперничестве Давида и Глеба Все-
славичей. Сам факт появления «удельных» князей — знак не
столько роста княжеской семьи, сколько возросшей самостоя-
тельности пригородов. «Удельные» князья выступают, несом-
ненно, как выразители интересов местных городских общин.
Внешне это выливалось в военные столкновения. Так, в
1104 г. Давид в союзе с южнорусскими князьями нападает на
Минск.¹⁹ Устанавливается и различная внешнеполитическая
ориентация местных князей: друцкие князья (Борисовичи) опи-
рались на Мономаха и мономашичей, а минский князь и его
сыновья на Изяславичей, а потом на Ольговичей. Тем не менее
борьба с югом продолжалась, хотя и в усложнившейся обста-
новке. Ее вдохновителем на длительный срок стал Глеб Мин-
ский — представитель минской волости, которая в то время уже
отпочковывалась от Полоцкой. Налицо деятельное участие
в этой борьбе земщины. Жители Друцка, например, действова-
ли столь активно, что князь Ярополк Владимирович даже пе-
реселил их в свое княжество, где «сруби город Желъди дру-
чаном».²⁰ Под 1117 г. В. Н. Татищев сообщает: «Глеб Минский
князь с полочаны паки начал воевать области владимировых
детей: новогрудскую и смоленскую. Владимир, хотя беспокой-
ство сего князя смирить, послал Мстислава сына с братиею
и воевод с довольным войском и велел, как возможно, Глеба
самого, поймав, привезти».²¹ Если это известие расценивать как
свидетельство о союзе минского князя с полочанами,²² то надо
признать, что минская волость в рассматриваемое время еще
не обособилась полностью от главного города Полоцка, тяго-
тея к нему.

Большую энергию в борьбе с киевскими князьями прояв-
ляют и другие пригороды Полоцкой земли: Изяславль, Ло-
гожск, Борисов, Друцк. Подтверждение тому находим в изве-
стиях о походе на эти города, организованном князем Мстис-
лавом Владимировичем в 1128 г. Конечно, здесь нельзя делать
каких-либо однозначных выводов. Положение упомянутых при-
городов двойственно: с одной стороны, нападение на них го-
ворит, безусловно, о возросшем их значении, с другой — об от-
ветственности жителей этих пригородов за то, что происходило
в Полоцке. В последнем случае военные действия против Изяс-
лавля, Логожска, Борисова и Друцка следует расценивать как
своего рода давление киевского князя на Полоцк. Понятно, по-
чему полочане в конечном счете «выгнаша Давыда и с сынъми
и поемше Роговолода идоша к Мстиславу, просяще и собе кня-
зем».²³ Отсюда ясно, что Полоцкая волость была еще относи-

¹⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 185.

²⁰ Там же. С. 200—201.

²¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. М.; Л., 1963. С. 133—134.

²² Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 256.

²³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 299.

тельно единой, несмотря на зримые тенденции ее пригородов к обособлению.

Консолидации Полоцкой земли, сдерживанию центробежных сил способствовала напряженная борьба с южными князьями, приобретающая в конце 20-х — начале 30-х годов особенно острый характер. Под 1130 г. летописец сообщает о высылке Мстиславом полоцких князей в Византию, которые нарушили, по всей видимости, заключенный в 1128 г. договор.²⁴ Мстислав «поточи и Царюграду за неслушание их, а мужи свои посажа по городом их».²⁵ Правление киевских ставленников вряд ли могло понравиться населению Полоцкой волости. Будучи калифами на час, они, без сомнения, стремились взять от своего правления все возможное.

Не удовольствовавшись проведенной операцией, Мстислав стремился подорвать экономический потенциал земли, нанося удар по полоцким данникам.²⁶ На фоне всех этих событий не выглядит случайным активное выступление горожан в 1132 г., когда полочане, воспользовавшись уходом ставленника Киева Изяслава, передавшего бразды правления своему брату Святополку, изгнали последнего, посадив на княжеский стол другого князя.²⁷

После этих событий Изяслав оказался в Минске, что, вероятно, произошло с ведома киевского князя Ярополка, а в 1134 г. мы видим его уже во Владимире Волынском. Вполне допустимо предположение, что минчане последовали примеру старшего города и постарались восстановить свою независимость. В условиях значительного еще влияния старшего города на пригороды такое было, конечно, возможно.

Однако влияние это час от часу слабело и сменялось столкновениями пригородов со старшим городом, прервать которые теперь не могли и враждебные отношения с соседями. Яркая иллюстрация тому — события 50-х годов XII в.

В 1151 г. полочане «яша Рогъволода Борисовича князя своего и послаша к Меньску и ту и держаша у велице нужи, а Глебовича к собе уведоша».²⁸ Затем полочане «прислашася к Святославу Олговичу с любовью, яко имети отцем себе и ходити в послушаньи его и на том целоваша хрест».²⁹ Эти летописные известия свидетельствуют о весьма значительной политической активности полоцкой общины, способной менять князей, держать их «у велице нужи», сноситься с князьями других волостей и заключать с ними соглашения. Не исключено, что по договоренности с полочанами Святослав Ольгович взял к себе

²⁴ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 260.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. 1962. С. 304.

²⁶ См.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 263.

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 302.

²⁸ Там же. Т. II. Стб. 445.

²⁹ Там же. Стб. 445—446.

«в подручники» Рогволода Борисовича, вызвавшего неудовольствие полоцкой общины.

Под 1159 г. Ипатьевская летопись сообщает: «Иде Рогволод Борисович от Святослава от Олговича искать себе волости, поем полк Святославль, зане не створиша милости ему братия его, взявше под ним волость его и жизнь его всю и приехав к Случьску и нача слатися ко Дрючаном». Перед нами текст, любопытный во многих отношениях. Прежде всего привлекает внимание интерпретация летописцем произошедших событий. Совершенно неожиданно для нас он выводит на авансцену «братию» Рогволода, лишившую якобы его волости. Но это — дело рук не родичей князя, а полочан, т. е. общины главного города. Тут нам предоставляется случай убедиться в своеобразной манере подачи материала летописцем, который, вопреки фактам, изображает князей главными действующими лицами, затушевывая деятельность полочан. Правда, несколько ниже «списатель» возвращается к истинному положению вещей, рассказывая о том, как полочане направили «в тайне» посольство к Рогволоду со словами: «Княже наш, съгрешили есмь к Богу и к тебе, оже встаном на тя без вины, и жизнь твою всю разграбихом и твоя дружины, а самого емше выдохом тя Глебовичем на великую муку».³⁰

Отсюда понятно, сколь опасно не критическое отношение к летописным записям, содержащим сведения о князьях, выступающих в качестве вершителей политических судеб древнерусских земель XII в. Нельзя забывать, что здесь мы имеем явные издержки прокняжеского настроения летописцев, порождавшего соответствующие искажения при передаче исторических событий.³¹

Изучаемые известия летописи имеют еще один содержательный аспект, характеризующий взаимоотношения полоцкой общины и князя. Волость, где правил Рогволод, ассоциируется у летописца с понятием «жизнь». Это указывает на огромное, можно сказать, определяющее значение в княжеском бюджете платежей, собираемых с волощан, — в данном эпизоде обитателей Полоцкой волости. Важно подчеркнуть: право сбора такого рода доходов дается князю общиной главного города, что являлось своеобразным вознаграждением правителю за осу-

³⁰ Там же. Стб. 493, 494.

³¹ Необходимо заметить, что социально-политическая роль народных масс в Древней Руси показана летописцами далеко не лучшим образом. Она выявляется лишь в результате критического прочтения летописей (см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 155). Доверчивое отношение к летописцам, которые в центр своих повествований вводили не народ, а князей, бояр, высшее духовенство, может создать у исследователей иллюзию безграничного господства древнерусской знати (см.: Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси//Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965).

ществование им общественно полезных функций. Перед нами порядки, типичные для позднеродовой социальной структуры и обществ с незавершенным процессом классовообразования.

Заслуживает быть упомянутой и такая деталь, как разграбление «жизни», т. е. имущества,³² князя и его дружины. Под «разграблением» надо понимать конфискацию княжеского и дружинного имущества, произведенную полоцкой общиной. Аналогичные случаи имущественного изъятия у правителей, смещенных с должности городской общиной, мы уже наблюдали в других землях, в частности в Новгороде.³³ Это свидетельствует о сходстве политического развития Полоцкой и Новгородской волостей. Отметим также и то, что в Полоцке, как и в Новгороде, община оказывается сильнее, чем князь с дружиной, коль она в состоянии распорядиться ими по своему усмотрению. Князь и дружина, следовательно, не могли противостоять вооруженным жителям Полоцка, представлявшим собой более мощную военную организацию, нежели дружинники, и, что особенно важно подчеркнуть, независимую от князя.

Сквозь летописное повествование проступают некоторые новые черты полоцкого пригорода Друцка. Ищущий «собе волости» князь Рогволод «нача слатися ко Дрючаном. Дрючане же ради быша ему и приездяче к нему вябяхут и к собе, рекуче поеди, княже, не стряпай, ради есме тебе, аче ны ся и детьми бити за тя, а ради ся бьем за тя. И выехала противу ему более 300 лодии (людии?) Дрючан и Полчан и вниде в город с честью великою, и ради быша ему людие, а Глеба Ростиславича выгнаша и двор его разграбиша горожане и дружину его».³⁴

Как явствует из приведенного рассказа летописца, Рогволод в своем стремлении утвердиться в Полоцкой волости опирался на поддержку населения Друцка, что, бесспорно, говорит о значительной самостоятельности этого полоцкого пригорода. Вместе с тем в Друцке встречаем какую-то группу полочан. Данное обстоятельство указывает на сохраняющиеся еще связи пригорода с главным городом. Но то были связи почти равноправных партнеров. Прежнее господство Полоцка и неравноправный статус Друцка канули в вечность. Дрючане без ведома полоцкой общины отворили ворота своего города Рогволоду, а Глеба Ростиславича «выгнаша», причем они разграбили двор князя Глеба и добро его дружинников, продемонстрировав тем самым превосходство в силе над этими, так сказать, профессиональными военными. Друцкая община, следовательно, выступает как вполне оформившийся социально-политический

³² См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. С. 873; Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 109.

³³ См. с. 182, 184—185 настоящей книги.

³⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 493.

союз, обладающий собственной и независимой от князя военной организацией.

Происшествия в Друцке всколыхнули массы полочан: «И мятежь бысть велик в городе в Полчанах, мнози бо хотяху Рогъволода, одва же установи людье Ростислав; и одарив многими дарми и води я к хресту».³⁵ Легко убедиться, сколь непрочным было положение князя в Полоцке, как зависел он от настроения горожан, перед которыми приходилось ему заискивать и всячески ублажать, чтобы расположить их к себе. Летописец сообщает о существовании договора между Ростиславом и полочанами, подтвержденном крестоцелованием: «На том бо целовали бяше хрест к нему, яко ты нам князь еси, и даи ны Бог с тобою прожити, извета никакого же до тебе доложить и до хрестного целования».³⁶ Соглашение, вероятно, было временным. Иначе трудно понять последнюю фразу: «и до хрестного целования».

Восстановив пошатнувшиеся было свои отношения с полоцкой общиной, князь Ростислав, видимо, не без согласия и участия полочан отправился в поход на Рогволода, обосновавшегося в Друцке. Благодаря помощи дручан Рогволод устоял в бою. Враждовавшие князья примирились. Но Ростислав недолго оставался в Полоцке. Вскоре там началось движение, направленное против него, в ходе которого полочане уже не грабили княжескую дружину, а попросту избивали. Ростислав, соединился с остатками дружины «на Белчици и оттуда поиде полком к брату к Володареви Меньску и много зла створи волости Полотьской воюя и скоты и челядью».³⁷ А полочане послали «по Рогъволода Дрютьску, и вниде Рогъволод Полотьску месяца июля и седе на столе деда своего и отца своего с честью великою, и тако быша ради Полочане».³⁸

В летописи, как замечаем, бывший пригород Полоцка Минск мыслится вне полоцкой волости, что означает освобождение Минска из-под власти главного города и обособление его в отдельную и самостоятельную волость. О том же говорит и поведение минчан, впустивших Ростислава, изгнанного полочанами, в свой город. Но Полоцк все еще цеплялся за старину, пытаясь вернуть утраченные позиции старшинства.

В 1160 г. «ходи Рогъволод с Полтчаны на Рославнаго Глебовича к Меньску». Шесть недель простоял Рогволод у стен Минска. Наконец, он «створи мир с Ростиславом по своей воли». Примечателен тот факт, что Рогволоду оказывал помощь киевский князь Ростислав Мстиславич: «Послал же бяше Ростислав ис Киева помочь Рогъволоду с Жирославом с Нажи-

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Стб. 494.

³⁷ Там же. Стб. 495—496.

³⁸ Там же. Стб. 496.

ровичем Торкъ 600».³⁹ Этот факт, по нашему убеждению, свидетельствует о том, что отношения Полоцка с Минском приобрели в значительной мере внешнеполитический характер. Перед нами по существу две самостоятельные волости, имеющие собственных князей, враждебных друг другу. Их враждебность — не только результат столкновения внутрикняжеских интересов, но и следствие противоречий между полоцкой и минской общинами. Вот почему необходимо с осторожностью относиться к тем известиям летописи, в которых военные конфликты, происходившие на Руси рассматриваемого времени, включая, разумеется, и Полоцкую волость, подаются как сугубо межкняжеские распри. Под 1161 г., летописец, например, сообщает: «Ходи Рогъволод ко Меньску на Ростиславнаго Глебовича и створи с ним мир и въвзратися въ свояси».⁴⁰ В 1160 г. князь Рогволод, как мы знаем, ходил против Ростислава Глебовича «к Меньску» вместе с полочанами. На сей же раз о полочанах летописец хранит молчание. Значит ли это, что они не принимали участие в походе? Конечно, нет. Ведь князь Ростислав опирался на минскую общину. Чтобы одолеть его или склонить к миру, надо было управиться и с минчанами, для чего сил одной княжеской дружины явно не хватало. Без помощи полочан поход на Минск едва ли мог состояться.

Анализ источников показывает, что в межкняжеской борьбе на Руси XII в. народное ополчение («вой») фигурирует в подавляющей массе батальных сцен. И нередко побеждал именно тот князь, за кем шло больше «воев».⁴¹

Участие «воев» в княжеских «каторах» нельзя расценивать только в качестве поддержки, оказываемой населением того или иного города своим князьям, ибо в нем находила отражение межобщинная борьба, получившая широкое распространение в древнерусской жизни. Поэтому изучение межкняжеских конфликтов невозможно вести, отвлекаясь от соперничества и противоборства древнерусских городских общин, городов-государств. Нарушая данный принцип, мы неизбежно придем к односторонним выводам, искажающим историческую реальность. Вот, кстати, летописный рассказ о походе в 1162 г. князя Рогволода во главе полоцкой рати на Городец: «Приходи Рогъволод на Володаря с Полотъчаны к Городцю. Володарь же не да ему полку въ дне, но ночь выступи на нь из города с Литвою. И много зла створися в ту ночь: онех избиша, а другыя руками изоимаша, множество паче избъьеных. Рогъволод же въбеже в Случьск и ту быв три днии иде в Дрьютеск, а Полотъску не сме ити, занеже множество погибе Полотчан. Полот-

³⁹ Там же. Стб. 505.

⁴⁰ Там же. Стб. 512.

⁴¹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 200—203.

чане же посадиша в Полотьски Василковича».⁴² Очень трудно здесь указать, где кончается соперничество Рогволода с Володаром и начинается борьба полочан с городчанами, поскольку оба князя были тесно связаны с общинами, которыми управляли. Особенно наглядно это видно на примере Рогволода, который, боясь ответственности за большие потери в полоцком войске, не вернулся в Полоцк, а укрылся в Друцке, где у него, как мы убедились ранее, имелись сторонники и доброхоты. Боязнь князя Рогволода полочан, а также посажение ими на княжеский стол Всеслава Васильковича свидетельствуют лишь об одном: источником власти князя в Полоцке являлась местная городская община. Подобные порядки имели место в других городах — главных центрах Руси. История Полоцка, следовательно, не отличалась в принципиальном плане от истории остальных древнерусских городов-государств.

Таким образом, к середине XII в. довольно явственно обозначились симптомы распада единой прежде Полоцкой земли на относительно самостоятельные городские волости, т. е. города-государства. Приведем еще ряд фактов, подтверждающих это наблюдение.

Разлад между частями Полоцкой земли замечен в невыразительном на первый взгляд сообщении летописи насчет участия «кривских князей» в походе 1162 г. на Слуцк.⁴³ В. Е. Данилевич предположил, что в данном сообщении речь идет не о всех князьях Полоцкой области, а только о минских Глебовичах — северных соседях слуцких князей.⁴⁴ В этом вопросе В. Е. Данилевича поддержал Л. В. Алексеев.⁴⁵ Вероятно, так оно и было. Ведь, скажем, Друцк, имевший давние связи со Слуцком, отнюдь не был заинтересован в походе против него.

Во второй половине XII в. происходит обособление Витебской волости.⁴⁶ Показательно, что в известном договоре 1129 г. Смоленска с Ригой и Готским берегом она упоминается наравне с Полоцкой волостью: «Та же правда буде Русину (в Ризе) и Немчию по Смоленской волости и по Полотьской и по Витьбьской».⁴⁷ Значительно ранее, по всей видимости в начале XII в., определилась Изяславско-Логожская волость, которая во второй половине того же столетия разделяется надвое.⁴⁸ Со второй половины XII в. фигурирует в источниках Лукомльская волость.⁴⁹

⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 519.

⁴³ Там же. Стб. 521.

⁴⁴ Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 93.

⁴⁵ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 272—273.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 525. См. также: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 273.

⁴⁷ Памятники русского права. Вып. II. М., 1953. С. 69.

⁴⁸ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 76.

⁴⁹ Там же.

Яркой иллюстрацией совершающегося дробления Полоцкой земли может служить летописная запись о том, как в 1186 г. «на зиму иде на Полтеск Давыд Ростиславич из Смолинська, а сын его Мстислав из Новагорода, из Ложьска Василко Володаревич, из Дреютьска Всеслав. И слышаша Полочане и здумаша, рекуще: не можем мы стати противу Новгородцем и Смолняном, аще попустим их в землю свою, аще мир створим с ними, а много ны зла створять, попустят ны землю, идучи до нас, поидем к ним на сумежье».⁵⁰ Цитированный текст не оставляет сомнений в том, что поход 1186 г. на Полоцк осуществлялся не столько силами княжеских дружин, сколько городских общин, в частности Новгорода и Смоленска. Этот вывод прямо следует из слов полочан: «Не можем мы стати противу Новгородцем и Смолняном». Вместе с Новгородом и Смоленском свои полки на Полоцк двинули Логожск и Друцк, находившиеся некогда под властью полоцкой общины, а теперь оказавшиеся в стане ее врагов, — факт, свидетельствующий о сравнительно далеко зашедшем распаде Полоцкой земли на более мелкие волости, или города-государства, образование которых сопровождалось напряженной борьбой пригородов со старшим городом.

В ходе этой борьбы силы полоцкой общины слабели. Неудивительно, что пригороды порой торжествовали над Полоцком. Так, в 1167 г. минское войско разбило Всеслава полоцкого, и с помощью минского оружия на полоцком столе утвердился Володарь. И только витебской общине удалось противостоять Володарю. Всеслав вновь вокняжился в Полоцке, направленный туда (и это очень важно отметить) витебским князем Давыдом.⁵¹

Для этих событий, как, впрочем, и для событий 50-х годов, рассмотренных нами выше, характерно то, что пригороды навязывают главному городу своих претендентов на княжеский стол. Князь то из Друцка, то из Минска восседает на полоцком столе, а потерпев неудачу, возвращается в приютивший его пригород. Похоже, что пригород приобретает значение своеобразного плацдарма для утверждения того или иного князя в Полоцке. Причины такого явления открываются нам, с одной стороны, в ослаблении общины главного города, изнуренной конфликтами с общинами пригородов, с другой стороны, — в значительном относительно остальной Руси развитии самостоятельности пригородов в Полоцкой волости. Вместе с тем их стремление посадить своего князя на полоцкий стол говорит о сохраняющихся еще связях пригородов с главным городом. Однако характер этих связей во многом переродился. И мы

⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стб. 403—404.

⁵¹ Там же. Т. II. Стб. 526—527. См. также: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 278.—279.

можем рассматривать попытки пригородов навязать Полоцку угодных себе князей как попытки возобладать над своей, если уместно так выразиться, метрополией, поменяться местами с полоцкой общиной, посягнуть на статус главного города. Борьба с пригородами вынуждала полочан искать союзников в соседних землях, а это, в свою очередь, втягивало Полоцк в междоусобия соседних городов-государств.⁵²

Итак, мы проследили, насколько позволяют, разумеется, источники, как складывалась Полоцкая волость и как постепенно происходил распад ее на более мелкие волости. Если говорить иначе, то необходимо вести речь о формировании города-государства в рамках первоначальной Полоцкой волости и последующем раздроблении его на несколько городов-государств, центрами которых становились бывшие пригороды Полоцка. Обратимся теперь к соседней Смоленской земле.

⁵² См.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 273.

3. Становление города-государства в Смоленской земле

Начальные страницы истории Смоленска в значительной мере напоминают нам то, что известно о Новгороде и Полоцке. Со времен Олега и Игоря город платил дань Киеву. К сбору дани, по мнению исследователей, сводилась роль сидевшего в Смоленске князя из Киева — Станислава.¹

С разложением родоплеменных отношений и образованием территориальной социальной структуры в конце X — начале XI вв. здесь зрели силы, способные противостоять господству поднепровской столицы. Думаем, что именно с действием этих сил надо связывать появление в середине XI в. самостоятельного княжения в Смоленске. Правда, в 1060 г. Ярославичи разделили Смоленск, т. е. доходы с города, на три части.² Смоленск, полагают историки, оказывал сопротивление.³ Как бы там ни было, остановить развитие смоленской волостной общины было уже невозможно.

Рост ее самостоятельности ощутил на себе князь Олег. В 1096 г. он «приде Смолиньску, и не прияша его смольняне».⁴ Это отнюдь не первое свидетельство активности, скорей всего вечевой, жителей Смоленска. Летописец замечает: «Новгородци бо изначала и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся влас-

¹ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 194—195.

² ПСРЛ. Т. XV. М., 1965. Стб. 153.

³ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 195.

⁴ ПВЛ. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 151.

ти яко на думу на веча сходятся...»⁵ Летописное «изначала» относится примерно к середине XI в.⁶

В вечевой организации и в преломлявшихся через вече отношениях городской общины с князьями наиболее полно отразилась социально-политическая активность смолян в XI—XII вв. Так, в 1175 г. «смоляне выгнаша от себя Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава введеша Смоленську княжить».⁷ Следует согласиться с Л. В. Алексеевым в том, что события, подобные этому, имела в виду вдова покойного Романа Ростиславича, когда причитала: «Многия досады прия от Смолнян и не виде тя, господине, николи же противу ихъ злу некоторого зла въздающа».⁸ Надо, однако, иметь в виду, что, несмотря на такие отношения, после кончины Романа «плакашеса по нем вси Смолняне, поминающе добросердье его до себе».⁹

Интересны события 1185—1186 г. В 1185 г. смоляне «сво-рили вече» во время похода, который возглавлял князь Давыд. Произошло это под Треполем, где «смоляне же почаша вече деяти, рекуще: мы пошли до Киева, даже бы была рать, билися быхом, нам ли иное рати искати? То не можем — уже ся есмы изнемогли».¹⁰ По мнению В. Т. Пашуто, это не собрание «всех горожан и, пожалуй, не всего войска. Это военный совет».¹¹ Н. Н. Воронин полагал, что здесь проявили себя бояре-дружинники, которые «вздумали „вече деяти“, когда нужно было, забыв усталость и свои боярские интересы, броситься на помощь переяславцам, избиваемым половцами».¹² Мы не можем согласиться ни с одним ни с другим исследователем. Речь здесь идет именно о вече. Ведь вече «деяли» смоляне, «вои», т. е. городское и сельское ополчение.¹³ Повинуясь решению веча, князь Давыд должен был повернуть обратно.

В следующем 1186 г. «въстань бысть Смоленське промежи князем Давыдом и смолняны и много голов паде луцких муж».¹⁴ По Н. Н. Воронину, «смоляне» — все те же «бояре-

⁵ Там же. Стб. 377—378.

⁶ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 159.

⁷ ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 598.

⁸ Там же. Стб. 617. См. также: Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 114.

⁹ Там же. Стб. 616.

¹⁰ Там же. Стб. 647.

¹¹ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси//Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 30.

¹² Воронин Н. Н., Жуковская Л. П. К истории смоленской литературы XII в.//Культурное наследие Древней Руси. Отв. ред. В. Г. Балашов. М., 1976. С. 76.

¹³ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 207. — Вечем считал события под Треполем В. Дьячан (Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах. Варшава, 1882. С. 87).

¹⁴ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 38, 228.

дружинники», нанесшие в 1185 г. ущерб «княжескому престижу Давыда».¹⁵ По его мнению, «в 1186 г., видимо, был новый конфликт с боярами. Его содержание нам неизвестно. Может быть, в 1186 г. Давыд воспользовался условиями того „ряда“, который в 1177 г. в пику ему напомнил Святослав: „оже ся князь извинить, то в волость, а мужь у голову“. За свою вину муж платился головой. Давыдовы „лучшие мужи“, возможно, расплачивались и за недавний трепольский конфликт».¹⁶ М. Н. Тихомиров, тоже обративший внимание на эти события, затруднился определить причины распри князя с жителями Смоленска. «Неясно также, — писал исследователь, — жертвой чего пали „лучшие мужи“: было ли это результатом их борьбы с князем, или, наоборот, „лучшие люди“ поддерживали князя против восставших смолян».¹⁷ Противоречивую оценку событиям в Смоленске 1186 г. дает Л. В. Алексеев. Ученый видит в них борьбу с князем богатых горожан («лучших мужей»), которые возглавляли вече. В ходе борьбы гибли «головы этих мужей и мужей князя».¹⁸ Но в другом разделе своей книги Л. В. Алексеев предлагает иную интерпретацию смоленским событиям 1186 г.: «Дело происходило в конце (мартовского) года, т. е. в феврале, когда запасы истощились. Голодная беднота Смоленска... громила запасы бояр».¹⁹

О бедноте, громящей запасы бояр, летопись ничего не сообщает. Однако последние наблюдения Л. В. Алексеева могут способствовать расшифровке смоленской «встани». Автор правомерно связал ее не с происшествиями под Треполем, а с тем, что происходило в это время в Новгороде, где также имели место народные волнения. В Новгороде, как и в Смоленске, люди были недовольны князем. Эти совпадения, по верному замечанию Л. В. Алексеева, не случайны.²⁰ И вот обнаруживается одна существенная деталь: «Дендрохронология Новгорода, Смоленска, смоленских городов Торопца и Мстиславля показывает, что 1186 г. был неурожайным».²¹ Тут, на наш взгляд, и кроется причина волнений в Смоленске, сопровождавшихся гибелью «лучших мужей» — местных общественных лидеров.

В древних обществах вожди часто наделялись способностью влиять на природу, вызывать урожай или неурожай.²² В Скан-

¹⁵ Воронин Н. Н., Жуковская Л. П. К истории литературы XII в. С. 76.

¹⁶ Там же. С. 76—77.

¹⁷ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 220.

¹⁸ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 115.

¹⁹ Там же С. 225.

²⁰ Там же. С. 224—225.

²¹ Там же. С. 225.

²² Фрэзер Д. Золотая ветвь./Пер. М. К. Рыклина. М., 1980. С. 76, 78 и др.

динавии, например, короля, в правление которого был хороший урожай, называли «благополучным для урожая». «Но если случался неурожай, короля могли самого принести в жертву богам».²³ Вполне возможно, что Давыду были предъявлены обвинения в беде, постигшей Смоленскую общину в результате недорода. Попутно смольняне расправились со своими лидерами («лучшими мужами»), возложив на них вину за несчастья, переживаемые населением города и его области. Аналогичные случаи наблюдаются и в других древнерусских землях.²⁴

В событиях 1186 г. отчетливо видна социально-политическая активность Смоленской городской общины, действующей независимо от князя, располагающей жизнью и смертью своих руководителей.

«Встань» в Смоленске едва ли могла развернуться вне рамок вечевых собраний, где массы горожан определяли свою позицию по отношению к «лучшим мужам» и князю Давыду.

Анализируя летописные известия под 1190 г., Л. В. Алексеев пришел к выводу о крупной роли смоленского веча.²⁵

Однажды Олег Святославич, сообщая родичам о своей победе над смоленским князем Давыдом, заметил: «Сказывают ми и Смольняне изымани, ажъ братья их не добре с Давыдом».²⁶ Здесь, вероятно, речь идет о политической активности населения Смоленска, прорывавшейся на вечевых сходах.²⁷

В 1138 г. смольняне «яша» князя Святослава Ольговича и заключили его под стражу.²⁸ Эта операция вряд ли была проведена без ведома веча. Думаем, что по решению веча в 1175 г., как мы уже отмечали, Смольняне изгнали Ярополка, а Мстислава возвели на княжение.²⁹ Стало быть, «смольяне», или жители Смоленска, в том числе и рядовые, распоряжаются княжеским столом по своему усмотрению, и князья вынуждены подчиниться их воле.

Характерны события 1159 г., когда Ростислава Смоленского союзные князья пригласили на киевский стол. Известно, что Ростислав с ответом послал «Ивана Ручечника и Якуна от

²³ Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 103.

²⁴ См.: Фроянов И. Я. 1) Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История: Сб. статей к IX Международному съезду славистов. Л., 1983; 2) О событиях 1227—1230 гг. в Новгороде // Новгородский исторический сборник. 2(12). Л., 1984; 3) Народные волнения в Новгороде 70-х годов XI в. // Генезис и развитие феодализма в России / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985.

²⁵ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 115.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 692.

²⁷ См.: Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 115.

²⁸ НПЛ. С. 25, 210.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 598.

Смольнян мужа и от Новгородець».³⁰ И. Д. Беляев по этому поводу в свое время писал: «Ростислав принимает киевский стол с согласия смольнян и новгородцев».³¹ От себя добавим: княжеский стол принимается Ростиславом с участием общин Смоленска и Новгорода, что свидетельствует о существенной их роли в межкняжеских отношениях.

На вечеую практику смольнян намекает летопись под 1214 г.³² Вечевые формы политического быта населения Смоленска запечатлены и в договорных грамотах Смоленска с его западными торговыми партнерами.³³

П. В. Голубовский имел полное основание сказать: «До последних дней самостоятельности существования Смоленска вече является главой земли наравне с князем, если вечу придется уступить, то только после энергичного с его стороны сопротивления под давлением внешней силы».³⁴ Мы принимаем эту мысль ученого с одной лишь поправкой: смоленское вече стояло не наравне с князем, а над князем.

Ярко социально-политическое значение смоленского веча, смоленской городской общины отразилась в грамоте Ростислава Мстиславича, который «приведох епископа Смоленску, здумав с людьми своими...».³⁵ С санкции веча не только основывается епископия, но и передаются ей земли, зависимые люди и т. д. Указание на вече видел здесь уже П. В. Голубовский.³⁶ О вече по отношению к данному случаю писал А. А. Зимин.³⁷ В том же смысле интерпретирует ростиславову грамоту и М. Н. Тихомиров.³⁸ Иного мнения придерживается Л. В. Алексеев: «„Люди свои“ — явно не вече, а ближайшие советники князя».³⁹ Считаем, что исследователь неправ, ибо речь в грамоте идет о вече. Л. В. Алексеев не учел данные так называемой «Похвалы князю Ростиславу», в которой говорится, что Ростислав «прииде первое в град Смоленск на княжение, и виде смолинскую церковь сущую под Переяславлем, и негодова, и здума с бояры своими и с людьми, и постави епископа к церкви свя-

³⁰ Там же. Стб. 502—503.

³¹ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. I. М., 1865. С. 344. См. также: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... С. 220.

³² НПЛ. С. 53, 251.

³³ ПРП. Вып. II. М., 1953. С. 57—58. См. также: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... С. 220.

³⁴ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 222. См. также: Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 115.

³⁵ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв./Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 141.

³⁶ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. С. 214.

³⁷ ПРП. Вып. II. С. 45.

³⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 219—220.

³⁹ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 114.

тыя Богородицы...». ⁴⁰ Тут термин «люди» обозначает именно смоленскую городскую общину.

Красноречива и концовка грамоты Ростислава: «Да сего не посуживаи никто же по моих днех ни князь, ни людие». ⁴¹ Здесь «людие» как потенциальные нарушители Устава поставлены вровень с князем. ⁴²

Таким образом, социально-политическая мобильность смольнян на протяжении XI—XII вв. постепенно нарастала, шло становление общественно-политической структуры волостной общины, базировавшейся на территориальном принципе. Параллельно с этим шел процесс формирования смоленской волости.

Для реконструкции этого формирования у нас есть уникальный источник — комплекс грамот, связанных с учреждением епископии в Смоленске. ⁴³ Постараемся определить значение этих грамот, прежде всего грамоты Ростислава для изучения интересующего нас процесса.

Грамота подразделяется на шесть пунктов: 1) благословение; 2) объявление об учреждении епископии с указанием на «повеление» отца князя и совещание «с людьми своими»;

⁴⁰ Цит. по кн.: Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972. С. 142. — «Похвала» дошла до нас в составе «Нифонтова сборника» XVI в., который был создан в Иосифо-Волоколамском монастыре при игумене Нифонте. Однако, по мнению исследователей, оригинал этого памятника был составлен вскоре после смерти Ростислава (1167 г.) (см.: Сумникова Т. А. Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви в кругу смоленских источников XII в. // Восточнославянские языки: Источники для изучения/Ред. Л. П. Жуковская, Н. И. Тарабасова. М., 1973; Шапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. 1974. XXVIII).

⁴¹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 144.

⁴² Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 136. Необходимо подчеркнуть, что в Смоленске складывается такая же система управления, как и в Новгороде. Наряду с князем и воеводой, здесь встречаем посадника (см.: Древнерусские княжеские уставы, с. 144).

⁴³ В последние годы комплекс смоленских грамот стал объектом внимательного изучения (см.: Шапов Я. Н. 1) Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // Археографический ежегодник за 1962 год/Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1963; 2) Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972; Поппэ А. В. 1) Учредительная грамота Смоленской епископии // Археографический ежегодник за 1965 год/Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1966; 2) Fundacja biskupstwa smolenskigo // Przegląd historyczny. 1966. Z. 4; Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского и процесс феодализации Смоленской земли // Slawianie w dziejach Europy Poznań. 1974). Однако в источниковедческом изучении комплекса еще много спорного и неясного. Трудно, например, согласиться с гипотезой Л. В. Алексеева, попытавшегося реконструировать процесс переписки грамот (Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского... С. 88—89). Контрдоводы см.: Дворниченко А. Ю. К вопросу о «прощенниках» // Вест. Ленингр. ун-та. 1979. № 14, С. 109. — Исследование этого интересного источника должно быть продолжено.

3) перечень пожалований епископии, оканчивающийся заявлением, «что же мога, то же даю»; 4) перечень судебных дел, которые относятся к юрисдикции епископа, и распоряжение об отказе в судебных пошлинах и денежных штрафах светским претендентам на них: князю, посаднику, тиуну, иным «от мала до велика»; 5) оговорка о соразмерности количества десятины от даней, определенного в урожайный и мирный год; 6) санкция, включающая запрет нарушения грамоты и заклатье — угрозу страшным судом на том свете за ее нарушение.⁴⁴

Ученых давно уже привлекает список даней, из которых смоленскому епископу пожаловалась десятина. Велик соблазн найти какую-либо закономерность в построении этого списка, а еще больше — связать его с формированием смоленской земли. Л. В. Алексеев пытается подразделить пункты, упомянутые в грамоте на группы, которые, по его мнению, осваивались княжеской данью в разное время. Таким способом он выделяет четыре этапа «феодализации» смоленской земли. Сначала в середине XI в. были внесены в список, по мысли Л. В. Алексеева, первые 12 (Вержавляне Великие — Былев) пунктов, которые расположены в географической последовательности, «начиная с самого крупного дохода и кончая самым меньшим». Следующие наименования (Бортницы — Мирятичи) были, согласно Л. В. Алексееву, приписаны «явно позднее», по мере упорядочения дани или в результате специальных военных экспедиций. После присоединения Мирятичей княжеской данью была охвачена вся основная территория смоленских кривичей, и дальше дань могла распространяться только на некривичские земли. К семнадцатому пункту податного перечня теперь приписываются еще три, расположенные в области Пахры и Нары, где жили вятичи: Добрятино, Доброчков, Бобровницы. Впрочем, в это время дань росла и внутри Смоленского княжества, где возникали новые центры обложения: Дедогостици, Ження Великая и Солодовнич. Княжеские отряды проникают в земли радимичей, и там на верхней Десне создают податные волости.⁴⁵ В области голяди возникли Путтино с подчиненным ему пунктом Беницы. «Последний этап феодализации Смоленской земли» начался, по мысли Л. В. Алексеева, «упорядочением дани на торговых коммуникациях как на Днепре (Копысь), так и в области радимичей (Прупой, Кречут — Пропойск и Кричев), на пути в Новгород (Лучин), в верховьях р. Болва (Блеве), вятической р. Москва. (Искона на притоке этой реки — Исконе)».

Л. В. Алексеев старается проставить «на этой шкале какие-либо твердые временные вехи». Первые 12 пунктов вошли в список даней в 1054 г. Далее произошло присоединение зе-

⁴⁴ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 141—145.

⁴⁵ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 46—47.

мель голяди. Но случилось это не в 1058 г., как полагал, опираясь на летопись А. Н. Насонов, а в первые десятилетия XII столетия. Поскольку голядь археологически еще не обнаружена, то вывод этот сделан на том основании, что соседнее с голядью вятичское население выросло именно в начале XII в. и в это время привлекло внимание смоленских князей. А раз так, продолжает дальше мысль Л. В. Алексеев, то пункты, перечисленные до пунктов, находящихся в землях вятичей и голяди и после первых 12 пунктов, т. е. Бортницы, Витрин, Жидчичи, Басея, Мирятичи, присоединены после 1054 г., но до начала XII в., или во второй половине XI в.

Следующая временная вежа, которую считает возможным выделить Л. В. Алексеев,— 1116 г. Именно в этом году Вячеслав Смоленский занял Копысь, а после этого она впервые упоминается лишь в Уставной грамоте Ростислава.

Есть еще две временные вежи. Во-первых, 1127 г., выделенный чисто логическим путем: если захват Кричева и Пропойска был действительно осуществлен Ростиславом или даже Мстиславом, то произойти это могло скорее всего в 1127 г., когда черниговские Ольговичи были утеснены. Во-вторых, 1134 г., когда была внесена суздаде-залесская дань в Смоленский устав.⁴⁶

Мы так подробно остановились на изложении концепции Л. В. Алексеева потому, что она положена в основу принципиально важных выводов о «феодализации» Смоленской земли. Но присмотримся к построениям автора внимательнее.

Прежде всего замечаем, что его схема не выдерживает критики в одном из своих основных звеньев. Имеем в виду этап освоения восточной территории. Локализацию пунктов, расположенных здесь (Добрятино, Доброчков, Бобровницы), Л. В. Алексеев произвел вслед за П. В. Голубовским.⁴⁷ Кроме указанных трех, тут локализованы еще Путтин, Беницы и Искона. Однако современные исследователи В. В. Седов и В. А. Кучкин показали искусственность приемов П. В. Голубовского при определении восточной части Смоленской земли.⁴⁸ Действительно, Добрятин П. В. Голубовский, а вслед за ним Л. В. Алексеев видят в селе Добрятине, которое стояло на правом берегу р. Пахры. Но село это возникло только во второй половине XIV в. А в первой половине того столетия упоминается вместо с. Добрятино — Добрятинская борть. В. А. Кучкин приходит

⁴⁶ Там же. С. 47—52

⁴⁷ Голубовский П. В. История Смоленской земли... С. 68—69. Прим. 2; с. 72. Прим. 1.

⁴⁸ Седов В. В. Смоленская земля//Древнерусские княжества X—XIII вв./Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 257; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 83.

к справедливому выводу о том, что «поросшие густыми лесами берега р. Пахры начали осваиваться не в XII, а в XIV в.». ⁴⁹

В. А. Кучкин отмечает и сомнительность локализации Доброчкова, который идентифицировался с позднейшим селом Добриной на р. Истье, а также Бобровниц, за которые П. В. Голубовский принимал Бобровники XIX в. Боровского уезда. ⁵⁰ Единственным основанием для локализации Доброчкова и Бобровниц было их совместное упоминание с Добрытиным в Уставной грамоте. Из предложенных локализаций, по мнению В. А. Кучкина, бесспорной может быть признана только одна — Искона, которая лежала, очевидно, по р. Исконе, левому притоку р. Москвы в ее верхнем течении. ⁵¹ Но ведь Искона упомянута в грамоте лишь на 32-м месте. ⁵² Значит, все рассуждения о третьем этапе «феодализации», а также определение времени этого этапа не имеют под собой прочной основы. А следовательно, неправомерно выделение и второго этапа, которое базируется на логическом построении: «после» первого, но «до» третьего.

Неубедительно и выделение дат 1116 и 1127 гг. Так, Л. В. Алексеев уверенно пишет о том, что в 1136 г. еще не было Мстиславля и Ростиславля. ⁵³ Вывод этот делается, видимо, лишь на том основании, что ни тот ни другой не упомянуты в грамоте Ростислава, так как ни собственные раскопки Л. В. Алексеева, ни письменные источники, им же цитируемые, не дают оснований для такого вывода. ⁵⁴ Л. В. Алексеев в данном случае забывает, что список даней грамоты Ростислава не направлен на то, чтобы отразить все пункты, находившиеся в сфере влияния Смоленска. Здесь перечислены лишь те пункты, доходы от которых получал теперь епископ.

Итак, внимательное рассмотрение пунктов, перечисленных

⁴⁹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 83.

⁵⁰ Голубовский П. В. История Смоленской земли... С. 72. Прим. 1.

⁵¹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 83; Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 103.— Исследовательница земли вятичей Т. Н. Никольская согласилась с П. В. Голубовским и Л. В. Алексеевым, отметив в то же время, что ни на одном из упомянутых пунктов, кроме Бениц, не были произведены археологические раскопки (Никольская Т. Н. Земля вятичей. М., 1981. С. 71).

⁵² В. А. Кучкин ставит под сомнение и локализацию с. Бениц, а что касается Путтина, то он отмечает, что его локализация тоже еще не вполне ясна (Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 83).

⁵³ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 51.

⁵⁴ О Мстиславле сообщает под 1135 г. сборник киевского Михайловского монастыря (Щапов Я. Н. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. // Новое в археологии / Под ред. В. Л. Янина. М., 1972. С. 282). Значит, существуя с 1135 г., город не мог исчезнуть ни с того ни с сего в 1136 г. В Ростиславле же самим Л. В. Алексеевым найдены древнерусские слои до середины XII в. (Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 180).

в грамоте Ростислава,⁵⁵ не позволяет согласиться с построениями Л. В. Алексеева.

Конечно, Смоленская земля осваивалась не один день. Однако стремиться выделить этапы освоения земли по грамоте Ростислава — это значит предъявлять к источнику завышенные требования.

И все-таки определенная закономерность в размещении пунктов, упоминаемых в документе, есть. Обращает на себя внимание то, что подавляющее количество пунктов, платящих дань, является периферией по отношению к Смоленску и располагается на значительном расстоянии от него. Полагаем, что Уставная грамота отразила процесс освоения городской общиной Смоленска территории земли. Перед нами уникальный источник, довольно подробно рисующий картину складывания города-государства.⁵⁶

Мы коренным образом расходимся с Л. В. Алексеевым в понимании движущих сил формирования территориальных образований, называвшихся в древнерусский период волостями, или землями.

В работе, посвященной Полоцкой земле, Л. В. Алексеев, вслед за А. Н. Насоновым, связывал расширение территории земли с появлением «местного феодального класса, в интересах которого было создать аппарат принуждения, распространяя его действие на значительные территориальные объединения, и бороться за расширение своей областной территории».⁵⁷

В Смоленской земле главная роль отводится княжеской колонизации. Но уже на полоцком материале мы видели, что у самых истоков формирования волостной системы стоит городская община. С позиции, на которой стоят названные ученые, весьма трудно объяснить заинтересованность всей полоцкой городской общины в судьбах волости. В полной мере это относится и к Смоленской земле: ведь даянами, как и другими пожалованиями, распоряжается городская община Смоленска.⁵⁸ В этой связи не вызывает удивления тот факт, что жители Смоленска освобождали себя от некоторых платежей.⁵⁹ Действительно, ни в Уставной грамоте, ни в грамоте о погородьи и почести Смоленск не упомянут. А. Н. Насонов резонно замечал, что из грамоты Ростислава явствует следующее:

⁵⁵ См.: Дворниченко А. Ю. Городская община и князь в древнем Смоленске // Город и государство в древних обществах / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1982. С. 142—143.

⁵⁶ Там же. С. 143.

⁵⁷ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 146; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 73.

⁵⁸ Грамота, как мы знаем, принималась на вече: «здумав с людьми своими» Городская община («люди») мыслится как возможный нарушитель Устава.

⁵⁹ Маковский Д. П. Смоленское княжество. Смоленск, 1947. С. 235.

«Смоленское „погородие” собиралось не с самих смолян, а с „области”».⁶⁰

Итак, учитывая все сказанное, а также нефеодалный характер дани,⁶¹ еще раз подчеркиваем, что в грамоте Ростислава запечатлен процесс складывания волости, города-государства. Грамота рисует нам сложную и интересную картину образования волости. В зависимости от Смоленска находятся поселения разных стадий социального развития. Среди них — города с прилежащими к ним волостями, погосты, которые можно считать предшественниками будущих городов. Обращают на себя внимание пункты с патронимическими названиями. Это, видимо, племенные поселения.

Грамота Ростислава содержит сведения о ближайшей округе Смоленска, о тех землях, которые и легли в основу формирования Смоленской волости.

С согласия смоленского веча Ростислав наделил епископию селами Дросенским и Ясенским, где сидели изгой, сеножателями и озерами. Все эти земли и воды представляли собственность смоленской городской общины и лежали в той смоленской «области», в узком смысле этого слова, которая раньше всего стала тянуть к городу. Весьма красноречивы отдельные фразеологические обороты смоленской уставной грамоты: «...и озе-

⁶⁰ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 50.

⁶¹ По мнению исследователя грамоты Ростислава Я. Н. Щапова, в ней отразились два вида даней, «значительно различающихся социально-политически. Одни из этих даней платит все население княжества: как труженики, создающие материальные ценности, так и люди, живущие за счет их эксплуатации или за счет доходов от обращения ценностей... Другую часть даней платят непосредственные производители, и эти платежи могут рассматриваться как ранняя форма земельной ренты, которая в ряде отношений близка к феодальной земельной ренте» (Щапов Я. Н. Княжеские Уставы... С. 148—149). К сожалению, для такого членения дани источник не дает достаточных оснований. По Л. В. Алексееву, дань, будучи первоначальным доходом смоленского князя (наверное, личным), после возникновения обширного княжеского домена становится «государственным княжеским доходом» и поступает князю только как к «сюзерену страны», пока он являлся таковым (Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 107—108). По нашему убеждению, Л. В. Алексеев преувеличил степень развития княжеского домена в Смоленской земле (см.: Дворниченко А. Ю. Городская община и князь... С. 145—146). К тому же дань в древнерусский период никакого отношения к феодальной ренте не имела (Фронов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 113—118). Дань грамоты Ростислава Мстиславича — результат первоначального, скорее всего, военного освоения соседних племен той группировкой, средоточием которой был Смоленск. И не случайно грамота различает полюдье и дань: те пункты, которые платили дань, — не платили полюдья, и наоборот. И дело не в том, что дань платило «феодализованное» население, а полюдье — свободное. Там, где было «примучивание», где власть устанавливалась силой оружия, там платили дань, а полюдье — «дар» сограждан в пользу князя, осуществляющего функции публичной власти. Конечно, дани грамоты мы застаем на уже более высоком уровне их развития. Это своего рода налог формирующегося города-государства, не являющийся на этом этапе феодальной рентой.

ра Нимикорская и сеножатыми, и уезд княж, и на Сверковых луках сеножати, и уезд княж...»⁶² Что следует понимать под выражением «уезд княж»? Нам кажется, что его можно толковать как «въезд княж».⁶³

Если наше толкование верно, то это проливает дополнительный свет как на характер земельных отношений в тот период, так и на структуру земельной собственности в формирующейся Смоленской волости. Здесь мы имеем, по сути дела, древнерусский вариант *ager publicus*. Князь «въезжает» в сеножати и озера, т. е. только пользуется ими.⁶⁴ Свое право въезда он и передает вновь учрежденной епископии. Собственником же угодий является смоленская городская община.

В середине и во второй половине XII в. понятия «Смоленская волость», «Смоленская земля» начинают постоянно фигурировать в летописи.⁶⁵ Данный факт, по нашему мнению, указывает на завершение в Смоленске становления города-государства.

Термин «Смоленская земля», помимо территориального смысла, приобретает социальное содержание, обозначая Смоленскую волостную общину, наделенную действенной политической силой, в чем убеждаемся на примере Святослава Всеволодовича, который «имел тяжу» с князьями Рюриком, Давыдом и «Смоленьскою землею».⁶⁶ Л. В. Алексеев по поводу «тяжи» Святослава со Смоленской землей справедливо гово-

⁶² Древнерусские княжеские Уставы XI—XV вв. С. 143.

⁶³ Такое толкование не покажется беспочвенным, если учесть, что слово «уезд», будучи известным в восточнославянском и западнославянском языках, образовано с помощью префикса у- от езд — «путь, дорога», параллельного слову «езда» (см.: Шанский Н. М., Иванов В. В. Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 462; Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 573). По словам В. О. Ключевского, «этимология этого термина («уезд») объясняется одним административно-судебным отправлением: полуднем или ездом; древний администратор сам собирал корм с управляемого округа, объезжая его... округ, в пределах которого ездил администратор для получения корма, и получил название уезда» (Ключевский В. О. Соч. Т. VI. М., 1959. С. 135). Если в населенные места князь или какой-нибудь иной администратор въезжал для сбора доходов, то в пределы сеножатей и озер он мог въезжать только с целью пользования этими угодьями, т. е. для сенокосения, выпаса скота и рыбной ловли. Напомним также, что смена «в» на «у» была распространенным явлением в средней диалектной группе древнерусского языка. Свидетельства тому исследователи находят именно в смоленских источниках (см.: Черных П. Я. Язык и письмо//История культуры Древней Руси. Т. II./Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера. М.; Л., 1951. С. 119). Эта смена особенно характерна для смоленского говора. На данное обстоятельство указал Н. А. Мещерский.

⁶⁴ Ср.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903. Стб. 1346.

⁶⁵ См., напр.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 360, 495; т. II. Стб. 369, 370.

⁶⁶ Там же. Т. II. Стб. 670.

рил, что Земля эта «была самостоятельной силой, с которой необходимо было считаться, как и с князем».⁶⁷

Любопытные изменения происходят и в содержании термина «смоляныне», обозначавшего сперва жителей главного города и нередко — волости. Теперь слово «смоляныне» отождествляется также с понятием «страны», что подчеркивает суверенный характер смоленской общины, конституировавшейся в город-государство. Так, в 1224 г. накануне битвы с татарами «к острову Варяжскому» прибыла «вся земля Половецкая и Черниговцем приехавшим и Кияном и Смоляныном (и) инем странам».⁶⁸

Источники позволяют проследить дальнейшую историю Смоленской волости. Это отразил интересный документ из смоленского комплекса — так называемая грамота «О погородьи и почестьи».⁶⁹ Здесь видим развивающуюся систему пригородов, на которые из Смоленска как религиозного центра распространяется власть епископа и смоленской городской общины.

Замечаем в источниках и некоторые симптомы процесса, идущего почти параллельно названным, — процесса дробления, разложения города-государства на новые, более мелкие образования.

В грамоте Ростислава в начале списка даней стоят Вержавляне Великие, а их центр Вержавск расположен в конце списка. Видимо, он приписан позднее. Тут мы наблюдаем формирование «микроволости». Вержавляне Великие — девять погостов, которые платят большую дань (1000 гривен). Очевидно, дань сначала выплачивалась прямо в Смоленск. Постепенно Вержавск объединяет погосты (погосты — скорее всего центры общин) вокруг себя, в него начинает «сходиться» дань, образуется союз общин во главе с торгово-ремесленной и земледельческо-землевладельческой общиной главного города. Подобная картина вырисовывается и в «Путтинском куске» грамоты Ростислава.⁷⁰

По такому пути, собственно, шли все погосты, существование которых отразилось в грамоте. Все они начинали стягивать небольшие волости и проявлять тенденции к превращению в города. Другое дело, что далеко не во всех случаях эта тенденция была реализована. Грамота «О погородьи и почестьи» рисует нам возникновение таких центров. К их числу относится Ельня, возникающая на территории одного из малых племен

⁶⁷ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 115.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 741.

⁶⁹ Я. Н. Щапов датирует ее концом XII — началом XIII в., а Л. В. Алексеев сужает датировку между 1211 и 1218 гг. (Щапов Я. Н. Княжеские уставы... С. 146; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 24—25).

⁷⁰ Porre D. A. Dziedzice na Rusi//Kwartalnik historyczny. 1967. № 1.

кривичей.⁷¹ Аналогичными же центрами, возникшими среди малых племен радимичей, были Мстиславль и Ростиславль.⁷² Однако в отличие от Полоцкой земли, в Смоленской земле не видно активных попыток полного отделения пригородов от главного города. Откололся от «материнской» волости в долитовский период только Торопец. Уже в грамоте Ростислава он обозначен центром значительной округи. Впоследствии Торопец стал самостоятельной волостью, в городе появилась своя княжеская династия. Торопецкая волость часто появляется на страницах летописи.⁷³

Естественно, что всем сказанным далеко не исчерпаны возможности смоленского комплекса грамот для реконструкции формирования волостной системы в Смоленской земле. Наша задача скромнее: наметить лишь путь для работы в данном направлении.

В заключение необходимо ответить на весьма сложный вопрос: чем объяснить различие темпов в развитии одного и того же процесса в двух соседних землях — Полоцкой и Смоленской. Вопрос этот тем более интересен, что сейчас есть основания говорить о единстве смоленско-полоцких кривичей. Данные археологии, языкознания, письменные источники не позволяют обнаружить какой-либо этнографический рубеж между Смоленской и Полоцкой землями XI—XIV вв.⁷⁴ Естественно, что такое различие в развитии города-государства в Полоцке и Смоленске объясняется рядом причин. Попытаемся выделить ведущую, главную, и здесь важное значение имеют наблюдения Л. В. Алексеева.

Изучение заселенности Полоцкой земли показало, что население тут размещалось гнездами. Насчитывается десять таких скоплений, восемь из которых были кривичскими, а два — дреговичскими, причем семь кривичских скоплений более или менее равновелики, в то время как восьмое (Полоцко-Ушачское) по площади, по количеству памятников превышает их вдвое или даже втрое.⁷⁵

Иным был характер заселенности Смоленской земли, где было всего три крупнейших скопления древнего населения. Л. В. Алексеев отмечает, что характер заселенности Полоцкой и Смоленской земель несомненно зависел от причин как геогра-

⁷¹ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 177.

⁷² Нет достаточных оснований связывать их возникновение с княжеским доменом, как это делает Л. В. Алексеев (Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 191). См.: Дворниченко А. Ю. Городская община... С. 146).

⁷³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 435, 448, 510, 513. См. также: Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. С. 25, 161.

⁷⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 164—165.

⁷⁵ Алексеев Л. В. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель IX—XII вв. // Древняя Русь и славяне / Отв. ред. Т. В. Николаева. М., 1978. С. 24.

фических, так и от заселенности страны аборигенами. Это, без сомнения, так. Но нужно учитывать еще один фактор. Такой характер заселенности, по нашему мнению, отразил также племенную структуру обитавших на этих территориях кривичей.

Племенной союз полоцких кривичей имел почти полную десятичную структуру и, естественно, что еще в родоплеменной период власть наиболее сильного племени, средоточием которого позднее стал Полоцк, распространилась на другие племена союза.

Не во всем можно согласиться с А. Е. Пресняковым, который утверждал, что «городские волости-земли явились на развалинах племенного быта, не из него выросли, а его разрушали».⁷⁶ Столь резкой дискретности в развитии не было, традиции более раннего периода частично переносились и на городские волости-земли XI столетия. Только этим можно объяснить появление полоцкой волости уже в первой половине XI в.

Не выглядит загадочным и то, что в племенах полоцкого племенного союза раньше, чем где бы то ни было, сформировались свои центры, вокруг которых впоследствии сложились волости, небольшие города-государства. Немало этому способствовали географические условия. Исследование Л. В. Алексеева показало, что заселенные участки были островами в море леса.⁷⁷ Еще М. К. Любавский верно подметил, что в литературе часто рассуждают о тех различиях, которые возникали в греческих городах-государствах под влиянием природных условий, имея в виду, что греческие города-государства были разделены горными перевалами, находились в горных долинах. Но ведь лесные массивы и болотные трясины также могли составлять порой непреодолимое препятствие для поддержания отношений.⁷⁸

Иной была структура племенного союза смоленских кривичей. Кривичских скоплений здесь всего два: в одном из них и возник сам Смоленск, а центром другого стал Торопец, как мы видели, единственный пригород Смоленска, получивший полную самостоятельность. Смоленская волость складывалась гораздо дольше и труднее, чем Полоцкая. В нее вошло много некривичских земель, большую роль в ее росте играл естественный прирост населения.

На протяжении всего долитовского периода Смоленск — мощный урбанический центр, один из крупнейших городов Руси, оставался центром притяжения для всех различных и по-

⁷⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. Киевская Русь. М., 1938. С. 62.

⁷⁷ Алексеев Л. В. Некоторые вопросы заселенности... С. 24.

⁷⁸ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 85—86.

разному вошедших в состав волости поселений, что столь ярко отразилось в грамоте Ростислава Мстиславича.

Смоленск, как и остальные волостные центры Руси, конституировался в город-государство, представлявший собой республику, в основе которой лежало демократическое начало.

В своем историческом развитии Смоленск шел в том же направлении, что Новгород и Полоцк, ничем принципиально от них не отличаясь.

Итак, на примере северо-западного региона Древней Руси мы попытались проследить за формированием здесь городов-государств. Обратимся теперь к Северо-Восточной Руси.

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XI — начала XIII вв.

1. Город-государство в Ростовской земле

Междуречье Волги и Оки — сложный в этническом плане регион, заселенный восточными славянами относительно поздно. «Славянизация местных финнов здесь продолжалась в XI—XIII вв., а в отдельных местах затянулась до XIV столетия», — отмечает В. В. Седов.¹ Первые же сообщения летописи рисуют нам картину зависимости этой территории от «Русской земли».

Из Новгородской Первой летописи младшего извода, Лаврентьевской и Ипатьевской летописей узнаем, что в Ростове Владимир посадил Ярослава, а после того, как Ярослав был переведен в Новгород, здесь стал княжить Борис.² Появление киевских князей на Северо-Востоке «нельзя расценивать как начало ее политической самостоятельности».³ Князья, подобно тому как это было в Новгороде и в других землях, выполняли роль посадников. Свидетельством того, что эта территория рассматривалась в качестве подвластной, может служить и ссылка в Ростов новгородского посадника Коснятина.⁴ Вполне можно согласиться с мыслью В. А. Кучкина о «ближайшем отношении Ярослава к Ростовской земле».⁵ Не случайно в 1024 г. он снова появился на далеком северо-востоке, на этот раз в Суздале. «Слышав же Ярослав волхвы, приде к Суздалью», — читаем в летописи.⁶ Ярослав прибыл сюда отнюдь не для поддержки старой чади, как думают многие историки,⁷ а для того,

¹ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 192.

² НПЛ. Л., 1950. С. 159; ПСРЛ. Т. I. Стб. 121; т. II. Стб. 105.

³ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 59.

⁴ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Л., 1925. С. 123.

⁵ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 58.

⁶ ПВЛ. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 100.

⁷ Эта точка зрения была высказана еще в 30-е годы (см. об этом: Фроянов И. Я. Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов. Литература, фольклор, история: Сб. статей к IX Международному съезду славистов. М., 1983).

чтобы собрать дань и таким образом пополнить казну. Средства нужны были Ярославу для оплаты алчного варяжского воинства, необходимого в назревавшей межкняжеской борьбе. Следовательно, здесь на северо-востоке жили данники — покоренные и обложенные данью племена.⁸ Вполне возможно, что Ярослав упорядочил взимание дани. На это намекает повгородский летописец, свидетельствуя, что Ярослав «устави» землю Суздальскую.⁹

Такого же рода даннические отношения представлены и в летописном сообщении под 1071 г. Тогда на северо-востоке оказался Ян Вышатич, который по поручению киевского князя Святослава собирал дань.¹⁰ Правда, А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, а за ними и другие исследователи полагают, что Ян побывал в «Белозерском крае» до вокняжения Святослава в Киеве.¹¹ Однако некоторые историки датируют эту поездку Яна временем княжения Святослава в поднепровской столице.¹² Для нашего исследования не столь важно, из Чернигова или из Киева распространялась дань на северо-восточные земли, главное — это была зависимость от центра, именуемого «Русской землей». С целью сбора дани ходил, видимо, в междуречье Волги и Оки Владимир Мономах.¹³ В 60-е годы право сбора дани с этих земель принадлежало, скорее всего, его отцу — Всеволоду Ярославичу.¹⁴

В период 1078—1093 гг. Ростовская земля своего князя не имела. По-видимому, она управлялась посадниками киевского князя.¹⁵ Потом в Ростове сидел Мстислав. Можно согласиться с В. А. Кучкиным в том, что до 1107 г. на столе в Ростове

⁸ Фроянов И. Я. Волхвы и народные волнения... С. 32.

⁹ Там же.

¹⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 117.

¹¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 444, 456; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 18—19; Мавродин В. В. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 149—150; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 115; Черепнин Л. Н. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда//Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 182—183.

¹² См.: Рапов О. М. О датировке народных восстаний на Руси XI века в Повести временных лет//История СССР. 1979. № 2. С. 144; Фроянов И. Я. О языческих «переживаниях» в Верхнем Поволжье второй половины XI в.//Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики/Отв. ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. Л., 1986. С. 35—36.

¹³ ПВЛ. Ч. I. С. 158.

¹⁴ Следует согласиться с А. Е. Пресняковым, который говорил об отсутствии «возможности отчетливо разграничить, территориально и хронологически, владельческие права Святослава и Всеволода на русском северо-востоке» (Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 41—42).

¹⁵ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 66.

сидел Вячеслав.¹⁶ Но никак нельзя поддержать его тезис о том, что «верховными собственниками северо-восточных земель были южнорусские князья».¹⁷ Проявление этой «верховой собственности» В. А. Кучкин видит в том, что северо-восточные земли должны были оказывать военную помощь «Русской земле».¹⁸ Она выражалась также в праве южнорусских князей на получение дани и суда над населением Ростовской области. Все это позволило В. А. Кучкину «признать прекарный характер княжения в Ростовской земле сыновей Владимира Святославича, Всеволода Ярославича и Владимира Всеволодовича».¹⁹ Военная помощь ни в коей мере с верховной собственностью не связана. Не имеет отношения к феодализму и дань, данническая зависимость.²⁰

Ранние свидетельства о северо-восточных землях рисуют не только зависимость их от «Русской земли», но и то значение, которое имели в них города.²¹ Археологические данные говорят о том, что в конце X — начале XI вв. города Северо-Восточной Руси переживают сложный процесс перестройки, который известен историкам под названием «перенос» города. Процесс этот, о чем мы уже писали,²² был обусловлен перестройкой общества на новых территориальных началах. На смену городским общинам, базирующимся на родовых отношениях, пришли территориальные городские общины. Рождение нового города соединялось с формированием «областей» вокруг них. Во всяком случае, в сообщениях о «восстаниях» в Суздале и Ярославле встречаемся как с городами, так и с определенной территорией, «тянущей» к ним. Выступления 1024 и 1071 гг. это прежде всего события, связанные с городом, городской жизнью. «Въсташа волсви в Суждали»; Ярослав «приде Суз-

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Першиц А. И. Данничество: Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Отд. оттиск. М., 1973. С. 3—4; Фроянов И. Я. Данники на Руси X—XII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г./М., 1970. С. 33—41.

²¹ Не рассматриваем упоминания Ростова под 862 и 907 гг., так как А. А. Шахматов указывал на их позднее происхождение (см.: Шахматов А. А. Повесть Временных лет. Т I: Вводная часть // Летопись занятий археографической комиссии (ЛЗАК). Пг., 1917. Вып. 29. С. 20, 31. Впрочем, многие историки не сомневаются в аутентичности этих летописных сведений.

²² См. с. 39—40 настоящей книги. О «переносе» городов в Северо-Восточной Руси наиболее подробно писал И. В. Дубов (см.: Дубов И. В. 1) К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России / Отв. ред И. Я. Фроянов. Л., 1983. С. 70—82; 2) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 64—66; 3) Города, величеством сияющие. Л., 1985. С. 25—32).

далю, изъймав волхвы», «встаста два волхва от Ярославля».²³ В этих событиях ярко проявили себя лидеры городских общин, будь то «старая чадь»²⁴ или волхвы.²⁵

Летописное сообщение 1024 г. содержит одну любопытную деталь: «Суждаль» в нем назван «страной».²⁶ Конечно, термин слишком неопределен и «литературен», чтобы делать какие-либо конкретные выводы, но вполне вероятно, что к этому времени вокруг Суздаля сложилась определенная территория, зависевшая от него. К такому выводу склоняет и то, что древнейшие города в данном регионе, такие, как Ростов, имели кончанскую структуру.²⁷ Кончанско-сотенная система свидетельствует о тесной связи города с сельской местностью.²⁸

Городская община явственно вырисовывается из летописных известий 1071 г., когда волхвы вместе с отрядом в 300 человек пришли к Белоозеру. О волхвах прибывшему в город для сбора дани Яну Вышатичу рассказали «белозерци». К ним же обратился Ян после того, как волхвы скрылись от него в лесу: «Янь же, вшед в град к белозерцем, рече им. „Аще не имате волхву сею, не иду от вас и за лето“. Белозерци же шедше яша и приведоша я к Яневи».²⁹ Сама летописная терминология говорит о том, что оформилась городская община Белоозера. Но что еще важнее, сложилось представление о «Ростовьстей области».³⁰

А. Н. Насонов попытался установить территорию «Ростовской области» и пришел к выводу, что она «тянулась от устья Нерли клязьменской к устью Которосли, впадающей в Волгу, охватывала Поволжье, от устья Которосли до устья Медведицы, тянулась по Шексне до Белоозера».³¹ Впрочем, становление областной территории еще не закончилось: «фиксированных границ Ростовская земля в то время, по-видимому, не имела».³² Важно отметить, что Ростовская волость возникала на полиэтнической основе.

В междуречье Волги и Оки формировались те же социальные силы, что и в других землях. Так позволяет думать летописный рассказ о борьбе Олега Святославича с Мономами-

²³ ПВЛ. Ч. I. С. 99, 100, 117.

²⁴ Фроянов И. Я. Волхвы и народные волнения... С. 30.

²⁵ Кривошеев Ю. В. О социальных коллизиях в Суздальской земле 1024 г. (по материалам Повести временных лет)//Генезис и развитие феодализма в России/Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985. С. 40—42.

²⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 99.

²⁷ Дубов И. В. Города, величеством сияющие... С. 58.

²⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

²⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 117.

³⁰ Там же.

³¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 178—180.

³² Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 70.

чами в 1096 г. Тогда находившийся в Муроме Изяслав Владимирович послал «по вое Суздалю, и Ростову, и по белозерци, и собра вои многы»,³³ т. е. призвал на помощь городские ополчения.³⁴ Между тем Олег подошел к Мурому и стал понуждать Изяслава уйти в Ростов. Но Изяслав не послушался, «недеяся на множество вой».³⁵ Поведение Изяслава свидетельствует о том, что князья в своей борьбе друг с другом черпали силу в народном войске, а не в дружине. Совершенно ясно, что это войско не являлось хаотической толпой, а представляло собой организованное воинство, способное решать серьезные ратные задачи. Однако военное счастье на этот раз отвернулось от Изяслава и его воинов. Они были разбиты «воями» Олега — народным ополчением, сформированным в Смоленске.³⁶

Войдя в Муром, Олег «изъима ростовци, и белозерци, и суздадце и покова, и устремися на Суздаль».³⁷ Здесь все красноречиво. Враг Олега Изяслав не только повержен, но и убит в сражении. Казалось бы, Олег мог торжествовать победу, но он продолжает борьбу: заключает в оковы ростовцев, белозерцев, суздальцев, а затем идет походом на Суздаль. Олег, следовательно, основного противника видит не только (а может быть, и не столько) в князе. Города, приславшие воинов биться с ним, — вот, кто внушал ему наибольшие опасения. Но обескровленные городские общины не могли оказать должного сопротивления, и потому, когда Олег оказался у стен Суздаля, горожане «дашася ему».³⁸ Далее летописец сообщает любопытные детали: «Олег же смилив город, овы изъима, а другыя расточи, и именья их отъя».³⁹ Как видим, Олег приводит к миру именно город, т. е. суверенную гражданскую общину. Вместе с тем он продолжает репрессии. Все это призвано для того, чтобы обезопасить себя со стороны суздальцев. Утвердив свое положение в Суздале, князь отправился к Ростову. Жители города «вдашася ему». Здесь, как и в предшествующем эпизоде, выступают две политические силы: князь и городская община.

Утверждение Олега в Суздале и Ростове дало основание летописцу сказать, что князь «перее всю землю Ростовьску».⁴⁰ Отсюда ясно, что в конце XI в. существовало понятие «Ростов-

³³ ПВЛ. Ч. I. С. 168.

³⁴ В. А. Кучкин пишет: «В случае опасности каждый город области выставлял свой полк, руководимый, по всей вероятности, местной феодальной знатью» (Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 70). О руководстве полков феодальной знатью источники ничего не сообщают.

³⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 168.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 168.

ская земля». Эта земля включала не только Ростов, но и Суздаль, а также другие города, что явствует, как нам представляется, из летописного известия, по которому Олег «посажает посадники по городом». Среди городов Ростовской земли выделяются Ростов и Суздаль. Главным из них являлся, конечно, Ростов. Но, вероятно, к исходу XI в. обозначились противоречия между Ростовом и Суздалем, стремление последнего возобладать над Ростовом. Показательна в этой связи фраза, брошенная Мстиславом Олегу: «Иди ис Суждаля Мурому, а в чюжей волости не седи».⁴¹ Заслуживает внимания и то, что Суздаль назван волостью, под которой надо понимать территориальное целое, куда входит Ростов. Ведь Олег находится в Ростове, а ему предлагают уйти из Суздаля — факт, говорящий о том, что под Суздалем здесь разумеется не город, а земля. Взаимозаменяемость «Ростовская земля» и «Суздаль», видимо, надо понимать как отражение соперничества двух крупнейших городов Северо-Восточной Руси.

Летописный рассказ, повествующий о межкняжеской борьбе на далеком Северо-Востоке, содержит ряд указаний, которые дают возможность понять особенности местной общественной жизни. Перед нами самостоятельные городские общины, обладающие мобильной военной организацией, общины, консолидировавшие вокруг себя большую территорию, именуемую землей, волостью. Земля состоит из главного города и пригородов. Между главным городом и одним из наиболее крупных пригородов завязывается борьба за преобладание. Все это свидетельствует о сравнительно высоком уровне социально-политической жизни местного общества и позволяет усомниться в довольно распространенных в литературе представлениях о его отсталости.

В 1107 г. мы снова встречаемся с общиной Суздаля в условиях военного конфликта: «Приидоша Болгаре ратью на Суждаля и обступиша град и много зла сътвориша, воююща села и погосты и убивающе многих от крестьян. Суции же людие в граде не могуще противу их стати, не сущю князю у них».⁴² Обычная для Древней Руси ситуация: община испытывает трудности из-за отсутствия князя, который занимался в древнерусском обществе руководством военными делами.⁴³ Но, как

⁴¹ Там же. С. 169.

⁴² ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 73. — Это известие Типографской летописи в терминах более позднего времени рисует картину, вполне реальную для начала XII в. Мы видим город, окруженный селами и погостами, их жителей, которых летопись называет «крестьянами». Термин «крестьяне», как мы знаем, отсутствовал в древнерусской лексике. В целом данное летописное известие заслуживает доверия (см.: Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII вв. М., 1969. С. 119—123; Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 71).

⁴³ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 36.

оказалось, летописец преувеличил беззащитность горожан в отсутствие князя, отдав дань своим прокняжеским настроениям. Суздальцы, «из града изшедше, всех избиша».⁴⁴ В городе, следовательно, была сильная военная организация, которая могла и без князя дать достойный отпор врагу.

Еще более красноречивы в этом смысле события, связанные с битвой «на Ждани горе». Лаврентьевская летопись так повествует об этих событиях: «Тое же зимы бишася Новгородци с Ростовци на Ждани горе и победиша Ростовци Новгородце и побиша множество их и воротишася Ростовци с победою великою».⁴⁵ В таком же ключе рассказывается о битве и в Ипатьевской летописи, где вместо ростовцев названы суздальцы.⁴⁶ Несколько иная трактовка этих событий содержится в Московском летописном своде конца XV в. «А тое же зимы иде Всеволод Мъстиславич на Суздаль и на Ростов с Новоградци и Псковичи и Ладожаны и с всею областю Новоградскою. И сretoша их Суждалци и Ростовци на Ждане горе; и бысть им брань крепка зело, и одолеша Ростовци и избиша множество много Новоградец... а Суждалци и Ростовци възвратишася с победою великою».⁴⁷ Запись Московского летописного свода достаточно красноречива: если применительно к «новоградской волости» упомянут князь, как военный лидер, то Ростовци и Суздальцы выступают сами, без князя. Это свидетельствует об огромной силе и самостоятельности Ростовской военной организации, той ростовской тысячи, о которой писал А. Н. Насонов.⁴⁸ Тем не менее бескняжье не было типичным для древнерусского волостного быта. Созревшей Ростовской «области» нужен был свой князь. Таким князем становится сын Владимира Мономаха — Юрий Владимирович. «И бысть послан от Володимера Мономаха в Суждальскую землю Георгии, дасть же ему на руце и сына своего Георгия», — так повествует о появлении Юрия на далеком Северо-Востоке Киево-Печерский Патерик.⁴⁹ Трудно сказать, что разумел летописец под выражением «Суздальская земля»: то ли синоним земли Ростовской, как это мы только что наблюдали, то ли Суздаль и прилегающую к нему территорию. В последнем случае князь появляется не в Ростове, как этого следовало бы ожидать, а в Суздале — ростовском пригороде.

В. А. Кучкин полагает, что Юрий вокняжился в Суздале, и на этом основании строит далеко идущие выводы: «Проис-

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXIV. Стб. 73.

⁴⁵ Там же. Т. I. Стб. 303.

⁴⁶ Там же. Т. II. Стб. 300.

⁴⁷ Там же. XXV. М.; Л., 1949. Стб. 32.

⁴⁸ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 177. — Центр этой военной организации находился в Ростове. Не случайно Георгий Шиманович, который жил в Суздале, считался Ростовским тысяцким (Там же. С. 176).

⁴⁹ Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 62.

ходит явная смена центров области. Несомненно, что решающую роль в этом процессе сыграли „окняжение” Суздаля, аккумуляция здесь феодальной знати, способствовавшие росту города как средоточию феодального господства над территорией всей земли».⁵⁰ Однако и смена центров области, и «окняжение» Суздаля, и «аккумуляция» в нем феодальной знати, и господство ее над территорией земли — все это постулируется, а не доказывается. Ближе к истине был А. Н. Насонов, который не сомневался, что Ростов оставался главою области, и приводил тому убедительные доказательства,⁵¹ хотя упоминание летописцем Суздальской земли при сохраняющемся еще господстве Ростова достаточно симптоматично. Оно показывает, что господство это заметно пошатнулось, а значение Суздаля возросло.⁵² И причины здесь не те, которые указаны В. А. Кучкиным, а консолидация местного общества на базе территориальных отношений, пришедших на смену родовым связям.

Несмотря на заметные успехи в сплочении суздальской общины, до распада волостного единства Ростовской земли было еще далеко. Единство это цементировалось, как и в других периферийных землях, зависимостью от Киева. И Владимир Мономах, сажая в Ростовской волости своего малолетнего сына, видимо, хотел сохранить эту зависимость. Но логика исторического развития была иной, и со смертью Мономаха зависимость Ростовской земли от Южной Руси прекращается.⁵³

Более того, Ростовская волость становится для Юрия оплотом его борьбы за Киев. Не сумев утвердиться в Переяславле, чтобы затем достичь желанного киевского стола, Юрий в 40-е годы XII в. меняет тактику, вмешиваясь в столкновения южнорусских князей. Характерно, что в помощь Святославу он посылает «белозерцев».⁵⁴ Значит, в борьбе за Киев Юрий опирается на местные силы в лице волостного ополчения. Одновременно начинаются войны и с северным соседом — новгородским городом-государством. В 1147 г. «иде Гюрги воевать Новгородочкой волости и пришед взя Новыи Торг и Мьсту всю взя».⁵⁵ По наблюдению Д. А. Корсакова, «враждебные отно-

⁵⁰ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 73.

⁵¹ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 181.

⁵² А. Е. Пресняков был несколько категоричен, когда писал, что Суздаль «со времен Юрия... стал рядом с Ростовом... Трудно сомневаться, что тот процесс, какой мы наблюдаем позднее при Андрее Боголюбском, как «возвышение Владимира», был уже перенесен Ростовской землей, как «возвышение Суздаля»» (Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 458). Верно уловив направление процесса, А. Е. Пресняков переоценил его завершенность.

⁵³ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 75.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 338.

⁵⁵ Там же. Стб. 339.

шения (между новгородцами и ростовцами.— Авт.)... с течением времени переходят во вражду земли с землей». ⁵⁶

Между тем борьба за Киев продолжалась. Надо четко осознавать, что это была борьба земель, городов-государств, а не лично князей, хотя ссоры князей, их интересы и планы оказывали большое воздействие на ее ход. Обращает на себя внимание то, что основной противник Юрия — Изяслав Мстиславич — опирается на силы Киевской, Новгородской и Смоленской волостей. В стратегических планах Изяслава новгородцы и смоляне должны были «удерживать» Юрия. ⁵⁷ В 1147 г. Изяслав пригласил для борьбы с Ростовом тех же смолян и новгородцев. Несколько сложнее было с киянами. У них была стойкая неприязнь к Ольговичам, но на Владимирово племя они не хотели «роуки въздаяти». ⁵⁸ Пришлось созывать добровольцев. Походу тогда, однако, помешала измена Ольговичей. ⁵⁹ Гораздо более успешным был поход в 1148 г. Тогда Изяслав сколотил против Ростовской земли солидную коалицию в составе «Русских полков» и Смоленских. К ним присоединились и новгородцы, которых Изяслав поднял лаской и щедрыми посулами. ⁶⁰ В кампании 1148 г. ясно видна определенная направленность военных действий: стремление подорвать силу волости противника. Союзники жгут города и села, «воюют землю», ⁶¹ а население разбегается. ⁶² Но проходит время, и уже войска Юрия устремляются на «Русскую землю». Тяжкие невзгоды угрожают прежде всего киевской земле, и не случайны слезы и мольбы епископа Ефимия, который просил Изяслава помириться с Юрием и тем избавить землю «от великия беды». ⁶³ Но у Юрия было твердое намерение: мщение «земли своеи». ⁶⁴ Военное счастье на этот раз оказалось не на стороне населения «Русской земли»: с поля битвы бежали и поршане, и кияне, и переяславцы, ⁶⁵ а победа осталась за «воями» северовосточных волостей. ⁶⁶

Распри на этом не закончились. Ситуация менялась быстро. Положение Юрия оказалось непрочным, потому что симпатии «киян» были на стороне Изяслава. И вот уже Юрий изгнан из Киева. Лишь при поддержке могучих полков Галицкой земли

⁵⁶ Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872. С. 101.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 347, 359.

⁵⁸ Там же. Стб. 344.

⁵⁹ Там же. Стб. 345.

⁶⁰ Там же. Стб. 369—370.

⁶¹ Там же. Стб. 371.

⁶² Там же. Т. XXI. СПб., 1913. С. 45.

⁶³ Там же. Т. II. Стб. 380.

⁶⁴ Там же. Стб. 376.

⁶⁵ Там же. Стб. 382.

⁶⁶ Там же. Стб. 382—383.

он вновь появляется на киевском столе.⁶⁷ Вскоре обстоятельства вновь изменились, и даже Владимирко Галицкий не смог помочь своему северо-восточному союзнику: Юрий бежал из Киева.⁶⁸ Но и утвердившись в Киеве и зная любовь киевлян к себе, Изяслав прекрасно осознавал силу Ростово-Суздальской земли: он просит помощи венгерского короля, «зане же Гюргии есть силен».⁶⁹ Это понимал и престарелый Вячеслав, когда, увещевая Юрия, говорил ему: «Онамо у тебе Ростов Великы и прочии гради».⁷⁰

Пробыв какое-то время в Городце Остерском, Юрий ушел в Суздаль. А затем этот форпост Ростово-Суздальской земли, расположенный недалеко от Киева, был разорен и сожжен войсками Изяслава,⁷¹ чего Юрий, конечно, стерпеть не мог, «въздыхнув от сердца», он «нача скупати воя», т. е. собирать земское ополчение.⁷² Изяславу вновь пришлось прибегать к помощи новгородцев и смолян.⁷³ Это был не последний поход Юрия с Ростово-Суздальской землей на Киев и «Русскую землю». В 1154 г. «пойде Дюрги с Ростовци, и с Суждалци, и с всеми детьми в Русь». Только невиданный «мор в коних» помешал успешному завершению этого похода.⁷⁴

После смерти Изяслава Юрий, наконец, утвердился в Киеве. Если бы не поддержка Ростово-Суздальской земли, вряд ли бы ему это удалось. Об этом свидетельствует одна существенная деталь летописного текста. Когда Юрий умер после попойки у «осменика Петрила», киевляне стали избивать «суждалци по городом и по селом».⁷⁵ В этих суздальцах можно видеть представителей Ростово-Суздальской земли, которые были воплощением власти северо-восточного князя в городах и селах «Русской земли». Приведенное летописное свидетельство представляет интерес и в другом отношении, вскрывая мотивы, побуждавшие суздальцев помогать Юрию в его стремлении овладеть Киевом. Пребывание Долгорукого на киевском княжеском столе открывало возможность для суздальцев получить всякого рода кормления в городах и селах Киевской земли и, таким образом, обогатиться. В этом кроется одна из коренных причин поддержки Юрия общинами Ростово-Суздальской земли в его борьбе за киевское княжение.

⁶⁷ Там же. Т. I. Стб. 328. — Как отметил А. Е. Пресняков, «Юрий не умел ладить с киевским обществом» (Пресняков А. Е. Княжое право... С. 101).

⁶⁸ Там же. Т. II. Стб. 415—416.

⁶⁹ Там же. Стб. 421.

⁷⁰ Там же. Т. XXV. С. 51.

⁷¹ Там же. Т. II. Стб. 446.

⁷² Там же. Стб. 455.

⁷³ Там же. Стб. 459.

⁷⁴ Там же. Стб. 468.

⁷⁵ Там же. Стб. 489.

Наш обзор показывает, насколько напряженной была борьба между Ростово-Суздальской землей и другими городами-государствами в 40—50-е годы XII столетия. В ходе этой борьбы крепили силы городских общин Северо-Восточной Руси. Да и сам характер борьбы о многом здесь говорит. Она, как мы знаем, стала наступательной — верный знак возросшей активности и силы местного общества.

Рассказывая о борьбе между землями-волостями, летописец рисует нам структуру Ростово-Суздальского города-государства. Так же как и в других землях, это — главные города с зависящими от них пригородами. На главном городе лежала обязанность оборонять пригороды. «Того же лета придоша Болгаре по Волзе к Ярославлю без вести и оступиша градок в лодиях, бе бо мал градок, изнемогли людие в граде голодом и жажею». Из города никто не мог выбраться, чтобы дать весть «ростовцем». Лишь один проворный юноша сумел сыграть роль гонца. «Ростовци же пришедше и победиша Болгары».⁷⁶ Из летописи, данные которой можно подтвердить в наши дни результатами археологических раскопок, мы узнаем об основных пригородах в Ростово-Суздальской земле. Это — Ярославль, Угличе поле, Москва и др.⁷⁷ Названные города в данный период уже, видимо, сами стягивали значительные волости. Не случайно в 1149 г. новгородцы и «Русь» «пустились» воевать к Ярославлю.⁷⁸ О кристаллизации местных волостных центров узнаем и по другим данным. Уже в 1148 г. старший сын Юрия Ростислав бежит к Изяславу Мстиславичу, потому что отец не дал ему волости в Суздальской земле.⁷⁹ Под 1151 г. летописец сообщает, что Андрей «иде от отца своего Суждалю, а отцю же встягавшю его много, Андрей же рече: „На том есмы целовали крѣст, ако поити ны Суждалю”. И иде в свою волость Володимерю».⁸⁰

Упоминание летописцем Владимира в качестве волости князя Андрея заслуживает того, чтобы сказать в этой связи несколько слов особо. Как видим, во Владимире возникло княжение — факт подтверждающий достаточно высокую степень организации владимирской общины. Подобное явление мы наблюдали и в других землях.⁸¹ В Северо-Восточной Руси, наряду с Ростовом, главным городом земли, и влиятельным пригородом Суздалем, набирает силу пригород Владимир, начи-

⁷⁶ Данная запись сохранилась под 1152 г. в Типографской летописи, но А. Н. Насонов считал, что это — дошедшая через Ростовский владычный свод древнейшая ростовская запись (Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле//Века. Вып. 1. Пг., 1924. С. 13).

⁷⁷ Дубов И. В. Города, величеством сияющие... С. 61—134; Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 80—86.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 371.

⁷⁹ Там же. Стб. 366.

⁸⁰ Там же. Т. I. Стб. 335.

⁸¹ См. с. 70, 72 настоящей книги.

нающий борьбу за самостоятельность. Вокруг Владимира формируется своя волостная территория. Так в рамках Ростовской волости возникают несколько центров, вступающих во взаимную борьбу. Перед нами наметившееся дробление единого ранее города-государства на ряд более мелких городов-государств. Однако процесс этот только обозначился. До распада волости было еще далеко. Ростово-Суздальская земля представляла пока единый и цельный социально-политический организм. Вот почему складывание границ идет здесь не по названным городам-волостям, а по рубежам все той же Ростово-Суздальской земли.

Фиксация границ, наблюдаемая по данным середины века, указывает, с одной стороны, на значительное продвижение консолидации местных социальных сил, а с другой — соседних земель, городов-государств. Неубедительное объяснение этому дает В. А. Кучкин. Он пишет: «Ранее, когда Ростовская земля зависела от Южной Руси, установление твердых границ не имело смысла. Мономах, например, держал Новгород, Смоленск и Ростов своими сыновьями, поэтому четкое размежевание принадлежащих этим центрам земель не было необходимо для верховной власти».⁸² У автора получается так, будто строителями государственных границ являлись князья, которые кроили Русь, исходя из собственных интересов. Мы не можем принять этот взгляд, ибо, по нашему убеждению, возникновение границ есть отражение внутренних социально-экономических и социально-политических сдвигов, происходящих в той или иной волости.

Установление волостных границ надо рассматривать как проявление возросшей суверенности древнерусских волостей вообще и Ростово-Суздальского города-государства в частности. И конечно же, в основе всех этих перемен лежало усиление местных общин.

В изучаемом регионе с особой наглядностью это проявилось в событиях, последовавших за смертью Юрия Долгорукого. Лаврентьевская летопись сообщает о том, что «Ростовци и Суждалци, здумавше вси, пояша Андрея сына его старейшего и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали, занеже бе любим всеми».⁸³ Ипатьевская летопись добавляет еще «Володимирцев» и «Володимир».⁸⁴ Здесь мы присутствуем при решительной ломке прежних отношений населения Северо-Восточной Руси с князьями. Если Юрий Долгорукий был направлен в Ростовскую землю из Киева и в известном смысле был навязан, то теперь ростовцы, суздальцы и владимирцы избирают князя Андрея, продемонстрировав тем самым свою

⁸² Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 76.

⁸³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 348.

⁸⁴ Там же. Т. II. Стб. 490.

значительную социально-политическую активность. Таким образом, люди Ростовской земли сами распоряжаются княжеским столом без какого-либо вмешательства со стороны Киева. С этого момента мы можем говорить о полной независимости Ростовской волости от Киева.

В самой же Ростовской волости складывается своеобразная ситуация равновесия между тремя крупнейшими городами: Ростовом, Суздалем и Владимиром. В этом особенность социально-политического развития Ростовской земли, сравнительно с другими землями Руси.

В. И. Сергеевич считал, что вокняжение Андрея явилось результатом народного вечевого решения.⁸⁵ Полемизируя с ним, С. В. Юшков говорил о том, что «на отни столе» Андрея посадили якобы правящие верхи.⁸⁶ По мнению Л. В. Черепнина, «Андрей Боголюбский был ставленником суздальского боярства, действовавшего в союзе с городским патрициатом. Ни о каком участии веча в посадении Андрея данных нет. Действовал, по-видимому, городской совет».⁸⁷ С точкой зрения С. В. Юшкова и Л. В. Черепнина мы не можем согласиться. Не вызывает сомнений, что летописная фраза «сдумавше вси» свидетельствует о вечевом собрании.⁸⁸ Изучение же вечевой деятельности в Ростово-Суздальской земле ведет к выводу о вече как народном собрании.⁸⁹ Поэтому под ростовцами, суздальцами и владимирцами надо понимать нерасчлененную в социальном отношении массу горожан, включавшую и знатных и простых людей. Рассуждать же о каких-то боярах, посадивших Андрея на княжеский стол, едва ли правомерно. Нет оснований говорить и о городском совете, как это делает Л. В. Черепнин. В летописи нет никаких данных, которые могли бы подтвердить существование такого совета. Следовательно, массы городского и, возможно, сельского населения Ростово-Суздальской земли собрались на вече и избрали князем Андрея Юрьевича.

Из более поздней летописной записи узнаем, что вечевое решение 1157 г. было нарушением крестного целования, которое в свое время дали ростовцы, суздальцы и владимирцы Юрию: тогда народ давал обещание признать князьями младших сыновей Долгорукого.⁹⁰ Теперь он передумал и избрал на

⁸⁵ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. II. СПб., 1900. С. 22—23.

⁸⁶ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 207—208.

⁸⁷ Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X—начала XIII в. // Исторические записки / Гл. ред. А. М. Самсонов. М., 1972. Т. 89. С. 390.

⁸⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 159.

⁸⁹ Там же. С. 177—180.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 491.

княжеский стол старшего Юрьевича. Все это — примечательные факты. Из них, во-первых, заключаем, что уже и в правление Юрия князь должен был входить в соглашение с вечевыми общинами главных городов Ростово-Суздальской земли. Во-вторых, они показывают самостоятельность этих общин, способных поставить угодного себе князя. В данной ситуации князь выступают больше пассивной стороной, чем активной. Вече — последняя инстанция, где решаются судьбы княжения.

Если же попытаться понять причину, почему выбор пал на Андрея, а не на младших его сородичей, то надо сказать, что Андрей к данному моменту был самым популярным из Юрьевичей. Он снискал себе уважение и любовь необыкновенной храбростью, полным неприятием Киева и привязанностью к Ростовской волости. Как известно, своим местопребыванием Андрей избрал город Владимир, в результате чего «мезинный» город стал княжеской резиденцией. Это был большой успех городской общины Владимира на пути к самостоятельности по отношению к старшим городам Ростову и Суздалю. Уход Андрея во Владимир был обусловлен не столько желанием князя, сколько конкретными обстоятельствами развития волостной жизни в Ростовской земле.⁹¹

Городские общины Северо-Восточной Руси решают судьбы не только князей, но и церковных иерархов. В 1159 г. «выгнаша Ростовци и Суждалци Леона епископа, зане оумножила быше церковь грабяи попы».⁹² Изгнание не пошло Леону на пользу: вернувшись, Леон опять повел себя вызывающе, на этот раз в своей проповеднической деятельности. Богословский диспут между Леоном и владыкой Феодором происходил «пред благоверным князем Андреем и предо всеми людьми».⁹³ Отсюда делаем вывод: люди, т. е. массы городского и сельского люда, контролировали деятельность церкви.

О суверенитете общин главных городов в изучаемых землях свидетельствует и «Суздальский сол Илья», которого встречаем в летописи под 1164 г. Подчеркнем еще раз: перед нами не княжеский посол, а суздальский. Следовательно, в рассматриваемое время Ростово-Суздальский город-государство, пользуясь государственным суверенитетом, направлял своих послов в Византию. Вероятно, мы можем говорить о том, что в середине XII в. становление города-государства в Ростово-Суздальской земле состоялось.

⁹¹ Многие историки видели в поступке Андрея проявление его необузданного самовластья. А. Н. Насонов писал: «Общепринятый взгляд видит в этом шаге акт самовластной политики, который открывает собой новую эру в политической истории Древней Руси». В действительности же, полагал А. Н. Насонов, самовластная политика Андрея — «примыслы и домыслы летописной историографии» (Насонов А. Н. Князь и город... С. 8—9).

⁹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 349.

⁹³ Там же. Стб. 352.

Завершение становления города-государства сказалось и на других аспектах политической деятельности Ростово-Суздальской земщины. Не случайно «преемник Юрия Андрей отказался от широких южнорусских планов своего отца».⁹⁴ Теперь внимание земли обращено на расширение даней, на укрепление границ города-государства. С этой целью в 1166 г. сын Андрея Боголюбского Мстислав ходил «за Волок»,⁹⁵ а спустя три года здесь произошло столкновение между новгородцами и суздальцами, причем новгородцы победили суздальцев и взяли дань не только на своих, но и на «суздальских смърдех».⁹⁶ Это сообщение летописи интересно тем, что показывает, как происходило вовлечение в город-государство новых земель, происходившее за счет наложения дани на новые племена и территории. И здесь стремление ростово-суздальской земщины упиралось в противодействие Новгорода, который сам был заинтересован в расширении сферы своего господства.

Борьба между городами-государствами заметно накаляется. В 1169 г. ростово-суздальское войско в союзе с муромскими и рязанскими войсками пришло в Новгородскую землю и «много зла створиша села все взяша и пожгоша и люди по селом исекоша». Новгородцам пришлось затвориться в городе. Это была настоящая «пагуба» Новгороду и его волости.⁹⁷

Отражением политики освоения новых территорий были и походы на болгар, которые начинаются именно при Андрее Юрьевиче. Большой поход был предпринят на Болгарию. Главную роль в походе сыграли «пешцы», т. е. пешее ополчение города-государства.⁹⁸ Постепенно формируется ростовско-болгарское пограничье.

Все это конечно не значит, что Ростово-Суздальская земля отказалась от борьбы за Киев. В 1159 г. осажденный «во Вьсчижи» Святослав Владимирович весьма обрадовался, когда услышал «идуща Изяслав Андреевича с силою Ростовскою...».⁹⁹ Но то была политика уже другого рода. Как подметил А. Е. Пресняков, это был переход к политике сходной с галицкой, политике ослабления Киевщины.¹⁰⁰ Апофеозом ее стал поход ростовцев, суздальцев, владимирцев с князем Мстисла-

⁹⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 90.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 353; Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 190.— «Главная энергия Андрея направлена на Новгород», — писал А. Е. Пресняков (Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 37).

⁹⁶ НПЛ. С. 33.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 361—362.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 352—353. — Другой поход был в 1172 г. (Там же. Т. I. Стб. 364).

⁹⁹ Там же. Стб. 350.

¹⁰⁰ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I: Киевская Русь. М., 1938. С. 238.

вом и другими князьями на Киев. Киев был взят, «чего не было никогдаже», и разграблен северо-восточным воинством.¹⁰¹

Ростово-Суздальская земля усиливается настолько, что в 1172 г. Андрей посылает в Киев княжить Романа Ростиславича, и «прияша его с честью Кыяне».¹⁰² «С честью» принимают и новгородцы «детя» Андрея Юрия.¹⁰³

Так развивался город-государство в Северо-Восточной Руси в период княжения Андрея Юрьевича, прозванного «Боголюбским».

В связи с его смертью, неожиданной и трагичной для современного наблюдателя, летописец помещает в своей хронике рассказ, внимательный анализ которого позволяет нам приблизиться к пониманию внутренней социально-политической жизни Ростовской земли. Особый интерес представляет рассказ летописца о событиях, последовавших за убийством князя Андрея: «Горожане же Боголюбьци разграбиша дом князь и делатели, иже бяху пришли к делу, золото и серебро, порты и паволокы, имение, ему же не бе числа и много зла створися в волости его: посадников и тивунов дома пограбиша, а самех и деские его и мечники избиша, а дома их пограбиша, не ведуще глаголемаго: „идеже закон, ту и обид много”. Грабители же и ись сел приходяче грядяху. Тако же и Володимери, оли же поча ходити Микулиця со святою Богородицею в ризах по городу, тожь почаша не грабити».¹⁰⁴

Как явствует из летописного рассказа, смерть князя послужила сигналом к грабежам. С подобными грабежами мы уже не раз встречались в других землях Древней Руси и видели, что это не акты простого разбоя, а своеобразный способ перераспределения богатств на коллективных началах. Что касается грабежей в Боголюбове и во Владимире, то они продолжались несколько дней и носили легальный характер. К ним оказалось причастно и население окрестных сел. Помимо княжеского имущества, разграблению подверглось также имущество его чиновников: посадников, тиунов, детских и мечников. Летописец истолковывает убийство княжеских людей обидами, творимыми властью предержащими. Конечно, тут на лицо элементы социального протеста. Вместе с тем грабеж имущества людей из княжеского окружения нельзя понять, не учитывая древних традиций, о которых мы только что говорили. Хотелось бы также обратить внимание на одну чрезвычайно яркую деталь: представители княжеской власти беспомощны перед лицом народа, который расправляется с ними с необычайной легкостью. О чем

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 354. — В 1174 г. Юрий Андреевич идет с «Новгородци, и с Ростовци, и с Суздальцы» к Вышгороду (Там же. Т. I. Стб. 365).

¹⁰² Там же. Т. I. Стб. 364—365.

¹⁰³ Там же. Стб. 364.

¹⁰⁴ Там же. Т. II. Стб. 592.

это говорит? Прежде всего о том, что княжеский аппарат власти был еще довольно слаб. Сила же была на стороне народа.

Заслуживает внимания участие в грабежах сельского люда. Тем самым летописец дает понять, что между городскими и сельскими жителями не было особого различия, что горожане и селяне составляли единое целое.

Со смертью Андрея Боголюбского снова встал вопрос о княжении, и опять решают его не князья, а города, между которыми развернулась ожесточенная борьба. С. М. Соловьев рассматривал эту борьбу как проявление вражды старых вечевых городов с новыми княжескими городами.¹⁰⁵ В. О. Ключевский придал ей социальный ракурс: «Все общество Суздальской земли разделилось в борьбе горизонтально, а не вертикально: на одной стороне стали обе местные аристократии, старшая дружина и верхний слой неслужилого населения старших городов, на другой — их низшее население вместе с пригородами».¹⁰⁶ В новейшей историографии существо вопроса сводится к проблемам боярства¹⁰⁷ или корпораций феодалов.¹⁰⁸

О чем, однако, говорится в летописи? Как только стало известно о смерти князя, «Ростовци, и Суждалци, и Переяславци и вся дружина от мала и до велика и съехашася к Володимерю».¹⁰⁹ Собравшиеся условились звать на княжение Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Как понять это сообщение? Указывает ли оно на созыв вече? Летопись не содержит упоминаний о вече. Но по некоторым косвенным данным полагаем, что во Владимире в 1175 г. состоялось именно вечевое собрание, а не совещание бояр или делегатов от высших сословий, как считают А. Н. Насонов, В. Т. Пашуто, С. В. Юшков.¹¹⁰ Сам предмет обсуждения — замещение княжеского стола — склоняет к мысли о вече. Вопрос о том, кто будет новым князем, затрагивал всю волость, почему ко Владимиру и съехались представители наиболее крупных городов Северо-Восточной Руси: Ростова, Суздаля, Переяславля. Мы ошибемся, если примем их за бояр и верхи посада. Участники владимирской встречи были

¹⁰⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. I.

¹⁰⁶ Ключевский В. О. Соч. Т. I. М., 1956. С. 526.— В. О. Ключевский видел в событиях, последовавших после убийства Андрея Боголюбского, не простую княжескую усобицу, а социальную борьбу (Там же. С. 328).

¹⁰⁷ См., напр.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания Руси XII в. М., 1955. С. 234; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 556.

¹⁰⁸ См.: Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 84—85.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 371—372; Т. II. Стб. 595.

¹¹⁰ Насонов А. Н. Владимиро-Суздальское княжество // Очерки истории СССР: Период феодализма IX—XV вв. Ч. I. / Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто. М., 1953. С. 329; Пашуто В. Т. Черты политического строя... С. 44; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 208.

социально разнородны. Они принадлежали к различным слоям свободного населения, о чем говорит летописец, когда замечает, что во Владимир приехали «Ростовци и Суздальцы, и Переяславци, и вся дружина от мала до велика». Фразу «от мала до велика» нельзя воспринимать буквально, в смысле возрастном. Ее необходимо понимать в ключе общественном, т. е. как свидетельство о смешанном социальном составе объединившегося во Владимире люда, среди которого были и простые и знатные «мужи». А коль это так, можно предположить, что владимирский съезд 1175 г. являлся вечевым собранием общеволостного масштаба. Мы имеем редчайшее показание летописи о созыве веча, где сошлись представители всей земли-волости.

Необходимо заметить, что вече состоялось не в Ростове или Суздале, а во Владимире. Роль Владимира, следовательно, еще более возросла, а положение его за годы княжения Андрея Боголюбского еще более упрочилось. Конечно, нельзя считать Владимир центром, а тем более главным городом земли. Но такими, вероятно, нет оснований полагать Ростов и Суздаль. Перед нами тройственный союз городов Северо-Восточной Руси, реально занимающих примерно равное положение в этом союзе, несмотря на апломб Ростова и Суздаля, вспоминающих о былом своем приоритете. Все это дает нам возможность рассматривать город-государство Северо-Восточной Руси как федерацию трех городов-волостей. Наш вывод, разумеется, условен, ибо жизнь была полна коллизий и противоречий.

Вопрос о княжении стал яблоком раздора между Ростовом и Суздалем, с одной стороны, и Владимиром — с другой. В ходе этого раздора вновь пробудились притязания Ростова и Суздаля на главенство в земле, что еще более накалило обстановку. События разворачивались следующим образом. Вместе с Ростиславичами на северо-восток двинулись двое Юрьевичей: Михалко и Всеволод, причем впереди ехали Михалко и Ярополк Ростиславич.¹¹¹ Но дальше Москвы князья не проехали. Возмущенные непослушанием князей, «Ростовци негодоваша» и приказали Ярополку: «Ты поеди семо, а Михалку рекоша: пожди мало на Москве». Ярополк тайно от Михалки пошел к Переяславлю, где и договорился с «дружиной Ростовской» и переяславцами.¹¹² Обиженный Михалко нашел пристанище во Владимире.

Положение Михалки и владимирцев было сложным. Город фактически некому было защищать, ибо владимирское ополчение, по словам летописца, отправилось «по велению Ростовец противу князема с полтором тысяче».¹¹³ Последнее летописное

¹¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 364.

¹¹² Там же. Стб. 373; Там же. Т. II. Стб. 595.

¹¹³ Там же. Т. I. Стб. 373; т. II. Стб. 597.

известие любопытно в двух отношениях: во-первых, мы узнаем о силе городского ополчения Владимира, исчислявшегося, как видим, не одной тысячей (ясно, что это народное ополчение). Во-вторых, мы видим еще не изжитыми полностью попытки Ростова повелевать Владимиром. Впрочем, здесь не исключено и то, что владимирский сводчик, которому принадлежит данный текст,¹¹⁴ желая возложить вину на ростовцев за антикняжеские действия, выставил владимирцев в роли послушных овец. И тут же вошел в противоречие с самим собой, рассказывая, как владимирцы, приняв Михалку, боролись со «всею силою Ростовская земля». Только голод заставил владимирцев покориться. Михалко ушел в «Русскую землю», причем владимирцы проводиша его с плачем. Горожанам пришлось утвердиться с Ростиславичами крестным целованием.

Оправдывая поведение владимирцев, местный летописец говорил, что не против Ростиславичей «бьются Володимерци, но не хотяше покориться Ростовцем, и Суждалцем, и Муромцем, зане молвяхуть: пожьем и паки ли посадника в нем посадим, то суть наши холопи каменници».¹¹⁵ В устах ростовцев, суздальцев и муромцев это было пустой похвалой, рассчитанной больше на то, чтобы задеть самолюбие владимирцев, оскорбить их и унижить.

Но в этих «высокоумных» (заносчивых) словах вырисовывается отношение старшего города с пригородами, как себе представляли люди XII в.: старший город распоряжался пригородом, мог посадить в нем посадника.

Проследим, однако, за последующим ходом событий. Чувствуя, видимо, себя неустойчиво и к тому же, следуя советам прибывших с ними бояр, Ростиславичи повели себя далеко не лучшим образом. Они стали раздавать посадничество своим ставленникам — выходцам из «Русской земли», а те «многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами».¹¹⁶ Жадность Ростиславичей, вдохновляемых своими боярами, не знала пре-

¹¹⁴ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 72—73.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374. — В Никоновской летописи старшие города называют владимирцев «наши смерди». (Там же. Т. X. М., 1885. С. 2). В унисон с ней говорит и владимирский летописец: «Новии люди мезинии» (Там же. Т. I. Стб. 378). Зачарованные яркой летописной терминологией, историки писали о зависимом от князя, призванном им населении Владимира — смердах, или обельных холопах (Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 50), и о пленниках Владимира Мономаха — первых «населениках» Владимира (Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материалах Древней Руси). Минск, 1970. С. 49). В свое время еще А. Н. Насонов отметил, что «новые» люди владимирские, судя по смыслу летописного сообщения, являются новыми в их самостоятельном бытии (Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле//Века. Пг., 1924/Под ред. М. Д. Приселкова, А. И. Заозерского). С. 14—15).

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374.

дела: они покусились даже на религиозную святыню города Владимира: церковь св. Богородицы. Переданные еще Андреем Боголюбским ей в кормление города, а также дани они отняли и даже «взяста» церковное золото и серебро.¹¹⁷ В общем, Ростиславичи вели себя так, будто «не свою волость творита».¹¹⁸

Как подметил В. И. Сергеевич, внимательно изучавший события, во Владимире произошло по меньшей мере три вечевых собрания.¹¹⁹ На первом вечевом собрании владимирцы решили обратиться к ростовцам и суздальцам с жалобой на Ростиславичей. Но должной реакции не последовало: ростовцы и суздальцы «словом суще по ним, а делом далече суще». На втором был выслушан ответ старших городов и принято решение обратиться за помощью к Переяславлю. И наконец, на третьем вечевом сходе было решено призвать Михалку и Всеволода.¹²⁰

Хотелось бы подчеркнуть важное значение веча в жизни Владимира. Все вопросы текущей политической жизни обсуждаются на вечевых собраниях, на которые сходится все свободное население Владимира. Владимирское вече — верховный орган власти города с явной демократической постановкой. Городская община, помимо князей, сносится с общинами других городов, что свидетельствует о самостоятельности общинных союзов. Среди этих городов упоминается и Переяславль, что указывает на возрастающее его политическое значение в Северо-Восточной Руси. Вместе с Ростовом, Суздалем и Владимиром выступает теперь на равных правах и Переяславль.

Вернемся, однако, во Владимир. По приглашению владимирцев Михалка и Всеволод выехали из Чернигова. Дальше события разворачивались как в авантюрном романе. Здесь было и блуждание в лесах, и погони, и эффектные сражения. События эти интересны для нас еще и тем, что они впервые намекают на вечевую деятельность москвичей. Именно у Москвы встретили владимирцы приглашенных князей. Москвичи присоединились к решению владимирцев и даже отправились вместе с ними в поход. Когда же узнали о том, что Ярополк идет к Москве другим путем, испугались за судьбу своего города

¹¹⁷ Там же. Стб. 375.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Это показывает, насколько не прав был С. М. Соловьев, когда писал об отсутствии вечевых традиций в «Новых» городах, которые он связывал с княжеской властью (Соловьев С. М. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1846. С. 16—18).

¹²⁰ Сергеевич В. И. Русские юридические древности... Т. 2. С. 25.— «Где находился в это время князь Ярополк и как относился он к народным собраниям владимирцев, которые, конечно, не могли оставаться для него тайной — об этом летописец не сообщает ни слова», — писал В. И. Сергеевич (Там же). Ярополк, конечно, знал о вечевых собраниях и сделал самое разумное в тех условиях: просто сбежал из города. Летописец, прославляя владимирцев, отмечает, что они «ни убо- яшяся князя два имуше в волости еи, а боляр их прешение ни во что же

и вернулись назад. Вполне возможно, что прямо в походе по поводу известия о настулении Ярополка «москотяне» собрали вече. Ведь, как свидетельствует пример смоленского города-государства, городские ополчения могли устраивать вечевые сходы непосредственно в походе. Обращает на себя внимание и факт поддержки «москотянами» Владимира. Москва, видимо, входила постепенно в орбиту влияния нового города-государства, рождающегося в недрах Ростовской волости.

Что касается изменений которые происходили в городах-государствах Северо-Восточной Руси, то здесь интересна сама терминология летописца. Описав торжественную встречу «всем людем» желанного князя, владимирский летописец замечает: «И бысть радость велика в Володимери граде, видяще у собе великого князя вся Ростовския земли».¹²¹ В результате напряженной борьбы городских общин происходит изменение значения центров.¹²² Сначала мы наблюдали главенство Ростова и Суздаля над Владимиром. Потом устанавливается равновесие центров. Теперь же мы присутствуем при моменте, когда реальная сила оказывается на стороне Владимира.

О росте значения Владимира как нового центра Северо-Восточной Руси свидетельствует и посольство к Михалке суздальцев. Суздальцы снимали с себя вину, заявляя, что не они были «на полку» с Мстиславом, а бояре.¹²³ Михалко поехал в Суздаль, а затем и в Ростов и «створи людем весь наряд, утвердився крестным целованием с ними и честь возма оу них и дары многы у Ростовец, и посади брата своего Всеволода в Переяславли, а сам възвратися Володимерю».¹²⁴ Как видим, суздальцы откупились от Михалки хитростью, ростовцы — богатыми дарами. Но самое главное состоит в том, что князь из Владимира «створи весь наряд» суздальцам и ростовцам. Здесь преобладание Владимира над старшими в прошлом городами налицо. Характерно и то, что Михалко сажает брата в Переяславле. Значит, Владимир выступает уже первенствующим центром по сравнению Переяславлем. Не то с Ростовом. Как показали дальнейшие события, он отнюдь не покорился Владимиру, а лишь откупился дарами. Однако и для Ростова возвращение к прежнему его статусу в земле было уже невозможно.

вмениша семь бо недель без князя будуще в граде» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 86).

¹²¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377.

¹²² М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что к потере «старейшинства» вело и то, что в «пригороде возникла религиозная святыня, превосходившая своим значением святыню старшего города» (Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Вып. I. Киев, 1886. С. 9). Можно согласиться с наблюдением ученого, внеся лишь существенное изменение: потеря старейшинства старыми центрами приводила к тому, что возрастало значение религиозных святынь новых центров.

¹²³ Там же. Стб. 378—379.

¹²⁴ Там же. Стб. 379.

На смену прежней властной, наступательной политике по отношению к Владимиру приходит политика оборонительная.

Случилось так, что болезненный Михалко умер. И владимирцы посадили на «отни и на дедни столе в Володимери» его брата Всеволода. А «Ростовци и боляре приведоша Мстислава Ростиславича из Новагорода». Причем жители Ростова так спешили, что, как об этом с нескрываемой антипатией сообщает летописец, «на живого князя Михалка повели бяхуть его».¹²⁵ Военное столкновение было неизбежно. Мстислав собрал ростовцев («боляре, гридьбу, и пасынки, и всю дружину») и пошел на Владимир. Всеволод же поехал против «с Володимерци и с дружиною своею и что бяше бояр осталось у него».¹²⁶ Правда, Всеволод хотел не доводить дело до войны. Он заявил Мстиславу: «Тя привели старейшая дружина, а поеди Ростову, а оттоле мир возмеве, тебе Ростовци привели и боляре, а мене был с братом Бог привел и Володимерцы, а Суздаль буди нама обче, да кого всхотять, то им буди князь».¹²⁷ Мстислав же слушал «речи Ростовское и болярское» и не соглашался на мир. Битва закончилась победой Владимира: «Ростовци и боляр все повязаша». При этом владимирцев поддерживали и переяславцы, с которыми Всеволод и владимирское ополчение встретились у другого пригорода — Юрьева.¹²⁸ Мстислав бежал, но на этом его злоключения не закончились. Князя не приняли и новгородцы. Тогда он решил мстить и орудием мщения избрал рязанского князя Глеба. По его наущению Глеб пришел к Москве и «пожъже Москву всю, город и села».¹²⁹ Это сообщение интересно тем, что рисует формирующуюся московскую волость. Понятие «Москва», как видим, — это уже не просто город, но и прилегающая к нему округа. Достоен внимания тот факт, что Москва оказалась сожженной в отместку владимирскому князю Всеволоду. О чем это говорит? Только о связи Москвы с Владимиром, о подчиненности первой второму как пригорода главному городу.

Поражение ростовцев имело для них неприятные последствия. Они вынуждены были повиноваться князю Всеволоду

¹²⁵ Там же. Т. I. Стб. 380.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. Стб. 380—381.

¹²⁸ Там же. Стб. 381.— Исследователь Ростово-Суздальского летописания Ю. А. Лимонов совершенно правильно отвергает точку зрения на эти события как на борьбу горожан против ростовских феодалов, но считает, что здесь боролись различные группировки феодалов (Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. С. 84). Ю. А. Лимонов пишет о том, что ростовские бояре — старшая дружина, владимирцы — младшая. Но ведь старейшая дружина — ростовцы и бояре. Этих ростовцев Ю. А. Лимонов почему-то не замечает.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 88.

и, значит, владимирской общине.¹³⁰ Вот почему мы видим их в организованном Всеволодом походе на Рязань: «...иде князь Всеволод на Глеба к Рязаню с Ростовци и с Суждальци».¹³¹ Между тем Глеб пришел к Владимиру другим путем и стал «воевать около Владимира».¹³² «И много зла створи всеи власти Володимерьской», — сообщает Московский летописный свод конца XV в.¹³³ Итак, «Владимирская волость» имела вполне оформленные границы.

Глеб вскоре был разбит и пленен войсками Всеволода. Ближайшие события показали, что даже такой популярный князь, каким был Всеволод, не всегда мог управлять настроениями городской общины. На третий день после битвы на Колокше «бысть мятеж велик в граде Володимери, всташа бояре и купци»,¹³⁴ которые потребовали выдачи пленных суздальцев и ростовцев. По-видимому, в «мятеже» участвовали не только бояре и купцы,¹³⁵ так как князь «всадил» пленных в поруб, «людии деля».¹³⁶ Во всяком случае, «по мале же днии всташа опять людьє вси и бояре, и придоша на княжь двор многое множьство с оружием».¹³⁷ Вооруженные «людье» прямо с веча пришли на княжеский двор и предъявили князю свои требова-

¹³⁰ А. Н. Насонов считал, что текст летописи (1175—1177 гг.) — часть владимирского свода, составленного при Всеволоде после 1185 г. Позднейшая редакция этого свода представлена в Переяславской, Радзивилловской и Академической летописях. Эта редакция под 1175 г. добавила к ростовцам суздальцев. Но и в своде 1185 г. «суждальцы» после слова ростовцы — добавление к первоначальному тексту (Насонов А. Н. Князь и город... С. 21). Значит, «Суздаль, как город, играл в борьбе пассивную роль... главным противником Владимира являлся старый Ростов, где жила идея единства волости» (Там же. С. 21). О следах переработки в тексте Лаврентьевской летописи, о добавлении Суздаля писал и А. Е. Пресняков (Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства... С. 31).

¹³¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 383.

¹³² Там же.

¹³³ Там же. Т. XXV. С. 88.

¹³⁴ Там же. Т. I. Стб. 385.

¹³⁵ В историографии наблюдалась тенденция преувеличивать роль купцов в общественной жизни. В. О. Ключевский ставил во главе общества наряду со служилой аристократией также аристократию торговую (Ключевский В. О. Соч. Т. I. Ч. I. М., 1956. С. 327, 328). А. Н. Насонов отводил купечеству, наиболее деятельному и самостоятельному «классу» северо-восточного края, первенствующую роль. (Насонов А. Н. Князь и город... С. 14—15, 22, 27). Однако в новейшей историографии установлено, что купеческие организации носили характер торговых предприятий, не имевших политического значения, ибо они не участвовали непосредственно в управлении городом-землей (Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. 103. М., 1979. С. 245—246). Прав был Н. Н. Воронин, который отмечал, что «мятеж велик» был не столько боярско-купеческим, сколько массовым восстанием горожан — «людья» (Воронин Н. Н. К характеристике владимирского летописания 1156—1177 гг. // Летописи и хроники 1976/Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1976. С. 30—31).

¹³⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385.

¹³⁷ Там же.

ния. «Благоверному и богобоязненному» Всеволоду пришлось лишь печалиться об участи пленных, ибо он «не могшю оудержати людии множества их ради».¹³⁸ Когда внутренние неурядицы были, наконец, ликвидированы во Владимирской волости, началась полоса внешнеполитической ее активности. Нападению подверглась Новгородская земля. Войска Всеволода взяли Торжок,¹³⁹ нанеся чувствительный удар по новгородской волости. Можно было вмешаться и в дела соседнего Рязанского города-государства.¹⁴⁰

Борьба с соседними землями идет постоянно, и в этой борьбе растет мощь Владимирского города-государства. В 1181 г. на Владимирскую волость приходили новгородцы в союзе с черниговцами. Они удовлетворялись тем, что пожгли пригород Дмитров.¹⁴¹ «Волгу, люди Всеволоже» начал воевать и утвердившийся в Торжке Ярополк за что жестоко поплатился.¹⁴² Военные возможности Владимирского города-государства проявились в походе на болгар в 1184 г., когда особенно отличился белозерский полк.¹⁴³

На ком держалась сила Владимирского города-государства, узнаем из летописи под 1185 г. Тогда владимирский князь захотел поставить епископом в земле «смирненного» Луку, а митрополит этого не захотел, так как поставил «по мзде» Николу Гречина. И летописец роняет знаменательную фразу о том, кто может занимать почетный епископский пост: лишь тот, кого «Бог позовет и святая Богородица, князь вьсхочет и людье».¹⁴⁴ Именно «людье», как видим, решают не только вопросы войны и мира, но кому быть епископом в земле.¹⁴⁵

Владимирская волость, усиливаясь еще более, активизирует свою внешнюю политику, постоянно вмешивается в дела своего южного соседа Рязани.¹⁴⁶ Владимирский князь посылает правителей в Новгород.¹⁴⁷ Более того, Всеволод, опираясь на мо-

¹³⁸ Там же. Стб. 385—386.— «Могущественный и страшный для соседей, у себя дома Всеволод... был послушным исполнителем воли... владимирцев...» — так выразительно и в то же время точно охарактеризовал А. Н. Насонов позицию князя в Ростово-Суздальской земле/Насонов А. Н. Князь и город... С. 17). Трудно поэтому согласиться с М. Ф. Владимирским-Будановым в том, что в «земле Суздальской берет перевес княжеская власть с конца XII в., именно в эпоху Всеволода III» (Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права... С. 42).

¹³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 386.

¹⁴⁰ Там же. Стб. 387.

¹⁴¹ Там же. Стб. 388.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. Стб. 389.

¹⁴⁴ Там же. Стб. 391.

¹⁴⁵ См. также с. 70—71, 211 настоящей книги.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 400—406.

¹⁴⁷ Там же. Стб. 406.— А. Е. Пресняков главной заботой Всеволода считал новгородские отношения (Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 37).

гущество северо-восточных земель сажает уже князей и в Киеве: «...и посла великий князь Всеволод муже свое в Киев и посади в Киеве Рюрика Ростиславича».¹⁴⁸ Южный летописец, правда, не пишет об участии Всеволода в посадении Рюрика,¹⁴⁹ но зато ясно показывает роль северо-восточных земель в другом сообщении. Незадолго до смерти киевский князь Святослав, которого и сменил Рюрик, собрался идти на рязанских князей: «...послашася ко Всеволоду в Суждаль, просячися у него на Рязань».¹⁵⁰ Когда же Всеволод не дал «добро», Святослав счел за лучшее отказаться от своего мероприятия.¹⁵¹ Тяжелую руку Всеволода вскоре ощутил на себе и Рюрик, когда Всеволод потребовал у него волости в «Русской земле», причем претендовал он на те города, которые Рюрик уже дал в кормление Роману. Киевский князь оказался в тяжелейшем положении: ведь он имел дело не просто с князьями. За спиной одного стояла могущественная Владимирская земля, а за спиной другого — еще более сильная Ростово-Владимирская волость. В конце концов Всеволод и Роман посадили в Киеве Ингваря Ярославича.¹⁵² В дальнейшем галицкий и владимирский князья также продолжают распоряжаться киевским столом.

Летописец устремляя свое внимание на эти колоритные фигуры князей-Рюриковичей, тем не менее не забывает упоминать и о той силе, на которую они опирались. А сила эта — горожане, простые люди, жители волости. В летописи описываются проводы Константина сына Всеволода на княжение в Новгород: «...и поклонишася ему братья его, и вси людье и все мужи отца его».¹⁵³ Княгиню Всеволода провожают в монастырь не только «игумени и черници вси», но «и горожане вси».¹⁵⁴ Когда же она умерла, то над ней плачется «множество народа».¹⁵⁵ И это отнюдь не риторика летописца. Простой люд, массы городского и сельского населения принимали активнейшее участие в общественной жизни волости, они, собственно, и составляли основу той социально-политической организации, которая и в Северо-Восточной Руси, подобно другим древнерусским землям, обрела форму города-государства. Когда Константин приехал из Новгорода, его встретили братья и «горожане вси от мала и до велика».¹⁵⁶ В 1211 г. незадолго до смерти, Всеволод, уви-

¹⁴⁸ Там же. Стб. 412.

¹⁴⁹ Там же. Т. II. Стб. 681.

¹⁵⁰ Там же. Стб. 679.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. Т. I. Стб. 418.

¹⁵³ Там же. Стб. 422.

¹⁵⁴ Там же. Стб. 424.—В летописце Переяславля Суздальского вместо «горожане вси» читаем «весь народ» (Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1851. (ЛПС). С. 107).

¹⁵⁵ Там же. С. 425.

¹⁵⁶ Там же. Стб. 428.

дев. непослушание Константина,¹⁵⁷ «созва всех бояр с городов и с волостей, епископа Иоанна, и игумены, и попы, и купце, и дворяны и вси люди... и целоваша вси людие на Юрьи».¹⁵⁸ Л. В. Черепнин видел в этом собрании «какой-то прообраз представительного органа, отдаленно напоминающего будущий земский собор».¹⁵⁹ Он полагал также, что «эта форма условного представительства при князе противопоставлялась князем вечевому строю».¹⁶⁰ Для такого утверждения нет оснований. Сообщение о собрании 1211 г. ни в коей мере не выпадает из тех сообщений летописи, в которых говорится о вече. Отсюда понятно, почему «людям», массе волощан в этом соещании, созванном Всеволодом, отводится важная роль.

После смерти Всеволода покойного князя оплакивали «вси бояре, и мужи, и вся земля власти его». Здесь, нам кажется, что в мужах следует видеть членов главной городской общины, а в земле — жителей владимирской волости. Городские и сельские жители тут едины.

Наряду с этим термин «земля» обозначал и политико-территориальное образование. Сначала существовала Ростовская земля. В середине XII в., как мы видели, наметился процесс ее распада. Борьба между старыми городами и новым городом Владимиром в 70-е годы — лишь этап в этом процессе. Постепенно на первый план выдвигается Владимир. Но название «Ростовская земля» оказалось очень живучим. Думается, что столь долгое сохранение термина отражало реальную замедленность процесса распада Ростовской земли на самостоятельные волости, процесса, который шел и в других землях. Вот почему еще в 60-е годы даже в том случае, когда речь идет о Владимире, он включается в понятие Ростовская земля.¹⁶¹ Это же наблюдаем и в 80-е годы: «...постави сего Луку епископом Ростову и Володимерю и Суждалю и всеи земли Ростовьской».¹⁶² Но вот уже под 1190 г. находим текст, о землях «Ростовьской,

¹⁵⁷ А. Н. Насонов на основе анализа летописных текстов высказал предположение о том, что Константин с самого начала хотел княжить во Владимире. Старейшинство в это время уже неразрывно связывалось с Владимиром. Он требовал Владимира к Ростову, считаясь с силой старого вечевового города. Всеволод ответил на это не менее дипломатически мудрым шагом: он созывает представителей от всех городов, рассчитывая главным образом на представителей младших городов Переяславля и Владимира. Это была дипломатическая победа владимирцев и переяславцев над ростовцами (Насонов А. Н. Князь и город... С. 24—25).

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 108.

¹⁵⁹ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1978. С. 55—56.

¹⁶⁰ Там же. С. 56.

¹⁶¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 355.

¹⁶² Там же. Стб. 391. — Южный летописец обычно называет это государственное образование по имени другого центра (Суздаля) суздальской землей, а князя, который давно сидит во Владимире, именует суздальским князем (ПСРЛ. Т. II. Стб. 620, 630, 659, 667, 624).

и Суждальской и Володимерьской».¹⁶³ Стало быть, здесь имеются в виду самостоятельные земли. Однако термин «Ростовская земля», как, впрочем, и «Суздальская», доживает вплоть до 1262 г., когда люди Ростовской земли «выгнаша из городов из Ростова, из Володимеря, ис Суждаля, из Ярославля» татар.¹⁶⁴

Все это говорит о медленном процессе выделения из Ростовской земли самостоятельных и независимых друг от друга городов-государств, с одной стороны, и о некотором отставании терминологии от действительной жизни — с другой. Последнее обстоятельство мы должны учитывать, но не придавать ему решающего значения, поскольку именно в этом регионе наблюдается растянутость во времени разложения относительно единой ранее волости. И все же в начале XIII в. оно проявляется достаточно ярко. Катализатором его служит появление князей в стольных городах. Вспомним, что именно с князьями была связана борьба городских общин в 70-е годы. Попытки получить своих князей были и в дальнейшем. Однако вплоть до начала XIII в. это не было системой. Все три земли вполне удовлетворяло присутствие одного князя, а князь, сидя во Владимире, отправлялся в Ростов в полюдь.¹⁶⁵

В начале XIII в. ситуация меняется: во всех важнейших центрах утверждаются свои самостоятельные княжеские столы. Это было подготовлено предшествующим достаточно длительным развитием. При поверхностном же чтении летописи перемена может произвести впечатление внезапной, вызванной смертью Всеволода. На самом же деле Всеволод, когда «рядил» своих сыновей в предчувствии собственной кончины, действовал с учетом новой ситуации, которая складывалась в его волости. Ситуация же эта характеризовалась стремлением городских общин к полной автономии. В Ростове сел Константин, во Владимире — Юрий, а в Переяславле — Ярослав. Константин намеревался присоединить к Ростову Владимир, но встретил решительное сопротивление. К Ростову на Константина пришли с воинами Юрий и Ярослав. «И умиришася с Константином и разидошася каждо в своя си».¹⁶⁶ Последняя летописная фраза с особой выразительностью свидетельствует о том, что ранее относительно единая земля распалась на ряд волостей. По нашему мнению, А. Е. Пресняков не придавал данному факту должного значения, когда писал, что «назпачение особых княжений отдельным сыновьям (Всеволода. — Авт.) не противоречило по-прежнему представлению о единстве земли, во главе которой стоит старейшина во всей братьи».¹⁶⁷ Не ис-

¹⁶³ Там же. Т. I. Стб. 408.

¹⁶⁴ Там же. Стб. 476.

¹⁶⁵ Там же. Стб. 408.

¹⁶⁶ Там же. Стб. 437.

¹⁶⁷ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 46.

ключено, что представления князей той поры изменялись медленно, но несомненно другое: эти представления разошлись с действительностью. Да и само понятие «старейшинство» замутилось в ожесточенной борьбе Всеволодовичей, разгоревшейся после смерти родителя.

В разложении «Владимиро-Суздальской» земли на несколько волостей В. А. Кучкин усматривает феодальное дробление,¹⁶⁸ ничем, впрочем, не обосновывая свое мнение. По нашему глубокому убеждению, в основе появления новых волостей лежала консолидация местных городских общин, конституирующихся в города-государства. Город-государство Ростов имел ряд пригородов.¹⁶⁹ Зависившими от Владимира были Боголюбов, Москва, Городец Радилон и др.

Мы ошибемся, если решим, что Константин, Юрий и Ярослав оказались на княжеских столах в Ростове, Владимире и Переяславле по воле одного лишь Всеволода. В их посажении земство принимало самое деятельное участие. Вокняжение Юрия во Владимире сопровождалось крестоцелованием, в котором принимали участие и князь и «все люди» Владимирской волости.¹⁷⁰ Перед нами приход к власти не феодального властителя, отгороженного от народной массы, а князя избранного и утвержденного ею.

Еще более красноречив рассказ о вокняжении Ярослава в Переяславле. Сюда Ярослава направил Всеволод, но, приехав в Переяславль, князь «сзвав все переяславцы к святому Спасу, и рече им: „братия переяславцы, се отец мой иде к Богу, а вас отдал мне, а мене вдал вам на руце. Да рците мне, братия, аще хотите мя имети себе, якоже иместе отца моего, и головы свои за мя сложити?“ Они же все тогда рекоша: „Велми, господине, тако буди, ты наш господин, ты Всеволод“. И целоваша к нему все крест. И тако седе Ярослав в Переяславли на столе, иже родися».¹⁷¹ Как видим, Ярослав утверждается на столе в Переяславле по решению городской общины, собирающейся на вече. Весьма многозначительно обращение Ярослава к горожанам: «Братия Переяславцы!». Термины «брат», «братья» широко ходили в княжеском кругу, подчеркивая равенство сторон и уважение. Обращенный к переяславцам термин «братия» указывает на отсутствие в сознании князя какого-либо превосходства над городской общиной. Тут нет никаких следов феодальной психологии.

В итоге можно сделать вывод: князья утверждались на столе в том или ином центре не только с согласия, но и по желанию главных городских общин.

¹⁶⁸ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 101.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 434.

¹⁷⁰ Там же. Т. XXV. С. 108.

¹⁷¹ ЛПС. С. 110.

Приняв князей к себе на княжение, население волости служило им надежной опорой. Свидетельством тому являются события второго десятилетия XIII в. В 1212 г. Константин стал «замышлять рать» на своего брата Юрия, а уже в следующем году ростовские рати жгли пригород Владимира Кострому.¹⁷² Когда Мстислав Мстиславич с новгородцами пошел на Ярослава и Юрия, князь Константин примкнул к Мстиславу и увлек за собой Ростовское ополчение.¹⁷³ У Юрия же Всеволодовича была «вся сила Суздальской земли», т. е. общеволостное народное ополчение.¹⁷⁴ «Ростовьци» князя Константина, с которыми он выступил на стороне новгородской рати, также представляли собой народное ополчение, составленное из воев различных городов ростовского города-государства.¹⁷⁵

Во всех этих военных столкновениях видна не столько борьба князей друг с другом, сколько взаимная вражда волостей, которую мы не раз наблюдали в других регионах Руси и которая была типичным явлением древнерусской действительности.

Без волостного ополчения князь был бессилен перед лицом своих противников. Характерно, что в описываемых нами событиях о княжеской дружине летописец почти не вспоминает, концентрируя свое внимание лишь на волостных ополчениях. Ясно, что в военных делах рассматриваемого времени дружина играла скромную роль. Вот один из ярких эпизодов, подтверждающих нашу мысль. Разбитый противниками князь Юрий, потеряв и честь свою и славу, прискакал во Владимир. В городе собралось вече, на котором Юрий возгласил: «Братья Володимерци, затворимся в граде, негли отбьемся их». И те молвили: «Княже Юрье, с ким ся затворим? Братья наша избита, а инии изимани, а прок наш прибегли без оружия, то с кым станет?» Юрий сник совершенно и униженно взмолился: «„То яз все ведаю, а не выдайте мя ни брату князю Коснянтицу, ни Володимеру, ни Мстиславу, да бых вышел по своей воли из града“. Они же тако обещахас ему».¹⁷⁶ Данный диалог вече и Юрия проливает свет на статус князя в волости. Князь, даже наголову разбитый противником, есть сила и авторитет, если за ним стоит масса волощан, а если от него народ отказывался, он становился беззащитным и беспомощным.

Все это яркие свидетельства демократического склада общественной жизни городов-государств Северо-Восточной Руси. Со всей определенностью необходимо сказать, что социальное развитие здесь шло в общерусском русле. Нет никаких оснований полагать, что на Северо-Востоке возникли новые порядки, нетипичные для остальной Руси.

¹⁷² ПСРЛ. Т. XXV. С. 109—110.

¹⁷³ Там же. Т. I. Стб. 493.

¹⁷⁴ Там же. Стб. 494.

¹⁷⁵ Там же. Стб. 497.

¹⁷⁶ Там же. Т. I. Стб. 499—500.

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые полагают, что в Северо-Восточной Руси уже в XIII столетии наметились объединительные тенденции, что проявлением этих тенденций была политика владимирских князей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, что «процесс усиления княжеской власти, а следовательно объединения страны, был прерван в 40-х годах XIII в. вторжением монголо-татар».¹⁷⁷ Для подобных выводов нет достаточных оснований. Они представляют собой своеобразную ретроспекцию порядков московского периода отечественной истории. Объединение русских земель началось с той поры, когда княжеская власть превратилась в монархическую. Князь же в Древней Руси — не монарх, а представитель высшей общинной власти, подотчетный вечу, верховному органу волости, или города-государства. Об усилении власти и могущества Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича можно говорить лишь во внешнеполитическом аспекте. Источником же власти и могущества этих князей были вечевые волостные общины. Отношения с ними князья строили отнюдь не на принципах господства и подчинения, а на принципах взаимного согласия и сотрудничества. Мы не хотим сказать, что то была сплошная идиллия. Между княжеской властью и вечевой общиной нередко возникали противоречия, принимавшие острые формы. Как правило, из этих социально-политических коллизий победителем выходила городская община. И это не случайно, ибо военная сила находилась в ее руках.

Итак, в первой четверти XIII в. Ростово-Суздальская земля распалась на несколько городов-государств, волостей.

Страшный удар по городам-государствам Северо-Восточной Руси нанесло татаро-монгольское нашествие. На их обломках началось строительство нового государственного образования — Великого княжества Московского.

¹⁷⁷ Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969. С. 26—27.

2. Возникновение города-государства в Рязанской земле

Муромский и рязанский города-государства сложились в рамках племенной общности славян — вятичей и кривичей, а также славянизированных финно-угорских племен мордвы, муромы и мещеры.¹ Но основным тут был вятичский элемент.

¹ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 115—139; Никольская Т. Н. Земля вятичей. М., 1981. С. 9; Седов В. В. Восточные славяне в VI—VIII в. М., 1982. С. 143—150; Археология Рязанской земли/Отв. ред. А. Л. Монгайт. М., 1974. С. 115.

Не случайно в поздних летописных сводах говорится: «Вятичи и до сего дне еже есть Рязанци».²

Первые сведения об утверждении власти «Русской земли» над юго-восточными землями относятся к концу X—началу XI в. Здесь в центре земли—Муроме сидел в качестве посадника сын князя Владимира—Глеб.³ Позднее власть киевского князя распространялась на Муром через новгородского князя-посадника. Летописи сообщают о том, что в 1019 г. Ярослав выслал из Новгорода посадника Коснятина Добрынича в Ростов, а затем «на третье лето» приказал убить его в Муроме.⁴ Известие о событиях того времени, «по существу весьма вероятное»,⁵ находим и у В. Н. Татищева. Он сообщает о том, что княживший в Тмутаракани Мстислав потребовал от Ярослава части владений. Ярослав отдал ему Муром.⁶ В целом можно согласиться с выводом А. Н. Насонова о том, что «господство „русских“ князей над Муромом установилось не позднее начала XI в. (Ярослав) и предположительно не ранее первой половины X в.».⁷

После смерти Ярослава Муромская земля попадает в политическую орбиту Черниговской земли. В статьях, которые предшествуют Комиссионному списку новгородской первой летописи, говорится, что Святослав получил Чернигов и всю «страну въосточную и до Мурома».⁸ Усилению господства «Русской земли» способствовало и распространение религиозной власти из возникшей довольно рано черниговской епископии.⁹

Уже в XI в. Мурому пришлось выдержать натиск с востока. Под 1088 г. Лаврентьевская летопись сообщает: «взяша Болгаре Муром».¹⁰

Под покровом власти Южной Руси, в борьбе с иноземными врагами созревали в этом регионе силы, которые проявили себя, как и во многих других землях, в конце XI в. Концентрировались эти силы в городах. Вообще, города, по сведениям летописей, — атрибут социально-политической системы юго-восточных земель с древних времен. Муром входит в список десяти древнейших городов, названных в летописи и относящихся еще к IX в.¹¹ Ученые предполагают, что Муром вырос

² ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. С. 23; т. XX. СПб., 1910. С. 42 и др.

³ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957. С. 195.

⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. I. С. 110; Т. V. Вып. I. С. 123; Т. XXV. С. 374 и др.

⁵ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 62.

⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. М.; Л., 1963. С. 70.

⁷ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 198.

⁸ НПЛ. Л., 1950. С. 469.

⁹ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 199; Порре А. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. С. 164—165.

¹⁰ ПВЛ. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 137.

¹¹ Седов В. В. Восточные славяне... С. 242.

из племенного центра муромы.¹² Вполне возможно, что племенным центром была и Рязань. Однако к концу XI в. эти города превратились в центры территориальных образований, что проявилось прежде всего в политической сфере.

Из летописей узнаем о том, что «приде Изяслав, сын Володимера, ис Курска к Мурому. И приша и Муромьце и я посадника Олгова».¹³ Это сообщение можно толковать так: городская община Муромы сбросила власть Олега в лице его посадника и призвала на княжение Изяслава, сына Владимира Мономаха.¹⁴ Посадник Олега был, видимо, посажен в Муроме в 1094 г., когда Олег изгнал из Чернигова Владимира Мономаха.¹⁵

Олег — князь, всю жизнь не знавший покоя в своих притязаниях, действовал весьма энергично. Он бросается к Смоленску, однако в Смоленске его не приняли, тогда он идет к «Рязаню».¹⁶ Видимо, и в Рязани он потерпел неудачу. Это первое упоминание города в летописи, которое свидетельствует о том, что в то время он был уже сравнительно крупным центром. Затем мы видим Олега со смоленскими воями, идущим к Мурому.¹⁷ Знаменательно обращение Олега к Изяславу: «Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего».¹⁸ Следовательно, в это время черниговские князья еще продолжали рассматривать верхнеокские земли, как продолжение своей черниговской волости. Произошла кровавая битва, в результате которой Изяслав был убит, а войско его разбежа-

¹² Там же. С. 243.

¹³ ПВЛ. Ч. I. С. 150.

¹⁴ В. В. Мавродин по этому поводу писал о том, что Мономаховичи очень удачно выбрали место для первого удара. «Черниговские князья в земле вятичей, муромы и мордвы были носителями различного рода „примучиваний“, и всякий, кто с ними боролся, объективно становился союзником местных „нарочитых людей“, Муром покорился не только голой силе...» (Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 205). Полностью принимаем наблюдение исследователя, за одним исключением: летопись ничего не говорит о муромских «нарочитых людях».

¹⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 148.

¹⁶ Там же. С. 151.

¹⁷ Там же. С. 168. — По поводу этих смоленских воев недоумевал еще П. В. Голубовский (Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1881. С. 97). Д. И. Багалеи считал, что в летописи переданы варианты одного и того же события, которые «летописец счел за события разные и поставил в хронологической последовательности» (Багалеи Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1882. С. 173—174. Прим. 4). Современный исследователь А. Г. Кузьмин видит в начальной летописи при изложении убоицы Святославичей и Всеволодовичей соединение двух источников. По одной версии Олег отправился к Мурому, получив помощь в Смоленске, по другой — он не был принят смольнянами и пошел к Рязани (Кузьмин А. Г. Рязанское летописание... С. 66—67). Однако на основании этих рассуждений выделять две версии неправильно. Городская община не приняла Олега, но он вполне мог набрать добровольцев. Такой случай произошел с Изяславом Мстиславичем в Киеве (ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 344).

¹⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 168.

лось. Олега же «прияша горожане».¹⁹ Вновь перед нами муромские горожане, которые «принимают» на княжение Олега. Муром, как видим, является средоточием волости, земли. Вот почему утвердиться в главном городе земли означало утвердиться во всей земле. Характерно, что Олег «переезжая всю землю Муромску... и посажа посадники по городом».²⁰ В это время уже существует понятие «земля Муромская», куда входят главный город Муром и другие города, муромские пригороды, зависимые от главного города. Отсюда следует, что формирование города-государства в Муромской земле шло полным ходом. Дальнейшие события подтверждают наши наблюдения.

Вскоре Олег потерпел поражение от другого сына Владимира Мономаха — Мстислава. С поля битвы он прибежал к Мурому и «затвори Ярослав Муроме, а сам иде Рязаню». Мстислав же подошел к Мурому, «створи мир с Муромци и поя люди своя».²¹ Информацию летописи трудно переоценить: Мстислав «створил мир» не с братом Олега Ярославом, который был в городе, а с городской общиной. По условиям мирного договора община выдала Мстиславу военнопленных — воев ростовского и суздальского волостных ополчений.²² От Мурома Мстислав двинулся к Рязани. «Олег же выбеже из Рязани, а Мстислав, пришед, створи мир с рязанци».²³ В Рязани, судя по этому сообщению, так же как и в Муроме, сформировалась суверенная городская община, которая сама решала вопросы войны и мира, вела «внешнюю» политику. Вполне возможно, что вокруг Рязани, как и вокруг Мурома, спланивается волостная территория.²⁴

Развивающемуся городу-государству нужен был «свой» князь, и им становится, если доверять Густинской летописи, уже упоминавшийся нами Ярослав Святославич.²⁵ В. Н. Татищев

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 170. — После поражения Изяслава и гибели его в битве под Муромом «вои побегоша, ови через лес, друзии в город» (ПВЛ. Ч. I. С. 168). Через лес, как убедительно предположил В. А. Кучкин, бежали в Ростовскую землю (Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 70. Прим. 114). Те же, кто бросился в город, оказались в западне.

²² ПВЛ. Ч. I. С. 170.

²³ Там же.

²⁴ А. Н. Насонов пишет: «К сожалению, мы не знаем, что представляла собою та организация г. Рязани („рязанци“), с которой приходилось входить в соглашение князю Изяславу. Но ряд данных не оставляет сомнений в том, что в Рязани образовался класс местных рязанских феодалов. Очевидно, в городе сложилась какая-то правящая группа, руководившая жизнью Рязани. Ряд данных заставляет предполагать существование в Рязани феодальной знати» (Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 199, 215). В отличие от А. Н. Насонова, мы таких данных не видим. Весь материал и по Рязани, и по соседним землям заставляет видеть в рязанцах членов городской общины, массы сельского и городского люда.

²⁵ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 67.

под 1103 г. пишет: «Ярослав Святославич рязанский ходил на мордву».²⁶ Правда, в 1123 г. он становится князем на более престижном столе в Чернигове,²⁷ но Муром рассматривает как свое «базовое» княжение. Во всяком случае в той борьбе, которую затеял с ним племянник Всеволод Ольгович, Ярослав, терпя постоянно поражения, возвращается в Муром.²⁸

В статье Воскресенского свода «Начало о великих князех Рязанских» говорится: «Ярослав седе на Муроме и на Рязане, и сиде два году, и преставился, и положен в Муроме. А на Муроме и на Рязане остались дети его: Ростислав да Святослав да Юрьи; и Ростислав да Святослав были на Рязани, а Юрьи на Муроме».²⁹ На основании данного летописного текста А. Л. Монгайт писал: «В 1129 г. Ярослав умер, и его дети распределили между собой земли: Юрий сел в Муроме, а Святослав и Ростислав — в Рязани. С этого времени только и можно говорить о выделении из Черниговского княжества земель Рязанских, Муромских и Пронских, ставших уделом династии Ярославичей».³⁰ Видимо, речь надо вести не о выделении из Черниговского княжества рязанских земель, а о прекращении внешнеполитической зависимости этих земель от Чернигова. Прекращение же зависимости есть бесспорное свидетельство консолидации общественных сил Муромо-Рязанских земель. Обращает на себя внимание наличие в это время княжеского стола в Рязани. О чем это говорит? Прежде всего о том, что упомянутая консолидация зашла настолько далеко, что у муромских пригородов, в частности Рязани, наметилась тенденция к отделению. О существовании в это время рязанского княжения свидетельствует и другой поздний памятник — Никоновская летопись.³¹ Если Воскресенская и Никоновская летописи могут вызывать сомнение как памятники более поздней поры, то тем выразительнее становятся свидетельства Ипатьевской летописи под 1145 г.: «Тои же зиме умре Святослав сын Ярославль у Муроме, а брат его Ростислав седе на столе, а Рязаню послаша меньшего Ростиславича Глеба».³² В Муроме, как явствует из Ипатьевской летописи, находился главный стол. Но в то же время в Рязани уже появляются собственные князья, что нельзя не связывать с ростом самостоятельности рязанской городской общины и конституированием рязанского города-государства. В этой связи интересны наблюдения А. Г. Кузьмина, который считает, что в 1146 г. «переход на главный стол уже не сулил (Ростиславу. — Авт.) никаких пре-

²⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 105, 124.

²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 286.

²⁸ Там же. Стб. 290—292.

²⁹ ПСРЛ. Т. VII. С. 242.

³⁰ Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 336.

³¹ ПСРЛ. Т. IX. С. 157.

³² Там же. Т. II. Стб. 318—319.

имуществ. Во всяком случае не видно никаких признаков того, чтобы Ростислав стремился овладеть муромским столом, а кто-то препятствовал ему в этом».³³

Симптоматично то, что в развернувшейся войне между Святославичами и Всеволодовичами Рязань играет самостоятельную роль, не связанную ни с Муром, ни с Черниговом.³⁴ По просьбе Изяслава Мстиславича Ростислав стал «воевать» волость Юрия, что заставило его вернуться из похода на Изяслава.³⁵ Правда, шаг этот в конечном счете оказался авантюрным: противостоять мощному Ростово-Суздальскому городу-государству Рязань не могла. Когда два сына Юрия, Ростислав и Андрей, «пойдоша к Рязаню на Ростислава», рязанский князь «выбежа из Рязаня в Половце к Ельтукови».³⁶ Вполне возможно, что в результате этого неудачного выступления Рязанская земля попала в зависимость от Суздаля.³⁷ Вообще, на всей истории рязанского города-государства лежит печать соседства с могущественной Ростово-Суздальской землей.

Видимо, опасение сильного соседа было причиной того, что политика Муромского и Рязанского городов-государств изменилась. В 1152 г. «Ярославич Ростислав с братею и с Рязанци, и с Муромци пойдоша с Гюргем, а не открекоша ему».³⁸ К этому времени в Рязани и Муроме сложилась сильная военная организация. Не случайно в поздних летописях столь часто упоминаются рязанские тысяцкие.³⁹

Союз с Ростово-Суздальской землей был недолгим, и соседние города-государства вновь начинают враждовать. Если верить Львовской летописи,⁴⁰ в 1154 г. «посади Юрьи сына своего

³³ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 81—82.

³⁴ Там же. С. 82.

³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 332.

³⁶ Там же. Стб. 339.

³⁷ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 82. — А. Л. Монгайт считает взаимоотношения с Ростово-Суздальской землей важнейшим внешнеполитическим фактором развития Рязанской земли (Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 341).

³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 455. — Вплоть до 1152 г. политика была, видимо, другой. Привлекает внимание сообщение Никоновской летописи, согласно которому князь Юрий, собираясь идти на Киев, «посла в Рязань, и не бе ему оттуду ничто же» (там же. Т. IX. С. 186).

³⁹ Особенно много о рязанских тысяцких сообщает Никоновская летопись. Под 1135 г. фигурирует тысяцкий Иван Андреевич Долгий; под 1148 г. — тысяцкий Константин; под 1155 г. — Андрей Глебов (ПСРЛ. Т. IX. С. 159, 177—178, 206). А. Н. Насонов считал, что в этих сведениях «вымысел переплетается с действительностью» (Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 199). Но по мнению А. Г. Кузьмина, «как раз в известиях о тысяцких... нет каких-либо элементов вымысла» (Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 93).

⁴⁰ А верить ей основания есть. А. Г. Кузьмин полагает, что это известие попало во Львовскую летопись из ее общего с Ермолинской летописью источника — предполагаемого свода третьей четверти XV в. (Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 98).

в Рязани, а рязанского князя Ростислава прогна в половци». Правда, вскоре Ростислав прогнал Андрея, и тот «одва утече в одном сапоге, а дружину, овех изби, а друга засув в яму».⁴¹ Против Ростово-Суздальской волости был направлен и союз со Смоленском: «Ростислав Мьстиславич, Смоленский князь, целова хрест с братьею своею с Рязаньскими князи на всей любви, они же вси зряху на Ростислава, имеяхути и отцем собе».⁴² Однако и Муромской и Рязанской землям было трудно противостоять Ростов-Суздальской волости. Заслуживает доверия сообщение Никоновской летописи под 1160 г., рисующее эти земли в орбите влияния более сильного соседа. В этот год князь Андрей Юрьевич послал «воинство ростовское и суздальское и рязанци и муромцы и пронстии и друзии... на половцев».⁴³ «Муромская помочь» идет вместе с полком сына Андрея Изяслава.⁴⁴ А в 1173 г. рязанских и муромских князей видим вместе с полками в походе, который Андрей организовал на Новгород.⁴⁵ В походе на болгар в 1164 г. участвует муромский князь Юрий.⁴⁶ В таком же походе в 1172 г., кроме сына муромского князя, видим еще и сына рязанского князя.⁴⁷ Муромская и Рязанская волости следуют в форватере политики Ростово-Суздальской земли.

Тем не менее сила поокских городов-государств все более возрастала. Только учитывая это, можно понять, почему после гибели Андрея Боголюбского горожане Ростова и Суздаля боятся мести муромских и рязанских князей.⁴⁸ В источниках отмечено участие рязанского князя и бояр в делах Ростово-Суздальской волости в момент гибели Боголюбского и после нее.⁴⁹ Муромцы и рязанцы активно участвуют в борьбе Ростова и Суздаля с Владимиром; они жгут Владимирскую волость «около города».⁵⁰ Характерно, что Ярополк после поражения бежит «в Рязань».⁵¹

Последующие события позволяют нам приблизиться к пониманию внутренней структуры Рязанской земли. Утвердившийся во Владимире Михалко обратился к рязанцам с требованием выдать Ярополка. Положение рязанцев оказалось очень слож-

⁴¹ ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. С. 177.

⁴² Там же. Т. II. Стб. 482.— В. Н. Татищев прямо пишет, что рязанские князья требовали для себя помощи против Юрия Долгорукого и за это приняли Ростислава «во отца место» (Татищев В. Н. История Российская. Т. III. М.; Л., 1964. С. 55).

⁴³ ПСРЛ. Т. IX. С. 222.

⁴⁴ Там же. Т. II. Стб. 508.

⁴⁵ Там же. Стб. 560.

⁴⁶ Там же. Т. I. Стб. 352.

⁴⁷ Там же. Стб. 364.— Рязанское княжество вынуждено было вести борьбу на три фронта (Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 337).

⁴⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 372.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Т. II. Стб. 597.

⁵¹ Там же. Стб. 602.

ным. Только что рязанский князь Глеб и рязанское ополчение потерпели страшное поражение от ростовцев и суздальцев, причем взяты были в плен сам Глеб и его думцы — Ольстин и тот самый Дедилец, которого с неприязнью вспоминали ростовцы и суздальцы на вече после смерти Андрея Боголюбского.⁵² В Рязани собралось вече. «Рязанци же здумавше рекоша, князь наш и братья наша погыбли в чужем князи. Ехавше в Воронажь, яша его сами и приведоша его в Володимерь».⁵³ Значит, на вече люди, трезво оценив обстановку, выдали Ярополка. Судьба князя была в руках вечевой общины, и он не имел средств, чтобы помешать осуществлению ее решения. Важно иметь в виду, что вече тут выступает как высшая власть по отношению к князю. Летописное сообщение интересно еще одной деталью. Рязанцы едут за князем в пригород Воронеж. Это свидетельство того, что старший город распространял свою власть на пригороды. В качестве пригорода в это время упоминается и Коломна.⁵⁴ По указанию В. Н. Татищева, рязанский князь Глеб должен был уступить Коломну с прилегающими к ней районами.⁵⁵ Показательно и свидетельство Ипатьевской летописи: «Посла Святослав Глеба сына своего в Коломну в Рязаньскоую волость».⁵⁶ Можно назвать и такой пригород Рязани, как Ростиславль.⁵⁷ Все это говорит о том, что волость, включающая главный город и зависимые от него пригороды, вполне оформилась в Рязанской земле. Более того, устанавливаются и границы Рязанской волости. Так, когда Михалко в 1176 г. пошел на Глеба к Рязани, «бывшую ему на Мерьской, устретоша и послы Глебови, рекуще: Глеб ся кланяет».⁵⁸ Скорее всего послы рязанского князя встречали Михалково войско на рубежах, на границе Рязанской земли. Это тем более веро-

⁵² Там же. Т. I. Стб. 372.

⁵³ Там же. Т. II. Стб. 606.— А. Л. Монгайт считал, что здесь имеется в виду р. Воронеж, а не город (Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 144. Прим. 3). В то же время он отмечает, что неизвестно, какой предлог был в подлиннике — «в» или «на». Во всяком случае, когда Ярополк Ростиславич убежал на Воронеж, он там «прехожаше из града в град». События татарского времени свидетельствуют о том, что в Рязанской земле был город Воронеж (Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 144).

⁵⁴ О Коломне см.: Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 236.

⁵⁵ Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 119.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 614.

⁵⁷ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 97.— А. Л. Монгайт в рязанцах и муромцах усматривает «лучших мужей», феодалов, бояр. Доказательство он находил в сообщении Воскресенской летописи «о лучших людях рязанцах». Но если рязанцы — это и есть знать, то какой смысл выделять еще лучших людей? В то же время эти рязанцы у А. Л. Монгайта поднимают восстание, избивают дружину. А. Л. Монгайт упрекал Д. И. Иловайского: «О народе он почти не говорит» (Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 24). В то же время, сам А. Л. Монгайт устроил народ из социально-политической жизни рязанской земли. Д. И. Иловайский видел в рязанцах, пронянах — горожан (Иловайский Д. И. История рязанского княжества. М., 1858. С. 118—119).

⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стб. 379.

ятно, что, как установил знаток исторической географии Киевской Руси А. Н. Насонов, в последние десятилетия XI в. — первые десятилетия XII вв. «рязанская территория достигла тех пределов в северо-западном направлении, в которых она оставалась в XII и первой половине XIII в». ⁵⁹

В то же время замечаем и процессы распада в Рязанской земле. В 1180 г. рязанские князья Всеволод и Владимир Глебовичи обратились за помощью к Всеволоду Юрьевичу против старшего брата Романа. В летописном сообщении привлекает внимание одна деталь: князья жалуются на то что «старейший» брат отнимает у них волости. ⁶⁰ Это понимать можно так, что в составе Рязанской волости выделились самостоятельные волости, в которых сидели князья. Воинство Всеволода пошло по рязанской земле, предварительно пленив в Коломне князя Глеба, посланного из Чернигова на помощь рязанцам. Роман, узнав о наступлении Всеволода, «побеже в поле мимо Рязань, а братью свою Игоря и Святослава затвори в Рязани». ⁶¹ Всеволод по дороге взял город Борисов-Глебов. Видимо, этот город как пригород Рязани поплатился за грехи старшего города. В Рязани Всеволод заключил мир с Романом и с Игорем и «поряд створив всеи братьи, роздав им волость их, комуждо по старейшинству». ⁶² Не подлежат сомнению, что волости в Рязанской земле стали к тому времени уже достаточно устойчивым образованием.

Итак, процессы распада в Рязанской земле шли вполне зримо. Под 1186 г. узнаем об усобице в Рязанской земле. Оплотом младших князей Всеволода и Святослава стал Пронск. Узнав о коварных замыслах старших князей, они «почаста город твердити». Старшие князья, прослышав об этом, в свою очередь, пошли войной к Пронску, который в это время стягивал, видимо, уже значительную волость. Понятно, почему вой старших князей воюют здесь грады и села. ⁶³ И только помощь владимирского князя спасла Пронск. Интересно то, что Муром в этот период «привязан» к Ростово-Суздальской земле гораздо крепче, чем Рязань. Всеволод посылает на помощь молодым князьям не только свояка Ярослава Володимерича, но и из Мурома Володимира и Давыда. ⁶⁴ Однако рязанские князья все-таки проникли в Пронск. ⁶⁵

⁵⁹ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 204—205.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 387.

⁶¹ Там же. Стб. 388.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. Стб. 401—402.

⁶⁴ Там же.— Прав А. Л. Монгайт, когда утверждает, что владимирский князь умело использовал те противоречия, которые возникали в Рязанской земле (Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 351).

⁶⁵ Еще Д. И. Иловайский отметил, что из этой летописной записи узнаем о том, что «проняне» — это горожане (Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. С. 71).

Всеволод Глебович, узнав о том, что брат Святослав изменил ему, что его жена и дети попали в плен, обосновался в Коломне и «почашься воевати, и бысть ненависть межю ими люта».⁶⁶ В 1187 г. его активно поддержал Всеволод Владимирский. И вот на Рязань отправились Всеволод Юрьевич со своим свояком Ярославом Владимировичем, Владимир, князь из Муром, и Всеволод Глебович из Коломны. Они пришли к городу «Попову и взяша села вся и полон мног, и возвратишася в своя си опять, землю их пусту створивше и пожгоша всю».⁶⁷ Видимо, такая цель и ставилась: нанести удар земле, волости.

Ряд последующих свидетельств летописи говорит о том, что Рязанская земля не могла выйти из-под влияния сильного соседа. Тем не менее растет и самостоятельность Рязанской земли. Об этом косвенно свидетельствует и появление самостоятельной епископии в Рязани. Еще в 1187 г. Рязань входит в состав черниговской епархии, что явствует из ходатайства черниговского епископа Порфирия перед Всеволодом Юрьевичем в пользу рязанских князей,⁶⁸ а уже в 1207 г. встречаемся с рязанским епископом Арсением. У В. Н. Татищева находим прямое свидетельство о том, что князья рязанские просились у великого князя Рюрика и митрополита, «дабы область Рязанскую от епархии Черниговские отделить и поставить в Рязань особаго епископа».⁶⁹

Таким образом, в конце XII — начале XIII вв. шел двусторонний процесс: укрепление положения Рязани по отношению к внешнему миру и одновременно усиление внутреннего волюстного дробления.

Эти явления внутреннего дробления отчетливо обозначились в событиях 1207—1208 гг., довольно подробно описанных летописью.⁷⁰ Суть событий заключалась в том, что владимирский князь решил покарать Всеволода Черного, изгнавшего Рюрика из Киева. Собираясь в поход, он «посла в Рязань по Романа и по братью его и в Муром по Давида».⁷¹ Все складывалось хорошо, но в последний момент Всеволод получил весть от рязанских князей Глеба и Олега Владимировичей о том, что их дядья — старшие рязанские князья — изменили ему и заключили союз с черниговскими князьями. Всеволод поступил, как

⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 403.

⁶⁷ Там же. Т. I. Стб. 406.— А. Г. Кузьмин убедительно идентифицирует населенный пункт «Попов» с городом Опаковым в Рязанской земле (Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 120).

⁶⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 404.

⁶⁹ Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 166.

⁷⁰ При анализе этих событий необходимо использовать не только Лаврентьевскую летопись, но и Летописец Переяславля Суздальского. А. А. Кузьмин справедливо считает, что Летописец «может пролить некоторый свет на события, знакомые владимирскому летописцу», а отдельные расхождения «летописей объясняются тем, что в них отмечены разновременные факты» (Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 132—133).

⁷¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 430.

всегда, весьма решительно: он «изымал» рязанских князей вместе с их думцами и отправил во Владимир. Сам же «переводился через Оку... и поиде к Проньску».⁷² Пронский князь Михаил, узнав обо всем, бежал к своему тестю в Чернигов. «Проняне же пояша к собе Изяслава Володимерича и затворишася с ним в граде». Это сообщение летописца трудно переоценить: оно показывает, кто решал судьбы города и волости, а соответственно, в чем заключался процесс распада волостей на самостоятельные города-государства.

Почему же городская община Пронска решила оказать сопротивление Всеволоду? Летописец отмечает: «Надеющиеся на градную твердость».⁷³ Но в этом ли причина столь упорного сопротивления пронян? Над данным вопросом задумывался еще В. И. Сергеевич. «Пронску не угрожало не малейшей опасности. Всеволод шел не против города, а против князя, князь же бежал из города добровольно», — отмечал ученый. «Не следует ли, — говорил В. И. Сергеевич, — объяснять сопротивление пронян антагонизмом с владимирцами, которые, конечно, составляли главную силу Всеволода».⁷⁴ Это предположение выглядит весьма убедительным. Накал борьбы между городами-государствами был очень силен. В войске Всеволода мы видим не только повгородцев, белозерцев, переяславцев, но и муромцев.⁷⁵

Испытывая тяготы осады, проняне заявили своему князю: «Мирися с Всеволодом, пак ли промысли, како ти в нас воде быти».⁷⁶ Можно сказать, что городская община дает указание князю, как ему действовать и поступить. Князь не выполнил того, что ему предписывалось, и жители Пронска отворили ворота Всеволоду, а князь Изяслав вынужден был удалиться. Всеволод же «омирив и, посади у них Олга Володимерича, а сам поиде к Рязаню». Заслуживает внимания то обстоятельство, что князь Всеволод «омирят» пронян, т. е. вступает с ними в определенные отношения, а это характеризует последних как дееспособный общественный союз, представляющий собой одну из договаривающихся сторон.⁷⁷

Вскоре войска Всеволода подошли к Рязани. Жители старшего города Рязанской земли поступили иначе, чем проняне: «Рязанци же прислашася к нему с поклоном, молящеся дабы не приходил к городу, и епископ их Арсении моляся часто».⁷⁸ Летописец прямо указывает: «Рязанцы же отвориша ему».⁷⁹

⁷² Там же. Стб. 431.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. II. СПб., 1900. С. 29:

⁷⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 432.

⁷⁶ ЛПС. С. 108.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

Всеволод ушел из пределов Рязанской земли. Жители же Рязани и пригородов, видимо, решили застраховать себя от дальнейших неприятностей, которые навлекали на них их беспокойные князья: «Рязанци вси здумавши послаша остаток князии и со княгынями к великому князю Всеволоду в Володимерь».⁸⁰ Это — яркое свидетельство о вечевом строе в Рязанской земле. На вече сходятся «вси рязанци», иначе, в вечевом собрании принимает участие свободное население, независимо от социального статуса, что указывает на демократический склад вечевой организации. Вечевая община здесь едина. Обсудив проблему на вече, жители главного города и, возможно, пригородов пришли к единственно правильному, с их точки зрения, решению. И от этого решения зависела судьба князей со всеми их домочадцами. Всех их попросту выдали Всеволоду. Городская община еще раз показала свою власть и могущество, а князья свое бессилие и зависимость от общинной воли.

Скоро настроение городской общины Рязани резко изменилось. На столе в главном городе земли в это время сидел сын Всеволода Ярослав. «Рязанци же леств имуще к нему, целоваша крест ко Всеволоду».⁸¹ Вскоре они «изимаша люди его и исковаша». В. И. Сергеевич видит в этих людях владимирцев, которых владимирский князь назначил на рязанские должности. Община не стерпела этого. При этом ее не испугал даже приход Всеволода с войском. «И прислаша Рязанци буюю речь, по своему обычаю», — с антипатией фиксирует события летописец.⁸² Рязанцы жестоко поплатились за свое поведение. Всеволод сжег город, а жителей пленил. После этого был сожжен и «Белугород». Белгород — это пригород Рязани, который еще не вышел из сферы влияния главного города и несет ответственность за его поведение.

Заканчивая главу о Рязанской земле в книге «„Русская земля” и образование территории Древнерусского государства», А. Н. Насонов писал: «По состоянию материала имеем возможность только частично, фрагментарно восстановить историю образования Рязанской территории».⁸³ Это, действительно, так. Материал по Рязанской земле не богат. Однако имеющиеся у нас в руках сведения позволяют сделать вывод, что Рязанская земля развивалась так же, как и другие земли Древней Руси. Это отнюдь не было «феодальное полугосударство», как считал А. Н. Насонов.⁸⁴ В результате формирования территориальных связей, пришедших на смену родоплеменным отношениям, на юго-востоке сначала возникает Муромская во-

⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 433.

⁸¹ Там же. Стб. 434.

⁸² Там же.

⁸³ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 214.

⁸⁴ Там же.

лость, из которой впоследствии выделяется Рязанский город-государство. И в Муроме, и в Рязани мы встречаем суверенные общины. В дальнейшем можно наблюдать выделение из Рязанской земли новых городов-государств. Развитие волостной жизни в этом направлении было прервано страшным татаро-монгольским ударом, который Рязанская земля приняла на себя первой.

Заключение

Заканчивая настоящее исследование, мы хотели бы особо подчеркнуть несколько моментов, имеющих для понимания отечественной истории фундаментальное, как нам представляется, значение.

Анализ исторического материала убеждает в том, что социально-политическое развитие Руси XI—начала XIII вв. протекало в едином русле. Нет оснований, скажем, противопоставлять в этом отношении Юг и Север, Киев и Новгород, полагая, будто волховская столица конституировалась на республиканских началах, а днепровская—на монархических.¹ Нельзя, разумеется, игнорировать местные особенности, различия в темпах формирования социально-политической организации. Однако в целом древнерусские земли-волости демонстрируют принципиальное тождество исторических судеб вплоть до Батыева нашествия.

Исторические данные позволяют проследить, как рождались и росли в Древней Руси городские волости (земли), возникшие на обломках возглавляемого некогда Киевом восточнославянского племенного суперсоюза, который распался в конце X—начале IX вв. под воздействием разложения родоплеменного строя.² Эти городские волости принято называть княжествами, т. е. монархиями. Их даже уподобляют западноевропейским королевствам, нивелируя тем самым историю Руси и ранне-средневековых стран Западной Европы³ (исключение делается

¹ См.: Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. М., 1962. С. 3; 2) Проблемы социальной организации Новгородской республики//История СССР. 1970. № 1.

² Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 21—24.

³ См.: Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964. С. 147; 2) Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 469.

только для Новгорода, провозглашаемого боярской феодальной республикой).

Мы наблюдаем на Руси XI—XII вв. иную картину: городские волости-земли этого времени — не княжества-монархии, а республики, принявшие форму города-государства. Появление таких городов-государств ничего общего с феодальной раздробленностью не имело, поскольку генезис феодализма тогда находился лишь в начальной стадии, и древнерусское общество переживало переходный (дофеодальный, по терминологии А. И. Неусыхина) период от доклассового строя к классовому, феодальному.⁴ Именно этому переходному обществу, базировавшемуся на территориальных связях, в отличие от предшествующей родоплеменной социальной системы, в основе которой лежали родственные отношения, и соответствовали города-государства как разновидность политической надстройки. Они были новой ступенью политической эволюции Руси.

Сравнительно-историческое изучение древнерусских городов-государств обнаруживает некоторые черты сходства с полисами античного мира. Так, «для полиса и древнерусского города-государства одинаково были характерны единство города и сельской округи, эффективная форма социально-политической организации — республика. Как у полиса, так и у древнерусского города-государства исходной социальной ячейкой являлась сельская община, обоим организмам была присуща яркая выраженность общинных форм быта. В Древней Греции и на Руси XI—начала XIII вв. большую политическую и военную роль играло народное ополчение. И там и здесь важное место в народном ополчении принадлежало общинникам-земледельцам. И на Руси, как это было в Античной Греции, существовала определенная аристократическая прослойка (боярство), поставлявшая политических лидеров для того или иного города-государства. Мы даже наблюдаем здесь аналогичное древнегреческой практике сознательное избрание народом социальных посредников для безотлагательного упорядочения гражданских дел. В качестве примера может служить избрание киевлянами Владимира Мономаха, разрешившего «мятеж и голку в людях». Быть может, это покажется слишком смелым сопоставлением, но мы видим известное сходство в деятельности Солона и Владимира Мономаха. Наконец, сходство выступает и в формах внешнеполитической жизни. В Древней Греции более могущественные города подчиняли себе меньшие города. То же мы видим и на Руси, где главный город господствует над пригородами, которые тяготеют этим господством и стараются

⁴ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории.

приобрести независимость и самостоятельность».⁵ Следует также заметить, что полисы античной Греции, как и «города-государства Древней Руси, прекратили свое историческое существование (во всяком случае в качестве полноценных, независимых организмов) в силу внешнего воздействия, в результате массированного стороннего вмешательства».⁶

Наряду со сходными явлениями в истории античной Греции и Руси XI—XII вв. очевидны и существенные различия. Главное из них заключалось в том, что Древняя Русь стояла на грани двух эпох: доклассовой и раннеклассовой. Переходный характер древнерусского общества, с присущей ему общинностью без первобытности⁷ и вытекающим отсюда демократизмом общественных отношений, обусловил становление республиканского строя на Руси XI—XII столетий как демократического, воплощавшего политическое творчество народных масс. Пик выражения народоправства — народные собрания-веча, возвышавшиеся над княжеской властью.

Древнерусские республики (города-государства на общинной основе)⁸ прекратили свое существование под ударами нашествия кочевников и тяжестью вражеского ига. Они послужили строительным материалом для новой формы политической организации — княжеств (раннефеодальных монархий), объединение которых вокруг Москвы и создание единого Русского государства позволили обрести национальную независимость. Вместе с тем монархическая власть очень скоро превратилась в инструмент порабощения народных масс и установления крепостного права. Но народ свято хранил воспоминания о славном прошлом, запечатлев их в своем монументальном героическом эпосе.

Свободолюбие, демократизм и коллективизм сложились в отличительные свойства характера наших предков еще во времена Древней Руси, ставшей колыбелью трех братских народов — русского, украинского и белорусского. Ни иноземное иго, ни гнет крепостничества и царизма не в силах были искоренить эти замечательные нравственные качества, проявлявшиеся так или иначе то в казацкой вольнице, то в потрясавших крепостническое здание крестьянских войнах, то в обыденной жизни деревенских общин. Далеко не случайно декабристы

⁵ Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Заключение.// Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л., 1986. С. 334.

⁶ Там же. С. 334—335.

⁷ См.: Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному// Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. I. С. 597:

⁸ Принятие общинной формы государства теоретически вполне обосновано (см.: Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины// Социальная организация народов Азии и Африки. М., С. 265—272).

в своих планах переустройства русского общества отводили свободолюбивым, демократическим и общинным традициям народа существенное место. К. Ф. Рылеев, например, полагал, что «Россия и по древним воспоминаниям и настоящей степени просвещения готова принять свободный образ правления». Поэт-декабрист мечтал о том времени, когда «воскреснет древняя свобода». Руководители тайного общества «думали основываться вообще на правах народных, и в особенности на затерянных русских». Катехизис С. И. Муравьева-Апостола предусматривал не установить, а «восстановить свободу в России».⁹

Традиции свободолюбия, демократизма и коллективизма народа приобретают особое звучание сейчас, когда в нашей стране назрела настоятельная потребность демократических преобразований во всех сферах общественной жизни. Исследование этих традиций, восхождение к их истокам являются актуальнейшей задачей современной исторической науки, ибо история неделима: она — не просто смена времен, чередование событий, а неразрывная связь эпох поколений, она — единый поток, где прошлое живет в настоящем и переходит в будущее.

⁹ См.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 321—347.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. К истории вопроса	8
Глава II. Из предыстории древнерусских городов-государств. Социально-политическая роль городов на Руси второй половины IX—X вв.	22
Глава III. Города-государства в Южной Руси XI—XII вв.	41
1. Город-государство в Киевской земле	—
2. Возникновение города-государства в Черниговской и Переяславской землях	83
Глава IV. Города-государства Юго-Западной Руси XI—начала XIII вв.	103
Глава V. Города-государства в Северо-Западной Руси XI—начала XIII вв.	157
1. Город-государство в Новгородской земле	—
2. Возникновение и развитие города-государства в Полоцкой земле	196
3. Становление города-государства в Смоленской земле	207
Глава VI. Города-государства в Северо-Восточной Руси XI—начала XIII вв.	223
1. Город-государство в Ростовской земле	—
2. Возникновение города-государства в Рязанской земле	252
Заключение	265

**ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

*Игорь Яковлевич Фроянов,
Андрей Юрьевич Дворниченко*

Редактор *О. Е. Хованова*

Художественный редактор *С. В. Алексеев*

Обложка художника *А. Г. Угнич*

Технический редактор *Е. Г. Учаева*

Корректоры *М. В. Унковская, С. С. Алмаметова*

Сдано в набор 25.06.87. Подписано в печать
08.01.88. М-36512. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага
тип. № 2. Гарнитура литературная. Пе-
чать высокая. Усл. печ. л. 17. Усл. кр.-отт.
17,13. Уч.-изд. л. 19,61. Тираж 8000 экз.
Заказ 484. Цена 1 р. 40 к.

Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова.
199034, Ленинград, Университетская наб.,
7/9.

Сортавальская книжная типография Госу-
дарственного комитета Карельской АССР
по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. 186750, Сортавала, ул. Ка-
рельская, 42.